

Анатолий Иванов

**За дымкой
прошлых лет**

**г. Качканар
2014г.**

ЭК

P2
U20

Анатолий Иванов

ЗА ДЫМКОЙ ПРОШЛЫХ ЛЕТ

2/4

г. Качканар 2014 г.

**Юношеская
библиотека**

21/5

Андрей Иванович

ЗА ДЫМКОМ ПРОШЛИХ
ЛЕТ

2/8

Л. Кавалер 2014 г.

КОНТРОЛЬ
И РЕДАКЦИЯ

Только не искажённые домыслами воспоминания могут дать истинную картину прошедшего времени. Всё то, что не истёрлось в памяти надо записывать и любым словом в печати доводить до читателя. Иначе наше поколение в истории окажется брошенным и забытым.

Анатолий Иванов.

О книге Анатолия Иванова.

В Качканаре проживает огромное количество людей, много и славно потрудившихся на благо нашего города, на благо всей страны. Честь им и слава! Эти люди – настоящий клад знаний о нашем прошлом, о людях, созидавших страну и защищавших её в суровую годину. Но есть проблема, если не сказать – беда, которую подметил ещё А.С. Пушкин «Замечательные люди исчезают у нас, не оставляя по себе следов...» Хотя приятные исключения – есть! И каждое из них – как бальзам на душу тех, кто любит свою малую родину, историю родного края, кто хочет больше обо всём этом знать. Для таких людей эта книга – настоящий подарок! Этот подарок сделал землякам А.С. Иванов. За плечами Анатолия Степановича – большая и интересная жизнь, которая несёт отпечаток эпохи, насыщена встречами и общением с разными людьми от скромных работяг до ответственных работников. К этому следует добавить его умение правдиво, доходчиво, трогательно донести информацию до читателей. Секрет этого прост: то, о чём он пишет, ему близко и дорого, он пропускает это через своё сердце. Плюс – настоящий литературный талант, который не был реализован изначально, зато сейчас расцвёл пышным цветом. Результат – эта книга.

Вряд ли кого оставят равнодушным главы, посвящённые малой родине автора - посёлку "20-й километр" и его жителям. Вещь, скажу я вам, «посильнее Фауста Гёте будет»! Песня! Погружение в эпоху – потрясающее! Вот бы каждому посёлку такого Иванова! Книга автобиографична, за каждым пунктом автобиографии – полузабытые приметы советской эпохи, как то: ремесленные училища, строительные войска 50-х годов и др. Яркое отражение в книге нашёл качканарский пласт биографии А.С. Иванова, а через него – важные факты истории Качканара. Это, например, касается обоих заводов ЖБИ, составлявших в советское время основу строительной индустрии

нашего города и не только. Автор имеет особый талант увидеть факт (эпизод), запечатлеть его и тем самым добавить интересный штрих к каким-то знакомым или малознакомым событиям. Это имеет место как в больших главах книги, так и в маленьких главках.

А какая шикарная портретная галерея! Здесь и выдающиеся качканарцы: К.П.Сухенко, Ф.Н.Карлюков, Д.В.Тарарухин, И.Ф. Виберг, Н.А. Шагиев, Е.А. Кандель, В.М. Зобнин. А с какой любовью выписаны образы земляков автора – жителей посёлка 20-го («Черничный»)!

Книга замечательная во всех смыслах. Она несёт очень большой воспитательный заряд, так как являет собой пример действенной любви к своей малой родине. Хорошо если бы она подвигла читателей взяться за перо (сесть за компьютер) и что-то написать о своих родных местах – ведь посёлков в наших краях было великое множество.

Книга – ценный исторический источник и для историков краеведов, и для всех любителей местной истории. И, в конце концов, она – просто интересная! И пусть нам все завидуют, что в Качканаре есть такие авторы и издаются такие книги!

М. Титовец, директор городского архива.

МАЛАЯ РОДИНА

Корни

В Курганской области, Лебяжевском районе, селе Елошиное, в большой крестьянской семье, в которой считалось едоков семнадцать душ, родился в 1906 году наш отец Иванов Степан Васильевич. Верховодил в этой семье его дед Никита. У деда было три сына. Один из них – Василий, и был нашим дедом. В 1914 году началась Германская война и всех троих сыновей - Василия, Михаила и Якова, забрали на войну. Обрабатывать пахотный семейный надел остались дед, его восьмилетний внук Степка и женщины от мала до велика. Отец Степана, Василий, в 1916 году вернулся инвалидом, а остальные два сына остались воевать в Красной армии до 1919 года. В 1920 году дед умер, и братья разделились на три семьи. С детских лет на пашне от зари и до зари, но отцу все-таки удалось окончить три класса школы. В 1928 году он женился.

1929 году началась коллективизация. Вступили в колхоз. От колхоза отец был направлен на курсы по кормодобыванию и

силосованию зеленой массы. После окончания курсов районное руководство направило его инструктором по силосованию зелёной массы, закрепив за ним одиннадцать колхозов. Это дело для крестьян было новым, никто раньше силосованием не занимался. Осенью 1929 года отец учился на курсах трактористов и на тракторе работал до осени 1931 года. В ноябре этого же года он уехал на Урал на лесозаготовки, в Исовское лесничество.

После окончания сезона заготовки перешёл в подсобное хозяйство Исовского прииска. Привёз семью. Жить было негде и для вновь прибывающих молодых семей выделили новый, только что построенный конный двор. Каждой семье - стойло. Расширяли окно, вставляли дверь - и жильё готово. В стойле для одного коня размещалась одна семья. Так некоторое время жили. В тесноте, но не в обиде, как говорилось в народе.

Продснаб Исовского прииска направляет отца на курсы полеводов. Работал полеводом, завхозом, а в 1936 году, после учёбы на курсах агротехников в Невьянске, был направлен начальником участка № 3 (20 км). Подсобное хозяйство Исовского Золотопродснаба располагалось на трех участках.

Первый – центральный, ныне Сигнальный.

Второй – на 31 км от Старой Ляли - Ермаковский.

Третий – на 20 км от Старой Ляли - посёлок Черничный.

Золотопродснаб большое внимание уделял развитию подсобного хозяйства, и оно развивалось.

На третьем участке было 200 гектар пахотной земли, только и всего. Расширяться было некуда.

В сторону Иса были Сахалинские угодья колхоза «Коллективный труд», в сторону Старой Ляли угодья Руднинского колхоза «Заря». На 200 гектар давался план, сколько и чего посадить, посеять.

1. Посадка картофеля: 100 гектар, урожай 200 центнеров с 1 гектара.

2. Посадка капусты: 5 га, урожай 250 ц с 1 га.
3. Посадка моркови: 2 га, урожай 250 ц с 1 га
4. Корнеплоды: 10 га урожай, 300 – 350 ц с 1 га

Остальная земля засеивалась зерновыми: овёс, ячмень, рожь, горох. Выращивали ещё и лук, огурцы. Для огурцов было развито парниковое хозяйство: 100 парников, 10 рам на каждом парнике. В марте месяце парники заправляли конским навозом. Огуречную рассаду выращивали в отапливаемом помещении в специальных горшочках, которые ручным самодельным прессом штамповали зимой из конского навоза. Готовую рассаду садили в землю парника прямо в горшочках. Поливали, укрывали рамами, а поверх рам от ночных заморозков укрывали соломенными матами, которые женщины вязали зимой. И первый урожай отправляли в продснаб уже в мае месяце.

В последние предвоенные годы подсобное хозяйство 3-го участка было на высоте своего развития. На 20-м был свой медпункт, своя пекарня, кузница, магазин, электростанция,

мельница, конный двор, молочная ферма, свиноферма, начальная школа, детский сад, баня, крытый ангар для сельхозтехники, два трактора «ХТЗ». Котельная по вечерам вырабатывала электроэнергию 127 вольт, но только для освещения. Никаких

электронасосов не было, на фермы воду возили на лошадях водовозы, как в фильме «Волга-Волга». Чуть не забыл, была ещё молотилка, о комбайнах тогда и не мечтали.

Молотилки устанавливали у котельной и поздней осенью к ней возили из скирд снопы, обмолачивали солому, соломорезками измельчали, в больших чанах заваривали и скармливали скоту, пересыпав предварительно комбикормами.

Название поселков 31-й, 24 (Ниновский), 20-й, 11-й определяло, на каком километре узкоколейной железной дороги находились поселки. Кытлымо–Исовская железная дорога была единственной транспортной и почтовой связью между поселками от Иса до Старой Ляли и дальше. КИЖД, шутники, работавшие на ней, называли «Китайско–Индийская железная дорога». При встречах один спрашивал другого: «Ты где сейчас работаешь?» И ответ:

«На китайке» - и всем было понятно. Поезда ходили через день. По чётным на Ис, по нечётным - в Старую Лялю, на Выю – ежедневно. По этой дороге на 20-й в 1936 году привезли локомобиль, его называли просто «котёл». На берегу речки Светлая построили котельную, мельницу установили, динамомашину и в деревне появилось электричество. Участок №3 вошёл в число цивилизованных хозяйств. А хозяйство было приличное: 75 человек работающих, конный двор на 30 рабочих лошадей и 10 голов молодняка, молочная ферма - около ста голов крупного рога-того скота. Молоко с третьего участка не возили, всё перерабатывали на сепараторах и в продснаб отправляли только свежие сливки во флягах, предварительно охладив их в родниках. Обрат весь шёл телятам и пороссятам.

Свиноферма: 100 голов свиноматок, которые в год давали два опороса по 20 поросят. Всего с пороссятами и откормочным

цехом было более тысячи голов. Таких породистых свиней отец вывозил в 1940 году в Москву на сельскохозяйственную выставку, где и был премирован велосипедом. Велосипед в деревне в те времена по значимости был выше, чем в наше время автомобиль. В хозяйстве хорошо было налажено пчеловодство. Были две пасеки и мёдом с лихвой обеспечили продснаб. Они даже отказывались его принимать. На складе все возможные ёмкости были залиты мёдом. Во время войны пасеки были разорены. Попытка обвинить в этом медведей не удалась, так как медведи утащить мёд вместе с рамками не могли. То, что осталось от пасеки, направили на 2-й участок (31 км).

Вернусь немного назад. В 1937 году отец был принят в ряды ВКП (б), учился на курсах пропагандистов, а в 1939 году - в Новосибирске на курсах директоров совхозов. Перед самой войной он получил направление руководить подсобным хозяйством Косьинского прииска в посёлок Граневое. Всю семью и корову Томку перевозили в товарном вагоне. Погрузили на 20-м, разгрузались на Верхнем Ису. Это было в июле 1941 года, а до этого отец на Граневом жил один.

Началась война. Почти всех мобилизованных отправляли в один день. Мне было пять с половиной лет, и я отлично помню этот день. Весь посёлок опустел, все отправлялись к поезду провожать. Я шёл с бабушкой, держась за руку. Станция - это один дом и прирельсовый склад. В одной половине дома жил сторож, другая половина - для пассажиров и провожающих. Все, кто пришел на проводы группами семьями, тихо разговаривали в ожидании поезда. Кто-то заиграл на гармошке, на него шикнули и он замолк. Все понимали, что отправляли отцов, мужей, братьев, сыновей не на прогулку, а на войну, и мысль, что видятся последний раз, никого не покидала. Из-за поворота показался паровоз с несколькими вагонами и на подходе к станции дал гудок. Все женщины враз заголосили. Это было жутко, я от страха крепко уцепился за юбку бабушки. Как-то я

спросил отца: «Сколько из посёлка во время войны на фронт и в трудармию взяли мужиков?» Называя каждого по фамилии, имени и отчеству, получился список 51 человек. «А сколько вернулось после войны?» - «26 человек». Назову их, ведь они проливали за нас кровь.

1. Авхимович Илья Константинович
2. Ананьев Фёдор Иванович
3. Банников Михаил Илларионович
4. Беленцов Николай Гаврилович
5. Власов Алексей Иванович
6. Волосач Николай Сидорович
7. Волосач Фёдор Сидорович
8. Гаврилов Семен Александрович
9. Иванов Степан Васильевич
10. Кашкарёв Иван
11. Козырев Николай Владимирович
12. Корюков Николай Михайлович
13. Костюкович Валентин Антонович
14. Костюченко Николай Павлович
15. Макаров Григорий Иванович
16. Никитин Иван Ильич
17. Никитин Михаил Степанович
18. Никитин Семен Ильич
19. Плеханов Тихон Павлович
20. Титовец Василий Петрович
21. Титовец Иван Петрович
22. Швайбович Илья Михайлович
23. Швайбович Марк Антонович
24. Швайбович Михаил Миронович
25. Ушаков Александр Васильевич
26. Ушаков Николай Васильевич

А вот фамилии земляков, которые не вернулись с полей Великой Отечественной.

-
1. Авхимович Константин Михайлович
 2. Бастриков Владимир
 3. Гаврилов Леонид Александрович
 4. Гаркачёв Василий Петрович
 5. Гаркачёв Иван Петрович
 6. Глазырин Иосиф Николаевич
 7. Губаревич Алексей
 8. Емельянов
 9. Иванов Леонид Прокопьевич
 10. Иванов Прокопий Степанович
 11. Исаков Павел Афанасьевич
 12. Исаков
 13. Макаров Пётр Иванович
 14. Маркин Владимир Семёнович
 15. Маркин Семён Семёнович
 16. Миронович Василий
 17. Никишев Михаил
 18. Никитин Пётр Ильич
 19. Обабков Пётр Михайлович
 20. Пилигримов Павел Дмитриевич
 21. Плеханов Илья Тихонович
 22. Пуликов Сергей
 23. Радченко Василий Фомич
 24. Титовец Фёдор Петрович
 25. Швайбович Владимир Денисович

Осиротел посёлок 20 км. Как и по всей стране остались в хозяйстве старики, женщины и дети. 10 коней взяли на войну, для тяговой силы стали обучать быков. Подростки становились пахарями, женщины дровосеками.

А дров нужно было очень много, одна котельная за сутки сжигала их кубометрами. В свинарнике тоже печи топили, чтоб поросётам тепло было. А ещё школа, контора, клуб, баня, детский сад, магазин, пекарня – и бабы каждый день дергали эти

ручные пилы, заготавливали дрова.

На Граневом мы обосновались в двухкомнатной квартире, полы и потолки не крашеные. Мать была беременная и отец попросил женщину

вымыть потолки в квартире. Мать не вытерпела и забралась на стол помогать. Результат был неожиданный, мать увезли в больницу и там она родила мёртвого ребёнка. В этот же день мать вызвали в кабинет врача, а там её ожидал следователь. Он взял мёртвого ребёнка за ножку, и подошёл к матери: «Говори, сука, что ты с ним сделала?» Ну, что тут можно сказать? Такие были времена.

У отца с матерью нас было четверо детей. Старшая Клава училась в первом классе. В школу ходила на Верхний Ис, это чуть больше двух километров от Граневого. Пока Клава в школе, мне поручалось присматривать за двумя малолетками Нелей и Геной. Неля тихо где-нибудь в углу, а чаще всего на печке, играла в свои тряпичные куклы, а за Геной нужно было следить. Его любимым занятием было бить по пластинкам молотком: нравилось, как они разлетались на куски. Поэтому молоток на виду не оставляли. Как только Клава приходила из школы, я убегал из дома к отцу на работу. Заходил к нему в кабинет и просил включить радиоприёмник. Если никого не было, он его включал. Это был огромный приёмник консольного типа СИ-235 - один из первых радиоприёмников Советского Союза. Я был заворожён тем, что из ящика можно было услышать человеческую речь, музыку, песни, имелась возможность переключить или выключить. Основные мои игры заключались в том, что найдя пустую коробочку, я рисовал на ней рукоятки управления. Это был для меня «приёмник». И если кто меня

спрашивал, кем я буду, когда вырасту, я отвечал: – радистом. Когда началась война, все радиоприёмники было приказано сдать. Всю информацию народ получал только из сводок Совинформбюро. Даже на Граневом, да и вообще на Урале, соблюдали светомаскировку.

Так прошёл почти год войны. За это время на войне перемололи очень много человеческого мяса и понадобились свежие силы. С начала войны у отца, как у руководителя сельского хозяйства, была бронь. В апреле 1942 года бронь сняли и вручили призывную повестку. Я хорошо помню этот день. Открывается дверь, заходит домой отец, в руках повестка, и говорит: «Вот и моя очередь настала». А в глазах слёзы. Эти слёзы в глазах я впервые увидел у отца, больше я их никогда у него не видел. Нелегко было оставлять мать с четырьмя детьми и беременную пятым. Юра родится в октябре. На прощанье небольшие советы: «Попроси, чтобы к тебе приехала мама» – это он говорил о тёще, нашей бабушке и ещё: «Велосипед никому не отдавай, если не вернусь – ребятам будет память». Но бабушка была нарасхват. Три дочери у неё, у одной трое детей, у второй трое, а у третьей четверо. У всех мужья на фронте. Ждали на Граневое бабушку, а приехал дядя Шура, мамин брат. Нет, он приехал не помогать сестре в это тяжкое время, а просить, чтобы она отдала ему велосипед. Мать ему велосипед не отдала, помня наказ отца.

– Зачем тебе этот велосипед? Все равно его убьют (это он про отца).

– Ребятам будет память – ответила мать.

– Ну, тогда не жди, мама к тебе не приедет.

Бабушка приехала позднее, к покосу, и помогла беременной дочери накопить сена на корову.

А пока - весенние заботы: надо вспахать огород, посадить картошку и остальную мелочь. О том, что от совхоза будет оказана какая-то помощь, и речи не велось. На полях женщины

с трудом пахали землю на быках. Идею, как вспахать огород, подала знакомая - соседка Дуня Аганина. Пахать решили нашей умницей коровой Томкой. В совхозе взяли плуг, ярмо, привели в огород Томку. Пока её запрягали в эту сбрую, Томка стояла, выпучив глаза, не понимая, чего от нее хотят. Как только мама потянула корову за верёвку, накинутую на рога, та, шагнув и почувствовав, что её что-то держит, в шоке выдала всё содержимое, что было у неё внутри. Глядя на обильно унавоженную землю и всё это переварив детскими мозгами, я заявил: «Из этого огорода есть картошку не буду». «Будешь» - сказала Дуня - «Я вот сейчас своего ещё добавлю» - и она сделала жест, как бы пытаюсь исполнить сказанное. Я убежал из огорода, чтобы ничего не видеть. Мама успокоила Томку и снова потянула за верёвку. Корова, видимо, поняла, чего от неё хотят, и прошла первую борозду. Так в весну 1942 года был вспахан огород. И смех и слёзы.

А время идёт. Вот уже месяц как нет с нами отца. Клава каждый день выбегает навстречу почтальону, чтобы узнать, есть нам письмо с фронта или нет. Первое время письма приходили часто. Отец писал, что находится на формировке, обучается военному искусству убивать: бей прикладом, коли штыком. Спрашивал, как мы там справляемся с хозяйством. В последующих письмах говорил, что скоро отправляется на фронт. Примерно через месяц пришло другое письмо. Коротко и ясно в нём: ведём тяжёлые бои, кругом снаряды рвутся, пули свистят. Это было самое короткое письмо. Потом долго писем не было. Клава так же бегала встречать почтальона. Наконец она бежит с треугольником в руке и кричит: «Мама, от папы письмо! Только не он его писал!». Это было письмо из госпиталя. В июле 1942 года под Ленинградом шли тяжёлые бои. У многих на слуху были слова «пяточок», «лесной бор», «мясной бор». Это как раз те места, где был ранен отец, ротный политрук Иванов Степан Васильевич. Что такое ротный политрук в 1942 году? По

правилам того времени в атаку поднимал роту политрук и в бою находился всегда впереди. Командир находился в последних рядах атакующих. Он поднимал не успевших включиться в атаку бойцов. За этот бой отец получил солдатский орден Красной Звезды. Вручили его ему после войны. Воевал отец всего один месяц, а залечивал раны в госпиталях одиннадцать месяцев. Ровно через год, в апреле 1943 года, вернулся домой инвалидом второй группы. Вернусь немного назад.

Когда у отца бронь сняли и вручили повестку, мать была беременна пятым ребёнком. У отца с матерью теплилась надежда, что у многодетной семьи не отнимут единственного кормильца, но не случилось. Беременная мать осталась с нами четверыми. Никаких льгот, только хлебные карточки иждивенцев, да корова Томка. Перед самым сенокосом мы все вдруг заболели чесоткой. Клава объясняет это тем, что в их первом классе на Верхнем Ису, в конце учебного года заболели несколько человек, она и занесла в семью эту заразу поскольку с нами со всеми возилась, вот так и заболели. Лечить нас, посоветовали матери, надо дёгтем. Мать откуда-то принесла дёгтя, много дёгтя, договорилась среди недели истопить баню, была такая на Граневом. Раздела нас до гола и высмолила дёгтем, не оставив на теле ни одного светлого пятна. В таком виде мы должны находиться не менее часа, только потом всё смыть. Помогло. Хватило только одного раза и мы избавились от этой заразы. Дальше сенокос, кое-как мать с ним справилась вместе с бабушкой, приехавшей на помощь. Заготовили сена нашей Томке.

Пятым ребёнком в нашей семье был Юра. Он родился в тяжёлое время, в октябре 1942 года. В семье уже знали, что отец раненый лежит в госпитале. Из города Вологда, где находился госпиталь, раненых эшелонами направляли дальше за Урал в Сибирь. Из очередного письма мы узнаём, что

отец сейчас в госпитале города Сталинск. Это Кузбасс. Когда везли, он надеялся, что может быть, в Свердловске останутся. Но в Свердловске все госпитали были переполнены и их провезли в Сибирь. Всё это время ожидания, когда вернётся отец из госпиталя после рождения Юры, превратился в какой-то послеродовой психоз. Клава это время называла «когда мама сходила с ума». На девчонку, которая училась во втором классе, свалилось столько забот, что даже перечислять сложно. Ночами Юра громко плачет от голода, а мать вместо того, чтобы покормить, одевается и собирается уходить. Матери кажется, что отец вернулся, - и его надо встретить - а то он замёрзнет. Клава выскакивает за ней на улицу, хватается за подол, пытается остановить. Но та резким движением руки бьёт по подолу, и Клава падает в снег, плача от бессилия. Вернувшись домой, Клава пытается успокоить кричавшего Юру, подаёт ему хлеб размоченный и завязанный в тряпку, но раздирающий душу плач только усиливается. Клаве понятно, нужна титька, но где её взять? Мать ушла неизвестно куда. Клаве хочется упасть на кровать рядом с Юрой и реветь вместе с ним в один голос. Но она решительно сунула ноги в стоящие у порога валенки, одела фуфайку. В тонкое одеяло завернула Юру и выскочила на улицу. Эта девятилетняя нянька по свежеснеговому торопилась добежать до скотного двора - он был недалеко от нашего дома. Там ночным сторожем работала соседка Дуня Аганина. Тётей Дуней мы её звали за ту бескорыстную помощь, которую она нам оказывала. Ох, тётя Дуня, тетя Дуня, чтобы мы без тебя делали? Дуня слышала плач ребёнка и вышла Клаве навстречу. Взяла Юру у Клавы на руки.

-Тётя Дуня, мама опять с ума сходит, ушла куда-то.

Я не могла удержать её, Юра голодный, покорми его,

дай титьку.

- Что ты Клава ? Какую титьку, у меня в ней ничего нет!

Но Клава уже в истерике, топая ногами, кричала :

-Дай титьку Юре, он голодный !

Дуня взяла Юру и пошла к коровам. Клава идёт за ней. Дуня подошла к одной из коров, поставила скамеечку и села с Юрой под корову.

Скотина с пониманием отнеслась к ночному визиту. Плач младенца, видимо, одинаково действует и на человека и на скотину. Такова природа. Дуня взяла в руку коровий сосок и надоила в пригоршню молока. Этим молоком обмыла сосок и подставила кричащий ротик малыша к соску. Видимо в жизни у Дуни такой опыт был. Всё у неё получилось. Юра, насосавшись парного молока, затих и уснул. Дуня помогла

Клаве унести Юру домой, а сама пошла искать нашу маму. Где – то её нашла и привела домой. Назавтра договорились, что мать с Дуней пойдут к поляку поговорить. Был на Граневом такой человек. Все звали его поляк, а почему не могу сказать. К нему обращались, когда заболит зуб. Он помогал тем, что очень ловко удалял больные зубы. Видимо, имел какую-то медицинскую практику, к тому же был неплохим психологом. Поговорил с матерью и у неё прекратились эти головные завихрения. Под корову Юру больше не таскали, мать стала кормить, да и где-то удалось раздобыть соску на бутылочку. Девятилетней Клаве после

таких полуночных мытарств, рано утром надо бежать на Верх Ис в школу. А после мы уже четверо ждём её, она нас накормит. Мать в это время была на работе.

Отец вернулся из госпиталя в апреле 1943 года. Ровно через год после призыва на войну. Пока Клава в школе, с Юрой нянчился я. Прыгал на кровати успокаивая ребёнка. Отец вернулся и всё образовалось. Мать снова стала домохозяйкой. С апреля 1943 г. до декабря жили на пенсию, а в декабре переехали на 20-й. Директор подхоза Фролов Андрей Михайлович дал отцу работу начальника третьего отделения. Рассказывая об этом, Клава напомнила, все братья росли при неработающей матери и материнского молока получали вдоволь и во время. Только Юре этого не доставало. Клава Юру называла - это мой ребёнок и это так учитывая, что основное время в первые месяцы Юра находился в её руках. Это не выдуманный рассказ. Почему раньше об этом не рассказывали? Да потому, что нам с Клавой было запрещено не только рассказывать, но и упоминать. Мать боялась деревенской молвы и кличек которые могут дать сверстники порою на всю жизнь.

Отец прибыл как раз к началу весенней посевной. Мужик в доме – совсем другая картина. Огород вспахали без проблем. Томка в упряжке ходила, как опытная тягловая корова. Мама её водит за веревку, отец одной рукой держит плуг. Подошел сенокос. Мама косит, отец думает, как бы приспособиться одной рукой косить. И вот решил косовище заправить под брючный ремень. Попробовал косить – получилось, увлекся и набил себе бок так, что не мог идти. В дальнейшем он придумал на левый бок фанерку с ремнями крест-накрест, куда проталкивал косовище и закреплял ремнями на туловище с мягкой подкладкой. И так он косил многие годы. Сколько косовищ он перетёр на таких приспособлениях. Прошло полгода как вернулся отец из госпиталя и поздней

осенью он поехал искать работу. Встретился с Андреем Михайловичем Фроловым – директором подсобного хозяйства исовского продснаба и он предложил ему переезжать на 20-й начальником третьего отделения. Мы все были рады обратному переезду на 20-й. В школу далеко не придётся ходить.

И так мы снова вернулись на 20-й в конце 1943 года. Даже в квартиру поселились, где жили до Граневого. В соседях у нас была семья Шильниковых, приехавших из блокадного Ленинграда. Старший Шильников работал механиком, дочь Зина – завхозом, сын Юрка – кочегаром в котельной. Иногда от соседей доносился вкусный запах жареных оладий. Зина не стеснялась приносить со склада немного муки, чего никогда не делал отец. Я расскажу один случай. Весной дядя Шура в поле сеял горох. Прихватив несколько пригоршней гороха в карман фуфайки, он принёс к нам и высыпал в тарелку, сказав маме: «Свари ребятам горошницу.» В это время приходит домой отец. Увидел в тарелке горох, он всё понял.

- Где Александр?

Дядя Шура еще не ушёл, выходит из комнаты.

- Забери всё до горошины и унеси туда, где взял, - и почти прокричал: - да пойми ты, садовая твоя голова, я хочу спокойно спать.

Дядя Шура взял горох и ушёл. Когда мы стали взрослыми, спрашивали отца: «Как удалось тебе в эти годы так прожить, что ни одного доноса или жалобы на тебя не было?» На что он ответил: «Я не давал повода, чтобы на меня писали доносы».

События 1937 года требовали большой разъяснительной работы. Уж больно много «врагов» напала Советская власть. По всей стране проходят собрания. И в нашем поселке проводилась такая кампания. Чтобы собрать народ на очередное собрание, надо его оповестить. Для э того посылали по домам секретаря комсомольской ячейки. Проходя мимо дома, где жили

семья Жарких, она увидела на крыльце хозяина, Жарких Максима.

- На собрание,- сказала девушка и пошла дальше. Как бы для себя Максим пробурчал: «Ходим на митинги, а едим микинки». Слух у девушки был хороший. Не думал Максим, что эти слова для него будут роковыми. Через сутки за ним приехали и почти двадцать лет жена и дети об отце ничего не знали. Только в 1956 году представилась возможность узнать, что по заявлению за выше упомянутые слова он был судом тройки осужден на десять лет без права переписки и там умер.

Вот книга памяти жертв политических репрессий. Том 3, стр. 56.

«Жарких Максим Гаврилович. 1899 г.р. место рождения- Белорусская ССР, Витебская обл., Городецкий р-н, д. Привольники, белорус, проживал- РСФСР, Свердловской обл. Исовской р-н, совхоз № 2, работал – Исовское отделение «Золотопродснаба», чернорабочий. Арестован 28 октября 1937 года. Осуждён 4 ноября 1937 г. Мера наказания – 10 лет – ИТЛ.»

Ознакомиться с документами об отце ездил его сын Жарких Василий Максимович. По приезду он пришел к моему отцу и сказал: «Ты меня извини за всё, Степан Васильевич». «А-а-а!» - махнул рукой отец, как бы прощая всё, но осадок остался в душе до конца жизни. Дело-то в том, что когда забирали Максима, его жена, мать Васьки, сказала: «Это Иванов его посадил». Такое необоснованное обвинение Васька понял по-своему и как мог, убедил в этом своих сверстников. В конце войны эти подростки уже были полноценными пахарями, и даже я замечал неприятное отношение к моему отцу, правда, не понимая. Однажды, видимо специально для моих ушей, Колька Селезнёв исполнил частушку собственного сочинения. Первую половину частушки не помню, а заканчивалась она так:

Отвоюемся, придём -

Иванову крышка.

Посмотрели на меня: передам я это отцу или нет. Я каким-то чутьём понимал, что мне не надо об этом говорить никому. Позднее Василий начал прямо говорить отцу: «Это ты посадил моего отца». На что мой отец говорил: «Со своим говном разбирайся сам, а меня не припутывай». Вот и вся эта единственная неприятная история в нашей деревенской жизни сталинских репрессий.

Итак, 1944 год. Какие же события случались в нашем посёлке? Первое, по округе всю войну орудует какая-то банда, которую все боялись. В нашем посёлке ограбили детский сад, унесли продукты и одеяла. И это было не однажды. Милиция долго искала эту банду, но найти её помог случай. Расскажу, как это было.

Бандиты

(Эту историю я восстановил по воспоминаниям С.Ф.Жабинского)

Все годы войны на жителей двадцатого, Рудного и остальных посёлков в округе нагоняла страху банда. То, что это была банда из нескольких человек, сомнений у Исовского отдела милиции не было. Но вот сколько их и где они обитают, так и не смогли узнать до октября 1945 года.

Бандитов было трое. Сарапульцев, 1922 года рождения, с посёлка Рудный. Спецпереселенец, родом с Украины. Его должны были призвать на фронт, но он ушёл в лес. Евтушенко, 1917 года рождения, тоже с Украины, родственник Сарапульцева. Его призвали, привезли на фронт. Но где-то близ Гомеля он винтовку бросил и залез под угольную платформу поезда, что шёл в сторону Урала. Приехал в Свердловск, потом добрался до Выи, а дальше - пешком до Рудного. Там они и сошлись.

Третий, Рагозин, был самым старшим из них. Ему было сорок лет. Жил он на 73-м, работал лесником. Когда началась война, чтобы избежать мобилизации, он бросил работу и ушёл в лес.

«Уклонисты» эти решили отсидеться в лесу, пока идёт война. В районе Актайского озера выстроили избушку-полуземлянку. Ближайший посёлок, 56-й, был от озера в трёх километрах. В годы войны на озеро никто не ходил, да и некому было ходить: мужики на фронте, а подросткам и старикам ловить рыбу и реки Нясьмы хватало. Так что бандиты обосновались и чувствовали себя вольготно: ловили рыбу в озере, собирали грибы, ягоды. Делали заготовки на зиму: сушили рыбу, солили грибы, квасили капусту. Все овощи они приносили с колхозных полей. Рагозин от избушки почти не отходил. Собирал, сушил, солил грибы. Он был отличный бондарь: делал бочки, необходимые в бандитском

хозяйстве. У него была жена и трое детей. Жили они в километре от двадцатого посёлка, на так называемом зимовье. Двухквартирный домик барачного типа на две соседские семьи. Жена Рагозина нигде не работала и часто уходила в Лялю. Это было замечено деревенскими женщинами, и иногда они при встрече спрашивали:

- Что это ты часто куда-то уходишь, работаешь, что ли, где?

- Да, в Лялю хожу, что-нибудь купить там ребятам. Вот вчера масла купила, принесла домой.

На самом деле, она по договорённости встречалась с мужем, и он выносил ей чего-нибудь из награбленного. А грабили они постоянно: и в Рудном, и на 20-м. Детские ясли за всю войну грабили несколько раз. Уносили продукты и одеяла. В то время был такой порядок: устроил в ясли ребёнка, приноси своё одеяло. Забегая вперёд, скажу, что после поимки бандитов одеяла и другие вещи привезли на 20-й для опознания, и наша мать, узнав своё одеяло, забрала его домой.

Воровали везде и всё. Когда разбирали их логово, только одной муки вывезли 12 мешков. У Сарапульцева в Рудном сестра заведовала столовой. Эту столовую во время войны обворовывали раз 40. При расследовании не находили причин, чтобы убрать её, так она до конца войны и заведовала. Председатель колхоза Ермолин знал, кто орудует в этой банде, даже встречался с ними, но бездействовал: боялся расправы с их стороны. Бандиты обнаглели, безнаказанность толкала их на новые преступления. Захотелось мяса, они идут на ферму, а ферма в конце посёлка Рудный. Сторож-женщина, увидев их через окошко, кричит, чтобы они немедленно уходили. Они не обращают внимания на окрики сторожа, заходят в конюшню, выводят трёх овечек. Во дворе прямо на глазах сторожа закололи, ободрали, кишки выпустили, мясо в мешки, и спокойно удали-

лись.

Этого мало, они даже колхозную корову так же вывели и угнали к себе в лес. Ввели её по зимней дороге возле озера, в сторону 55-го посёлка. Гнали корову, следы были видны на дороге. Это всё видел милиционер, которого вызвали с Иса. Но вот следы кончились. Вывод сделанный милиционером был такой: «Видимо, здесь стояла лошадь, и корову увезли в санях в сторону посёлка». А на самом деле, корову до избушки увели, потом сами надели лыжи прошли на лыжах по коровьим следам до дороги и обратно. Вместо следов - лыжня. На это бы надо было обратить внимание, но не обратили. Каждый раз, когда случались ограбления, обязательно сообщалось на Ис, в отделение милиции. И всегда приезжал милиционер, чтобы зафиксировать случай ограбления, и всегда предположения были одинаковые, что это - проезжие «гастролёры».

Они делали всё: воровали, насиловали, убивали - и их боялись все годы войны. Весной 1945 года, когда с полей сошёл снег, в Рудном скотник Платон Станкевич велел дояркам выгнать изголодавшихся коров на поля четырнадцатого километра, сказав:

- Пусть ходят, собирают прошлогоднюю отаву, а завтра с Рудного пастух придёт.

Семнадцатилетние доярки Катя и Галя пригнали коров в поле. Тощие коровы ходили и собирали что можно, а девочки сидели под кустом. Бандиты подкрались и набросились на девочек. Кате удалось вырваться, и она убежала. А Галю увели к кромке леса, там где начиналось болото, и весь день насиловали.

А вот другой случай. Возвращался домой солдат после войны. Ему надо было в Кытлым, там жила его семья.

Доехал до Выи. На поезд до Иса опоздал и пошёл пешком до Старой Ляли. В Старой Ляле жили его родители.

Дошёл до 11-го километра, там бабы с Лубянки вязали снопы. Остановился солдат, поговорил с женщинами, рассказал о себе. Узнав, что они собираются идти домой, сказал, что пойдёт с ними до Лубянки, а там до Старой Ляли всего два километра. Идут, женщины впереди, а солдат сзади. Вдруг из леса выходит охотник с ружьём. Немного поговорили, и все пошли дальше. Охотник с солдатом идут вместе, разговаривают. Дошли до 7-го километра, там поворот в сторону Лубянки, внизу - небольшая речка. Охотник говорит:

- Спущусь к речке, попью.

И быстро побежал вниз. В это же время раздался выстрел из леса – солдат упал и от боли стал громко кричать. Выстрелом его ранило в обе ноги. Женщины в страхе побежали в Лубянку и всё рассказали. Но никто из мужиков не поспешил на помощь. Дело в том, что все они были спецпереселенцами из Поволжья, находились под надзором комендатуры и попадать в криминальную историю никому не хотелось.

Ближе к ночи бандиты ножом доби́ли солдата, забрали документы, деньги, сухой паёк. Когда позднее на суде их спросили, зачем они убили солдата, сказали, что им были нужны его документы. Война закончена, и они понимали, что вечно так продолжаться не может – нужно искать какой-то выход. Рагозин всё чаще заводил разговор о добровольной сдаче властям.

- Осудят, отсидим положенное и выйдем на свободу, – говорил он. Но Сарапульцев и Евтушенко отмалчивались. Они понимали, что за их преступления придётся отвечать по самым суровым законам. И они решили убить Рагозина. Как-то утром пришли к избушке и говорят Рагозину:

- Собирайся, мы там тёлку закололи – пойдём за мясом.

Пошли. Евтушенко шёл сзади и нёс топор. Дошли до восьмовского увала (горка так называлась). И тут вдруг Евту-

шенко как ахнул Рагозина обухом по голове – и тот упал замертво. Выкопали неглубокую яму и закопали Рагозина. Они уже стали бояться, как бы он не ушёл один и не выдал их место обитания. На суде они обо всём рассказали и показали место захоронения Рагозина.

Избушку их обнаружил 14-летний пастушок-татарин из спецпереселенцев. У него сбежали телята, он стал их догонять. Кое-как догнал, повернул. Глядит, а за озером к дереву небольшая бочка подвешена. Пастух побежал, хотел бочку взять, а она исчезла. Стал присматриваться - увидел избушку. Он вернулся к телятам и погнал их домой. Пришёл, рассказал об увиденном коменданту.

Комендант позвонил майору Петеримову, начальнику Исовского отдела милиции. Тот приказал парня запереть, чтобы тот никуда не исчез до его приезда. Петеримов приехал на Рудный вместе со своим заместителем Мелкозёровым и пятью милиционерами. Брать бандитов решили рано утром.

В три часа ночи собрались, а председатель вдруг отказался идти, сославшись на то, что ему позвонили и сказали, чтобы ехал в Лялю встречать какое-то партийное начальство. Поехали в лес без него. Офицеры были вооружены пистолетами, милиционеры винтовками, а два колхозника Докучаев и Козаков - ружьями. Позднее проверяли, кто это вдруг председателя срочно вызвал в Лялю? Да никто. Всё это было выдуманно, чтобы не идти на задержание.

Татарчонок привёл их к домику. В домике играл патефон. Пластинка пела: «Распрягайте, хлопцы, кони». Сарапульцев и Евтушенко подпевали. Петеримов расставил милиционеров. Держался он уверенно: « Я и не таких брал!». Он выстрелил в окошко, оттуда раздался ружейный выстрел, и всё замолкло. Петеримов кричит:

-Сдавайтесь, вы окружены! Ваша добровольная сдача будет учтена! И вдруг – неожиданный выстрел. Пуля угодила

Петеримову в правый бок, и он упал.

Неожиданность была в том, что милиционерам стреляли в спину. Бандиты внезапный вариант окружения просчитали и заранее вырыли из избушки подземный ход, метров пятнадцать. По нему они проползли на четвереньках и вылезли. После выстрела по Петеримову они выстрелили из ружья дробью по милиционерам. Попало Козакову в шею, Докучаеву в спину. Все милиционеры разбежались, бросив раненого Петеримова. Бандиты тем временем скрылись.

Мелкозёров опомнился первым и закричал:

-Все ко мне.

Подшли к Петеримову, подняли его. Взяли под руки и повели. Но скоро поняли, что он идти не может: ранение серьёзное. Докучаева послали на Рудный за лошадьё с телегой. Тот вскоре вернулся, привёз фельдшера. Она перевязала Петеримова, и его повезли. На Рудный уже приехали хирург из Первомайской больницы и врач из Старой Ляли. Осмотрев Петеримова, они отказались делать операцию. Пуля из правого бока ушла к сердцу. Раненого Петеримова погрузили на дрезину и повезли на Журавлик в Первомайскую больницу. По дороге он скончался. Похоронили Петеримова на Троицком кладбище. В день похорон были отменены занятия в Исовской школе. Учащиеся от Иса до Троицкого ехали на платформах траурного поезда. Возле его могилы в течении нескольких лет молодые милиционеры принимали присягу.

Бандиты между тем бежали на 53-й посёлок. Домов в посёлке было много, но люди в них не жили. Беглецы обосновались возле речки Горяновки, которая вытекает из болота. Выкопали яму, из сушняка сосны выложили четыре ряда. Крышу коньком обсыпали землёй, обложили дерном, поставили печку. Притащили сани, привели их в порядок, сделали розвальни. Хотели украсть жеребца в Рудном. С задней стороны конюшни двери были засыпаны землёй, замок весь

заржавел. Кто-то расчистил землю, спилил замок – всё было подготовлено к краже. Племенной породистый жеребец перед самой войной был куплен на колхозные деньги за 40 тысяч рублей. На нём ездил председатель. Ермилов узнал, что жеребца готовятся угнать, увёл его. Когда бандитов поймали, на допросах они сказали, что лошадь им была нужна, чтобы скрыться: уехать дальше в Сибирь. Когда избушку обыскали, в нише обнаружили пачку писем: переписку Евтушенко с женой. Выяснили, что письма шли на 68 посёлок (Гладкое). Там жила женщина, у неё было двое детей, муж в армии. Жила она одна, в новом доме. Отдельно от родителей. Капитан Мелкозёров, оставшийся вместо Петеримова, приехал к ней. На первый вопрос, знает ли она бандитов, ответила:

- Да, знаю. От Сарапульцева беременная вот уже шесть месяцев.
- Как ты им помогала ?
- Они воровали, а я продавала в Верхотурье, Тёплой горе, других посёлках.
- Ты должна нам помочь, тогда свою вину убавишь.
- Я согласна.
- Тогда так. В Бояршино есть участковый милиционер. Узнаешь, когда они придут, скажешь ему.

Они пришли, принесли сахар, дрожжи и велели ей поставить брагу. Сказали, что в воскресенье придут пить. Она сказала об этом милиционеру. Хотела бросить дом и уйти к отцу. Но ей велели вернуться в дом.

Мелкозёров взял шестерых милиционеров, и они верхом на лошадях поздно вечером в пятницу, чтобы никто не видел, приехали в Бояршино. Лошадей поставили в конюшню, а сами, никому не показываясь, быстро прошли в дом. С субботы на воскресенье дом окружили. 12 часов ночи - никого, час – никого. Три часа... Мелкозёров подумал, что женщина их обманула. Но сидят, караулят. В 4 часа в доме вдруг раздался шум. Это женщина побежала к двери, ударила по крючку. Крючок открыл-

ся, она хотела выскочить, но Сарапульцев схватил её за ногу. Женщина упала через порог и покатила с высокого крылечка. Милиционеры бросились в дом. Евтушенко спал, скрутили обоих.

Как бандиты попали в дом и почему их милиционеры не видели? Оказалось, что они залезли в дом через окно со стороны улицы, где было темно. Это всё произошло через месяц после убийства Петеримова. Убийц судили. Приговорили к высшей мере наказания. И расстреляли.

Приметы времени

В годы войны была ещё одна напасть – волки. Много волков. Обнаглели до того, что заходили в посёлок ночами и хватали зазевавшихся коз, овец и даже собак. Однажды волк забрался прямо в ограду к Обабкову М.А., схватил Налетку (так звали собаку), а она была на цепи. На шум в ограде Михаил Андреевич выскочил с ружьём и выстрелил. К несчастью попал не в волка, а в собаку, а волк перемахнул через изгородь и удрал. Волков боялись все, но панически боялся этих хищников поселковый фельдшер Ушаков Василий Алексеевич. По его просьбе ему выписали молоко, и он каждый вечер во время дойки приходил за ним. В это время подростки, зная его слабость, прятались за пеньки и выли по-волчьи. Волки утащили и нашу собаку по кличке Кустик.

Весной 1944 года вокруг здания ветлечебницы развернулось строительство высокого забора. Тонкомерные брёвна вкапывали в землю заостренным концом вверх.

Высота забора 4 метра, по углам - вышки для часовых.

Это было сделано для военнопленных, которые вскоре и прибыли. Это были румыны. Появились они в нашем посёлке, чтобы как-то восполнить острую нехватку рабочей силы. Работали до конца войны. Один из пленных оказался специалис-

том по изготовлению струнных инструментов. В свободное от работы время он изготовил скрипку и даже на ней играл незнакомые нам мелодии. Когда они уезжали из посёлка, эту скрипку подарил отцу, сказав: «У тебя есть сын, пусть учится играть». Отец принес её домой и отдал мне. Я некоторое время тренькал на ней, порвал струны и выбросил в чулан. На этом моё музыкальное образование закончилось.

Рассказывая о тех военных годах нашего посёлка, я обязан рассказать о людях, которые жили и работали в те времена. Хотя бы некоторых.

Макаров Иван Ильич – бессменный конюх все военные годы. Корюков Михаил Григорьевич – пчеловод. Разграбленную пасеку в конце войны восстановил и работы ему хватало. Волосач Сидор – совхозный ассенизатор. Никитин Степан Федорович – сторож на станции. Банников Илларион жил на зимовье. Бородейко Степан жил тоже на зимовье. Нагушев Константин обеспечивал всех лаптями. Все это «старики», которые по возрасту не подлежали мобилизации, а ведь им было в то время немного за 50, а некоторым и не было пятидесяти.

Все работали по возможности и своим силам. Основная рабочая сила – это женщины и девчата. Таня Черепанова – водовоз. Зимой и летом она черпала воду из речки Светлой в полукубовую бочку и возила на конный, скотный, свинарник, а в субботу и воскресенье ещё и в общую совхозную баню. Катю Маркину и Нину Нечаеву я чаще видел зимой в ватных брюках, фуфайке, мужской шапке, за поясом топор, в руках пила.

Они отправлялись в лес валить очередную сухару на дрова. Сигаева Поля – тракторист. На разных работах, даже порой там, где требовалась мужская сила, трудились Мария Гаврилова, сестры Кандыбаевы Наташа и Малаша, Шура Бушмелева, Надя Иванова, Валя Забродина – деревенская красавица, и многие другие, всех разве упомнишь.

Вечерами в субботу молодёжь по традиции собиралась в

клуб. Первыми по улице шли девчата ровной шеренгой, человек 10-12, в середине Валя Забродина с гитарой. С песнями они проходили мимо клуба и шли в сторону Красного Яра. После заиграет гармонь и по улице идут подростки с частушками. Я сел на крыльцо слушать. Мама меня всегда гнала домой: «Ну-ка марш домой, чего уши-то развесил». Но я всё равно эти частушки знал наизусть.

Девочки, девчоночки
Не будьте глуповатыми,
Любите раненых ребят -
Они не виноватые.

Поют частушки будущие призывники первых послевоенных лет. Коля Селезнев:

Эх, конь вороной
Грива до полу волной,
На тебе будет кататься
Допризывник молодой!

Подхватывая тему лошадей, поет Витя Швайбович, брат Ильи Михайловича.

Эх, конь вороной -
Белые копыта,
Когда вырасту большой
Нае.....ь досыта!

Но вот зашли все в клуб и начались танцы. Гармонист играет вальс, чаще всего «Дунайские волны». Девчата парами начинают танцевать. Дальше танцуют фокстрот, потом танго. Подошли ребята, стали приглашать девчат. Как только собралось не меньше четырех пар, объявляется кадрили. Ох уж этот темпераментный зажигательный танец, его любили и танцевали в поселке все. Говорят, что впервые разучили и привили любовь

к этому танцу сестры Кандыбаевы. Отплясав кадрили, парни вышли из клуба покурить, а девчата продолжали танцы. Парни возвращались в клуб, танцы продолжались. Гармонист играет краковяк, подиспань, а иногда находились смельчаки и танцевали вальс-бостон. Дальше снова кадрили. На улице у клуба стоят молодые женатые мужики и обсуждают каждого проходящего в клуб, особенно девчат. Вот подходит к клубу Нюра Кандыбаева, своими девичьими прелестями сводившая с ума женатиков. Она подходит и знает, что сейчас будут говорить о ней и щеки от этого у неё не горят, а пылают. Она зашла в клуб и один из провожающих взглядом выдохнул: «Эх, провести бы с Нюркой ночьку - и умирать можно».

Танцы заканчивались как правило кадрилию. Расходились из клуба парами, но девчат всегда больше и они уходили за посёлок, гуляя по полевым дорогам Красного Яра, пели песни. Пели песни и на концертах самодеятельности, которые, как правило, готовились к праздникам 1 мая и 7 ноября. И ещё один праздник, чисто деревенский – это день борозды.

После окончания посевной на красивой лужайке устраивались столы и скамейки, чтобы на них уместились все жители посёлка. Пили заранее приготовленную брагу, был мёд – варили на меду, а вот после войны варили на сахарине, другого не было. Из клуба Артема с Иса приезжала самодеятельность и в концерте пела частушки на местные темы, как например:

Больше трактора вспахали
Две старухи на быках.

Начиная с довоенных лет, всю войну и до конца 1945 года подсобным хозяйством Исовского «Золотопродснаба» руководил крепкий хозяйственник с агро-

техническим образованием Фролов Андрей Михайлович. «Умница» - говорил о нём отец. Приятно работать с таким руководителем. И выслушает твое мнение, и даст дельный совет, решит все зависящие от него вопросы. Летом Андрей Михайлович приезжал поездом, встречать его запрягали в ходок племенного жеребца и гнали на станцию.

Зимой он приезжал в кошевке, без кучера, его возила умная кобылица по кличке Вольница. Побывав в нашем отделении подхоза день – два, он садился в кошевку, закутавшись в шикарный тулуп, привязывал вожжи за облучок, спокойно

дремал и даже засыпал в теплом тулупе, зная, что Вольница остановится только у крыльца его дома. Но однажды Вольница не рассчитав, проскочила через переезд, когда на него надвигались вагоны. Кошеву зацепило вагоном и сильно покалечило Андрея Михайловича. В подхоз больше он не вернулся. А все в нашем посёлке помнят 9 мая – День Победы. Тогда Андрей Михайлович был в конторе и разговаривал по телефону. Ему сказали, что война окончилась. Он бросил трубку, выскочил на улицу и с криком «Победа! Война окончена!» с широко раскрытыми руками прошёл по всей деревне, плакал и обнимал всех, кто ему попадался на встречу.

В 1946 году подхозом стал руководить новый директор, фамилия его была Нищий. Да, именно Нищий, а не Нищев, как его звали. Человек грубый, властный, ни с чьим мнением не считался. 1946 год оказался тяжёлым, была жестокая засуха. Через год с небольшим директора сняли. Приехал другой, фамилия его была Голод. Народ шутил, что следующий к нам

придёт - Смерть. Но смерть в подсобное хозяйство пришла позднее, в то время, когда нам Хрущев Н.С. обещал жизнь при коммунизме.

А сейчас настало время рассказать о бабушке, тёще нашего отца. Отец к ней относился очень хорошо

и мечтал, чтобы она постоянно жила в нашей семье, но не получилось. Муж бабушки, наш дед Алексей, вернулся после германской войны 1914 года калекой. В семье было семеро детей. В начале 30-х годов, в период раскулачивания, у них отобрали дом, который строил прадед Игнатий Васильевич. Дед Алексей от таких переживаний вскоре умер. Бабушка заболела тифом и её, как безнадежную, положили в мертвецкий барак. Время было голодное, и чтобы самые младшие Варя и Ваня не умерли с голоду, их старшая сестра Катя отвела к детдому, велела постучаться и не говорить, что у них есть кто-то из родных, иначе бы их не взяли. Когда бабушка выздоровела, стали искать детей, чтобы забрать домой, но нигде их не могли найти, хотя на это много времени истратил и отец, пытаясь помочь. И так бабушка осталась жить в семье средней дочери Елизаветы. Пятерых девок вынянчила. Помогала и нашей семье, где роль няньки для этой бесштанной команды выполняла старшая сестра Клава, или как её бабушка звала «Кланька». На время сенокоса или других массовых полевых работ всех домохозяек привлекали к работе, хозяйкой в доме была Клава. Бабушка поможет подоить корову, приготовить завтрак и, взяв подмышки двух малышей, отправляется обратно

в дом, где жила. Клава глянет и вдогонку кричит: «Баба, ты не правильно взяла одного, он у тебя вниз головой».

Я всегда чувствовал заботу о себе старшей сестры и помогал ей сколько надо. По ее команде отправлялся с мешком рвать крапиву для поросёнка. В школе на Ису учились вместе с Клавой, и там она заботилась обо мне. Накормит, проверит и уроки, и одежду. Как только появимся в деревне, Клава обязательно сходит к бабушке, обнимет её и поговорит. Никто с такой любовью не относился к бабушке, как Клава. В последние годы жизни бабушки Клава, видя, как безжалостно относятся к своей матери её дочери, пыталась устроить скандал, я её удержал, но, по-видимому, напрасно.

После войны в деревню вернулись мужики, призванные в годы войны коренные жители поселка. Работников в отделении подхоза добавилось, плюс ещё в деревне были поселены несколько семей немцев с Поволжья, которые жили и работали до 1956 года. Казалось, всё теперь есть для хорошей, счастливой жизни в мирное время. Но не тут-то было. Налоги на крестьян увеличили. Держишь корову – сдавай масло. Свинью и овец - сдавай мясо и шкуру. Однажды сборщик налогов по осени свиную шкуру не забрал и она провисела на чердаке до весны. Весной отец попробовал, отрезал кусок шкуры, а она всегда подсаливалась, опалил на огне, почистил, промыл и велел заправить суп. Получилось очень вкусно. Так мы в лето 1947 года съели всю шкуру. К лету, как правило, все мясные запасы кончались, и шкура, как никогда оказалась кстати.

Ещё одна неудача. В конце года внезапно была проведена денежная реформа: за 10 рублей давали один, так как деньги находились дома, а не в сберкассе. Немного денег было, а все равно потеря. Нас в семье уже было шестеро детей. Работал только один отец, выкручивался, как мог.

И всё-таки в 1948 году решился строить свой дом.

На 62-м посёлке выбрал один из брошенных домов. Кстати, в этом посёлке уже никто не жил. А вот до войны там еще доживали старики. Отец знал их всех пофамильно. Он рассказывал о том, как в начале прошлого века появились на Урале крепкие мастеровые, с крестьянской жилкой, мужики из Белоруссии вместе со своими семьями. В дореволюционной России, особенно в центре и к западу от центра, все пахотные земли были давно поделены между крестьянскими хозяйствами, а население росло, народ требовал новых земельных наделов. И вот тогда премьер-министр Столыпин предложил освоить земли в глубине России - на Урале, в Сибири. Эти события сейчас мы называем реформами, а в школах в свое время учили историю, где четко это называлось «стольпинская реакция», «стольпинская удавка» и т.д.

Так появились поселки 62-й, 63-й, 64-й и другие. А ведь у них были названия. Вот 64-й – это поселок Весёлый. Посёлок 62-й находился на южном пологом склоне не высокой горы. От северных холодных ветров защищал сосновый бор. Улица в посёлке была широкая, дома друг от друга на таком расстоянии,

что даже в случае пожара не может загореться соседний дом. В каждом дворе свой колодец, его глубоко не надо копать: 2-3 метра и в колодце чистая, подземная, родниковая вода. Дома строили из соснового леса, не тронутого подсочкой.

Вот один из таких домов из заброшенного посёлка облюбовал мой отец. Перевозили дом зимой лошадьми с саниями и подсанками.

Меня отец брал с собой. При разборке дома я видел, как мужики осматривали битые печи, пробовали ломami разбирать и удивлялись прочности печей. А технология сооружения такой печи очень проста.

Из толстых тесаных плах выгораживался контур печи, дальше так же выгораживались топка, дымоходы. Всё пространство между ними постепенно заполнялось полусухой глиной и уплотнялось трамбовками, и только часть трубы, которая была над крышей, выкладывалась кирпичом. Высушенную печь протапливали, своды печи становились обожжёнными и стояли века.

Глядя на такие прочные печи, у отца созрела мысль о том, что для будущего дома кирпичи делать самим и печи выкладывать из необожженного кирпича. Для всего этого за огородом был построен сарай, куда входило 300 штук отформованных кирпичей. Была вырыта яма, где добывали глину, речной песок таскали с берегов реки Нясьма. Глину месили ногами в яме, обшитой строганными досками. Опытным путем подбирали состав для кирпичей, чтобы при высыхании не лопались. Оказалось, что необходимо глины и песка поровну.

Формы были деревянными на два кирпича. На дне каждой

формы были просверлены отверстия, чтобы легче вываливался отформованный кирпич. От заполнения сарая кирпичами и до следующего оборота проходила примерно неделя. Из такого кирпича в доме были сложены печи классным печником с посёлка Рудного, Сигаев его фамилия. Вот уже почти 60 лет стоит русская печь и ни одного кирпича не отвалилось, только в топке печи под чугунами подтопки пришлось кирпичи заменить - поистёрлись.

Сруб дома собрали помочью. Посадили на мох за одно воскресенье. Для тех, кто не знает, как это делалось, расскажу. Определялся день, когда нужно было звать мужиков на помощь. Варилась брага в необходимом количестве - и всё. Дальше нужны доски. В это время на Ниновском стала строиться 29-я драга. Там была зона с заключёнными и у них была пилорама. Отец договорился, и они ему продавали по дешёвке горбыль. Сосновый толстый горбыль. Пол и потолок из него строгали двуручным рубанком мама с тетей Лизой. Мы ещё были плохими помощниками в этом деле.

Только для крыши была выписана кромленая доска, а весь горбыль отец кромил вручную топором. Вот и сейчас стоит дом в деревне 20-й километр, стены которого были срублены во времена столыпинской реформы. Как мы стали жить в новом доме, нас уже у отца с матерью было семеро.

Многого в нашем доме не было, в том числе и ружья. В такой большой семье ружье может нечаянно выстрелить не по назначению. И вообще отец считал, что носиться с ружьём по лесу - удел бездельников, а настоящему крестьянину каждый час дорог. Но у дяди Шуры был другой взгляд на охоту. Он упорно из меня хотел сделать хорошего охотника. Довольно часто он давал мне пострелять из его ружья по мишеням, естественно, в своём присутствии. Тогда мне было лет 11-12. И вот однажды мы с другом детства Юрко Беленцовым шли вдоль старицы, недалеко от нашего дома, и увидели двух плавающих уток.

Я сказал Юрке, чтобы он оставался и следил за утками, а я сбегаяю за ружьём. Дядя Шура дал мне ружьё, и я подстрелил утку. Достали мы её из воды и я с радостью понесся домой. Я ждал похвалы, но увидел грустный взгляд отца. Не понимая, я удивленно молчал. Тогда заговорил отец: «Тысячу верст летели парочка, уточка и селезень, чтобы найти уютное место, где можно вывести утят. И они

облюбовали нашу старицу. Ты убил уточку, осиротевший селезень улетел. Не будут плавать по нашей старице утята». Мне стало так жалко уточку, что на глазах появились слёзы. Первый же удачный выстрел убил желание заниматься охотой. Но дядя Шура не унимался. Через год он приходит ко мне, приносит ружьё (берданка 32-й калибр), одиннадцать заряженных патронов к ней и говорит: «Тольша, собирайся, пойдём с ночевой на глухариный ток, научу, как нужно подкрадываться к глухарю на выстрел». Я, не сказав ничего родителям, убежал с ним. До глухариного тока мы не дошли, нарвались на медведицу. Двумя выстрелами дядя Шура её уложил. После, когда в деревне снималась с нее шкура, кто-то сказал: «Смотрите, из сосков у неё молоко бежит, значит, она была с медвежатами». На другой день ходили на то место, где была убита медведица, в расчёте найти медвежат, но не нашли. «Видимо они были маленькие и остались в берлоге» - сказал кто-то и добавил – «Без матери подохнут». Больше я в своей жизни ружье не брал и не было желания поохотиться.

Летом, после окончания Старо-Лялинской семилетней школы, я два месяца поработал в геологоразведке. Понравилось, платили хорошо. Зимой мне отец предложил временно, на период отпуска учётчицы, поработать за нее. После раскомандировки я решил сходить посмотреть, как работают четверо мужиков, которых послали вскрыть силосную яму. Работа шла тяжело. Мерзлая глина ломанами не бралась, пришлось забивать металлические клинья кувалдами и только через два дня закончили вскрышу. Мужики попросили написать наряд на выполненную работу. В конторе счетовод Зина Зубкова на выписанный наряд проставила расценки, и я удивился, сколько мало заработали за два дня мужики. Мне было стыдно показывать этот наряд, но я пошёл и отдал им. Мужики глянули в наряд и сказали: «Ну, начальник, ты оказывается скупой. За два дня мы заработали у тебя на чай без сахара». Я пришёл домой и сказал отцу: «Больше я на эту работу не пойду». А летом в 1952 году мы трое: Юрка Беленцов, Сашка Зуев и я, поступили в ремесленное училище. Я знал, что отец не доволен моим решением, ему в хозяйстве нужны помощники, а я отрываюсь от дома. А что делать, если в 16 лет одеть нечего. На танцы ходил в майке с длинным рукавом, даже пиджака не было, чтобы в прохладный вечер накинуть на плечи девушки, которую пошёл провожать после танцев. В ремесленном оденут, обуют, научат, обеспечат работой и заработком.

После ремесленного училища - работа на НТМК г. Нижний Тагил и потом армия, три года работы в строительных частях. После демобилизации мы вместе с братом Геннадием оформились работать на Качканарском заводе «Стройматериалов». Чуть позднее на завод оформились Клава, Неля, Юра и так, со временем подрастая, на заводе ЖБК поработали все братья и сестры семьи Ивановых.

Все девять человек.

Как же так: Иванов Степан Васильевич, потомственный

крестьянин, с детства вдалбливал в нас азы нелегкого крестьянского труда и – всё напрасно. Молодежь от сельского безденежья бежала туда, где можно заработать не только денег, но и квартиру. А без молодежи развитие села не возможно. В начале пятидесятых годов развалились колхозы «Заря» (посёлок Рудный и «Коллективный труд» (посёлок Сахалин). Пахотные земли передали подхозу «Сигнальный». И сейчас земли двух колхозов и трех отделений подхоза постепенно начинают зарастать лесом. Пустующие поля – это дикий пример

недальновидности наших правителей, начиная от главы государства и кончая главой города или района. А ведь после войны на полях нашего села гремели взрывы. Это взрывники расчищали поля от пней. Боролись за каждый новый распаханый клочок земли. А сейчас кроме как издевательством над крестьянами такие действия правителей не назовёшь.

Коллективизация и раскулачивание – это море народных слёз. Между собой, боясь, кто бы не подслушал в народе говорили: «Советская власть, чтоб ей пропасть». Я с детства помню частушку, но, конечно же, её вслух не распевали:

Едет Сталин на телеге,

А телега без колёс.

Ты куда, усатый, едешь?

Отвечает, что в колхоз.

По специальному письму в конце войны был уничтожен самый урожайный сорт ячменя. Это уже была лысенковщина. Вместо него рекомендовано сеять другой сорт. И вот мне рассказывал отец, что до слёз было жалко тот ячмень, в каждом колосе было

менее шести рядов зерен. Он только и выручал при производстве комбикормов. А вместо него стали выращивать сорт похожий на сорняк. «Овсюг» его крестьяне назвали.

А во времена правления Хрущева Н.С. было указание урезать у крестьян огороды до минимума и это строго выполнялось. Видите ли, Мао Цзедун где-то покритиковал Хрущева, что он возвращает в Советском Союзе класс кулачества и понеслось по стране: крестьянским большим семьям оставляли малые огороды, чтобы не могли выращивать на продажу, а только для своих нужд. Завихрений в голове у Хрущева было предостаточно. Зачем на Урале стали сеять кукурузу? Она больше 30 см не поднималась, замерзала. На наших землях хорошие урожаи давала озимая рожь, ячмень, овёс. Вот и сейте эти культуры! Нет, заставляли сеять пшеницу, которая в нашем селе из-за весенних заморозков и ранних осенних не успевала созревать. Все эти новшества народ воспринимал с душевной болью. И я помню, в 1963 году, ещё Хрущев Н.С. был при власти, услышал стихи, в которых выражена «народная любовь», к своему правителю.

Неизвестный автор обращается к Герману Титову, космонавту №2:

Герман, Герман ты могуч,
И летаешь выше туч.
Полетишь ты на орбиту,
Забери с собой Никиту.
И по просьбе всего люда
П. . . . и его оттуда,
Чтоб несчастный свинопас
Не обманывал всех нас!

Весь XX век наши правители мордовали крестьян как могли. В начале 60-х годов страну завалили дешёвым мясом не за счёт увеличения поголовья, а за счёт уничтожения существующего. В угоду выполнения плановых поставок по мясу

резали поголовье, а восстанавливать его ох как трудно.

Брежневу Л.И. на это восстановление не хватило и 18 лет правления. Страна осталась без мяса. Горбачеву М.С. хватило ума только на уничтожение виноградников, вот и вся заслуга его. Молодежь покидала деревни и сёла. Мужик от безысходности запил. Вот так и довели наши правители до ножек Буша. Дальше ехать некуда.

МОИ «УНИВЕРСИТЕТЫ»

Писать и читать я научился еще до того, как пошел в школу. В 1941 году моя старшая сестра Клава пошла в 1-й класс и всё, что она там проходила, после школы заставляла делать меня. Усаживала на маленький стульчик, партой служила большая табуретка, и я на газетной бумаге, переписывал крючки, буквы и так далее. Постепенно я втянулся, и мне это нравилось. В шесть лет я научился писать и читать. Моя первая самостоятельно прочитанная книга была про пограничника Карацопу и его собаку. Я был в восторге оттого, что мне удалось узнать из этой книжки. Для меня было большим открытием, что читая можно узнавать то, чего ты не знаешь. Я эту книжку долго берёг, прятал, чтобы никто не мог порвать или кому-нибудь отдать. Я самостоятельно написал коротенькое письмо на фронт отцу, которое вложили в очередной фронтной треугольник, весточку из дома.

Но пришло время, и в 1943 году я пошёл в школу. В школе, узнав о моем умении писать и читать, даже поразмышляли, куда меня определить: в первый или во второй класс. Решили: пусть как все сверстники начинает учиться с первого класса. В первом классе мне было скучно. Все задания учительницы я выполнял молниеносно и со скучающим видом всегда смотрел в окно. Букварь я знал наизусть.

В это время у меня начала вырабатываться отрицательная черта характера: я всё знаю, всё умею, уроки можно не учить. Поэтому учился в дальнейшем средненько на троечки, а если двойку получу, тут же исправлю.

Начинал я учебу в школе Верхнего Иса, а заканчивал первый класс на 20-м, в начальной школе посёлка. Первая учительница, насколько я помню, была Верещагина Алевтина Александровна. Строгая, за малейшую шалость на уроках тут же выгоняла из класса.

В шестилетнем возрасте меня раздирало от вопросов, на которые я хотел получить ответ. Первый, кому я задавал эти

вопросы, был соседский парень в два раза старше меня, ему было 12 лет. От него я многое узнавал. Например, что хорошие лески получаются, если надергать волос из конского хвоста, только нужно дергать, находясь с боку лошади, иначе получишь по зубам. Или, что нужно ставить петли на зайцев, не наступая на заячьи тропы. Валька всегда чего-нибудь мастерил, находясь на завалинке с южной стороны дома, тут же валялись не расколотые чурки дров. Я подошел к Вальке и задал, как мне казалось очень важный вопрос:

- Валь, а как крестят людей?

Валька, не долго думая, показал на увесистую болотку (кувалду), лежащую у не расколотых дров и сказал:

- Берут болотку и по лбу как треснут, живой останешься, будешь жить крещённым, а нет – унесут на кладбище.

Переварив детскими мозгами сказанное, я сделал вывод, что крещенному мне не жить. Стало так грустно, что глаза заволокло слезами и я, заплакав, пошёл домой.

- Что случилось? – спросила мама, и я сквозь сопли и слезы только и сказал: - «Ведь я ещё не крещенный». Разобравшись до конца в причине моих слёз, мама сказала:

- Ну, Валька! Что-нибудь да придумает.

Друзей моего возраста на Граневом у меня не было, и я, как хвостик, таскался за Валькой. Валька с друзьями пошли рыбачить - и я с ними. Переходили через речку Лабазку по брёвнам, которые сплавляли по речке лесорубы. Был затор, и бревна остановились. Ребята шустро перебежали на другой берег, а я стою и боюсь. Мне кричат:

- Чего стоишь? Боишься - иди домой!

И я решился по этим скользким бревнам перебираться. К счастью не булькнул в воду, плавать-то я не умел. С Граневого мы уехали, и я лишился такого наставника. Вспоминается забавный случай с Валькой, который я сейчас расскажу.

Шла зима 1941 года. В посёлке Граневое мы жили в

четырёхквартирном доме, и соседями была семья Гоголевых. Как и в нашей семье, у них было тоже четверо детей, но только в отличие от нас, малолеток, дети были взрослые. Рыжая красавица Галина, которой шёл двадцатый год, записалась добровольцем на фронт и ждала команды из военкомата. Женьке исполнилось восемнадцать, и он тоже ждал призывной повестки. Отец был на фронте с первых дней войны. С матерью вскоре останутся пятнадцатилетняя Тамара и двенадцатилетний Валька, мой наставник. В квартире этой семьи всегда была идеальная чистота. Белизна бросалась в глаза. Кровати заправлены какими-то причудливыми кружевными покрывалами и вышитыми или простроченными белыми наволочками.

Валька занимался своими делами, колот дрова и ходил в лес, ставил силки на зайцев. Попавшего в петлю зайца он приносил домой, и, по-видимому, зайчатину употребляли. И вот однажды заяц попал в петлю лапами и был живой. Валька накрыл его мешком, освободил лапы из петли и принёс домой. Радостный Валька даже не предполагал, чем это закончится, когда, развязал мешок и выпустил зверька на свободу.

В тот же миг заяц сделал высокий прыжок и помчался по квартире. В гостях у Гоголевых была в это время тётя Груня – и все четверо давай ловить зайца. Как только хотели схватить его, он делал вертикальный прыжок и скачками носился по квартире. Наконец его припёрли в кухне, там он прыгнул и оказался на шестке русской печи. Только его хотели взять, а он делает прыжок вверх – и из трубы вываливается вместе с сажей, теперь уже чёрный заяц. Наверное от испуга он стал носиться по квартире с бешеной скоростью, превращая квартирную белизну во что-то непонятное, серо-грязное с чёрными пятнами. Наконец, догадались открыть входную дверь, и чёрный заяц выскочил на улицу. Стремглав он кинулся в сторону леса, сопровождаемый лаем сбитых с толку деревенских собак.

Чёрного зайца на белом снегу до сих пор ещё ни кому видывать

не приходилось.

Деревенская жизнь в посёлке 20 км шла своим чередом. В возрасте десяти лет нас уже летом временно брали на работу. Мы становились погонщиками при окучивании картофеля. Верхом управляли лошадью, а за окучником ходили более взрослые ребята. Кроме того мы, десятилетние ребята, уже умели косить траву и родители во время сенокоса в обязательном порядке нас брали с собой. Без работы я никогда не был. Мои друзья идут на реку мимо нашего дома, зовут меня, а я им: «Не могу, мне вот это надо сделать». Иногда они говорили: «Давай поможем», и после этого я с ними убежал на реку. Река Нясьма для нас всех была той отдушиной, которая необходима в развитии и познании любого человека, тем более подрастающего.

Как-то весной, когда начали жить в новом доме, отец пригласил в гости троих офицеров зоны, которая находилась на дражном поселке, в благодарность за то, что они помогли пиломатериалом при строительстве дома. Увидев, какая у нас большая семья, один из офицеров, по-моему, майор, предложил отцу старшего, то есть меня, отдать в Суворовское училище. Все данные, говорит, у тебя есть, ты участник и инвалид войны, политрук, и даже обещал помочь, сказав, что у него в училище есть фронтовой друг, только согласие - и всё будет сделано. Отец подумал немного и отказался от такого предложения сказав, что я буду в обиде на родителей за такую судьбу - всю жизнь служить в армии.

- Ну, смотри, если передумаешь, скажи, мы тебе поможем, — сказали на прощание офицеры. Отец не передумал. А зря, я бы с удовольствием поучился в Суворовском училище, если бы приняли. Отцу были нужны помощники, а я уже подрастал для такой участи. В это лето 1947 года окончил начальную школу, и мне предстояла учеба в школе посёлке Ис.

31 августа нас с Клавой отправили на поезде. Где будем

жить, пока не знаем. Временно, сказали, остановитесь на Журавлике у Насти Обориной. Но 1 сентября нас в школе не оказалось. Мы от двадцатого доехали только до старой станции на Ниновском, и паровоз сломался, и мы всю ночь сидели в душном вагоне ждали, когда с Иса придёт за нами другой паровоз. В школе мы появились с опозданием на один день, и сразу же попали в немилость. Нас и слушать не хотели о том, что паровоз виноват. С Журавлика в школу мы с Клавой ходили не долго. Позднее родители договорились с Зиной Обабковой, нашей деревенской молодой бабой, которая вышла замуж, стала Зубкова, работала на Ису буфетчицей в ресторане и имела квартиру.

Учился в школе я не важно. Пятерки были только по рисованию. Чувство голода не покидало на уроках, после уроков и даже ночью. Клава после школы начинала варить картошку на плитке, напряжение было слабое и ждать приходилось часа полтора, когда кормёжка будет готова. Каждую субботу после школы я убежал домой на 20-й с кем-нибудь из ребят с Ниновского. Уходя по отвалам, в районе Дружелюбного оборачивались на Ис и говорили: «Прощай голодный остров, до завтра». Изрытый драгами Ис, действительно походил на остров. Я был рад, что дома до отвала наемся картошки и запью молоком. А родителям частые мои визиты были не в радость. Назавтра меня как-то надо было отправлять. И вот отец шёл со мной к поезду договариваться с проводниками, чтобы меня провезли без билета. Это было так противно смотреть, а ещё противнее было, когда в вагоне этот же проводник спрашивал у меня билет, а у меня его нет. Он на весь вагон громогласно объявлял, что меня сейчас высадят. А однажды я ехал в товарном вагоне на погруженной картошке. Проводник высветил меня фонарём и велел выходить. Я сижу. Сопровождающий еле уговорил проводника. Поезд приходил на Ис часов в 11⁰⁰ или 12⁰⁰ вечера, я приходил – ложился спать, а

утром в школу и меня всегда в понедельник спрашивали и всегда ставили двойки.

Муж у Зины был молодой, лет 30-ти, работал в гараже водителем танкетки. Это лёгкая, похожая на танк, самоходка. С неё было снято вооружение и на четырех стойках сверху закреплён кузов. Эта послевоенная чудо техника часто ломалась и дядя Лёня, как я звал Алексея Зубкова, её ремонтировал. После школы, как только поем, я первым делом бежал в гараж. Если танкетка была на ремонте, дядя Лёня мне разрешал залазить внутрь. Я усаживался на место водителя и был в восторге, что сижу за рычагами настоящей военной машины. Домой мы возвращались вместе. Когда дяди Лёни в гараже с танкеткой не было, я пристраивался к какой-нибудь группе ребят, играющих в футбол, и гонял с ними мяч, разбивая единственные ботинки.

Набегавшись, я у Клавы снова просил есть. Она мне давала чай с хлебом. Я ей говорю:

- Хочу молока.
- Где я тебе его возьму?
- Купи.

Тогда она подала мне старую географию:

- Вот возьми эту книжку, иди на базар, продай, и на эти деньги я куплю тебе молока.

На другой день было воскресенье, и я впервые в жизни подался на базар продавать. Так уж хотелось молока. Походил по базару часа полтора и ко мне подошли трое ребят, незнакомых. Спросили:

- Что продаёшь? - Я показал книгу. Они посмотрели и говорят:

- Выбрось её на помойку, пойдём с нами
- Куда?
- Пойдём, узнаешь.

Я книгу заложил под ремень брюк и пошёл, не зная куда. Зашли в какой-то магазинчик, где на прилавке лежали

разные постряпушки. Недолго побыв в магазине, мы вышли, и они из-за пазухи достают несколько украденных булочек. Я удивился тому, как они сумели так, что я не заметил. Это были мелкие воришки. Угостили меня половинкой булочки, я съел. Немного ещё я с ними побыл и ушёл, сказав, что меня уже, наверное, ищут дома. Больше я с ними старался не встречаться. Понимал, что если узнают дома, что я стал воришкой, дранина будет основательная, хотя меня отец ни разу ещё ни за что не бил.

В начале зимы я заболел корью. Клава где-то разыскала лошадь и меня увезли в больницу на Журавлик. Две недели я провалялся в инфекционном отделении, а потом на 20-м. В школе я не был около месяца. Отстал основательно, желания догонять у меня не было. Учителя посмотрели на меня, как на ученика портящего все показатели класса и отправили меня обратно в деревню учиться в четвертом классе, чему я был безмерно рад. Наконец-то я буду досыта наедаться, пусть это будет картошка с молоком. Через год я снова учился на Ису, но теперь с Клавой мы жили на Песчанке у стариков Чезгановых. Отец знал Чезганова давно как хорошего специалиста – углежога. Древесный уголь нужен был в каждой деревне, где есть кузница.

Год учёбы в пятом классе прошёл без особых происшествий. У Чезгановых было тепло и уютно. Родители, видимо, оплачивали за проживание и за молоко, которое нам давала бабушка. У стариков была своя корова. Да и варить еду тоже помогали, русскую печь топили каждый день. Но в одну неприятную историю я все-таки попал.

На Песчанке я обзавелся новыми друзьями и в свободное от учёбы время где-нибудь шлялись. Однажды, учась во вторую смену, то есть с двух часов дня, я с ребятами отправился на Ис побродить до школы. Зашли в магазин и увидели стоящий у окна велосипед. За прилавком продавщица разговаривала с мужиком.

Мы постояли у велосипеда, посмотрели, и я стал откручивать гаечку золотника. Зашипел воздух, и мы выскочили из магазина.

Убежали уже далеко, когда я услышал крик выбежавшего за нами мужика:

- Стой! Стрелять буду!

На меня этот окрик так подействовал, что как вкопанный я остановился. Пока мужик бежал до меня, я выбросил в снег гаечку и золотник. Запыхавшийся мужик схватил меня за шкуру, обыскал карманы и, ничего не найдя, повёл меня в милицию. Заводит к дежурному: «Вот ещё одного бандита вам привёл!». Старший лейтенант стал меня спрашивать, кто я, откуда, кто мои родители. Я всё о себе рассказал: и о том, что в школе учусь во 2-ую смену, что живу со старшей сестрой. Старший лейтенант стал задавать вопросы:

- Кто эти ребята?

- Не знаю, я их в магазине увидел, они с Иса, а я живу на Песчанке.

- У тебя велосипед есть?

- Нету. И я ничего не откручивал.

Я не знал, что со мной будут делать дальше, сидел на скамейке и хныкал, напоминая, что мне надо в школу с 2-х часов. Спрашивая меня, дежурный всё записывал и потом отпустил за полтора часа до занятий. Я был уверен, что он обязательно сообщит отцу, поскольку, задавая вопросы, он спросил: «Так ты сын Степана Васильевича?» Ну, думаю, допрыгался, что мне будет за это - не знаю. Но, по-видимому, разговор о моем задержании был только с Клавой, потому что она об этом знала. Когда мы были дома на каникулах, что-то рассорились, и она в горячах меня обозвала колонистом. Это услышала мама и тут же к Клаве: «Что, что, что? Как ты назвала?» Мы оба замолкли. Клава меня не выдала.

Закончился учебный год и нас, двадцатовских, определили учиться в шестом классе Старо-Лялинской семилет-

ней школы. Нам, поселковским ученикам 20-го и Рудного, готовили в бараке несколько комнат, которые в последствии обозвали интернатом. Они ещё не были готовы и временно нас поселили в спортзале школы. В одном углу стояли девичьи кровати, в другом - мальчишечьи. Через месяц мы перебрались в подготовленные комнаты так называемого интерната. На кухонной плите каждый варил для себя еду. В первые дни, как я появился в школе, обратил внимание на девчонку с Рудного. Это была Нюра Кандыбаева, невысокого роста блондиночка с ярко выраженными формами девичьей красоты и постоянным румянцем на щеках. На переменах мои глаза всегда искали её. А она всегда была в окружении великовозрастных парней, к тому же старше меня года на четыре. В субботу после школы мы, руднянские и двадцатовские, вместе уходили домой.

Дома сижу, уплетаю наваристый суп. Рядом сидит мама, смотрит на меня и ждёт, когда я начну рассказывать, как устроились, что нового, и я начал:

- У нас в школе учится девчонка с Рудного.

- Ну и что?

- Да ничего, девчонка как девчонка, только титьки большие такие!

Удивительного ничего нет, мне уже 13 лет. Мне всегда было приятно по субботам шагать домой в обществе двух подружек - Миля Коровиной и Нюры Кандыбаевой. Однажды Миля мне сделал замечание: «Толя, ты хороший парень, но почему голову держишь набок?» Я встрепенулся, стал следить за собой и быстро избавился от этой привычки, которую приобрёл с раннего детства, когда очень болело ухо, и я его произвольно прижимал к плечу. Так эта привычка и осталась. А ведь могли бы и дома эти замечания делать, но не делали.

Но не всегда такой большой веселой компанией вместе с девчатами ходили домой. В морозные дни ниже 15° девчата оставались на выходной в интернате, а мы ребята, отчаянный

народ, бежали, не смотря на мороз, если только не -40° . Один такой случай мне хорошо запомнился.

Стояла холодная погода, градусов под -30 с ветром. Сначала решили не ходить, но подумали: оденемся потеплее и сбегает. Потеплее – это значит, кроме кальсон я одел двое брюк, две рубахи, пиджак, свитеров у нас не было, шарф, ватную фуфайку, одел шапку-ушанку и вязанные покрытые материей шерстяные рукавицы. Нас было четверо. От Ляли дорога шла по лесу. Ветер был сильный, но он гудел где-то вверху над деревьями, и нам казалось не так холодно. Но когда мы вышли к реке и дорога пошла вдоль реки, ветер стал встречным сильным, выдувал последнее тепло из нашей одежды. Что бы согреться, мы пытаемся бежать, но на санной дороге снежные перемёты не дают нам быстрее двигаться. Навстречу ветру нужно пройти километра три-четыре. Периодически поворачиваемся спиной к ветру. Нам кажется, что силы покидают нас. Кто-то из ребят упал на дороге и лежит. Мы бросились к нему, подняли и говорим: «Беги, беги, а то замёрзнешь. Давай мы будем заслонять тебя от ветра». В такой борьбе с морозом и ветром мы кое-как добрались до крайнего дома на Рудном. Только зашли в натопленный дом, сразу упали на пол и заревели от усталости и радости, что все-таки дошли, не замёрзли. Хозяйка дома заохала над нами давай снимать с нас рукавицы, валенки, не обморозились ли мы. Всё в порядке, не обморозились, отогрелись, отдохнули и пошли дальше.

От Рудного дорога была лесом, только перед Двадцатым по Красному Яру нужно было опять бежать на ветер, но это уже почти дома. Уставшие, замёрзшие, голодные мы пришли домой. А завтра, набрав в котомку хлеба, мороженого молока, кусок мяса и капусты, снова отправились в обратный путь. Котомка за плечами килограммов 8-10, но ничего. Ветер сейчас в спину, да и одеты мы потеплее. Дома отдохнули, хорошо поели и до Ляли добрались без происшествий. Вот только когда приходишь в

интернат, сядешь на койку и просишь снять котомку - у самого нет сил. Немного отдохнули, поели, ложимся спать. Завтра в школу.

После воскресных походов никакие домашние задания не выполнены. Может, не спросят. Ай нет, спросили. На урок литературы пришла учитель географии Степанида Васильевна, подменив заболевшую учительницу. Посмотрела в журнал и сказала:

- К сегодняшнему дню вы должны были выучить стихотворение А.С. Пушкина «Анчар».

Как я не прятался за спину впереди сидящего, всё-таки прозвучало:

- Выйдет к доске и расскажет стихотворение - Иванов.

- Я его не выучил.

- Садись. Будешь учить после уроков.

Последним уроком была география. Степанида Васильевна пришла на урок и принесла большую стопку тетрадей. Когда прозвенел звонок, она сказала:

- Все свободны, кроме Иванова.

И вот мы вдвоём в классе. Она проверяет тетради, а я сижу, насупился перед раскрытой книгой. Прошёл час.

- Ну что, выучил?

- У меня памяти нет.

- Сиди, жди, когда появится, я не спешу.

Я понял, что мое упрямство ни к чему не приведёт и через два часа я начал рассказывать:

В пустыне чахлой и скупой,
На почве, зноем раскаленной,
Анчар, как гордый часовой,
Стоял один во всей вселенной.

Без единой запинки отбарабанил всё стихотворение. Степанида Васильевна улыбнулась и:

- Ну вот, а говорил - памяти нет.

Смешно стало и мне. До сих пор помню весь стих без запинки.

В седьмом классе русский язык и литературу у нас вела директор школы Нестерова Елизавета Федоровна. Строгая, властная женщина с орденом Ленина на груди. С первых дней ей не понравился наш почерк, и она ввела урок чистописания. Мы стали учиться, как правильно писать буквы и прочую атрибутику, которую проходят в первом классе. Ей удалось исправить наш почерк, мы стали писать красиво.

В седьмом классе я вступил в комсомол. Для меня это была большая радость. Комсомол, в моем понимании, был создан только для хороших дел. Я и сейчас в этом убеждён, не понимая, кому понадобилось в девяностые годы разрушить эту самую массовую молодежную организацию. Не понравилось реформаторам-демократам, что это Ленинский коммунистический союз молодежи - назовите Всероссийский союз молодежи, и оставьте право следить за порядком там, где проживаешь. Уверен, не было бы разгула бандитских крыш.

Первое мое комсомольское поручение - председатель совета пионерской дружины школы. Начало учебы в седьмом классе запомнилось тем, что для нас, поселковских, отремонтировали новый барак-интернат рядом со школой. Работы по ремонту ещё не были закончены, особенно по утеплению, но мы жили. Наступили холода, завхоз выдавал по четыре полена на печку. Нас, деревенских ребят, такая забота не устраивала и в интернате появилась пила и топор. После занятий мы отправились через реку Ляля в лес. Река уже была скована льдом. Нашли нетолстых сухих деревьев, напилили дров и весь вечер топили печь. Стало тепло, и мы впервые легли спать раздетыми. Установили валенки вокруг трубы на печи. Ночью валенки загорелись, и мы чуть не задохнулись. В комнате нас было десять человек. Спасло то, что в полу были огромные щели, через которые днём мы видели, как собаки бегали под

полом. Вот через эти щели и поступал к нам свежий воздух. Когда техничка почуяла запах гари и со свечой зашла в нашу комнату, то от дыма даже свеча погасла. Когда нас разбудили, мы кинулись к валенкам, а они сгорели. Утром даже в школу было идти не в чем. На меня напал смех. Но родителям было не до смеха: сгорели новые валенки, а они были уверены, что я на зиму обут и одет. Мне из дома привезли старые подшитые валенки и ботинки, в которых я стал ходить в школу.

По инициативе учителей (не помню, по какому поводу) организовали вечер танцев в спортзале. Мы пришли посмотреть, я ещё никогда ни с кем не танцевал. Радиолы не было, был баянист. Заиграл вальс. Три пары девчонок вышли на круг и стали танцевать, больше смельчаков не нашлось. Вдруг от стоявших учителей в нашу сторону пошла Степанида Васильевна, подходит ко мне, берёт меня за руку и:

- Ну, Иванов, пойдём танцевать.

Я был парень стеснительный, от неожиданного приглашения покраснел, как рак, пролепетал, что не умею, и стал упираться, но Степанида Васильевна все-таки вытащила меня. Как-то быстро она объяснила и повела, и я, слушая её, стал постепенно вживаться в ритм танца. Для меня это было приятное открытие. Я полюбил танцы и после этого вечера, когда мы приходили домой на 20-й, я стал ходить на танцы и даже приглашал девчат. Кружиться в вальсе в обе стороны я научился позднее.

С наступлением тёплых весенних дней мы, ребята, стали бегать домой не только в субботу, но иногда и в середине недели. После занятий прибежим, поедим дома - и обратно. Получался марш- бросок 40 километров.

Учебный год подходил к концу. Однажды после двойки по русскому языку я решился сказать директрисе (она вела этот предмет), что могли бы нас, поселковых, не спрашивать в понедельник, поскольку мы на выходные ходим домой. На что

она ответила: «Это меня не касается». И стала спрашивать каждый день. Получив подряд несколько двоек, я смирился с тем, что сказала Елизавета Федоровна.

- Я тебя не допущу до экзаменов, будешь сдавать русский язык осенью.

И на последнем уроке, когда окончательно объявила об этом, я прикинул: экзамен по русскому языку завтра, я свободен - и убежал домой. Но после уроков состоялся педсовет, на педсовете выяснили, что не допущен до экзаменов по русскому языку председатель совета пионерской дружины. Как мы будем выглядеть с таким ярким случаем в районо? Решили меня допустить до экзаменов. В интернат пришла учительница, чтобы об этом сказать мне, но я уже убежал домой. Сказала, что надо догнать и вернуть. Только Швайбович решился меня догонять и догнал, когда я уже был дома. Пришлось мне вставать в четыре часа утра и шлепать в Лялю.

Какое чудесное утро. С восходом солнца лес наполнился такими чудесными звуками, я даже не берусь описывать, не сумею.

В Лялю пришёл за час до экзаменов. Экзамен сдал и этот, и другие. Получил свидетельство об окончании семи классов и распрощался со Старой Лялей. В те времена 7 классов – это уже образование. Многие мои сверстники в деревнях имели только 4 класса. Вот и Вовка Никитин, мой лучший друг, не стал учиться в Ляле. Не по своей воле, а потому что в семье нужен был работник, и он рано стал работать прицепщиком на тракторе. Научился управлять трактором. 1 мая, когда все праздновали, он один на тракторе таскал на прицепе бороны по полям, закрывая влагу. Придя из Ляли, я узнал об этом и убежал к нему. Сначала ездил с ним в кабине, потом попросил по управлять трактором. Получилось! Проехав несколько кругов за рычагами, Вовка убедился, что я уже освоил вождение и доверил мне трактор. Сказал, что бы я поездил один, а он отдохнёт на соломе.

Я ездил и упивался от мысли, что дома расскажу о том, как умею управлять трактором. Только об этом подумал и вдруг увидел, что подъехал близко к краю поля, а там дальше лог. Я нажал на педаль, трактор резко повернул, что нельзя было делать, гусеницей зацепил тягу прицепа, и прицеп, изготовленный из деревянного бруса с колесами на концах, лопнул. Я разбудил Вовку, он отцепил трактор и поехали в гараж. Рассказали об этом трактористу, а он отцу, скрыв от него, что натворил это - я.

Но я не утерпел, и дома похвастался своими подвигами. Как меня отец ругал, что я, оболтус, всю посевную ему испортил, и так далее. Сказал, чтобы я близко к тракторам не подходил. Но я все-таки через год весной снова оказался в кабине трактора вместе с Вовкой. В этот раз трактор таскал культиватор. Мы увидели наших девчат, которые возвращались из Ляли, решили покрасоваться перед ними. Отцепили культиватор и помчались на последней скорости к ним. Не доезжая до девчат метров двадцать, гусеницы трактора разошлись веером, трактор радиатором уткнулся в землю, задрал в небо зад. Мы вылезли из трактора и стоим растерянные, а девчата не знают, то ли им смеяться над нами, горе-трактористами, или что-то другое сказать. Когда отец узнал, что в этой истории с поломкой трактора я опять был в кабине, его гневу в мой адрес, кажется, предела не было. И все-таки перед армией я работал на тракторе опять же в паре с Вовкой, только этот трактор был колесный железный, марка его «ХТЗ». Такие трактора хорошо показаны в кинофильме «Богатая невеста». Они в 1955 году последний раз ползали по полям Советского Союза, потом их списали, и началась новая эра тракторов - на резиновом ходу.

Учёба на этом не закончилась. Находясь в армии я понял, что десятилетнее образование мне необходимо, и в армии закончил 8-й класс вечерней школы. 9-й и 10-й классы я закан-

чивал уже в Качканаре. Трудно было очень: наломаешься на работе, сидишь вечером на занятиях - и глаза закрываются. Работа, учёба, постоянная нехватка денег чтобы купить одежду, обувь. Заработки были только-только, как говорится, концы с концами свести. А тут ещё отец ребят привёз в только что полученную мною квартиру. Со мной уже в это время жили Неля с Володей. На такую ораву я не без труда выпросил трехкомнатную квартиру в 105-м доме. Неля упрекнула меня, что я создал ей невыносимые условия жизни, и они уехали в Кунгур. А мне кто создал эти «выносимые» условия?

В то время у меня в голове такая мысль проскальзывала: зачем я после службы в армии не остался работать на заводе ЖБИ, который мы построили. Как-то я собрался сходить в баню с ребятами, пошарил, а у меня даже денег нет, чтобы купить билеты в баню и мы не пошли. А на другой день после ночной смены ко мне пришёл гость из Лебяжья. Приехал в Качканар и кто-то дал ему мой адрес. Денег нет, и я не стал расспрашивать, кем он мне приходится, этот родственник. Я сказал ему, что только что пришёл с ночной смены, очень устал и пошёл спать.

Любимое слово у отца «должен» всегда было на устах. А когда я женился, тут и вовсе мы оба с Лидой задолжали. Лида как-то стойко перенесла всё. Как-то мама сшила ребятам белые рубашки и выслала. Ни пуговиц, ни петель на них, а Неля тогда жила на 20-м. Лида до полуночи метала петли и пришивала пуговицы. На родительские собрания ходила только она. К тому же быстро отучила их от ночного недержания мочи: после каждого случая посылала в баню и меняла бельё. Всё стирала в корыте, делала быстро, помощи никто не оказывал. За все годы даже спасибо не заработала, а, наоборот, с 20-го до нас доносилась всякая болтовня, которая распространялась о первой снохе. Я всегда успокаивал Лиду: «Не обращай внимания».

Ребята не знали той прелести учёбы, которую познал я.

Еда всегда была сварена и не швыркали чай с куском

хлеба. Мне же было всё равно, как они учатся, чем заняты, мысли мои были далеки от этих проблем. Мне ещё предстояла учеба в техникуме. А тут Гена пришел из армии со своими запросами.

- Ты чего это, Лида, кефир не покупаешь? Я его люблю.

Лида улыбнулась и говорит:

- Вот заработаешь денег, пойдёшь в магазин, постоишь в очереди, купишь кефира. После этого вымоешь бутылки холодной водой, постоишь в очереди и сдашь их.

Запросы запросами, а у самого кроме солдатской одежды даже трусов не было, и у меня лишних не было, чтобы поделиться. Гена решил это по-своему. Взял Лидины новые штаны (панталоны) и перешил их, получилось подобие мужских плавок. Такова была жизнь, как однажды сказала Неля. Только я не понимал, что во мне за магнетизм такой был, что всех ко мне тянуло.

ПИЛИГРИМОВЫ

Старинное большое село Ёлошное, что в ста километрах на восток от города Кургана, располагалось вокруг большого озера. Тысяча дворов находилось в нём. В центре села возвышалась красавица церковь, а напротив стоял пятистенный бревенчатый дом нашего деда Пилигримова Алексея Игнатьевича и бабушки Пилигримовой Елены Егоровны. Наискосок от дома находилась школа и волостная управа. Дом этот строил наш прадед Игнатий Васильевич с женой Марьей. Лес для дома возили на лошадях за 40 километров от посёлка Мокроусова.

Но не все дома в Ёлошном были бревенчатые. Многие дома строились по такой технологии: в заготовленную опалубку стен укладывалась слоями ржаная солома, проливалась жидкой глиной, после высыхания получались довольно прочные стены. Самое главное в таком доме – уберечь стены от воды, дождевой или другой. Крыши домов покрывались дерновыми пластами. Пласты укладывались вверх корнями внахлест друг к другу, как строят черепичную крышу. В основном в те времена были такие крыши. У более зажиточных крестьян были тесовые крыши, у некоторых и железные.

Алексей Игнатьевич был грамотный мужик настолько, что служил в волостной управе писарем, а красивый сочный голос привёл его в церковный хор. Это, можно сказать, было его хобби. Вторым его увлечением было рано походить по берегу озера с ружьём, а если удача улыбнётся, подстрелить утку.

Волостная управа делила землю среди крестьян по существующему в те времена порядку: на каждого едока в семье выделялось по полдесятины пахотной земли и десятина покос-

ных угодий. Те семьи, которые не имели хозяйства и не обрабатывали выделенные наделы, сдавали их в аренду, а сами шли в работники. Таким образом, чем больше семья, тем больше было земли. Такое деление земель сохранилось и при советской власти вплоть до времён коллективизации.

У Алексея Игнатьевича с Еленой Егоровной постепенно семья росла, как и все крестьянские семьи. В 1909 году родился сын Пётр, в 1911-м дочь Антонида, в 1914-м сын Александр, в 1917-м дочь Елизавета, в 1919-м дочь Екатерина, в 1923-м дочь Варя и в 1927-м - сын Ваня.

Но вернёмся в 1914 год. Пока в семье Пилигримовых подрастала первая тройка малолеток, грянула война. На войну забрали Алексея Игнатьевича, и всё хозяйство легло на плечи наше бабушки Елены Егоровны.

С войны вернулся инвалидом Алексей Игнатьевич и увидел, что не по годам повзрослел его первенец сын Петя, он уже в восемь лет был помощником в хозяйстве. С годами он всё больше работы по хозяйству перекладывал на свои плечи. Малолетний Петя любил заходить в кузницу к своему деду Егору Яковлевичу, который жил в деревне недалеко от Ёлошного. Этот трудяга-мужик был мастер на все руки. Он имел свою кузницу и своими руками сварганил ветрянную мельницу. Был уважаемый в округе человек. В своей кузнице он делал всё, что попросят. Подковать лошадь – обыденная крестьянская забота и многие обращались к Егору Яковлевичу, а он никому не отказывал. Увидав у дверей кузницы Петю, Егор Яковлевич воскликнул: «Вот и помощник к нам пришёл. Заходи, Петюшка, раздувай меха сильнее, у нас сегодня хороший заказ, будем ковать скат для коня, попотеть придётся». (скат – это комплект подков четыре штуки для коня). Петя качал меха, раздувая горн, и любовался, как ловко дед Егор выхватывал из горна раскалённую заготовку и молотком начинал показывать молотобойцу, куда нужно ударить. Остывающую заготовку

зарывал в угли и доставал оттуда другую. У Пети на глазах заготовка постепенно превращалась в подкову. Сделан последний удар молотка и подкова брошена на землю остывать. Дед Егор посмотрел на внука, на его широко открытые от восхищения глаза и спросил: «Ну как, Петюшка, нравится тебе такая работа?» Петя молча закивал головой. «Учись, в жизни всё пригодится». В четырнадцать лет Петя договорился и вкладчину купили сенокосилку. Следующая его мечта – купит вкладчину молотилку. Смекалистый парень строил громадные планы, а вот его младший брат Александр был противоположного склада ума. Он рано стал бегать с отцовским ружьём на озеро и очень рано стал заглядывать на девок. Работа по хозяйству его мало трогала. Ему шёл пятнадцатый год, когда он влюбился в Дуньку, бабёнку намного его старше. Она не приняла его ухаживания, он взял ружьё и выстрелил в себя. И, как говорят в народе, беда не приходит одна. В это же время тяжело заболел Петя, год назад он только женился. Болезнь была тяжёлой, лихоманкой её называли в народе. Как бы эту болезнь назвали сейчас, я не берусь судить, но, похоже, это было двухстороннее воспаление лёгких. Двух братьев в один день увезли в Лебяжье в больницу. Петю, поскольку его год был призывной в Красную Армию, оставили в больнице, Александра как самострела - не приняли, сказали: «Везите его домой умирать». Петя умер в больнице. А Александра мать Елена Егоровна поила дёгтем, делала перевязки и выходила. Забегая вперёд, скажу, что Александр прожил долгую жизнь, умер на 90-м году. После смерти Пети через год умерла и его жена. Это был 1929 год.

Ну а как сёстры? Тоня, Лиза, Катя подрастали. Помогая матери, набирались жизненного опыта. Только от кого? Старшая, Тоня, в школе не училась, потому как в те времена шла гражданская война. Бои между воинством адмирала Колчака и Красной Армией проходили через село Ёлошное, и жители от

разрывов снарядов прятались с детьми в погребках, но и там было слышно, как шипели пролетающие снаряды и последующие затем разрывы. Однако всему бывает конец. Окончилась и гражданская война. У трёх сестёр в 1923 году появилась четвёртая - Варя.

Крестьянское хозяйство Пилигримовых не было зажиточным, но имелись лошадь, корова, овцы, куры, гуси. Земельный надел, который определял уже сельсовет, обрабатывался полностью. Сеяли рожь, пшеницу, лён. Лён по осени трепали, чесали, пряли и ткали домотканое полотно. Всему этому в крестьянских семьях девки обучались с малолетства. Ничего не поделаешь, натуральное крестьянское хозяйство. Как говорилось, как потопаешь, так и полопаешь. Какой бы не была большой крестьянская семья, работы хватало всем и в доме, и в поле.

Но бывали и праздники. Крестьянский люд в такие дни шёл к церкви. Всё, что происходило на площади перед церковью, было хорошо видно из окон дома Пилигримовых, и подростки-сёстры наблюдали за происходящим. Особенно им нравилось смотреть на свадебные обряды. Они бегали в церковь, чтобы поближе рассмотреть жениха и невесту. После обсуждали увиденное. То им жених не нравился, слишком старый, то невеста не красивая. Сравнивали невесту с собой и соглашались на том, что они красивее невесты. Так происходил процесс самолюбования. Они знали, об этом им говорили взрослые, что у них очень красивая улыбка, и они старались чаще улыбаться. Вместе с этой привычкой в характерах выработалась и утвердилась отрицательная черта: всё, что сказано ими правильно и никаких других мнений быть не может. С годами это черта характера выросла в уродливую форму: « Я сказала и крутись всё так, как я сказала!»

В 1927 году родился последний в семье Пилигримовых – сын Ваня. Младшая из сестёр Варя стала для него няней. В 1928

году старшая из сестёр Антонида, наша будущая мать, в семнадцать лет вышла замуж. Как это событие проходило, мы не знаем. Покрыто тайной, по крайней мере, для меня.

Для семьи Пилигримовых после смерти Пети продолжалась чёрная полоса. Началась коллективизация, организовывались колхозы. Всю живность нажитого подворья пришлось отдать в колхоз. Дом, добротный пятистенок, отобрали, сказав, что в этом доме будет детский сад, а семье предложили переезжать на окраину села в один из заброшенных домов. «Выселки» - прозвали в народе эти окраины. В колхоз были отданы сенокосилка и молотилка. Колхоз в Ёлошном развил бурную деятельность. Нужны были материалы для строительства коровников и все стали поглядывать на красавицу церковь. Сколько в этой громадине кирпича. Наконец было решено разобрать церковь и кирпич пустить на строительство коровников. Легко сказать – разобрать, а как? Кто – то предложил: надо её уронить, для чего в каждом углу церкви выдолбить ниши по высоте отпиленных деревянных чурок. После установки чурок соединить эти ниши штрабами, так что церковь будет стоять на этих деревянных подставках. После этого нужно развести костры у каждой подставки. Когда сгорят подставки, церковь рухнет. Перед тем как выполнить эти работы, сбросили колокол. Он упал и на половину вошёл в землю. С большим трудом с помощью тракторов его удалось убрать. Выполнили, как задумали все работы, и церковь рухнула, раскололась на несколько больших кусков и лежала огромными глыбами. Но кирпич не отделялся от этих глыб. Как не старались, а взять ничего не смогли. Огромные куски разрушенной церкви мозолили глаза всем больше года, их даже не под силу было тракторами увезти куда-нибудь за пределы села. Пришлось у каждого куска вручную копать глубокие ямы, сталкивать и засыпать вровень с землёй.

Тяжело переживал Алексей Игнатьевич всё, что случилось с

его семьёй. Да и разрушение церкви ему, верующему человеку, тягостно отразилось на душе. Пытаясь развеять тоскливые мысли, он с семьёй подался на Урал, туда, где обосновалась старшая дочь Антонида, но, увидев то, что они живут на конном дворе, переоборудованном под жилые помещения, решил ехать обратно в Ёлошиное. В июле 1933 года он умер в возрасте пятидесяти с небольшим лет.

Александрю было уже 20 лет и казалось, что все мужские заботы он теперь должен взвалить на свои плечи, но не тут-то было: он просто исчез, никому ничего не сказав. Елизавета (ей было уже 17 лет) тоже подалась на Урал и, доехав до города Реж, устроилась на работу посудомойкой на разъезде 75 км. Наша бабушка Елена Егоровна осталась одна с тремя младшими детьми – малолетками: Катерина – 14 лет, Варя – 9 лет, Ваня – 5 лет. Через два месяца после смерти мужа Елена Егоровна заболела.

Катерине надо было кормить чем-то больную мать и малолетних брата с сестрой. А в доме ничего нет. 1933 год был засушливый и голодный. Урожая зерновых не было, вернее он был очень плохой. Катерина набрала лебеды, поставила в печь, чтобы разопрела, а сама с ведром пошла собирать колоски, чтобы потом вышелушить зерна, распарить, перемешать с лебедой и испечь лепёшки. Набрала колосков, но при выходе с поля объездчики отобрали у неё ведро. Вся в слезах и заботой, что нечем кормить, она пришла домой. Елена Егоровна, увидев Катюшку с пустыми руками и мокрыми глазами, всё поняла. У больной матери градом по щекам катились слёзы. Нет ничего

страшнее для матери смотреть в голодные глаза детей. Размышляя над тем, как найти выход из этого голодного положения, Елена Егоровна пришла к выводу: нужно отдать ребятишек в детский дом, там их хоть кормить будут. Но как? При живых родителях их никто не примет. Но решение принято. Посмотрев на Катюшку, она сказала: « Ну, вот что, пока ты ходила, я разговаривала с Варюшкой и Ванюшкой и они согласились. Ты завтра их уведёшь в Лебяжье, они подойдут к милиции, сядут на лавочку, их подберут и отправят в детдом. Бог даст, поправлюсь и я их со временем обратно заберу». Ребятам наказали, чтобы в милиции они сказали, что отстали от поезда и свою фамилию не говорить. На утро, а это уже был октябрь месяц, Катюшка собрала детей и они пешком отправились в Лебяжье, в 24 километрах от Ёлошного. Варя этот переход выдержала стойко, а вот Ванюшка отказывался идти, говорил, что не может шагать, ножки не идут. Катюшка брала его за спину, он обхватывал её руками за шею, она руками за подколенки и несла, несла. Выдохнувшись, ставила его на ноги и просила шагать. В Лебяжье пришли часов в 12 дня. Всё сделали, как договорились. Милиционер вышел, увидел ребят и увёл их. Катюшка издали наблюдала ещё долго, ждала, может их выведут и куда-нибудь поведут, но не дождалась. Часа в четыре она побежала домой в Ёлошное. Вернулась поздно вечером, уже было темно. Матери было плохо. Больная, голодная, переживаниями за судьбу своих детей, она находилась в полуобморочном состоянии. Катюшка собрала остатки муки, заварила болтушку, накормила мать, а утром снова пошла собирать колоски. На этот раз удачно, никто не отобрал, и домой принесла целое ведро.

Пока болела Елена Егоровна, Катюшка и по миру ходила в соседние деревни, приносила домой, то чего подаст. Немного поправившись, Елена Егоровна твёрдо решила, что как только определится с житьём-бытьём, то непременно съездит в детдом

и заберёт Варюшку и Ванюшку. С этой греющей душу мыслью они уехали на Урал, где жила старшая дочь Тоня со своей семьёй. Катюшка, а ей уже было 16 лет, устроилась работать в лесхим на подсочку. Там к ней стал приставать мужик, она пожаловалась начальнику. После разговора с начальником он подошёл к Катюшке и на ухо сказал: «Жалуйся – не жалуйся, а я тебя всё равно трахну». Катя уволилась вскоре, ей уже исполнилось 17 лет, она вышла замуж за Ивана Широкова, парня разбитного, любителя выпить и поскандалить. Ни одна драка в деревне не проходила без его участия. Он говорил: «Я не дерусь, я разнимаю». После одной из драк его забрали, и он больше не вернулся.

А его сын Женька Широков родился с дебильными наклонностями. Он даже не смог постичь какую либо грамоту, ни писать, ни читать не умел. Он был мой ровесник.

Почти одновременно с приездом Елены Егоровны и Катюшки на 20-м появился Александр со своей женой Зиной. Она немного пожила на 20-м, бросила своего воздыхателя Александра и уехала. На 20-й приехала и Елизавета с мужем Михаилом Никитиным, он недавно демобилизовался из Красной Армии и на 75-м километре Режевского района нашёл свою половину. Итак, семья Пилигримовых опять в куче. А в 1936 году родился я.

Я ПОМНЮ.....

Рассказывали, что когда мне исполнилось один месяц от роду, в холодную февральскую стужу, не знаю по какой такой необходимости, моя мать на лошади отправилась со мной в двадцатикилометровое путешествие. Оберегая от холода и усердно укутывая, она лишила меня воздуха. Когда прибыли на место назначения, развернули - я уже не дышал. По счастью быстро прибыл фельдшер и сумел меня откачать. Ещё немного и я бы разделил судьбу своих старших брата и сестры, которые умерли, прожив всего несколько месяцев. В дальнейшем моей судьбе предлагались всё новые и новые испытания.

Мне было года два – три. Спали мы на полу в холодной маленькой комнатке или на кровати у окна, из которого всегда веяло холодом. Ночью, проснувшись от холода, я заплакал. Заботливый отец взял меня и положил на печь согреться, а сам снова уснул. Согревшись, я стал ворочаться и упал с печи. Проснулся отец от стука, впопыхах зажёл лампу и увидел меня, лежащего у порога с окровавленным лбом. В ужасе он подумал, что я убился, но, оказалось, что я просто не успел проснуться. Когда он взял меня на руки, я заплакал. Таким образом, на лбу у меня появилась первая отметина.

Память моего до военного детства вырисовывает картинки одну за другой. Вот над двадцатым пролетел аэроплан и сбросил маленький парашют. В мешочке парашюта была записка с указанием квартала, где сейчас возник пожар. По этой записке срочно организуют бригаду для ликвидации очага возникшего пожара. Дядя Шура, поднял парашют и на радость нам, пацанам, полез на одну из многочисленных берёз, стоявших вдоль улицы. Сброшенный с вершины берёзы

парашют был встречен нами восторженными криками. Дяде Шуре было тогда 25 лет и лазить по деревьям для него было лёгкой разминкой. Далее, из поездки в Москву вернулся отец и привёз велосипед, это его премировали за тех породистых свиней, которых он возил на сельскохозяйственную выставку. Отец ездить на велосипеде не умел и дядя Шура взялся его учить. После нескольких безуспешных попыток отец махнул рукой и ушёл, оставив велосипед дяде Шуре. Тот решил меня покатать на велосипеде. Посадил на раму и велел крепко держаться за руль. Держа в зубах раскуренную папиросу, во время поездки коснулся папиросой моего стриженного затылка. Я заверещал от боли, а дядя Шура, соскочив с велосипеда, стал меня успокаивать, одновременно ругая себя за такую оплошность. Когда я успокоился, покатали дальше. Мне было тогда четыре с половиной года. Дядя Шура в то время не был женат и всю не растрченную любовь к детям он отдавал мне. Вот в углу ограды положил наискосок жердь, соорудил из верёвки небольшую качель. Я тут же сбегал, пригласил своих друзей покачаться. Юра Беленцов, Вова Никитин, Костя Раша. С удовольствием качались ребята, сменяя друг друга, а я стоял и смотрел. Наконец, не вытерпел и огрел своих друзей крепким мужицким матом. В это время из пригона выходила мать и громкая, смачная ругань донеслась до её ушей. «Кто это сейчас матерился?». Все трое в один голос: «Толя ваш.». Мать меня увела домой, поставила в сенях в угол и сказала: «Будешь стоять пока папа не придёт с работы». Пришедшему с работы отцу мать сказала: «Спроси у сына за что он поставлен в угол?». «Так за что ты в углу стоишь?» «Я мателился». «Больше не будешь?» «Не буду» «Ну ладно, выходи».

Холодная спальная комната дала ещё одну неприятность: у меня заболело левое ухо. Родители думали, что пройдёт как и насморк, сразу не приняли мер к лечению и запустили болезнь. В результате по направлению отцу пришлось ехать со мной в

город Свердловск в областную поликлинику. Там он меня таскал на руках. Холодная комната холодила не только меня. Все мои братья росли с простуженными мочевыми пузырями. Я в дальнейшем, чтобы не мерзнуть, спал в отцовском тулупе. Как только ложиться спать, снимал с вешалки тулуп, заворачивался в него и располагался в углу на полу.

Как и все дети в больших семьях мы играли в шумные игры - со стуком, грохотом, громким хохотом, одним словом – дурели, или как сейчас говорят – балдели. Это очень не нравилось матери. Она в таких случаях к нам врывается и крикнув громким голосом: «Чтоб вы сдохли!» - покидала нас. Во мне такие восклицания матери всегда оставляли в душе какой-то щемящий осадок. Зачем было рожать, чтобы нам такое желать?

Врезался в память и такой случай. Я учился во втором классе. Пришёл из школы. Дома на кухне мать катком и вальком (есть такое крестьянское орудие для разглаживания белья вместо утюга) обрабатывала какие-то тряпки. Я сбросил одежду, пошёл с сумкой в комнату. Там, играя, Гена с Юрой выстроили какие-то городки. Я как бы нечаянно задел и разрушил всё то, над чем они трудились. Они набросились на меня, и я с хохотом побежал от них на кухню. Повернувшись от стола, мать с катком в руке устрашающе замахнулась со словами: «Как вот тресну!» Конечно, она не хотела этого, но не рассчитала тяжести катка, и он опустился на мой лоб. Засверкали «искры» в глазах и я остолбенел. По лицу полились слёзы и, догоняя их, потекла струйка крови. Мать бросила каток – валёк, схватила руками меня за голову и прижала к себе. Запоздалая материнская любовь к своему чаду. Посмотрев на ранку, быстро растолкла в ступке комочек сахара, присыпала ранку, перебинтовывала голову, при этом воскликнула: «О господи, что же теперь будет!» Я уловил в этом восклицании какую-то тревогу и сказал: «Я никому не скажу». И когда на другой день пришёл в школу с перебинтованной головой, всем отвечал, что ударился об угол

печки. А тревога у матери была одна – деревенская молва. Это я понял позднее. На лбу появилась вторая отметина.

В конце войны по договорённости американское правительство стало поставлять в нашу страну посылки с одеждой. Отец получил две посылки. В посылках было два демисезонных пальто и один костюм примерно 46 размера. Костюм мне очень понравился и я сказал: «Он будет мой, подрасту и буду носить». Но носить не пришлось: его перешли Клаве и костюм у неё украли.

Теперь о том, как мы были одеты и обуты в военные и послевоенные годы. Во-первых, все ходили в телогрейках, которые шили сами себе те, у кого была швейная машинка. Мужская телогрейка отличалась от женской только тем, что прострочка была вертикальная, а у женской по спине проходила поперечная прострочка. В нашей семье была швейная машинка, и мать постоянно нас обшивала. Постоянно что-нибудь порола и кроила: кому рубашку, кому штаны. Мне по моей просьбе из гимнастерки, в которой приехал из госпиталя отец, мать сшила китель, вместо карманов пришила одни клапаны.

Однажды повезло и мне: сшили пальтишко. А повезло вот в чём. Весной, когда снег с открытых мест сошёл и остался только в лесу, днём каким-то образом в деревню забежал лось. Зашёл он со стороны конного двора, прошагал через всю деревню и отправился на Красный яр. Спустился к реке Нясьма и спрыгнул на лёд. Лёд уже был рыхлый и лось провалился. Всей деревней сбежались смотреть на это лесное чудо. Зверь стоял среди льда, пытаясь выпрыгнуть, но лёд всякий раз обламывался. Из всех собак, которые прибежали на берег, самым заметным был наш пёс Кустик. Он с поднятой на загривке шерстью постоянно кидался на зверя, все остальные собаки спокойно сидели на берегу у ног своих хозяев. Лось, в конце концов, выбрался на другой берег и ушёл в лес. Об этом случае узнал знаменитый в наших краях охотник Мишка Будько.

Он пришёл к отцу и сказал: «Батя, продай собаку!». Они сговорились, и он за Кустика дал отрез сукна, из которого мне сшили пальтишко, и большой кусок лосиного мяса, о котором нам строго-настрого было сказано никому не болтать об этом. Кустик был взят щенком от породистой охотничьей лайки по кличке Волга дяди Миши Корюкова. А Кустика у Мишки Будько украли другие охотники.

Как-то в чулане я обнаружил настоящую будёновку. Это дяди Миши Никитина, он в армии её носил. Я обрадовался находке, выхлопал, почистил и собрался в ней пойти покрасоваться перед ребятами. Мать увидела и тут же приказала: «А ну-ка снимай этот балахон, чтоб я тебя в нём никогда не видела ». Пришлось опять напяливать свою старую вислоухую шапку. К зиме нас обували в старые подшитые валенки. В деревне Гришка-сапожник, или как его ещё называли, чеботарь, всегда был завален работой. Иногда кое-кому выпадало и новые валенки носить. В хозяйстве были овцы, летнюю шерсть стригли, собирали и отец отвозил пимокатам на Сахалин.

Однажды он меня взял собой и я, малолетка, был удивлён, в каком же рванье ходили колхозники по сравнению с нашими деревенскими. Тогда я ещё не понимал того, что ретивые уполномоченные в счёт выполнения плана поставок зерна государству выгребали у колхозников всё до зёрнышка и боясь, как бы они не съели семенной фонд - тоже его увозили. У колхозников оставались только отмеченные в табелях количество отработанных трудодней, а отоваривать их было нечем. Как говорили тогда: работаем за палочки.

Из колхоза «Заря» посёлка Рудный к нам в деревню часто приходили женщины из крымских татар, они заходили в дом и предлагали что-нибудь из одежды в обмен на картошку. За серую грязную шаль просили ведро картошки. Мать смотрела на свет, нет ли дыр на шали и согласилась, послала меня в под-

полье, чтобы я набрал ведро картошки. После шаль выстирали и она оказалась не серая, а белая. Колхозы «Заря» и «Коллективный труд» медленно умирали. Парни уходили в армию и больше не возвращались, девки выходили замуж и уезжали из колхоза. В пятидесятые годы колхозы окончательно развалились. Отец у оставшихся стариков колхозников выменял пимокатные колодки, необходимый инструмент, приспособления и организовал у себя в бане производство валенок. Со временем мы все научились катать валенки.

Сгинули два колхоза, как будто их и не бывало. Земли были переданы подсобному хозяйству Исовского «Золотопродснаба», а с началом строительства Качканара подсобное хозяйство стало Качканарским.

Но вернусь обратно в далёкие предвоенные сороковые годы. Как теперь живут Пилигримовы? Бабушка Елена Егоровна вот уже семь лет постоянно думает о Варюшке и Ванюшке. Где они? Что с ними? Она ездила в Лебяжье в детдом, пыталась что – нибудь узнать, но оказалось, что детдома там нет, а детей перевели в детдом города Камышлова. Ездила в Камышлов. Она просила сама посмотреть на детдомовцев, так как они могут быть под другой фамилией. Ей предоставили такую возможность, но их не было и в этом детдоме, и в других детдомах Курганской и Свердловской областей. Наш отец, как мог, помогал ей искать Варюшку и Ванюшку, делая запросы через милицию, но никаких следов.

Катюшка после Ивана Широкова вышла замуж за Власова Алексея Ивановича, и теперь у неё стало трое детей. У Елизаветы было двое девок и Антонида четверо. И только Александр (дядя Шура) ведёт вольный образ жизни. Он не был постоянно оформлен на работу, работал как временно оформленный. Это давало ему возможность в любое время бросить работу, взять ружьё и уйти на неопределённое время в лес. Как говорится, ни кола, ни двора. Поживёт у какой-нибудь

бабёнки, забрюхатит её и убежит к другой. Захочет поесть - забежит к матери, где она в это время находится и: «Мам, налей чего – nibудь поесть». Бабушка нальёт супу, молока. Однажды наша мать отдоила грудососом стакан молока и оставила на столе. Дядя Шура увидел в стакане молоко не молоко, подумал, что мы ребяташки сделали чай с молоком да не выпили, опорожнил стакан. Вскоре мама хватилась. Надо было заправить бутылочку с соской: «Где мое молоко?» «Какое молоко?» - сказал дядя Шура – «на столе стоял чай с молоком, я его выпил». « Это не чай, а молоко, которое я из себя выдоила». «Тьфу, ежабить те в сердце! Тьфу, напился я детского молока!» Так и ушёл дядя Шура из дома, плюясь и ругаясь..

Когда началась война, дядю Шуру на войну не взяли: у него хронически не заживала рана из – за того глупого выстрела. Я, сидя на печке, иногда наблюдал, как бабушка делала ему перевязки. Однако, это ему не мешало быть среди баб самым модным ухажёром в свои 30 лет. Бывало и некоторые бабы, схватив друг друга за волосы, зарабатывали право увести его к себе. До того, как он остепенился и стал жить с Ольгой Григорьевной, я насчитал у него шестерых детей. Галина, дочь Ольги Григорьевны и дяди Шуры, была седьмая. Наконец дядю Шуру можно было увидеть работающем в своём огороде. В хозяйстве появилась корова, стали заготавливать сено. И вот однажды они пришли на покос затем, чтобы готовые копны стаскать и сметать в зарод, но увидели, что их сено в копнах всё плавает в реке. Это одна из женщин, с которой он проживал до Ольги Григорьевны и у которой от совместной жизни росли два сына, в отместку стаскала все копны в реку. И такое в жизни бывает. В дальнейшем дядя Шура и Ольга Григорьевна уехали на 31-й, а позднее на Федино.

АНТОН и КАТЕРИНА

Катерина жила с тремя малолетними детьми в маленькой комнатухе в здании школы. Эту комнату, как правило, отдают школьным техничкам, видимо она в школе работала. Я часто забегал в эту комнатку поведать двоюрод-

ных братишек, а их было трое. Однажды я увидел сидящего на табуретке человека в солдатской форме, ремень с портупеей и к стенке прислонённая трость. Это был Антон Прохорович Жуковец, комиссованный из армии по случаю язвенной болезни желудка. Я об этом узнал позднее.

Антон Прохорович был женат, ещё до войны. Жена Анна погибла при обстоятельствах мне неизвестных, говорили: несчастный случай. Поэтому мужик, вдовец пришёл к Катерине с серьёзными намерениями создать семью.

Положение Катерины на тот момент, мягко говоря, было не завидное. Муж на фронте, трое малолетних детей, двое из них больные. Хозяйства ни какого, чурку дров отпилить надо кого-то звать. Да из леса надо сухое дерево спилить и привезти. Как говорится в таких обстоятельствах: «Куда не кинь везде клин». Молодая баба, ей всего-то 25 лет, согласилась на предложение Антона Прохоровича. Реакция на эту выходку Катерины была откровенно бурной. Раскудахтались все родственники Катерины. Мать Катерины, наша бабушка Лена, со словами: «Ты, что делаешь! У тебя же мужик на фронте!»-схватила за волосы и оттаскала. Брат Катерины, наш дядя Шура, выражал своё негодование тем, что выдумывал об Антоне Прохоровиче разные небылицы. Несмотря на прохладное отношение всех родственников Катерины к Антону Прохоровичу, совместная жизнь Антона и Катерины продолжалась. Антон уговаривал Катерину переехать на Ниновский, там у него было своё жильё,

но она не соглашалась покидать 20-й. Тогда Антон Прохорович принял решение: строить своё жильё. Хорошо сказать строить, а как? Время – то было какое? 1944 год, шла война, ни кто ни каким строительством не занимался, понятно почему. И всё-таки он начал строить полуземлянку в косогоре напротив дома Василия Жарких. Правда дома не было и вообще на косогоре за речкой Светлая стоял одиноко дом семейства Мелехиных. Вспомнил Антон Прохорович как в 1910 году, его отец Прохор Сидорович по зову царского правительства получил подъёмные и вместе с семьёй выехал из Белоруссии на Урал. На Урале обещали земли дать столько, сколько сможешь обработать. Семья у Прохора 10 человек. Он, жена и 8 детей: Василий, Федос, Пелагея, Елена, Антон, Яков, Ефросинья, Никита.

Это была уже вторая волна переселенцев. Переселенцы-первопроходцы, которые прибыли на Урал в начале века обжились, обустроились. Прилично выглядели новые дома в посёлках на новых землях. Из Белоруссии поездом ехали до Верхотурья. В Верхотурье купили лошадь, сбрую, телегу, сложили всё, что с собой привезли на подводу и просёлочными дорогами отправились в сторону 63-го посёлка. Шли все пешком за подводой, кроме малышки Фроси, ей было всего три года. До 63-го посёлка от Верхотурья примерно вёрст 65-70. Одолели этот путь за два дня с ночёвкой в одном придорожном посёлке. На 63-м посёлке временно поселились в доме Хвощевского Никифора. Место для будущего 62-го посёлка было выбрано красивое. Южный пологий склон, вековая тайга, сплошной сосновый бор. Единственный недостаток: не было поблизости речки, но родники не далеко от поверхности. Колодец не придётся глубоко копать. Сначала делали землянки, впоследствии их использовали как погреба. Там хранили картошку, молоко. Работы было много. Пилили лес, готовили сруб дома, корчевали и разрабатывали землю под посевы. Дома в посёлке рубили просторные: 6 на 12, пятистенники.

Располагали дома так, чтобы восход солнца был в окна, и заход тоже. Из большого семейства в первые годы помощниками Прохору Сидоровичу были только два старших сына: Василий, которому было 20 лет, и Федос 14-ти лет. Двенадцатилетняя Пелагея, как могла, старалась помогать мужикам, потому и выросла она с навыками обращения с любым плотницким инструментом. Высокая, сильная, широкой кости, девица Пелагея, подрастая, старалась ни сколько не уступать в работе мужикам, и ей это удавалось. Семилетний Антон тоже имел свои обязанности по хозяйству, но возможность со сверстниками убежать в тайгу у него была. А щедрая уральская тайга всё больше радовала переселенцев. В том году, когда они приехали, на Урале был большой урожай кедровых орехов. Кедровник у Актайского болота был не далеко от посёлка, и первыми, кто появлялся в кедровнике, проверяя поспела или нет шишка, была ребятня, и с ними семилетний Антон. Позднее когда шишка доспеет и после ветра начнёт опадать, собирать шишку выходили семьи всего посёлка. После ностальгических воспоминаний Антон Прохорович ещё больше убедил себя в том, что землянку построить, но не более, возможность есть. В расчёте только на свои силы он начал копать в косогоре нишу размером три на четыре метра в которой, по его задумке должна разместится полуземлянка. Она будет выглядеть так. Три стены будут полностью в земле, только передняя стена, в которой по середине дверь и два окна по обе стороны двери. Один недостаток, солнца в окнах будет только при восходе.

Стена с дверью и окнами будет обращена на северо-восток в сторону речки Светлая. Я не буду рассказывать подробности строительства, на это ушло лето и осень 1944 года. Зимовали уже в землянке. Катерина была беременна.

В мае 1945 года она родила четвёртого сына - Николая Антоновича. А вскоре с войны пришёл Власов Алексей Иванович. Что творилось в душе у Катерины, знает только одна

она. А я запомнил: забегает к нам в квартиру Катерина с завёрнутым ребёнком, положила его у входа на холодную каминку, сказала: «Мама придёт, пусть возьмёт его, я сейчас», и ничего не добавив, убежала. Колька лежит на каминке и заливается детским криком месячного ребёнка. Наша мать гремит в кухне посудой и не подходит к ревущему Кольке, да это и понятно, ей свои – то надоели. Пришла бабушка, перепеленала ребёнка, дала соску. Понутив голову, бабушка молча сидит на табуретке. Мама спрашивает: «Чё Катерина-то делает?» Бабушка ответила: «Лешак бросил её под Антона, сейчас локти кусает» А Алексей Иванович Власов вскоре женился на Катюше Маркиной. В первые годы он забрал своего сына Вовку к себе, а когда в семействе Власовых стали появляться дети, Вовку вернули тёте Кате. Тётя Катя какое-то время семьей жили в полуземлянке, потом перебрались на Ниновский. Землянку продали.

Антон Прохорович нигде никогда не был оформлен на работу. Он работал и зарабатывал деньги, на содержание семьи только работая по прямым договорам, считал себя свободным в выборе занятий. Пришла пора заготавливать сено, и он полностью отдаёт себя этой работе. Сдаёт готовое сено в сахалинский колхоз, получает деньги согласно договорённости. На таком же основании он ведёт заготовку дров для колхоза. Если вдруг лошадка понадобится для хозяйственных нужд, колхоз выделял, никогда не отказывал, учитывая его сотрудничество с колхозом. В межсезонье Антон Прохорович шёл к Маляревичу (был такой, на Ниновском, смотритель узкоколейки) нанимался готовить шпалы для ремонтных работ на железной дороге. Одним словом без работы не сидел. Получив деньги, он по своему расслаблялся. Покупал водку, закуску, садился на полянке у магазина.

Зазывал всех проходящих мужиков и угощал, приглашая для разговора. В это время он весь светился оптимизмом и за то

его уважали и на 20-м, и на Ниновском. В трудные времена ему никто не отказывал, если он просил одолжить денег, знали, он обязательно в ближайшее время заработает и отдаст.

К работе он относился с какой-то одержимостью, на износ, потому что всегда знал цену, за которую пластается. Мне пришлось в 1953-м году две недели с Антоном Прохоровичем находиться в кедровнике, был в том году большой урожай кедровых орехов. В первый день он, не снимая когтей, лазил по кедрам, а я собирал шишку в мешки. Сойдёт на землю, самокрутку выкурит, чайную ложечку соды запьёт водой, успокоит язву и снова на кедр. А ему в это время было уже 50 лет. Это был последний год его жизни. Всё чаще от него можно было узнать о похождениях его любвеобильной жены. С большой горечью он рассказывал об этом, но кроме сочувствия ничего не имел.

Отец на работе всегда ездил на верховой лошади, кроме зимних холодных месяцев. Мне было десять лет. В ту пору отец ездил на кобылице по кличке Зеленка. Как только увидят мальчишки привязанную к столбу у конторы Зеленку, собирались в надежде, что кому-нибудь повезёт и удастся прокатиться, отгоняя её на конный двор. Но я лишал их этого удовольствия. По-хозяйски проходил в контору, спрашивал у отца, не пора ли отогнать лошадь, и если он разрешал, я выходил, отвязывал её от столба, с трудом вскарабкивался в седло и уезжал. Ни разу я не предложил кому-нибудь из ребят, чтобы они отогнали Зеленку. Откуда это у меня, кто воспитал у меня такое высокомерно пренебрежительное отношение к своим товарищам?

Однажды, как это и бывало раньше, в середине лета приехали на 20-й директор и агроном, чтобы лично посмотреть, как развиваются всходы и какие виды на будущий урожай. Для них оседлали ещё две лошади, и они с отцом на трёх лошадях

отправились по полям. После нескольких часов они подъехали к конторе, спешили, привязали лошадей к столбу и зашли в контору. Увидев у столба оседланных лошадей, к конторе подошли несколько ребят моего возраста и, конечно, я с ними, в надежде, что удастся прокатиться до конного. Но тут подошли двое старших ребят, Иван Маркин и Ванька Князев. Если нам тогда было по десять лет, то им по четырнадцать. Два Ваньки сразу ко мне: «Иди, спроси у отца». И я пошёл спрашивать. Отец, обращаясь к директору: «Ещё поедем куда?» «Нет - нет» - сказал директор. Я вышел из конторы, сказал: «Отгоняйте». Сам пошёл отвязывать Зеленку. Два Ваньки подбежали к лошадям, отвязали, закинули повод, крепко держа его в руке, ногу в стремяна - и они уже в седле. Ускакали, не дожидаясь меня. Если мне нужно было забраться в седло у дома, я подводил лошадь к изгороди и, зашагивая по жердям повыше, таким образом добирался до седла. У столба такой возможности не было, а ребята не желали мне помогать. Зеленка вела себя беспокойно, я еле сдерживал её, пытаюсь вскарабкаться в седло. Когда мне это удалось, я стал просовывать ноги в стремянные ремни. Зеленка в нетерпении мотнула головой и повод, выскочив из руки, оказался около ушей. Зеленка сразу ощутила, что удила не натянуты. Пользуясь полной свободой и подталкиваемая табунным инстинктом, она с места рванула и понеслась вдогонку скрывшимся из вида лошадьми каким-то диким галопом. Я просунул спереди седла левую руку, а сзади правую, и из последних сил держался в седле. Когда на конном конюхи поймали лошадь и стали стаскивать меня, я был так напуган, что никак не отцеплялся от седла. «Как же так, неуправляемая лошадь – сказали конюха – она же могла тебя расшибить». Несущаяся неуправляемая лошадь так же опасна, как и машина без тормозов.

Итак, мне 10 лет. Кроме учебы, у меня были обязанности по хозяйству. Пришёл из школы, поел и надо идти конюшни

чистить, застелить их трухой, заправить кормушки сеном и сгонять всю скотину на водопой к речке Светлой. Открываю калитку - выстраиваются друг за другом и идут к реке по узкой зимней тропе корова, тёлка, овцы, а баран стоит, ждет меня, когда я на него сяду верхом - так я его приучил, и ехал на нём к реке. Напились воды - и в таком же порядке возвращаемся обратно. Я даже кое-кому из друзей позволял прокатиться на этом крупном и сильном баране, но только если мне помогут чистить конюшни.

Вторая обязанность – пилить дрова. В те времена летом дрова не заготавливали, просто времени на это у родителей не было. Зимой отец высматривал в лесу или на поле какую-нибудь сухарю, они шли с матерью, спиливали её и на лошади притаскивали к дому. Это была сухая сосна или даже кедр, как говорили, на растопку, и сырые берёзовые дрова. Пилили в основном отец с матерью, но и меня подключали к этому процессу. В дальнейшем, когда мы подросли, дрова стали заготавливать весной и складывать в лесу поленницы. Чтобы прозимовать зиму в тепле, надо было заготовить 30 кубометров дров. Дрова заготавливали в строго выделенной лесничим для этого делянке, строго соблюдая сказанные лесником правила. Пеньки оставлять определенной высоты. Сучья следовало складывать в кучи и по осени, когда подсохнут, сжечь. Сжигать сучья можно было только в дождливый день, чтобы избежать загорания в лесу. За всеми правилами поведения дотошно следил наш лесничий Павел Степанович Шпилевский. Что бы о нём ни говорили, он был добросовестный, пунктуальный человек, до конца жизни был верен своему любимому делу – охране лесов. И совсем другое дело, что творилось в лесах в роковые 90-е годы, да и сейчас ещё не утих этот беспредел. Ново-Лялинские варвары ведут себя в лесу хуже любого завоевателя по принципу: после нас хоть потоп.

У крестьян самая горячая пора - это заготовка сена. К это-

му времени готовились основательно. Надо было ухватить короткие погожие деньки и заготовить хорошего сена. Приводили в порядок литовки, грабли, вилы. Для меня уже в десять лет была приготовлена малая литовка. С этих лет по утрам я ходил с отцом, матерью, дядей Мишей и тетей Лизой летом на покос. Будили в четыре часа. Почему так рано? Потому что отец и дядя Миша косили до семи часов и прямо с покоса шли на работу, благо покос был рядом с деревней. Мы обкашивали косогоры на Красном Яру вдоль реки Нясьмы. В семь часов мы возвращались домой. Немного отдыха, завтрак и

часов в одиннадцать шли воро-чать сено все, кто мог держать грабли в руках. Высушенное сено складывали в копны, и, когда копен набиралось на хороший стог, в определенный день лошадью их стаскивали. А дядя Миша с отцом

метали зарод. Отец стоял на зароде, принимал и укладывал сено, а дядя Миша подавал. Этот процесс длился часов до 10 – 12 ночи. И так каждый день, пока не заготавливали 10 – 12 тонн сена. Две тонны нужно было сдать в совхоз за право пользования сенокосными площадями. Труд был изнурительный, требующий большой энергии и силы. Поэтому всегда перед покосом резали барана и мясо солили в эмалированном ведре, так как холодильников не было. С постной едой много сена не заготовишь. В 1956 году отец вышел на пенсию и ближний покос у него отобрали. Было очень жалко. Пользуясь покосом несколько лет, по весне мы всегда расчищали его, чтобы потом ничто не мешало косить, размахивая литовкой в полную силу широким прокосом. Наш

покос стал далеко от дома 6-7 километров.

Место это называли балалайкой. Большая треугольная поляна на излучине реки Нясьмы и зауженная полоса заросшего травой берега похожи были на огромную балалайку. Место исключительной красоты. Сразу за рекой начиналась гора, а у подножья росли кедры и там находился родник, откуда брали для питья воду. Воду брали и из речки Руднянки, которая была недалеко. Дальний покос был для нас по-своему хорош тем, что романтики было больше. Во-первых, мы не ходили каждый день на покос и с покоса, а сразу обосновывались капитально с ночевками на весь период покоса. Для этого сразу начинали строить балаган. Срубали березу, оставляя пень чуть выше полутора метров, устанавливая вторую опору в 2,5 метра от пня, и закрепляли толстую жердь на этих двух опорах. К жерди (основная балка конструкции) устанавливали наклонные колышки и к ним крепились продольные прутья ветвей срубленной березы. На такую обрешетку складывали сухое сено слоем не меньше 0.5 метра. Из колышков выгораживали лаз размером таким, чтобы человек мог на четвереньках вползти в балаган. Изготовленный из сухого сена тюк по размеру лаза плотно прикрывал вход. Вход в балаган был постоянно закрыт, чтобы туда не попали комары.

После трудового дня и отужинав, мы по одному вползали в балаган и затягивали за собой тюк. За нами пытается забраться наш верный пес Ункас, но его место было снаружи у балагана. Спать в балагане на сене и вдыхать аромат свежесушеной травы, другого лучше ничего не возможно придумать для крепкого безмятежного сна.

Часов в шесть отец уже будит, самое время косить, пока на траве держится роса. Косили часа три, затем завтракаем, пьем вскипяченный на костре чай и едим всё, что осталось от ужина. К обеду варим хороший наваристый суп из солёной баранины. Весь день ворочаем и сушим вчерашнюю кошенину. В полдень,

в самую жару – отдых. Совмещаем приятное с полезным. Берём бредень и лезем в реку ловить рыбу. Удачно не удачно, но на уху всегда поймаем. Часа в четыре к нам приходит мать, приносит хлеба и заквашенного творогом топленого молока, ни с чем не сравнимая вкуснятина. Вечером варим уху. И так каждый день. Если повезёт с погодой, с покосом управлялись за две недели, ну а если дожди мешали, покос затягивался на большее время. Время заготовки сена плавно переходило в заготовку ягод. Идешь прокосом по косогору, махнёшь литовкой раз, два - из травы на тебя смотрят крупные спелые ягоды земляники. Отложишь литовку в сторону, соберёшь ягоды в горсть и отправишь в рот.

Вкусовые ощущения невозможно передать на бумаге. Начинают поспевать малина, черемуха, смородина - всё это в большом количестве на покосных угодьях. За брусникой и черникой ходили в лес на заветные места, каждый житель деревни знал такие места, и всем хватало, пока за ягодами не ездили на машинах и не ходили по лесу толпами. Ягоды брали только спелые, а не так как сейчас однобокие. Самую первую болотную ягоду морошку брали ещё до покоса и только из неё варили со специфическим запахом варенье. Остальные ягоды, кроме брусники и клюквы, сушили. Клюкву собирали поздно осенью, спелую, а иногда, если рано выпадает снег, весной, когда он растает. Но это были редкие случаи, обычно боровая птица была проворнее человека. Жимолость, костяника, рябина – и в сушёном виде она тоже имела место. В зимний период бабушка всегда знала, когда и какую ягоду запарить и напоить нас этим отваром. Она знала и как лечить желудок настоем мухомора, в каких дозах принимать этот ядовитый гриб, но этим она лечила только себя. От бабушки мы узнавали, какие грибы съедобные, а какие нет. Какие травы можно есть сразу, как сорвёшь. Бабушка увидела, как мы с лиственниц колупаем серу и как жвачку жуём (правда, от такой процедуры в рот долго

ничего не возможно было взять: зубы отбиты, называли такое состояние). Бабушка из бересты в русской печи в чугушке варила вар и давала нам такие черные жвачки- совсем другое дело. Много знала бабушка Елена, трудная жизнь всему научила. Она рассказывала, как в голодные 1929 - 30-е годы, когда выгребали у крестьян всё, что те сумели вырастить, шли к озеру, тянули камыши, корни которых сушили и толкли, сушили мох, парили лебеду, всё это перемешивали и пекли из этого месива лепёшки.

Бабушка для нас, внуков, была одна, и с каким трепетом мы в детстве относились к тем ласкам, которыми она нас одаривала, прижимая к себе. А вот её дочери относились к стареющей бабушке безобразно, особенно Елизавета, у которой она жила. Вместо того, чтобы к лесенке сделать перильца для удобства на печь забираться, ей запретили к печи подходить: «Шаркаешь, половики буровишь, не ходи, лежи» - распорядилась Елизавета. Однажды я был в шоке от увиденного: кровать с бабушкой стоит в холодных сенях, и под худеньким одеялом, скрючившись - бабушка. Елизавета пошла ещё дальше: прямо с кроватью решили перетащить бабушку в баню, пусть там лежит и им не мешает. Но тут увидел наш отец и устроил разнос. Бабушка осталась лежать в доме, но к ней подходили редко и не заметили, как она умерла. Так и хоронили в скрюченном состоянии. Бабушка до конца жизни переносила всё это, говоря: «Это Бог меня наказал за Варюшку и Ванюшку». Бабушка умерла в 1977 году в возрасте 90 лет, так и не узнав, что случилось с детьми. Прошло почти 30 лет и однажды, а это было в 2003 году при просмотре телепередачи «Жди меня» седовласый мужчина, назвавший себя Леонид Константинович, обращается за помощью найти его сестру Варю. Рассказывает свою историю, которую рассказала перед смертью его приемная мать.

Это было в 30-е годы. По деревне идёт девочка лет девяти и за руку держит брата лет пяти. Увидев, что на них смотрит

женщина, вышедшая из дома, они подошли и попросили что-нибудь поесть. Женщина позвала их к себе в дом, накормила и стала расспрашивать, кто они и откуда. Варя, так назвала себя девочка, с братом были в детдоме всего одну ночь, им там не понравилось. Днём Варя где-то в заборе отодвинула доску, с братом вылезли и убежали.

«И куда же вы теперь?» - спросила женщина.

«Не знаем» - ответила девочка Варя.

«Малый пусть у меня остается», - сказала женщина. Варя согласилась и на утро отправилась одна. Впереди - неизвестность. Малого Вариного брата приютили, вырастили, дали ему имя Леонид и отчество по имени приемного отца. О том, что у Леонида есть сестра Варя, он, как только узнал, решил через передачу «Жди меня» разыскивать. После передачи меня пронзила догадка. Вот почему не могли в детдомах найти Варю и Ваню: они сбежали. Когда женщина рассказала эту историю Леониду Константиновичу, она назвала место, где это происходило: Северный Казахстан. И это сходится. Районный центр Лебяжье, где отдали в детдом Варю и Ваню, находится в 60-ти километрах от Казахстана. Я позвонил на передачу «Жди меня» и рассказал обо всем и дополнительно подробности написал в письме о том, что у Вари и Вани есть ещё живые брат и три сестры и много племянниц и племянников. Ещё я написал, что мы уверены, что Леонид Константинович - это и есть наш дядя Ваня. Несколько раз звонили мне с передачи «Жди меня», я просил у них адрес, хотелось с ним пообщаться, но ни на какой контакт он с нами не пошёл, оно и понятно. Он сестру Варю узнал, что такая существовала по рассказам приемной матери, а тут вдруг напрашивается куча родственников. Как говорить, не было ни гроша и вдруг алтын. Вот такая история.

ЕЛИЗАВЕТА

Трудно жилось оставшемуся семейству Пилигримовых на Выселках в Ёлошном после смерти Алексея Игнатьевича. И кулаками вроде не считали, а дом отобрали. Только займут какой-нибудь пустой дом, как вскоре найдутся хозяева и выгонят. Займут другой - то же самое. Приходилось даже жить в землянке, стены которой были сложены из дерновых пластов. Елизавета, которой исполнилось 17 лет, уступая домогательствам одного, как она выразилась, бандита, вышла за него замуж. Какое замужество? Свадьбы не было, сошлись и жили, правда, не долго. Не прошло и года, как они добровольно, в обоюдном согласии, разбежались.

К этому времени Елена Егоровна и Катюшка собрались ехать на Урал, туда, где жила Тоня со своим семейством. Поехала к ним и Елизавета. Но до 20-го она не доехала. Какой-то попутчик её сагитировал выйти на 75 км (это недалеко от города Реж) и там, в столовой, её примут на работу. Сказано - сделано. Елизавета обосновалась на этом разъезде. Работая в столовой, она познакомилась с Михаилом Никитиным, недавно демобилизовавшегося из армии. Они поженились и через небольшое время уехали на 20-й.

На 20-й приехали и остальные Никитины: отец Михаила - Степан Федорович и сестры Васса и Мария. Семья Елизаветы с Михаилом поселилась в одной из комнат двухкомнатной квартиры, размер комнаты 3х4 метра. До войны у них родились дочери Галя и Юля, а в начале войны - Неля. Хочу сразу сказать, что в этой тесной комнате они жили очень долгое время, пока не построили свой дом. Я удивлялся, а где же бабушка спала при такой тесноте? А где придётся. Её постоянно просили пожить в нашей семье, всё-таки у нас просторнее, да и печка есть большая, где можно погреть стареющие косточки. Но Елизавета цепко держалась за бабушку, не отпуская её от себя. У неё и огород был, в котором бабушка хозяйничала, а в конце войны наш отец подарил Елизавете бычка, которого она с дядей Шурой

увели на Сахалин в колхоз и там обменяли на молодую дойную корову. Радости у обоих было предостаточно. Так что бабушка осталась у Елизаветы навсегда.

В войну женщины, у которых мужья были на фронте, собирались погадать и таким образом хотя бы что-нибудь о них узнать. Заводилой таких мероприятий была Елена Пуликова. И вот однажды, сидя на печке, я услышал, что этот сеанс будет проводить Елена у тётки Лизы в комнате. Я быстро собрался и под предлогом поиграть у Галины её игрушками, я оказался там. Когда собрались женщины, тётка Лиза посмотрела на меня, но не выгнала. А сказала только, чтобы сидел тихо. И вот я смотрю. Елена на столе, стоящем посреди комнаты, раскладывает большой лист бумаги с нарисованным кругом и вокруг круга цифры и буквы. Посредине кверху доньшком ставится блюдце с нарисованной на нем стрелкой. Елена руководит этим процессом. Велит всем положить руки над блюдцем как можно ближе, но чтоб пальцы не прикасались к блюдцу, а руки не прикасались к листу бумаги, то есть как бы руки висели в воздухе. Елена говорит, сейчас не помню, какие-то слова и блюдце начинает двигаться. Вращаясь, оно останавливается перед какой-нибудь буквой. Так постепенно складывается слово. Завороженный, я был потрясен таким действием. Мне казалось, что это волшебное блюдце, как то волшебное зеркальце из сказки, знает всё, что сейчас делается на фронте. А вот то, что пальцы не прикасались к блюдцу, я видел сам.

В нашей квартире была большая русская печь. Топили ее круглый год каждый день. В ней готовили пищу для всей семьи, она обогревала площадь всей квартиры и служила лекарем при всех простудных заболеваниях. Стоит посидеть на печи, прокалиться на горячих кирпичках, и простудный кашель исчезал сам собой. Для меня она ещё служила и местом прослушивания всевозможной информации. Накатаешься с горки на санках, замёрзнешь, прибежишь домой – и на печь. Лежишь, отогре-

ваешься, никто на тебя не обращает внимания. Заходит к нам на кухню к матери кто-нибудь из женщин и начинает рассказывать какие-нибудь новости. У меня - ушки на макушке, слушаю. Вот, рассказывает, что на Журавлике в Первомайской больнице есть хороший хирург, Рычков его фамилия, он делает запрещённые законом тех лет аборт. И делает он не всем, а только хорошо знакомым, чтоб никто не смог его выдать. Чтобы сделать аборт (а я уже знал, что это такое), нужно выйти на его знакомых и получить согласие. Конечно, за такую услугу его обязаны отблагодарить, кто чем мог. Собралась к Рычкову и тётя Лиза. Шушукались в кухне долго. Согласие Рычкова получено и даже знали, чем его отблагодарить. Сошлись на том, что ему за это привезут свежего мяса. Дядя Шура должен заколоть барана, а мясо отвезёт тётя Катя. Всё обошлось гладко, тётя Катя мясо дотащила до места назначения. Риск был большой, по законам тех времен в тюрьму мог попасться тот, кто делает аборт и тот, кому делают. И всё-таки бабы, которым он отказывал делать операцию, донесли на него. В их заявлении было написано, что они в замочную скважину лично всё это видели. Этого талантливого хирурга Рычкова посадили. Я как-то тётю Кате рассказал эти подробности, она очень удивилась моей осведомлённости и подтвердила, да, это всё так было, и мясо она носила.

Ну ладно. Война окончилась, постепенно возвращались мужики к своим семьям. Ждали и дядю Мишу Никитина. Он приехал неожиданно 6 ноября 1945 года. Тётя Лиза помогала маме выбелить квартиру, поскоблили и вымыли пол, сели отдохнуть. Открывается дверь, на пороге Вовка Никитин, прибежал босиком по снегу: «Тётя Лиза! Дядя Миша приехал!» Охнула тётя Лиза, фуфайку на плечи и бежать. На другой день племянник дяди Миши Мишка Глазырин уже красовался перед нами в новенькой пилотке, которую ему подарил дядя Миша. Мне так захотелось тоже иметь пилотку, и я пошёл к ним.

Захожу и говорю: «Дядя Миша, мне тоже пилотку надо!» Дядя Миша взял из угла вещмешок, порылся в нём, достал старую выцветшую от солнца пилотку и подал мне. Я был очень рад такому подарку и с пилоткой в руке убежал к ребятам похвастаться.

Жизнь в семье Никитиных пошла своим чередом. Родились ещё двое детей Нина и Валентина. В 50-х годах построили свой дом. Дядя Миша работал полеводом, тётя Лиза техничкой в медпункте, а все домашнее хозяйство волокла бабушка. Это уход за скотом, работа в огороде и догляд за подрастающим поколением.

Первой выпорхнула из родительского гнезда Галина. Не знаю где перехлестнулись их судьбы с молодым студентом Исовского геологоразведочного техникума Уткиным Юрием Константиновичем. Этот брак был обречён на развод с самых первых дней совместной жизни, поскольку у них были совершенно разные взгляды на эту жизнь, без взаимопонимания. Галине надо, чтобы муж был дома после работы каждый день в одно время. Юра, как он выражался, всю жизнь боролся за свободу. У него была профессия журналиста, а не тракториста, который в кабине за смену натрясется и рад тому, что добрался до дивана. Но Галина - из рода Пилигримовых, решила заняться перевоспитанием Уткина. Что из этого получилось? А то и получилось.

Где-то я прочитал интересную мысль одной женщины. Мужчина - дикое существо, очень дорожащее своей свободой и независимостью. Это животное, живущее своими инстинктами: поесть, поспать, трахнуть. И не нужно, бабоньки, пытаться переделать то, что заложено самой природой. Вы ничего не измените, только сделаете хуже, причем не ему, а себе. Уткин ушёл, даже не стал разменивать квартиру. Не стал мелочиться, взял только телевизор, без которого жить не мог. Поступил благородно, как и подобает мужчине. Последний раз я встречал-

ся с ним в Москве в 1983 году в его новой квартире, которую он недавно получил. Ночевал у них. Вечером мы долго сидели, разговаривали с его женой. Он пришёл домой в 11 вечера. Жена ни словом его не упрекнула. Его дочь в этом году пошла в первый класс. Умер Юра на 65 году жизни. Отдавая дань памяти этому человеку, я закончу главу рассказом о его не лёгкой судьбе. Судьбе первого зятя Елизаветы.

ВСЁ О ДРУГЕ

1956 год. Командир дивизионной радиостанции, которая оборудована в машине ГАЗ-69, готовится к демобилизации. Этого паренька звали Юра Уткин. Классный военный специалист связи первый узнавал о приказах, касающихся жизнедеятельности дивизии. Служба проходила в Западной Украине, в Ужгороде. Получен приказ: по боевой тревоге дивизия походным маршем движется на Варшаву. Там какие-то волнения.

Юра постоянно на связи. Дивизия движется на больших скоростях. Западные дороги таковы, что при движении без всяких трудностей телеграфисты работают ключом. Не доезжая Польши, Юра слышит в наушниках новый приказ: срочно развернуть дивизию и двигаться на Будапешт. Командир дивизии тут же развернул колонну, не зная ещё, что ждёт солдат впереди. А в Будапеште готовились основательно. Находящаяся под Будапештом советская стрелковая дивизия была в одну ночь обезглавлена. Весь офицерский состав вырезан прямо в квартирах. Эту дивизию командование стран Варшавского договора срочно вывело на территорию Советского Союза, а в Будапешт направили мотострелковую дивизию. Она вошла в город.

По узким улицам двигались БМП с солдатами, а на их головы с крыш домов опрокидывались емкости с расплавленным битумом. Выскакивающих из БМП солдат в упор расстреливали из окон домов. По улицам пошли танки. Навстречу им вышла колонна женщин с детскими колясками. В колясках лежали кук-

лы, но солдаты об этом не знали.

Колонна танков остановилась. Из открытого люка высунулся офицер, пытаясь что-то объяснить женской толпе с колясками, но попытку прервал выстрел из окна дома. Офицер повис на башне танка. А в шлемофоне водителя головного танка надрывался голос: «Почему остановились! Вперёд и немедленно!». Водители выполняя приказ, двинулись на женщин. От одной мысли, что творится под гусеницами танков, водители сходили с ума.

На Будапешт был брошен десант, приказано стрелять по всему, что движется – и только после десантного прочёса всё затихло. Определять, бунт это или революция, путч или восстание – дело историков. А когда туда прибыла дивизия, в которой и находился Юра Уткин, всё уже было сделано.

На пустынных улицах Будапешта всюду валялись осколки разбитых витрин магазинов и прочий мусор. Через разбитые витрины можно было войти в любой магазин – ни одной живой души. Висят меха, прострелянные автоматными очередями. На полках и на полу валяется всё, что было в магазине. Глядя на всё это, солдаты не удержались от соблазна и начали кое – что распахивать по карманам, например, ручные часы и другую мелочь.

Юра тоже не удержался и облюбовал тюк добротной костюмной ткани. Затащил в радиостанцию и спрятал под аккумуляторы. «Как-никак, а после демобилизации пригодится», – думал он. Через неделю поступил приказ: дивизия возвращается обратно в Ужгород. Всех предупредили, что на границе будут проверять на предмет мародёрства.

И вот – граница. Завтра будет проверка. Всю ночь Юре не давал спать упрятанный тюк ткани; и под утро он не вытерпел, пошёл к радиостанции, вытащил этот тюк – и бросил в реку. После этого он спокойно уснул. Утром была проверка. Из строя вывели несколько человек; у одного из вещевого мешка выгреб-

ли полведра наручных часов – и увели его вместе с часами. К радиостанции подошли и спрашивают Юру: «А у тебя что есть?» Он – им: «Смотрите сами». Но проверяющие не стали обшаривать, внимательно посмотрели на Юру, и ушли.

Юра Уткин, начинающий журналист, В 1959-м году, с самых первых дней образования в Качканаре газеты «На стройке Качканара» работал штатным корреспондентом. Он был моим лучшим другом и жили с ним в одной комнате общежития по ул. Качканарской 9. Он работал в газете, пока в ней работали Евгений Спехов, Николай Коропачинский, журналисты с большим опытом работы. «У них есть чему поучиться», - говорил Юра и ушёл в 1961 году, когда редактором был поставлен инструктор парткома треста «Качканаррудстрой». Юра уехал в г. Нижняя – Тура работать в газете «Вперёд к коммунизму».

Мне стало не хватать друга. Он для меня был не много не мало «консультант по публичному поведению», так его я в шутку называл. Но в Нижней Туре он не долго пробыл, ребята из областной газеты «На смену!» пригласили в Свердловск. В Свердловске он поселился с семьёй в комнате, которую ему выделили, позднее перебрался в двухкомнатную квартиру. Жену устроил бухгалтером на кондитерскую фабрику. Не имея специального образования журналиста, он делает два важных шага: становится студентом-заочником факультета филологии госуниверситета и вступает в партию коммунистов. Это по тем временам было необходимо. Кажется, всё, что надо для жизни и карьеры, сделано — живи, работай, радуйся. Но начинается чёрная полоса. Жена подозревает Юру в супружеской неверности. По своей недалёковидности считает, что надо написать жалобу в госуниверситет и в партию, пусть разберутся. Но реакция была неожиданной. Юру исключают из партии и выгоняют из университета. Семейная жизнь после этого стала разваливаться. Юра уволился, выписался и уехал из Свердловска,

оставил в квартире жену с дочерью. Начались годы скитаний. Далёкий сибирский город Тура стал его пристанищем. После Свердловска это было похоже на ссылку добровольную. Юра понимал, что долго тут не задержится.

Следующий был город Ростов. Поработав немного в одной из газет, он так и не смог вжиться в коллектив. Без поддержки друзей, это очень трудно и практически невозможно. Уволившись, он решил ехать в Москву к друзьям, там давно обосновались многие насменовцы. Не повезло ему и на этот раз: сломал ногу. Не имея средств к существованию, он с большим трудом добрался до г. Чебоксары, там жила его мать. Пока залечивал ногу, познакомился с медсестрой, была создана новая семья. Теперь – в Москву. Друзья помогли ему устроиться работать в областной газете, а жить пришлось в общежитии г. Дедовска, на девяти квадратных метрах долгие годы в ожидании квартиры. И вот, наконец, выделили квартиру, Юра уже ходил смотреть. Через две недели обещали заселение. Но вот тут случилось непредвиденное. По заданию редактора Юра подготовил материал о браконьерах. При подготовке он воспользовался документами, охотно предоставленными ОВД Подмосковья. Когда материал о браконьерах был напечатан в газете, к редактору явился человек и заявил, что всё, что написано о нём в газете — чистая клевета. Он положил на стол редактору командировочное удостоверение, подтверждающее то, что в это описываемое время он был в командировке. Редактор тут же вызвал Юру Уткина.

– Вот тот, кто писал об этом, если я сейчас уволю его, будет достаточно, чтобы всё уладить?

– Достаточно, - и, обращаясь к Юре:

– Всё, ты уволен с сегодняшнего дня.

Юра ещё раз приходил к редактору с просьбой отсрочки увольнения на месяц, надеясь успеть заселить квартиру, но редактор даже разговаривать не стал.

И опять остался Юра у разбитого корыта с семьёй. У них родилась дочь. Это было в конце 70-х годов. Новое место работы — это пресс-центр газеты «Социалистическая индустрия» и новое ожидание, когда дадут квартиру. Проживая в Москве, он только через семь лет её получит. Я был у него в этой квартире в середине 80-х годов. Просьбу никому не давать его адрес я выполнил. Он боялся, что после его смерти появятся наследники с претензиями.

НОВАЯ РОДНЯ

В конце 1943 года наша семья вернулась с Граневского на двадцатый. Даже мой детский взгляд заметил в посёлке изменения. Посёлок как бы потускнел. Из ярких красок можно увидеть только лозунг и красный флаг на конторе к праздникам 1 мая и 7 ноября. Остальное всё серое.

В деревне появились новые семьи, новые люди. В четырёхквартирном доме, где проживали Беленцовы и Никитины, поселилась семья Нагушевых.

Военное лихолетье загнало их из Мордовии на Урал. Семья была большая. Глава семьи Константин, его жена, сыновья Николай, Иван, Александр, дочери Катя, Люба. Все они работали, не работал только Шурка. Он был немного старше меня, и я частенько забегал к нему по нашим мальчишеским делам. Поэтому я немного видел эту семью изнутри. Старик Константин, не знаю, сколько ему было лет, постоянно находился дома, плёл лапти или, сидя верхом на скамейке, крутил руками чугунную небольшую примитивную мельницу, если можно её так назвать. В этой мельнице перетирались зёрна собранных Катей и Любой весной на поле колосков. Полученная пригоршня муки добавлялось в оттаявшую картошку, которая собиралась на поле при весенней пахоте. Из перетёртого и перемешанного с горстью муки месива делались лепёшки. Сашка угощал меня. Я не знаю, что сейчас сказали бы о таком кушанье, но тогда было очень вкусно.

К нам на 20-й с первого подхода переехала тётя Нюра, младшая сестра отца. Она была замужем, но с мужем перед войной разошлась, детей у неё не было. На 20-м она стала работать дояркой. Поселилась в этом же доме, где жили Нагуше-

вы, только в одной квартире с тётёй Лизой Никитиной. Кухня одна, а комнаты разные. Тётя Нюра, когда к нам заходила, смотрела на наш муравейник и тоска жгла её душу. Как никак, а этой молодой тридцатилетней бабе не на кого было излить материнские чувства. Она звала меня ночевать, и я был доволен тем, что ночуя, слушал её чудесные сказки, которые она продолжала рассказывать несколько вечеров. Сейчас их бы назвали многосерийные.

Дома нам таких сказок никто не рассказывал. Когда мы просили уставшего отца рассказать сказку, он рассказывал про семивёрстную кобылу. А смысл был такой. Жил был мужик, была у него семивёрстная кобыла. Пошёл мужик её запрягать. Только хотел на голову узду надеть, она взяла и повернулась к нему задом.

- Ну, а дальше? - спрашивали мы

- Вот как он пройдёт семь верст, зауздаёт кобылу, тогда и дальше

расскажу. Мы ждём, слышим, отец захрапел. Толкаем его:

- Мужик уже дошёл!

- А...а...а...а она опять повернулась.

Вот и вся сказка. Он снова захрапел.

Война шла к концу. Катя Нагушева ждала своего мужа после окончания войны. Она говорила, обращаясь к подругам: «Молитесь, девки, Богу, моя Яшка придёт - всем хватит». Встречаясь на работе и после работы, тетя Нюра с Николаем начали сближаться. И вот настал момент, когда она решила сказать своему брату, то есть нашему отцу, что решила выйти замуж. Отец как-то неодобрительно отозвался об этом решении,

сказав: «Мне на работе надоело с ним скандалить, а тут ещё он в зятя просится». На что тётя Нюра решительно ответила: «Тебе хорошо говорить, у тебя всегда под боком лежит, а мне что, век куковать одной?» - и со слезами вышла из дома.

Вскоре они поженились. Родилась первая дочь Надя. Позднее эта семья – дядя Коля и тётя Нюра с дочерью уехали с 20-го в Алапаевск. Очень трудно жили, но очень дружно. Переехали на станцию Выя, срубили маленький домик, обзавелись хозяйством, нарожали и воспитали пятерых детей. Со временем построили дом попросторнее. Я, когда учился в ремесленном училище, летом по пути домой в ожидании поезда с Выи на Ис (надо было ночь коротать на станции), с ребятами пришёл ночевать к тётя Нюре, зная, что они никогда не откажут. В маленьком домике разместить нас было негде, и мы расположились на сеновале. Наде было лет семь а там ещё двое.

Тётя Нюра с дядей Колей приезжали в гости к нам на 20-й и приятно было смотреть на эту довольную жизнью пару.

В 1959 году они приехали к нам на праздник 7 ноября. После хорошего застолья мы пошли на Нясьму. Река уже покрыта крепким льдом и там у нас была сооружена развлекалка. На замороженный в лёд лом одевалось колесо от телеги. К колесу закреплялась жердь длиной 5-6 метров, а на конец жерди привязывались санки. Вокруг колеса посыпался песок, чтобы ноги не скользили. В спицы колеса вставлялись палки, за которые раскручивалось колесо с санками. Смелчаки усаживались на санки и начиналась раскрутка. Никто не мог удержаться на санках полный круг. Срываясь с саней, человек далеко катился по льду вдоль реки. На эту забаву пошли посмотреть и взрослые. Дядя Коля стоял, смотрел, а потом вдруг сел на санки и сказал: «Я держусь крепко и не сорвусь ни за что». Его раскрутили, и он сорвался, но полетел не вдоль реки а на берег в камни. Мы были в ужасе. Подбежали к нему, подняли, осмотрели, переломов нет, а вот кожа на голове рассечена. Тётя Нюра замотала голову ему шалью и пошли домой. Мы как виновато себя чувствовали, что не знали как сгладить свою вину. На другой день они уехали на Выю. Позднее нам рассказали, что по приезду дядя Коля показал свою рану родственникам, на что ему отец Константин сказал: «Ты больше не ездь к ним, они все равно тебя убьют». До сих пор чувство вины перед этими хорошими людьми не прошло у меня.

«ТЕМНЫЕ СИЛЫ»

В детстве мне много сказок рассказывала тетя Нюра, младшая сестра отца. Она была не замужем, детей не было, и когда приходила к нам, приглашала меня к себе, и я охотно шёл к ней ночевать. У себя дома она меня убаюкивала хорошими, длинными, страшными сказками про чертей, про колдунов.

А вот наяву я услышал то же в детстве. О том, что в нашей деревне, а точнее на Зимовье, живёт колдун и зовут его Илларион Банников. К моему отцу с Зимовья пришёл дед Бородейко Степан жаловаться на своего соседа Банникова. Суть жалобы была такова: «Каждый день – рассказывал дед Бородейко, – у меня отнимаются ноги, сижу и не могу подняться, а причина идёт от колдовства Банникова. Если вы не примите к нему меры, то я своими средствами расправлюсь с ним». «Это какими такими средствами собираешься расправиться?» - спросил отец и получил ответ: «Я сделаю так, что у этого колдуна будет жопу коробить так же, как бересто на огне». Вот так, а не иначе была высказана дедом Бородейко угроза и я своими ушами впервые в жизни услышал такое.

Всё это я вспоминал после, глядя на высокого, рыжего с голубыми глазами деда Банникова Иллариона. Ну какой же это колдун, он по виду ни одну живую тварь не мог обидеть, сам был похож на большого ребёнка.

Ну да ладно, пойдём дальше. В деревне, не знаю с чьей «легкой» руки, женщины между собой называли друг друга не по имени а по прозвищу от фамилии. Вот например Павлу Михайловну Обабкову называли Обабчиха, Маркину – Марчиха, Жарких – Жарчиха и так далее. Парасковью Степановну

Ярославцеву – Ярославчиху, вообще причислили к людям, которые приносят невезуху, несчастья, если её встретить. С чего бы это умудренные жизненным опытом старики, как Михаил Григорьевич Корюков и Иван Семенович Мелехин, отправляясь на охоту или на рыбалку, заметив, что на них смотрит Ярославчиха, возвращались домой убеждённые в том, что рыбалка или охота не будет удачной. И это убеждение было у всех, кто проживал в деревне, и даже несмышленная молодость свято верила в эту примету. Однажды Гена, мой брат-подросток, играючи взобрался на стоявшую у магазина берёзу и вдруг увидел идущую к магазину Ярославчиху. Он быстро стал слезать, боясь, как бы она его не «сглазила», и с нижних веток не удержался, упал на землю. Отбил себе вдохи и лежит. К нему подошли, спросили, что случилось, а он с трудом вымолвил: «Ярославчиха виновата». Коля Костюченко, восьмилетний пацан, выждал, когда Ярославчиха с полными вёдрами воды поднимется от родника на горку, прыгнул сзади ей на спину и уронил старушку. И эта маленькая сухая старая женщина никого в жизни ничем не обидела, терпела такие пакости от взрослых и детей. Надо было видеть тогда плачущую, с пустыми вёдрами возвращавшуюся домой Парасковью Степановну, чтобы понять всем, какая всё-таки глупость живёт в душах односельчан. За свою долгую жизнь Парасковья Степановна никому никакого зла не сделала и ни к каким тёмным силам отношения не имела.

Вот ещё некоторые факты, которые могут подтвердить, что тёмные силы все-таки есть. Если это не простые совпадения. Или суеверия.

Первое. В одной из радиопередач я услышал высказывание, которое записал дословно: «В глухих уральских и сибирских деревнях могут сделать такое над людьми и животными, что медицина не в силах чем-либо помочь, а медики ничего не могут понять».

Итак, пойдём дальше. Жила была в нашей деревне обык-

новенная семья Швайбович – Гриша и его жена Ефросинья. В 1938 году у них родился сын Геннадий. Кажется, ничего особенного в их жизни не было, всё как у всех. Но вот стали замечать, что не ладно творится с Гришей. Летом он как вол работал, а начиналась зима, как медведь уходил в спячку, лежал, спал, никуда не выходил и нигде не работал. Ефросинья Антоновна, жена, придя домой после работы, не выдерживала и с упреками обращалась к мужу. В ответ он хватал верёвку и начинал себя душить. Односельчане прозвали эту болезнь «медвежья», а природу этой болезни видели в колдовстве. Григория отвезли в психиатрическую больницу Пермской области, и больше он не возвратился. По этому поводу я услышал такую байку. В молодости Гришу очень любила одна дивчина, младшая сестра Тани Ананьевой и в отместку за то, что Гриша женился не на ней, она уговорила брата дать выпить Грише какого-то зелья, что он и сделал, смешав его с водкой, вот и всё. А может это совпадение. Да, вот ещё что. У Ефросиньи с Гришей было двое детей – Геннадий и Николай, и оба погибли при обстоятельствах, которые называют диким случаем, а в деревне связывали с тем, что семья была заколдована. А может это совпадения?

В деревне поговаривали, что сёстры Пилиgrimовы связаны с этими тёмными силами. Особенно выделяли Елизавету Алексеевну, и даже пример приводили. Ушёл от дочери зять Слава - и жизнь его сложилась трагически, то же случилось и со вторым зятем Юрой. А зять Валентин открыто называл свою тещу колдуньей.

Окончательно утвердилось в деревне то, что Пилиgrimовская порода дружит с нечистой силой после смерти бабушки Елены Егоровны. «У неё даже руки с коленками срослись» - говорили между собой деревенские. Вот тут я полностью отвергаю все домыслы. В такой позе бабушка застыла от «большой любви» своих дочерей. Чтобы как-то ото-

греть руки, зажала их в согнутых коленях, да так и окоченела. А дочери долго не подходили к матери считая, что она спит.

Я в своих воспоминаниях не могу пройти мимо судьбы ещё одного уважаемого мною человека. Это Саша Радченко. Подросток военных лет, в послевоенные годы - замечательный парень с низким басистым голосом, сводившим с ума не только девчат, но и молодых баб, изголодавшихся за войну по мужской ласке. Сашка ходил в клуб с баяном, он только учился играть на нём, но всегда был в окружении девчат. Девчата пели песни, а он им на басах подыгрывал. У него закрутилась любовь с деревенской красавицей Валеёй Забродиной на зависть всем окружающим. Глядя на них казалось, что ничего их не сможет разлучить. И вот однажды, работая в одной бригаде по заготовке сена, они договорились, что в субботу, когда бригада уедет в посёлок, они останутся в балагане, чтобы вдоволь насладиться друг другом. Когда они оказались одни, Валя быстро сбросила с себя одежду и голенькая встала перед Сашкой. К такому повороту событий тот был не готов. Он опешил. Получилось как в анекдоте: грузин привёл к себе девицу, она быстро разделась и стоит голая. Он ей говорит: «Нет, так дело не пойдёт, одевайся и сопротивляйся». И Сашка бросился догонять уезжающую в деревню бригаду. Продолжения эта любовная история не получила. Валя из деревни уехала и очень далеко. Это сейчас никого не удивишь женскими голыми телами, а в те времена голых можно было увидеть только в женской бане, а в женскую баню мужики не ходили.

В год призыва в армию Сашка обратил внимание сразу двух девушек: Наташу Кандыбаеву и Раису Кирилловну, учительницу, которая недавно приехала работать в двадцатовскую начальную школу. Не зная, на ком остановиться, он из армии писал письма и той и другой, но предпочтение все-таки отдавал учительнице. Наташа не стала ждать, когда он придёт из армии и вышла замуж за недавно демобилизованного-

ся моряка Костюковича Валентина. Раиса Кирилловна вышла замуж за Хвощевского Василия Мироновича. И получилось у Сашки как в прибаутке: «Ух, ух между двух, погляжу - один лежу». Кругом свободным возвратился из армии Сашка. За три года он мастерски освоил игру на баяне и по-прежнему ходил в клуб, играл на танцах, но его ровни холостых девчат не было, а желающих заполучить такого парня хотя бы на одну ночь было предостаточно. Он женился на женщине с Сигнального, кажется Петрова её фамилия, но семьи не получилось.

В конце пятидесятых годов он построил себе новый дом и стал в нём жить с матерью. Но однажды дом сгорел, и он переселился жить к сестре Анне, помогая ей в хозяйстве. Николай Павлович, муж Анны, не так давно умер. И вот тут, живя у сестры, началась заключительная история его жизни. Напротив дома Анны Костюченко стоял дом семьи Закаменных. Семья была большая, шестеро или семеро детей было в этой семье. Глава семьи работал на одиннадцатом километре узкоколейки и жил там. Жена ходила к нему только в дни полочки, чтобы деньги забрать. Хозяйка этого большого семейства Закаменниха, как её звали в деревне, положила глаз на Сашку. Как только в окно увидит, что Сашка с пустыми вёдрами пошёл к речке за водой, она в бидончик наливала браги и отправлялась за ним. Вот, пожалуйста, «Тихий Дон» по-двадцатовски. От речки они уходили в кусты. Эти встречи к неудовольствию Сашкиных сестер Анны и Галины стали постоянными. Сёстры все ещё надеялись, что Сашка наконец обзаведётся семьёй и как могли, отгоняли от него Закаменниху. Но однажды Закаменниха нагло им заявила, что после меня Сашка ни одной бабе нужен не будет. Что это, совпадение или что-то другое? Все получилось, как сказала Закаменниха. Сашка прожил до 70 лет бобылем и умер как-то неожиданно и странно, якобы от паленой водки.

ТАНЦЫ ПОД ГАРМОШКУ

1951 год. Лето. После окончания Старо-Лялинской школы я находился дома. Наступала сенокосная пора, и, конечно, надеялись на мою помощь. Мне уже 15 лет. В эту горячую пору все на покосах.

В обед приходит отец и говорит мне:

- Иди на конный двор, там конюхи уже запрягли лошадь, и ты отвезешь двух милиционеров на 63-й поселок. Они приехали с Иса на дрезине. Послать больше некого. На 63-м какое-то убийство произошло.

До 63 поселка километров 14-15. Я пришел на конный двор, милиционеры меня ждут. Сели в запряженные дрожки и поехали. Старый мерин по кличке Пароль вышагивает нехотя.

- Нельзя ли побыстрее, а то мы и к вечеру не приедем.

Я выломал вицу и стал размахивать ею, вынуждая мерина сменить размеренный шаг на бег хотя бы трусцой. Переехали вброд Нясьму. Дорога пошла в гору. Пусть не круто, но такой затяжной подъем почти до 62 поселка. Дорога проселочная, узкая, заросшая травой. Очень редко кто-нибудь по ней проедет, и то на лошадях. Кругом стоят высокие сосны, да так плотно, что хвоя почти не пропускает свет неба. Светло только на дороге. Какая-то жуть, подумал я.

- Что там случилось? – спросил я у милиционера.

- Не знаем, кто-то кого-то убил – едем разбираться.

Часа в четыре дня мы прибыли на место убийства. На свеже выкошенной полянке, недалеко от ивового куста, вниз лицом лежал молодой человек. Милиционер перевернул парня, и все увидели жуткую гримасу мертвого лица. Во мне еще не прошла детская боязнь покойников, и я отошел подальше, чтобы больше ничего не видеть.

Так что же произошло? На поселке базировалась бригада по заготовке сена для Исовского прииска. Несколько жителей занимали три дома, остальные дома были заброшены. Выбрали дом, в котором били пол и потолок. Застеклили выбитые окна, и

поселили женщин и поваров. Мужчин поселили в балагане, километрах в двух от поселка, ближе к сенокосным угодьям.

У бригадира было ружье, оно висело в балагане. Вечером в воскресенье молодые и здоровые покосники решили устроить в доме, где жили женщины, танцы. Гармонь и гармонист были. В разгар танцев одна молодка приглянулась сразу двум парням – она показалась им легкодоступной.

Парни вышли на улицу выяснить отношения и подрались. Схлестнулись два самца, и никто не хотел уступать. Победил тот, кто сильнее. У зверей побежденный уходит с поля битвы, уступая самку сильнейшему. Человек более развитая особь, он начинает искать, как отомстить обидчику. И побежденный нашел выход.

Танцы шли до полуночи при свете керосиновой лампы. За это время он сходил до балагана, взял бригадирово ружье, которое было заряжено. Вернулся в поселок, засел в ивовый куст у дороги и стал ждать, когда парни начнут возвращаться в балаган. Не обнаруживая себя, ждал, когда пройдет обидчик. Тот задержался и шел последним.

Обиженный окликнул его. Парень пошел на голос, прямо на куст, решив еще добавить тому, кого он поколотил, но получил заряд дроби в живот. После этого тот, кто стрелял, пришел в балаган, подал ружье бригадиру и говорит:

- Возьми ружье, я только что убил, и назвал кого. Бригадир вместе с ребятами и убийцей пошли на место преступления. Занималась утренняя заря, вот-вот взойдет солнце. Парень лежал, не шевелясь, вниз лицом. Зарядом был убит сразу, наповал.

Убийцу заперли на замок в амбаре – нашелся такой в деревне. Одного из работников пешком отправили на Ис, в отдел милиции, сообщить о происшедшем. И вот стою с милиционером около трупа. Внимательно прислушиваюсь к разговору.

- Ну, что ж все ясно, остаемся работать, а труп пусть он везет на 20-й, там вызовут дрезину и отправят на Ис.

Реакция моя была моментальной:

- Никакой труп я не повезу! Вот вам лошадь, делайте, что хотите, а я пошел домой.

Быстрым шагом я стал удаляться.

- Стой! Вернись! – крикнул один из милиционеров.

Я подошел. Милиционер, обращаясь к бригадиру, спросил:

- Сколько километров отсюда до Иса?

- Километров 15, - ответил бригадир.

- Столько же до 20-го, - добавил я.

Милиционер к бригадиру:

- Лошадь у тебя есть?

- Да.

- А чего ты молчишь? Давайте на своей лошади везите труп, а мы остаемся здесь работать со свидетелями и убийцей. Передашь записку начальнику милиции, пусть за нами завтра что-нибудь пришлют.

- Мне можно ехать домой? – спросил я.

- Да, можно.

И я уехал. Облегченные дрожки Пароль тянул с удовольствием. Все-таки дорога домой – подгонять не надо. Дорога, поднявшись после 62 поселка на увал, к реке Нясьме, стала затяжным спуском. Пароль разбежался, и его приходилось сдерживать. В сумерках лес вдоль дороги стал совсем темным, и я боялся взглянуть в эту темноту. Боялся увидеть среди деревьев искаженную гримасу мертвеца. Только, когда переехали реку, я облегченно вздохнул – это уже родной 20-й.

Домой приехал поздно, все уже спали. Поел и полез на сеновал – на лето там была моя постель.

ПАРОЛЬ

С мерином по кличке Пароль, через полгода после той поездки на посёлок 63-й с милиционерами, меня снова связала судьба. Это был зимний месяц январь. Стояла тёплая, непривычная для середины зимы погода от -5° до -10° ночью. В деревенской пекарне заканчивалась мука, и продавщица, баба 35 лет отроду, собралась на Ис в продснаб. Там уже был заказан товарный вагон, к нему нужно было подвозить муку и грузить в вагон. Кучером она выбрала моего друга Вовку, он уже был постоянным работником в подхозе. Вовке велела позвать с собой меня. Я ещё нигде не работал и охотно согласился поехать на Ис. Грузчики мы с Вовкой были жидковатые, нам только что исполнилось по 16 лет, но дело не в этом. Чтобы успеть погрузить муку в вагон до отхода поезда Ис-Старая Ляля, мы выехали из деревни в 6:00 утра. Прибыли на Ис, меня на территорию склада не пустили, и я слонялся по Ису целый день в ожидании когда они появятся, не понимая, для какой цели меня они взяли. А грузчики, которых выделили для погрузки муки, целый день грузили на наши розвальни муку, Вовка подвозил к вагону, и грузчики перегружали в вагон. Последний раз загрузили розвальни и не стали разгружать, выехали за ворота склада. За гружёным вагоном уже подошёл паровоз, Вовка быстро отдал мне вожжи и сказал: «Езжай домой, а я поеду в вагоне» и убежал. Я огляделся: ага, обоих тулупов нет, с собой в вагон забрали. Обошёл вокруг повозки, посмотрел на Пароля, понуро опустившего голову, уселся поудобнее на мешки с мукой, взял в руки вожжи и «Ну, пошёл, Пароль».

Зимняя дорога шла через разрезы в сторону Дружелюбного. Пароль медленно тащил гружёные мукой розвальни. Снегу в эту зиму было много, и узкая санная дорога была похожа на бесконечный желоб, по краям которого попадались отдельные клочья сена. Пароль стал останавливаться и тянуться к этим клочкам. «Он же голодный», - мелькнула у меня догадка. Видимо, так торопились с погрузкой, что и покор-

мить не успели, а сено, которое было в розвальнях, тоже с собой взяли в вагон. Ну, мягкожопые, крепко выругался я и решил накормить коня. Остановился и стал собирать по обочине сено. Кормление Пароля заняло, наверное, полчаса. Учитывая то, что от Иса я отъехал в пятом часу вечера, то сумерки плотно охватили нас во время кормёжки. Я и сам, глядя на Пароля, почувствовал, что голодный, но с собой ничего не было. Наверное, что-нибудь перекусить у продавщицы с Вовкой было, но он так торопился, что обо мне забыл. Через час-полтора темнота плотно окутала нас и Пароль слился с ночью. Я подумал, хотя бы никто навстречу не попался, как разъезжаться будем? Но никаких встречных повозок не было до самого Двадцатого. Пароль медленно вышагивал, а мне, сидя на мешках без движения, становилось прохладно. Подумал: «Обормоты, тулуп забыли мне оставить». Пришлось большую часть пути идти за повозкой пешком, согреваясь.

Темень была непроглядная, низкие зимние облака закрывали звёзды, с ними всё-таки не так темно. В этой ночной жути поневоле я стал пристально вглядываться. Вспомнились недалёкие военные годы, когда в наших лесах было много волков. Вспомнились и жуткие рассказы тех времён о встречах с волчьими стаями. Этими мыслями я нагнал сам себе страху до дрожи в руках и холодного пота между лопатками. Вот уже подъезжаем к Ниновску, через пару километров будет посёлок. Но что такое? Пароль остановился. Я дёргаю вожжи, а он стоит. Решил посмотреть, что случилось. Обойдя коня, я вдруг запнулся за лежащую на дороге дугу. Ни фиги себе, конь распрёгся. Почему? Этого ещё не хватало. Неужели гужи лопнули? От такой панической мысли вдруг стало жарко. В темноте я стал на ощупь проверять исправность сбруи. Оказалось, всё в порядке. Просто дугу надо было пошире, а то вся упряжь была слабой. Я снова запряг Пароля, подумал, теперь всё, до Двадцатого немного осталось, доеду без приключений. Но не тут-то было.

На Ниновском, переезжая через железнодорожный тупик, розвальни раскатились, ударились о край канавы, и два мешка муки свалились в снег. Попытка вернуть мешки обратно ничего не дала, не хватает силёнок. Я сел на мешки, и от бессилия по щекам потекли слёзы. Надо звать на помощь. Я собрал остатки сена, которое было на розвальнях, подсунул Паролю, чтобы он был занят и не ушёл без меня, отправился к Антону Прохоровичу за помощью. Он удивился, что так поздно, но сходил помог мне. Я спросил:

- Сколько сейчас времени?

- Да уж скоро одиннадцать.

Больше до Двадцатого приключений не было.

В 12:00 ночи подъехал к магазину. Там меня в сторожке ждали два мужика и продавщица. Не спал и отец, сказал, если я через полчаса не подъеду, надо идти на конный запрягать лошадь и ехать искать. Что-то случилось? С Иса до 20-го с мукой я добирался 8 часов. Хватило до слёз.

Вовка на другой день похвастался мне, что они вдвоём выделывали в двух тулупах, а я сказал то же самое выделывал с двумя мешками муки, но без тулупов.

Больше ты меня в такую компанию никакими калачами не заманишь!

КАК Я ОСТАНОВИЛ ДРАГУ

В свои пятнадцать лет я оказался на драге. Это было в 1951 году. Между поселками Сахалин и Ниновский на реке Нясьме начала работать вновь построенная драга №29. Она была модернизирована, в технологию внесены некоторые новшества.

В связи с этим на драгу прибыла группа исследователей из института «Уралгипрозолото», чтобы определить, какой процент золота при добыче уходит в отвалы. Не буду описывать, каким путем я попал в эту группу, но факт остается фактом: меня, подростка, временно оформили на работу.

В мои обязанности входило брать пробы. Работа моя начиналась по-разному: в зависимости от того, на каком этапе идет отработка забоя. Если забой заканчивался, работать начну после того, как драга шагнет на новый этап и произведет вскрышу. На это уйдет часа два. В это время я ходил по драге, изучая ее. Мне все было интересно.

Были и запретные места. Нельзя заходить в драгерку. Не подпустят близко туда, где идет всполоск, — там стоит охранница с наганом на боку. Не подойдешь близко к концентрационным столам. Женщины, которые натирают шестиметровые столы ртутью, сразу отгонят. А так хотелось не только близко посмотреть, но и пощупать натертые ртутью до зеркального блеска столы.

По этим наклонным качающимся столам пропускали песок с водой, и ртуть задерживала в себе мельчайшие частички золота. В дальнейшем женщины губками сгоняли ртуть в тазики. После в специальной комнате через ткань отжимали ртуть, и остатки ртути выпаривали в электропечах.

Вот на такое обработанное мелкое золото на противне мне разрешали посмотреть в присутствии охранницы, удовлетворяя мое любопытство. Настоящее золото я таким образом увидел впервые. В этой комнате стояли колбы с ртутью. Очень тяжелые.

Я это рассказал для того, чтобы показать, насколько опас-

ная была работа у женщин, обращающихся с ртутью. Они отгоняли меня от столов, зная, что находиться вблизи вредно для здоровья. Но сами зарабатывали здесь льготный стаж. А защищены они были очень просто. На руках — резиновые перчатки, на лице — марлевая повязка.

Работа моя закончилась через два месяца необычно. По заданию я начал наполнять ящики породой. Мне еще дали пробник, чтобы я и его заполнил. Для удобства я поставил его на раму. Неожиданно торчащим из ковша корневищем пробник задело, и он скатился вниз. Через боковое отверстие вывалился в воду и начал плавать. Я испугался, что за утопленный пробник придется отвечать, и стал спускаться по раме вниз. Забой заканчивался, и рама с ковшами была опущена до предела. Чтобы дотянуться до плавающего пробника, надо за что-то держаться. Я ухватился за тонкие корешки деревьев, которые застряли между рамой и тягами, поддерживающими раму.

В это время меня увидел драгер. Я находился в таком опасном месте, где человек при работающей драге не должен находиться ни при каких обстоятельствах. Драга была остановлена.

На нижней палубе стоял мой начальник и жестом показал мне, чтобы я шел к нему. Как он начал меня ругать! Невдомек мне было, что ругал он меня за дело. Ведь могло случиться непоправимое.

После этого я ушел домой и на драгу не возвратился. Не выдержал, добровольно оставил эту работу.

ПОСЛЕСЛОВИЕ

Отец руководил подсобным хозяйством на 20-м с 1936 года по 1956 год с годичным перерывом, когда он призывался на войну и работой на Граневом. После 1956 года он был на пенсии. В 1956 году все трактора довоенного выпуска типа ХТЗ и подобные марки были сданы в металлолом. Вместо них сельские хозяйства получали новую технику ДТ-54, КТ-35 и другие тракторы.

На 20-м появился первый комбайн «Северянин». До 20-го от Ниновска протянули ЛЭП 380 вольт, воду в хозяйства стали качать насосами. Установили пилораму (до этого пиловочник возили с Иса). Стали строить новые дома. Казалось, всё идет к лучшему, живи и радуйся. Но не тут-то было. За послевоенное десятилетие молодежь посёлка постепенно перебиралась на «семёрку». А остальной молодой рабочий люд в 60-е годы перебрался в Качканар. В деревне остались почти одни пенсионеры, которым как бывшим фронтовикам в Качканаре и Нижней Туре были предоставлены квартиры.

В начале 90-х годов Ис-энерго отключил 20 км, то есть посёлок Черничный, от электроэнергии сказав, что нечего для нескольких пенсионеров держать линию под напряжением - и двадцатикилометровый участок ЛЭП с молниеносной быстротой лишился алюминиевых проводов. Это уже конец. В 30-х годах в деревнях зажигали лампочку Ильича, в 90-е лихие безжалостно их гасили. И зарастают сейчас огромные площади полей постепенно лесом. Даже травы никто не косит: некому. Летом в деревне живут несколько дачников, наслаждаются оглушающей тишиной, чистым воздухом и вкуснейшей родниковой водой.

Ухоженный деревенский погост тихо хранит светлую память о людях, проживших трудную жизнь многодетных семей и веривших в то, что когда-нибудь жизнь будет лучше, чем у них. Каждую весну на праздник Троицы в деревню приезжают несмотря на бездорожье их дети и внуки с Качканара, из Нижней Туры, Лесного, Екатеринбургa. Они общаются, вспоминают

своих родителей и их нелёгкую судьбу.

P.S.

После ухода отца на пенсию деревенским подсобным хозяйством в разные годы руководили:

1. Гаев Тимофей Васильевич
2. Ананьев Федор Иванович
3. Иванчик Семен Адамович
4. Дралов Григорий Федосович
5. Власов Алексей Иванович
6. Костюкович Валентин Антонович
7. Корюкова Мария Александровна.

МОБИЛИЗОВАННЫЙ НА РАБОТУ

Мысль о том, что я буду учиться в ремесленном училище, пришла не сразу. В начале мне понравилась ладно сидевшая парадная форма на парнях, которые учились в Исовском ремесленном училище № 46. Иван Князев, Вовка Нечаев, Вовка Мелехин появились в клубе на Двадцатом, и мы стали их расспрашивать, что и как. В деревню приехала в отпуск Тоня Забродина, которая уже окончила ремесленное училище и работала где-то в Новосибирске. Своими нарядами, деньги на которые сама зарабатывала, она разительно отличалась от деревенских девчат. Я с ней весь вечер танцевал, после танцев мы с ней долго ходили по полевым дорогам, я её много расспрашивал о ремесленном училище. Переговорили с Юркой Беленцовым и решили - едем. К нам подключился и Сашка Зуев. Взяли с собой необходимые документы и уехали в Верхнюю Туру учиться на токаря.

На приёмной комиссии спросили: «Кем вы хотите быть?» «Токарями». «Ну, какие из вас токари, такие здоровые парни. Мы вас определим в группу кузнецов». Мы с Юркой молчим, не знаем, что сказать, на лице недовольное выражение. «Если не согласны, забирайте документы, группы токарей у нас уже укомплектованы». Как мы убедились позднее, группы токарей укомплектовались из детдомовских ребят и девчат. Мы согласились на кузнецов, поскольку неудобно было возвращаться в деревню «забракованными», не принятыми. После комиссии мы ненадолго приехали домой, стали собираться на долгую двухгодичную жизнь в РУ-19.

Родительских напутствий особых не было. Правда, Николай Гаврилович, Юркин отец, подумав, что мы отрываемся

от родительского пригляда в свободное плавание, а поскольку нам уже шел 17-й год, будем напропалую спать, с кем попало, решил высказать нам напутствие: «Ну, ребята, вы сейчас в таком возрасте, что ляжешь двое, а встанешь трое, думайте, думайте». С этими словами мы уехали.

После прибытия в училище нас распределили по группам, приставили к каждой группе мастера, который на все два года будет главным наставником и учителем той профессии, которой будем обучаться. Мастером нашей группы кузнецов был опытный кузнец с дореволюционным стажем работы. Чилигин Александр Иванович - большой мастер своего дела. Он был пенсионером, и последний раз согласился вести группу кузнецов. После знакомства построил в две шеренги, повернул налево и повёл в баню. Когда мы познакомились, стоя в шеренге, я обратил внимание на трёх парней. На них была такая ветхая одежонка, что мы против них выглядели шикарно. Эти парни были из Брянской области, и нищета там была запредельная. У одного из них, а это был Кондрат Феофан Феофанович, штанина кроме заплат, была совсем оторвана и он её закрепил тремя кусочками проволоки. В бане нас постригли нагладко, помыли и одели в рэушное обмундирование. Когда одевались, мы обратили внимание на Феофана Феофановича. Он впервые в жизни держал кальсоны и одел их вязочками вперед. Когда увидели, что он впереди завязывает вязочки, мы расхохотались. После бани мастер повёл нас в училище и в общежитии заняли каждый свою кровать. Мы с Юркой заняли маленькую комнату, в которой провалялись все два года. В группу пришёл воспитатель, познакомился с нами. Пепеляев Георгий Афанасьевич, нами уважаемый человек на весь период учёбы. Учёба началась с занятий в классах. Распорядок в училище был такой: утром зарядка, завтрак и учебные занятия, на другой день – зарядка, завтрак и практические занятия на заводе у кузнечных наковален с мастером. Но это потом, а в начале нас обучали слесарному делу.

Какие бывают напильники, как их правильно держать в руках, как обрабатывать ими металл. Как пользоваться зубилом и правильно рубить металл, в общем, много слесарных премудростей и навыков. Прежде чем их одолели, мы молотками чаще били по казанкам рук, чем по зубилу. Примерно через месяц мы уже начали изготавливать по заданию мастера простые детали. Например, мастер даёт поковки и нужно изготовить молоток. И только пройдя краткий курс слесарного дела, мы непосредственно приступили к кузнечному. В кузнечном цехе завода мы имели свой угол. Стояла нагревательная печь, работающая на мазуте и вокруг шесть наковален. У каждой наковальни пара: один кузнец, другой молотобоец. Периодически меняемся местами. Сегодня Юрка кузнец, я - молотобоец, в следующий день наоборот. Мастер с каждым разом усложняет задание, иногда сам показывает, как надо работать. Он брал кого-нибудь из нас, молотобойцев, и показывал класс. Он так лихо выхватывал клещами из печи заготовку, поворачивался к наковальне и начинал работать молотком, показывая, в какое место поковки нужно ударить кувалдой, и каждый удар молотобойцев подзванивался ударом молотка о наковальню.

Мы стояли в это время с восхищенными глазами, слушая музыку настоящего мастера, другого сравнения не могу подобрать. С такой же красотой он показывал мастерство работы кузнечным молотом.

Шло время, и мы постепенно набирались опыта и умения у этого великого мастера. В столовой нам, как носителям этой тяжелой профессии, полагалось хлеба больше, чем остальным:

всем 800 грамм, а нам килограмм. Кроме учебы и производственной практики занимались строевой подготовкой, ежедневно после ужина маршировали. Скоро праздник 7 ноября и мы в парадной форме будем проходить перед трибуной по площади города Верхняя Тура, все 250 учащихся РУ-19. После праздника все парадные вещи сдавали на хранение в каптёрку коменданту. Юрка всё сдал, а я поленился и оставил до завтра. Ночью у меня украли ботинки. Было очень обидно. По тем временам, а это 1952 год, таких ботинок не было в магазинах, чтобы купить, да и денег тем более взять неоткуда. Вора мы вычислили только спустя год. Это был один из брянских парней нашей группы. Он это сделал по заданию своего земляка, второгодника. Ботинки были проданы на базаре. А парню этому мы устроили самосуд. Закрыли группу, каждый подходил к нему и бил кулаком по лицу. Занятие препротивнейшее, а надо чтобы это сделал каждый.

На праздничные дни нам разрешили съездить домой. Мы забрали сумки с одеждой, в которой приехали в училище и увезли домой. По тем временам выбрасывать эти вещички было бы большой роскошью, донашивать было кому. Первый раз до станции Выя поехали на пассажирском поезде, в дальнейшем чаще всего мы ездили на товарных поездах. Научились цепляться за поручни площадки товарного вагона проходящего поезда и так же на ходу спрыгивать. Товарные поезда чаще всего на станциях Верхняя и Выя не останавливались, а сбавляли ход. На станции Малая Выя коро-

ли ночное время, поезд до Иса по узкоколейке шёл раз в сутки утром. Другого пути добраться на Ис не было. На Ису садились на поезд, идущий до Старой Ляли и если всё благополучно, часа через два были на 20-м. Побывав дома, мы вернулись в училище, привезли с собой домашней стряпни.

Шло время, мы уже втянулись в ритм жизни училища, и свободное время устраивали кто как. Когда началась зима, преподаватель физкультуры заметил, что Юрка хорошо ходит на лыжах и стал его индивидуально тренировать, забирая всё его свободное время. Я лыжную беготню не любил и когда преподаватели физкультуры устраивали лыжные гонки на 10км, на первом километре сходил с лыжни, прятался за домами и ждал, когда ребята начнут возвращаться. Пропускал пять лыжников и становился на лыжню, к финишу приходил с приличным результатом. А Юрка молодец, он с годами добился своего часа и стал мастером спорта по лыжным гонкам. К девчатам в общежитие мы в первые месяцы не отваживались ходить. Девичьи общежития были вотчиной второгодников. Правда, когда устраивались танцы, то я выходил и приглашал кого-нибудь из девчат. Странно было смотреть на танцующие пары. В основном танцевали девчата. Танцующих ребят было мало, и они отличались друг от друга: второгодники с причёской, а первогодники, как я - лысые, остриженные наголо.

В свободное время стал осуществлять свою детскую мечту, занялся радиолюбительством. Достал книжку «Юный радиолюбитель» и стал мастерить детекторный приёмник. На крыше общежития натянул наружную антенну. Но у меня не было наушников. Чтобы купить, нужны деньги. Я договорился с одним из парней группы, не помню с кем, и мы нанялись одному мужику распилить во дворе машину дров, за что он дал нам 25 рублей. Мы их поделили. За 5 рублей я купил детекторный приемник с наушниками, а за 7 рублей резиновые калоши, чтобы носить их вместо украденных ботинок весной. Когда принес,

оказалось они на одну ногу. Я пошёл в магазин, чтобы мне обменяли, но со мной даже разговаривать не стали. Так весной и ходил в таком неудобном виде. А что делать? Воспитатель заметил мое увлечение и познакомил меня с одним радиолюбителем, который работал начальником городского радиоузла – Жаворонковым Михаилом Ивановичем. Я получил разрешение, после ужина уходил в город и приходил после отбоя. Михаил Иванович научил меня рассчитывать и перематывать сгоревшие трансформаторы.

Детекторный радиоприемник я повесил над кроватью и кайфовал, слушая передачи после отбоя. Но это было не долго, через неделю у меня его украли. Но эта потеря не убила во мне желания что-нибудь делать. Я уже подобрал схему простого радиоприемника прямого усиления, весь вопрос заключался, где взять радиодетали. Борька Гурин сказал, что у них дома на чердаке валяется старый приемник. Я его уговорил, и он мне его приволок. Это старый довоенного образца приёмник СИ-235, очень большой и тяжелый, тащили его вместе с Вовкой Жуйковым. Я его разобрал на детали, но что-то новое из него сделать не смог. Желание что-нибудь мастерить было почти у каждого, как только научились сносно обрабатывать металл. В группах появлялись шахматы, которые вытачивали токари, а у нас в группе увлеклись делать ножи, финки их называли. Красивые, с наборными ручками из цветного оргстекла, зеркало лезвия бархатными шкурками доведено до блеска. Ни одной рисочки. Друг перед другом бахвалились у кого получается лучше. Всё это делалось в тайне от мастера или воспитателя. Изготовление ножей жёстко преследовалось, как никак это холодное оружие. А делали ножи не для того, чтобы носить с собой, а так - перед кем-нибудь похвастать, какой ты великий мастер, что делаешь такие красивые вещи. Мне кажется, у нас в группе никто не смог бы ножом ударить человека. Эти ножи дарились по приезду в деревню или друзьям, или знакомому

охотнику.

Я ножи не делал, просто не было желания. Но однажды мы трое, я и двое с Глубокой - Вовка и Борька, поехали домой. Пришли на станцию Верхняя. Подошёл пассажирский поезд. Мы обходим поезд с хвоста состава, ключом открываем нерабочий тамбур и через полчаса мы должны вылезать на Вые. Но нас видимо заметили и только поезд тронулся, в тамбур с двух сторон врываются трое мужиков в железнодорожной форме, и сразу как безбилетников увели в вагон. Открыли купе и давай нас обшаривать. У Вовки в кармане оказалась финка. Удар кулаком в скулу - и Вовка лежит на полу прохода. У Борьки из кармана достали кастет, или его проще называли зуботычина. Удар - и Борька валяется на полу рядом с Вовкой. Я стою с растерянной улыбкой и жду свою порцию.

«А у тебя что есть?» «Ничего». Меня обшарили, действительно ничего, бить не стали. Вовку спрашивают: «Ты для чего с собой нож носишь?» «Это я дядьке сделал на охоту ходить». «Ну ладно, нож это для медведя, а вот это для человека». Он одел на пальцы кастет и замахнулся на Борьку, тот поднёс руку к лицу, как бы защищаясь. Между собой совещаются железнодорожники: «Ну что, отвезём до Серова и сдадим в милицию». Но, подумав немного (а поезд уже приближался к станции Выя), открыли двери вагона и выгнали нас. А Юрки Беленцова с нами тогда не было, он был на соревнованиях по лыжным гонкам. Идём по Вые и смех на нас напал: ни за что по брылам получили. Двое битых и один не битый.

События марта 1953 года коснулись всех в стране, в том числе и нас. Умер Сталин И.В. Все училище строем пошло на траурный митинг, который проходил на городской площади. Там из громкоговорителя слушали дрожащий голос Маленкова Г.М. и чёткое, с легким акцентом выступление Берии Л.П.

Запомнилось, что очень замёрзли ноги. Еле дождались,

когда окончится митинг.

Итак, подходит к концу первый год учёбы. Мы уже кое-что умеем. Можем по искрам от наждачного круга определить, какая сталь у тебя в руках: углеродистая, инструментальная или легированная. Всё увереннее работаешь молотом, соображаешь, да так увлеченно, что получаешь от Юрки грязной рукавицей по языку. Работа, учёба, но и о шалостях не забывали. Кто-то из детдомовских ребят принёс в училище карбид и устроили забаву. Взяли ведро, проделали в днище дырку. Кладётся кусочек карбида в сырое место, в грязь или небольшую лужицу, накрывается ведром. Один держит палец на отверстии, второй держит факел. Через несколько секунд факел подносится к отверстию, громкий хлопок и ведро летит вверх метров на 30. Всё это происходит за забором училища, туда бегут дежурный по училищу, воспитатели, а ведро уже летит с противоположной стороны училища. Ради забавы однажды один учащийся раскаленной в печке клюкой выжег глаза висевшему на стене портрету члена политбюро. Все испугались, ведь это были сталинские времена. Но больше нас испугалось руководство. Портрет, а он был выполнен масляной краской, быстро сняли, унесли и постарались тихо замять. Шалостью назову и то, как однажды в небольшой потасовке Женька Моисеев получил удар ножом в спину. Это был, по моему, единственный случай за два года. Мы положили Женьку на кровать и вытираем сочившуюся кровь, ждём, когда она остановится. Пришлось вызывать врача. А в общем-то наш выпуск был, наверное, самым спокойным. Не было массовых драк училища с городскими ребятами, хотя раньше они происходили даже с монтажниками.

С наступлением теплых весенних дней, а нам с Юркой уже было по 17 лет, мы оба влюбились. У Юры с Фаей была такая чистая и светлая любовь, что после окончания училища Юра решился просить завуча, чтобы после выпуска они были вместе. А у меня любовь начиналась без взаимности. Я страдаю, предлагаю дружбу, а она мне показывает фото парня из пермского техникума в красивой форме, который ей пишет письма. Походить погулять она со мной не отказывалась, но моя беда была в том, что с женским полом наедине не знал, о чём говорить. Ходил и молчал, ходил и молчал. В деревне хоть горох был, а здесь и его не было. О том, что женщины любят ушами, до меня дошло много позднее. На этом уровне наших отношений с Любой я и уехал на летние каникулы. В деревне друг мой Вовка рассказывал о своих успехах. В то время, как мы в училище предлагали девочкам свою дружбу, а в ответ нам несло, что дружбу не предлагают, а завоевывают, Вовка в деревне всю шерстил деревенских баб.

Мой отпуск, а это был август месяц, совпал с большим урожаем кедровых орехов. Это был 1953 год. Мой дядька Антон Прохорович обрадовался напарнику, и мы с ним отправились в кедровник. Таёжник он был мастерский. Первый день он лазил по кедрам, а я собирал шишки и таскал в одну кучу. Второй день мы колотом стучали по кедрам и собирали падающие шишки. Вечером при свете костра шелушили. Через три дня ночью был сильный ветер, и шишка сама пошла. Мы теперь оба ходили и собирали. Антон Прохорович соорудил стан, на который высыпанный мешок шишек долбили клюшками, а потом то, что просыпалось на полог, просевали. Орехи ссыпали в мешки. Отец к нам приезжал каждый день на верховой лошади, ему мы через седло перекидывали два мешка орехов и он уезжал. За две недели он вывез от нас 24 мешка орехов.

Закончились мои каникулы, и я стал собираться. Дома я увидел новые туфли на желтой микропористой подошве. Не

думаю, что они были куплены для меня, но я их одел, насыпал в мешок орехов и уехал. В училище мы, уже второгодники, были хозяевами. Знакомимся со вновь поступившими, на танцы ходим со своим баянистом. Это у Сашки Зуева появился свой баян. Я даже два раза уговорил Сашку сходить на танцы в общежитие сельскохозяйственного техникума, которое находилось рядом с училищем. Там училась девчонка с Рудного Коновалова, имя уже забыл, а знаком с ней я был по учёбе в Старо-Лялинской школе. Сашка с Толькой Ананьевым стали ходить на танцы в пригородный посёлок Разъезд и там обосновались. Был и я на этом разъезде один раз на танцах. После моих танцевальных выкидонов наши отношения с Любой окончательно охладели.

В феврале 1954 года в училище проходили события поворотного значения. Пришла команда из учащихся трудовых резервов вербовать на срочные курсы трактористов – машинистов широкого профиля. Целина требовала кадры трактористов и в оставшиеся два месяца до посевной нужно было их подготовить. Из двух групп кузнецов, а это 25 человек, согласились ехать на курсы 20 человек и среди них Сашка Зуев. Остались пять кузнецов: Юрка Беленцов, Вовка Жуйков, Борька Гурин, Вовка Филиппов и я. Мы доучились до конца, сдали экзамены и стали ждать покупателей, так звали тех, кто заберёт нас на работу. Приехал за нами кузнецами представитель из Красноярского края. Он забирал нас всех, но тут произошла заминка. По примеру Юрки Беленцова мы, остальные, заявили, чтобы и девчонок тоже забирал с собой и даже назвали кого. Он пообещал, что созвонится с руководством, попросит дополнительно денег, и мы стали ждать. Пока ждали, прошло время примерно неделя и тут пришло распоряжение из областного управления трудовых резервов, чтобы нас за пределы Свердловской области никуда не выпускали. Ох и поплевался тогда представитель Красноярского края. Пришлось ему уезжать ни с чем. Через сутки за нами приехал представитель из

Нижнего Тагила и увез на Ново-Тагильский металлургический завод, так в то время назывался НТМК. В училище нам говорили, что как только оформимся на работу по существующему положению вам обязаны выдать подъемные деньги, на которые мы рассчитывали купить самое необходимое из обуви и одежды.

У меня на ногах в то время были рваные полукеды, я их проволокой скрутил, чтобы доехать до Тагила. Но наши расчёты рухнули, никаких подъемных нам не дали, объясняя это тем, что завод нас не заказывал и мы как бы не законные. А чтобы было на что жить до первой получки, выписали нам аванс по 300 рублей (это в ценах до 1961 года). Я за 150 рублей купил туфли, а остальное - на еду. По тем деньгам, если есть в кармане 1 рубль - идёшь в буфет перекусить, а в столовую сходить надо не меньше 3 рублей. В основном едой была фасоль в томатном соусе, стакан кипятка с сахаром и батон. На работу с собой брал батон: разрезаю его вдоль, намазываю маргарином, посыпаю сахаром, складываю обе половинки, заворачиваю в газету, а кипяток на работе.

В трудовой книжке появилась первая запись: «Ново-Тагильский металлургический завод. Кузнец. Считается мобилизованным для работы на предприятиях. Основание: Указ Президиума Верховного Совета СССР от 2 октября 1940 года на срок с 17.07.54г. по 17.07.58г.» Через год нас должны были призывать в армию, но согласно этого Указа в армию нас призовут только через 4 года отработки.

Пять человек нас распределили так:

1. Беленцов Юрий – в паросиловый цех
2. Жуйков Вова – в мартеновский цех
3. Филиппов Вова, Гурин Боря и я – в кузнечное отделение механического цеха. Боря и Вова стали подручными опытных кузнецов, а мне, поскольку разряд был выше, чем у ребят – пятый, дали подручного и вперед! Работа сдельная.

В начале смены получаешь наряд-задание и прилагаемый чертёж детали, которую ты должен изготовить и сколько.

В конце смены можешь сам посчитать, сколько заработал, согласно расценок, указанных в наряде.

Через два месяца работы мне предоставили отпуск, так положено тем, кто окончил училище. Два месяца привыкания к этой тяжёлой работе, заработок вышел 600 рублей в месяц. Опытные кузнецы зарабатывали в два – три раза больше.

На отпускные купил себе резиновые сапоги и ручные часы, напоминая, деньги эти до реформы 1961 года. Пробыл сентябрь дома, в деревне помогая отцу в хозяйстве, я в начале октября отправился обратно по месту работы. И вот в пути со мной произошел случай, чуть не перевернувший вверх тормашками мою дальнейшую судьбу. По приезду на станцию Выя (а это было в ночь с субботы на воскресенье, в понедельник мне уже нужно было выходить на работу), я решил съездить в Верхнюю Туру повидать знакомых ребят из училища, сходить к девочкам, с которыми учился. На станции Выя я стою в очереди за билетами, поезд через несколько минут должен подойти. Ко мне подходят четверо ремесленников из нашего училища. Один хорошо мне знакомый, остальных впервые вижу. Поговорив с ними, я решился по старой привычке проехать до Верхней без билета, тем более, что уже объявили, что поезд прибывает на первый путь. Обойдя поезд с другой стороны, ключом открыли нерабочий тамбур вагона и зашли в тамбур. Через две минуты стоянки поезд тронулся и ребята через переходную площадку пошли в другой тамбур. Там стояли двое ребят, видимо вышли покурить. Им было сказано, чтобы быстро снимали всё. Когда я понял, что это такое, мне стало не по себе. Я вернулся обратно в тамбур, через который мы зашли и через дверь вышел на подножку вагона. Вагоны были старого типа и такая возможность была. Просунул руку в поручень, сижу, холодно, все-таки на дворе октябрь. Слышу, из вагона открывается дверь, по при-

вычке я хочу перескочить на лесенку другого вагона, но меня уже держат за воротник. Ведут через два вагона в головной. За это время я только и успел подумать – попал, а что будет дальше со мной - не знаю. Когда зашли в головной вагон, я увидел стоящих в одних трусах этих двух парней, даже обуви на них не было. Ребят спросили: «Этот был?» Они внимательно посмотрели на меня и сказали: «Нет, этого не было». Тогда ко мне: «Какие документы у тебя есть?» - я подал паспорт, а в нём находилась справка о том, что я с такого-то числа по такое нахожусь в отпуске. Такие справки в то время выдавались обязательно.

-Почему едешь без билета?

-Не успел купить, а мне в понедельник на работу.

Поезд в это время остановился на станции Верхняя.

-Ну что с тобой делать?

А второй говорит: «Выгоняй его отсюда, нечего безбилетному в поезде делать».

Я пришёл в училище и стал рассказывать ребятам, в какую ужасную историю попал. Я ведь мог оказаться соучастником этой грабительской банды. Они, как мне рассказали ребята, каждую субботу ездят на Выю, ночью кого-нибудь разденут, быстро покидают поезд на Гаечной, на товарняках добираются до Верхней, на поезде едут до Красноуральска, на толкучке продают вещи и возвращаются в училище. Я спрашиваю ребят: «Откуда это, ведь у нас в училище такого не было». Они объяснили: этих ребят перевели в училище из Свердловска, они здесь организовали то, что делали в Свердловске. Вскоре я узнал, что их все-таки поймали, и они получили большой срок.

Всё, что со мной случилось, я рассказал ребятам, как приехал в Нижний Тагил, всё ещё находясь под неприятным впечатлением от пережитого. «Да» - сказал один из них, – в Тагиле года два назад судили подобную группу грабителей, главарю

двенадцать лет дали, ну а если бы те парни тебя признали, то, как соучастник, года четыре ты бы схлопотал».

После отпуска с новыми силами за работу. На работу бежишь, торопишься, боишься опоздать перевесить табельный номерок. За пять минут до начала смены табельная доска закрывается и если не успел перевесить, ты уже в опоздавших числишься. Тебя вызовут, и придётся объяснять, почему опоздал. Заходишь в цех и заглядываешь в печь. Ты ещё не знаешь, что будешь делать, а заготовки уже нагрелись. Заходишь к мастеру, получаешь чертёж и наряд. Засвистел свисток, объявляющий начало работы. Подхожу к молоту, машинист молота на месте, подручный тоже. Даю команду подручному, и он длинной клюкой достаёт первую заготовку. Опасаешься первых ударов молота. От заготовки отлетают большие раскаленные пластины и пока ещё лицо сухое, они прилипают и обжигают кожу лица, от потного лица они просто отскакивают. Но через пару минут пот с меня течёт не только по лицу. От раскаленной болванки даже спецовка дымится. С двух сторон меня охлаждают два вентилятора. В промежутке от одной поковки до следующей подбежишь к сатуратору, попьёшь солёной газировки и дальше. Передохнёшь только тогда, как первую загрузку заготовок переработаете. С подручным загрузили в печь новую партию и минут двадцать передышка, пока греются заготовки. В двенадцать часов свисток, перерыв на полчаса, и окончание работы тоже по свистку. От такой работы зайдёшь в душевую и мысль – только бы добраться до кровати общежития. Но прошёлся по свежему воздуху до общежития и, кажется, усталости как не бывало. Вот что значит молодой организм.

А жили мы в общежитии, по моему это назывался Технический посёлок, прямо за кинотеатром «Сталь».

Общежития по тем временам называли благоустроенными.

Двухэтажные, умывальник есть. Титан с кипятком, а вот туалет

на улице, эти удобства я часто вспоминал. Проснёшься ночью и бежишь метров 30-40. Ах, как хорошо! И обратно бежишь в постель. Так вот мы жили по четыре человека в комнате. Сбрасывались по 150 рублей, эти деньги были в распоряжении дежурного. Дежурил по неделе тот, кто работает во вторую смену. Он покупает продукты и варит какой-нибудь суп. Однажды Вовка Филиппов, он был дежурный, обнаружил, что денег в нашей общей записке нет. Взял кто-то посторонний – исключено. Значит кто-то из нас четверых. Подозрение пало на Борьку Гурина. Вовка на работе проверил его карманы и обнаружил деньги за подкладкой пилотки, в которой он работал. В тот же день мы его припёрли, он сознался. Потом закрыли комнату и его били. Но это был единственный случай.

Итак, в работу мы постепенно втягиваемся, досуг, особенно после первой смены, проводили кто как. Вот заглядывает в комнату Витька Михеев, он старше меня лет на пять, опытный кузнец.

-Чего сидишь? Пошли на каток.

У дворца культуры НТМК он находился и я пошёл. Взяли коньки, часа два покатались. Народу на катке так много, что только в одном направлении движется эта масса. После катка, уставшие и довольные, по предложению Витьки заходим в пельменную. Естественно, такая роскошь позволялась только после полочки. К пельменям берём пиво и ещё повторяем. Я до этого пива, по-моему, ни разу не пробовал. Вышли из пельменной, Витька повёл меня в девичье общежитие познакомиться, как он сказал. Заходим в комнату, но познакомить он не успел, я уже на ухо ему шепчу, что мне нужен туалет. Он махнул рукой и мы вышли. После он повёл меня в другое общежитие, история повторилась. Он захохотал и мы вышли. Так он меня ни с кем не познакомил и больше не пытался.

В воскресенье читали книжки, ходили в кинотеатр, с Юркой Беленцовым записались в танцевальный Дворца

Культуры НТМК. Валька Кропотин из нашей комнаты собирается и, глядя на меня, говорит: «Ты чего с такой смазливой мордой сидишь, поехали со мной в Кильгим. Там как я приеду, бабы всё время спрашивают, чего один приехал, привёз бы с собой какого-нибудь узбека». «А что я на узбека похож, что с собой зовёшь?» Под общий хохот Валька удаляется, а я ищу с кем бы вечером сходить на танцы в Тагилстроевский клуб. На танцы я ходил раза два, но ни с кем не познакомился, я все ещё робел и не знал, о чём говорить с девушкой, когда танцуешь. Молчал. Мне казалось, что в таком большом городе, как Нижний Тагил надо как-то по особому приглашать на танец, по особому вести разговор, а то поймут, что я необтесанный деревенский парень и нос задерут. Не знал я и о том, что в Тагилстроевский клуб на танцы городские не ходят, это место обитания всех тех, кого из деревень через ФЗО и РУ привлекли к работам в строительных организациях и на заводах. В рабочих общежитиях живут деревенские ребята и девчата, бывшие детдомовцы, одним словом, мобилизованные для работы.

В Верхнюю Туру мы больше не ездили. Стали привыкать к Нижнему Тагилу, к новым знакомствам, к новым друзьям, к работе. На работе среди работающих кузнецов я был самый молодой. Кто помнит те времена, в 1954-1955годах в СССР было очень много китайцев. В учебных заведениях, на заводах. «Русский с китайцем братья на век» - так пели в песне. Группа китайцев и в наш цех заходила, смотрели, как мы работаем. Один подошёл ко мне и спросил: «Сколько тебе лет?» Я ответил: «Девятнадцать». Узкие глаза китайца от удивления расширились, он отошёл обратно, что-то сказал и они все повернулись в мою сторону.

Я продолжаю уже отработанными приёмами со знанием дела ворочать под молотом поковку, придавая ей нужную форму. И так каждый день, пока со мной не произошёл несчаст-

тний случай. Я сломал большой палец на ноге. Думал, что ушиб, присел, ожидая, когда боль утихнет, чтобы продолжать работу, но боль не утихала. Я сказал подручному, чтобы вытащил из печи нагретую заготовку, сказал о случившемся мастеру и пошёл в медпункт. После в поликлинике наложили гипс, и я вернулся в цех, чтобы получить акт о несчастном случае. Мастер мне говорит: «Напиши в объяснительной, что не на работе это произошло, тебе все равно оплатят». И я, доверяя его словам, написал, что по дороге на работу соскочил с подножки трамвая, запнулся и сломал. Пробыл на больничном месяц, пришёл в кассу, чтобы получить деньги, а там пусто, мне не заплатили ничего. Я, все ещё веря в порядочность взрослых людей, не пошёл никуда жаловаться, а прямо спросил мастера: «Я пробыл на больничном месяц и ничего не получил. Что мне, по-твоему, теперь сосать? На что жить, что есть без денег?» Весь разговор проходил в крике и попеременно с крепкими матюками. «Пусть думает» - решил я и ушел в общежитие. Лежу на кровати, мне нужно на смену, а я не иду. Валька Кропоткин говорит: «Тебе поставят прогул и будут судить за прогулы». «Пусть судят, на суде я все расскажу, как было». Валька на работе эти мои слова передал, а на другой день я принёс начальнику цеха заявление на увольнение. Я знал, что мы должны отработать четыре года, но мне хотелось увидеть и услышать, что скажет начальник. К моему удивлению он молча подписал. Я тут же пошёл в заводоуправление, директора не было, а был зам. Он посмотрел на заявление, берёт трубку и спрашивает: «Он же должен работать четыре года». Но услышав доводы начальника цеха положил трубку и молча подписал заявление: «Уволить с 9.03.1955г.»

Вот и всё. В этом же году воинский эшелон мчал меня на Дальний восток. Началась новая жизнь, армейская, беззаботная, как мы ее называли. Поднять поднимут, накормить накормят, спать уложат, в бане помоют.

МОЛОДОСТЬ

Участники хорового кружка

Морозова Аня, Зуева Галя, Чайка Валя, Пелемеева Тома, Еремеева Надя, Светлакова Нина, Анисимова Валя, Балина Шура, Галицина Тома, Консукова Хатима, Вонюкова Люся, Нестерова Рита, Завьялова Фая, Евдокимова Александра, Угрюмова Рая, Козлова Тоня, Шерстнева Рита, Беляева Алла, Анкудинова Нина, Погребицкая Тома, Алексеева Валя, Коновалова Валя, Венолайнен Мила, Мирошко Валя, Саткевич Валя, Кучина Екатерина

Пройдут года, настанут дни такие,
Когда советский трудовой народ
Вот эти руки, руки молодые
Руками золотыми назовет.

Так пели в песне пятидесятых годов об учащих ремесленных училищ. По всей стране готовились кадры - рабочие руки для заводов и фабрик. В Свердловской области в каждом городе и даже поселке были ремесленные училища. К примеру, в поселке Ис было РУ №46. Областное управление трудовых резервов держало под постоянным контролем обеспечение рабочими местами выпускников РУ.

Иногда объявлялся всесоюзный выпуск, и в училища приезжали представители из других областей и разбирали готовые кадры. Два года учебы оплачивало государство, чтобы получить специалиста любой профессии с хорошими навыками в работе.

Система подготовки кадров для промышленности, как мощный насос, откачивала из многодетных деревенских семей молодежь, которая шла в ремесленные училища, чтобы поскорее получить профессиональный разряд и место работы, быть самостоятельным, самому зарабатывать деньги и жилье.

Вспомните в эту старую фотографию: группа 17-летних девушек, учащихся РУ №19, г. Верхняя Тура, выпуск 1954 года.

Накануне нового 2009 года мы, пятеро из этого выпуска, встретились, вспомнили те далекие годы, сравнивали себя с нынешней молодежью.

Наше детство проходило, когда шла страшная война. Не одеты, не обуты, полуголодные. Половина из учащихся ремесленных училищ были еще и без родителей, то есть из детских домов.

Нас в училище было 50 девчат и 200 юношей, но какая чистота в отношениях существовала между нами! Мы, семнадцатилетние, - конечно, природа берет свое - и влюблялись, и ссорились. Устраивали танцы, участвовали в самодеятельности. Вот и на фотографии - девчата из хорового коллектива, на некоторых шинели надеты поверх хоровых костюмов.

Нынешней молодежи такое даже не приснится, и это хорошо. Приятно смотреть на беззаботно улыбающиеся лица, на опрятно, со вкусом одетых девчат и ребят, но вот что бросается в глаза: какая-то волна накрыла наших молодых. Уже не редкость такая картина: идет по городу молодехонькая девочка, в зубах - сигарета, в руках - бутылка с пивом. Глянешь на такое чудо: у нее на груди еще ничего не успело вырасти, но уже счи-

тает таким образом утвердить себя в жизни. Я к таким любителям «бери от жизни все» всегда обращаюсь с ноткой юмора в голосе:

- Девчонки, будете курить и пить, вас женихи будут обходить стороной, - не дождетесь.

- А на фиг они нам нужны, - иногда получаю в ответ.

А на самом деле, какому парню захочется целовать девушку, от которой несет ароматом пепельницы с окурками и пивным перегаром, — да еще здоровье своими руками гробит.

Мы в свое время курящих девчат называли презрительным словом «профура», до сих пор не знаю полного смысла этого слова, поскольку в словарях его нет. К счастью, в те времена курящая девушка была слишком большой редкостью, в училище никто из девчат не курил и тем более не пил, даже пива.

P.S. Вспоминая об учёбе в ремесленном училище, я задавал себе вопрос: почему мы, выпускники 1954 года, ни разу не попытались встретиться? Находясь рядом в трех городах Верхняя Тура, Лесной, Качканар за 50 лет не нашёлся организатор, чтобы собрать, пусть не всех, хотя бы кто мог приехать. Посмотреть бы друг на друга и спеть нашу песню:

Пройдут года, настанут дни такие,
Когда советский трудовой народ
Вот эти руки, руки молодые
Руками золотыми назовёт.

И вот мы всё-таки встретились – через 54 года: Вова Белешев, Юра Беленцов, Рита Бурдева (Нестерова), Фая

Перевалова (Завьялова) и автор этих строк. Все были очень рады этой встрече. Юру, как бывшего моряка, уговорили одеть форму и она также ладно сидела на нём, как 50 лет назад. Мы общались, пели песни тех лет и вспоминали те далёкие годы, когда нам было семнадцать.

ИСПОВЕДЬ БЫВШЕГО КУРИЛЬЩИКА

Курить по-настоящему меня научил мой одноклассник, с которым я учился во втором классе деревенской школы. Сейчас уже не помню его фамилию точно: Зубакин или Зубарев, - но это не так важно. Важно то, что у него постоянно в кармане были махорка, сложенная для сигарок газета и кресало – так кажется, называлось приспособление, от которого можно было прикурить.

Спичек в годы войны достать было трудно, и в деревне женщины рано утром выходили на улицу посмотреть, у кого топится печь, чтобы на растопку взять горящих угольков. Каждый курильщик в кармане имел жгут из ваты, опаленный конец которого находится в патроне от ружья, обломок напильника и камень для высекания искры. Все это мой дружок негласно одалживал из запасов отца.

К концу урока он под партой деловито скручивал сигарку и на перемене бежал в пришкольную деревянную уборную – в деревне это отхожее место никто никогда не называл туалетом. Туда бежал и я. Успевал несколько раз курнуть. Затянешься, выпустишь изо рта дым и тут же получишь укоризненное замечание:

- Ты чего куришь, как солому жуешь? Надо делать так: взял дым в рот и после этого делай в себя вдох. На, еще разок зобни. Я послушался своего учителя - зобнул. А выдохнуть не могу. Глаза заволокло слезами, голова закружилась. С трудом откашлялся и побежал в школу. В таком стрессовом состоянии уселся за парту. Учительница заметила мое возбужденное состояние и решила проверить мои знания. Результат – двойка.

Итак, курс молодого курильщика я прошел. Родители стали догадываться, да и из школы доходили сигналы. Я все отрицал. Но однажды случилось, что мой дружок заболел, по-видимому, воспалением легких, и фельдшер велел его везти на Журавлик в больницу. Его повезли к поезду на лошади, а я спрашивал дома:

-Что с ним случилось?

Мать, недолго думая, ответила:

- Докурился. Легкие-то сгнили - помирать повезли.

Я был потрясен. Как? Разве от курева умирают?

Прошло какое-то время. Дружок вернулся, и все продолжилось.

Подрастая, мы уже нагло просили у более взрослых ребят:

- Оставь покурить.

И получали в ответ:

- Материнское молоко на губах еще не высохло, а ты курить просишь. Молокосос.

По-настоящему я стал курить в 16 лет в ремесленном училище. Курить там запрещалось, но запреты на нас не действовали. Денег не было, но на папиросы как-то находили. Знаменитые в те времена 50-х годов «Бокс» и «Спорт» -- такие дешевые папиросы как будто для нас и производили. И мы соревновались. Любимое занятие – выкурить всю папиросу одной затяжкой. Как это делалось? Высушенную папиросу прикуриваешь, выдыхаешь из себя воздух и вдыхаешь его только через папиросу. Сгорает вся папироса. Но это не всем удавалось.

Курить открыто при родителях я стал в 18лет, работая после ремесленного училища. И вот армия. Там почти все курящие. Махорка, как необходимость, планировалась всем, и курили с раннего утра до позднего вечера.

И еще одна деталь. Спали мы на двухъярусных кроватях. Мое место было на втором этаже. Подо мной расположился Пашка из Пермской области. Он был старше меня на шесть лет. Из бывших, которых Берия Лаврентий Павлович освободил в 1953 году. Он только успел жениться и очень переживал, что жена его не дождетя. Ночами он просыпался и курил. Я просыпался от дыма, который шел от него наверх, и тоже стал курить ночами.

Посмотрел однажды я на себя 20-летнего в зеркало – и ужаснулся. Под глазами синие мешки, на лбу – глубокие морщи-

ны. И это на первом году службы. Что же будет со мной через три года? Я перебрался со второго этажа от Пашки, как только представилась возможность.

После армии я продолжал курить, но меня раздражал сильный кашель. Стал думать, как бы бросить эту привычку – и однажды решился. Бросил курить, когда мне было 26 лет. Около месяца меня тянуло взять в зубы и снова закурить. Удержался, а после наступило отвращение даже к запаху табачного дыма.

Стало легче, прекратился кашель, и так быстро стал уставать на работе. В этом году исполнилось 50 лет, как я не стал курить. И до сих пор жалею, что в молодости увлекался этой пакостью. Сейчас весь мир борется с табакокурением. Учеными медиками доказано, какой непоправимый вред здоровью приносит эта зараза. Смотришь на современных молодых девчат, женщин и удивляешься, зачем?

Раньше курящие женщины оправдывали эту привычку войной, было такое тяжелое время. А сейчас? Женщину ни в какие времена не украшала сигарета в зубах или руке. Она ее не украшала, а унижала. На курящую женщину смотрят, как на падшую. А для курящей беременной женщины вообще нет оправданий. Она у ребенка, еще не родившегося, отнимает здоровье. А потом ни в какой клинике это здоровье не поправит.

ТРИ ГОДА АРМЕЙСКИХ БУДНЕЙ

В этой главе я хочу рассказать о призыве в армию пятидесятилетней давности. Как это было, без всяких преукраш.

Начну с того, что в армию я шёл с охотой, хотя знал ещё с приписной комиссии, что годен к нестроевой. Ещё до призыва я умудрился лишиться указательного пальца на руке. А это означало стройбат. Получив повестку, я явился в Исовский райвоенкомат. Меня подключили к троим ребятам из посёлка Косья, дали нам сопровождающего и мы отправились в Свердловск. Сборный пункт был в воинской части в районе Шарташа. Спали прямо на полу, подложив под голову мешок с домашними подорожниками. Через сутки нас повели в баню, продезинфицировали, прожарили бельё и - на вокзал. Там стоял эшелон - состав из товарных вагонов, телятники. В вагонах устроены нары. В четырехосный вагон грузились 60 человек, в двухосный - 30. Я попал туда, где 30 человек.

Эшелон формировался из трех городов: Молотов (Пермь), Свердловск, Челябинск. Как только мы разместились в вагонах, вдоль эшелона проехал трактор с тележкой, на которой два солдата в каждый вагон забрасывали сухари в мешках и вяленую рыбу-треску. Нам сказали номер эшелона, на случай если кто отстанет. В вагонах появились сопровождающие солдаты, и эшелон отправился до Челябинска. Там его доукомплектовали и едем дальше на Курган. Сколько будем в пути, никто не знал. Думали, что через двое-трое суток будем на месте, но никому в голову не могло прийти, что будем болтаться целых шестнадцать суток, иначе бы не выбросили из вагона сухари и рыбу, которая, как нам казалось, воняла.

Каждое утро дежурные по вагону с двумя ведрами бегали

на остановках в хвост эшелона, где были походные кухни и приносили горячую еду и хлеб. Чаще всего это был полевой суп, а иногда каша. Один раз в сутки.

Пока в мешках у каждого были домашние припасы, проблем не было. Но через трое суток у всех всё закончилось и стало скучновато. Всё время хотелось есть. Вспоминали выброшенные сухари и рыбу и жалели о содеянном. На остановках выбегали с надеждой что-нибудь купить съестного. Но далеко не убежишь. Эшелон шел без всякого расписания, никто не знал, сколько будем стоять, несколько минут или несколько часов. Были случаи, когда подбежавшим на привокзальный рынок кричали, что эшелон отправляется, кто-то успел с торговками расплатиться, а кто-то и так прихватив, бежал в вагон. В дальнейшем на рынках предупреждали, что на подходе эшелон с призывниками и рынок быстро сворачивался.

С каждым днём мы всё больше стали ощущать, что едем в скотовозах и отношение к нам скотское. Поставят эшелон в какой-нибудь тупик и стоим почти сутки или, наоборот, дали железнодорожное окно - и мчится эшелон без остановок 10-12 часов. Туалетов в вагонах нет. Ладно, по легкому, приоткрыл дверь и всё, а то ведь, как говорится в народе: «есть и спать можно подождать, а срать и родить - нельзя погодить». Тогда кто-то просит поддержать его, чтобы не выпал и выставляет голый зад в приоткрытую дверь. Однажды после такого длительного перегона без остановок эшелон прибыл на станцию Ерофей Павлович. Есть такая станция в Сибири. Как только остановились, многие бросились к туалету, все не вместились, садились вокруг его и прямо у вагонов. Напрасно бегали вокруг эшелона сопровождающие офицеры с криками: «Прекратите, как вам не стыдно». Но что поделаешь: скотское отношение к человеку всегда вызывает скотскую реакцию. В дальнейшем больше такого не было. Перед приближением эшелона к городу всегда загорался красный светофор на 10-15 минут. Но ведь это

можно было раньше придумать и не доводить людей до свинского состояния.

В первые дни после Кургана эшелон шел по степным просторам западной Сибири и северного Казахстана. Я не мог смотреть на это степное однообразие. Тоска выжимала слезу у меня, выросшего среди лесов и гор Урала. И легче на душе стало только тогда, когда появились леса и горы Восточной Сибири. Обратное чувство, говорят, у тех, кто родился и жил в степи. Попав в лесную, гористую природу, неуютно себя чувствуют. Кажется, что-то его давит, не хватает воздуха, и только на степном просторе он дышит полной грудью.

Вот уже неделю в пути. Каждый день просыпаемся с думой, может быть сегодня будет конец этого путешествия. Неделя в пути, не раздеваясь, не разуываясь и почти не умываясь. Педикулёз - такое слово в то время в русском языке ещё не употреблялось. Обовшивели начисто. Ночью скреблись как поросята. На девятые сутки прибыли в Иркутск. Нас повели в баню, прожарили бельё, помыли, стало легче. Сколько же ещё будем в пути, никто не знал.

После Иркутска мы целый день ехали по побережью озера Байкал. Было интересно. Проехали все 52 туннеля, на одной из остановок как по команде бегали с ведрами зачерпнуть и попробовать байкальской воды. Чистая, на вкус приятная и легкая. Вот есть такое сравнение. Бывает, выпьешь воды и не чувствуешь её, а бывает, напился воды и как будто в желудок кирпичей наложил, тяжело. По этой дороге с множеством туннелей поезда ходили последний год. В 1956 году поезда пошли по верхней дороге, там всего три туннеля. На станции Слюдянка попробовали знаменитого байкальского омуля. Ничего особенного, наша уральская рыба несколько не хуже. От Слюдянки к нашему эшелону добавили ещё один паровоз – толкач, так как предстоял большой подъем на Яблоневый хребет.

Наш эшелон катится по Восточной Сибири. Читинская

область. В вагонах стало прохладно. Сидим на нарах, скукожившись. Ночью просыпаешься от холода, особенно в задней части вагона по ходу поезда. Движение воздуха, который попадает через не плотности дверей, выдувает последнее тепло. Все стремятся попасть в головную часть вагона, там теплее.

Однажды утром открываем двери вагона и смотрим в ужасе на белый снег. Наш поезд стоит на станции Могоча. Мы и так дрожим от холода, а тут ещё и снег. Печек в эшелоне не было. Про эту станцию говорили так: «Бог создал Сочи, а чёрт станцию Могоча». В Благовещенске у нас сменились сопровождающие. Сдали нас солдаты, приняли моряки. Зачем мы им понадобились? Строили всякие догадки. Ответственный по вагону старшина второй статьи стал

приглядываться к нам, во что мы одеты. Более-менее приличную одежду таким вежливым нахрапистым убеждением заставляет ему отдать. Объектом такой обработки оказался и я. Два дня я ему сопротивлялся, а потом отдал ватную куртку, свитер и шапку.

Ехали по Приморскому краю - было тепло, а на дворе, как говорили, был конец сентября. После шестнадцати суток прибыли на конечную станцию Линда. Разместили нас в больших палатках, там мы ночевали несколько ночей. Днём было тепло, а ночью я вспоминал куртку, свитер и шапку и этого тряпичника-старшину. Тут же между сопок проходили комиссию, каждый врач имел маленькую палатку. Раздевались догола, заходили поочередно ко всем врачам, после заходили в большую палатку, которая называлась баней. Котёл, который

грел воду, успевал нагреть до комнатной температуры. Поэтому, заходя, наливаешь тазик, окатываешь себя такой прохладной водой и весь синий от холода бежишь в палатку, где выдают обмундирование. Спрашивают только размер обуви. Вешают на руки сапоги и остальное солдатское обмундирование, но только без погон и шинелей. Что же за подразделение в Советской армии, и какие будем решать задачи, нам рассказывали офицеры по прибытию на место. А прежде, как только нас приодели, пешим маршем мы прошагали 25 километров. В новой обуви, многие не умели наматывать на ноги портянки, набили себе мозолей, еле дошли до кроватей казармы. Вот что мы узнали из рассказов офицеров.

В 1954 году во Владивосток прибыли первый секретарь ЦК КПСС Хрущёв Н.С. и председатель Совета министров Булганин Н.А. Обсуждался вопрос о Тихоокеанском флоте. Флот базировался в бухте Золотой Рог (город Владивосток). Вход в бухту надёжно прикрывал остров Русский. Хрущёв Н.С. и Булганин Н.А. побывали на этом острове и убедились в том, как говорили офицеры, что на этом острове стволов орудий больше, чем стволов деревьев. Но атомный век, одной бомбы хватит на весь флот. Нужно срочно и быстро строить базы, что бы рассредоточить Тихоокеанский флот по всему побережью Дальнего Востока.

Строительные батальоны быстро строить не могут. Бесплатный труд изжил себя. Было поручено создать на острове Сахалин опытный строительный отряд и платить им столько, сколько заработают. И за год этот отряд такую производительность показал, что беспредельно всех удивил. Была команда срочно создать на Дальнем Востоке мощную строительную организацию «Дальвоенморстрой». И в 1955 году погнали туда эшелон за эшелонам. За короткий период из девяти эшелонов создали 18 строительных отрядов по 500 человек в каждом.

Нам повезло: после 25-ти км перехода нас разместили в бывшей автошколе, а некоторые отряды зимовали в палатках. Заходим в казарму, стоят 250 двухъярусных кроватей, а на них ничего нет. Бросив на кровати бушлаты, улеглись на них и так переспали первую ночь. Наутро, после завтрака, старшина выдал каждому матрасную и подушечную наволочки и велел набивать.

- Чем? – спрашиваем.

- На сопках много опавшего сухого листа, отправляйтесь, собирайте и набивайте.

Но лист быстро превращался в труху, и в матрац снова приходилось добавлять чего-нибудь. Самые лучшие матрацы получались из морской травы, которую нужно было собирать по берегу моря, выполоскать в пресной воде и высушить на солнышке. Процесс трудоемкий, но матрац получался пышный и мягкий, трава почти не мялась.

Итак, кто мы? В округе нас называли «беспогонники». А когда

нам через полгода выдали придуманную для нас серую форму, нас обозвали партизанами. Хрущева Н.С. в то время во всем мире критиковали, что СССР - это милитаризованная страна, там все ходят в погонах: военные, студенты и даже машинисты паровозов. Видимо решили начинать с наших подразделений.

Сделали всё, чтобы мы не были похожи ни на один род войск. Даже пуговицы на серой форме были лишены армейского символа – латунной звездочки, серая гладкая пуговица.

Однажды прибывший к нам контр-адмирал Захаров глянул на нас и вымолвил: «Это что за арестантская форма на вас?». Да, видимо много скопилось в стране на складах серого материала.

Далее. Отряд был разбит на несколько колонн. Командир колонны - офицер, командир взвода - сержант, а на производстве - бригады. В строительные отряды попали все годные к нестроевой 1936 года рождения и все бывшие осуждённые с 1930 по 1936 год рождения, которых Берия после смерти Сталина амнистировал. При распределении нас по бригадам бригадиром становился, как правило, опытный строитель. Не важно, где он этот опыт приобретал. Вначале я оказался в бригаде бетонщиков, но через месяц, оглядевшись, попросился в арматурщики: работа с металлом все-таки мне роднее. Нам объяснили, что из заработанных денег будут вычитать 180 рублей ежемесячно на пропитание, из остальных половину будут выдавать на руки, а вторая половина будет лежать на счёте, и выдана будет при увольнении.

С работой обозначилось. Работали увлеченно. Стимул был, все ждали первую зарплату. А вот бытовые условия были неважные. Не было бани. Мы все ещё жили со вшами, с которыми вылезли из эшелона. Пытались бороться, пригоняли передвижную прожарку и поочередно в ней прожаривали бельё. Ничего не помогало. Пока баня строилась, пробовали нас мыть в поселковой баньке, которая вмещала не больше десяти человек. Один раз попробовали и отказались.

И вот мы сами на рабочих местах стали придумывать, как поочередно помыться. У нас арматурный цех, это дощатый сарай, зимой отапливался двумя калориферами, которые топили углём. Среди нашей бригады оказался жестянщик, и он изготовил большой тазик, в который можно было свободно садиться одному человеку. Каждый день, приходя на работу, мы в калориферах нагревали 10 вёдер воды. После смены двое оста-

вались мыться. Один сидел в тазике, другой подавал воду и поливал, потом менялись. На другой день следующая пара. Так поочередно в течение восьми дней мылась вся бригада. Баню достроили через четыре месяца и всё наладилось.

Работали мы на временном полигоне, где кроме арматурного были небольшой бетонный узел, пилорама и столярный цех. Большой механический строительный завод (МСЗ №215 ТОФ) строился и будет введен в эксплуатацию в конце 1958 года. Но пока в армии первые месяцы и ждем первую зарплату. Бригадир, маленький, худосочного телосложения человек, на четыре года старше меня, из бывших, предупреждает, что из полочки я должен отдать ему определенную сумму, которую он будет отдавать прорабу, чтобы тот хорошо закрывал наряды. Одним словом, общаг. Я сказал: «Ты от меня рубля не получишь». Тогда он полез ко мне, провоцируя на драку. Я его грубо оттолкнул и выскочил из цеха. Придя в отряд, я ворвался в кабинет замполита и со словами: «Я куда попал: в армию, или в лагерь?». Замполит капитан Струков: «Тихо, тихо, давай рассказывай, что случилось?». Не успел я до рассказать, как в кабинет врывается Лёнька Нежданов, мой земляк, уралец с Полуночного. Он своему бригадиру на пилораме сказал тоже самое, а тот, здоровый бугай, схватил лом и со словами: «Убью, гаденыш», - замахнулся. Лёнька убежал и вот он у замполита.

Замполит нас обоих увёл к командиру отряда майору Алабужеву. После наших рассказов срочно доставили обоих бригадиров и была большая разборка. Кончилось тем, что этих бригадиров вообще убрали из отряда, перевели в другой, за 25 км от нашего.

Первую зиму мы проходили акклиматизацию и чувства были не важные. Влажный приморский климат давал о себе знать. Любая легкая царапина быстро превращалась в нарыв. У многих на шее появились фурункулы. Отрядный медик, капитан

успокаивал: «Ничего, придёт лето, будете купаться в море, все болячки сразу исчезнут». Так оно и вышло.

А море было рядом. Помню, как первый раз его увидел. Ладонкой зачерпнул воды и попробовал на вкус. Хороший пляж от казармы был на расстоянии чуть больше километра. Мы, любители утреннего купания, вставали за полчаса до подъёма, бежали на пляж, купались и успевали прямо на зарядку. И вообще мне природа Приморья очень нравилась. На сопках можно было собирать дикий виноград, орехи фундук, дикие грецкие орехи, которые росли в низинах между сопками. А рыба – это даже не вопрос. Знаменитая дальневосточная корюшка продавалась на рынке во Владивостоке – мешок вяленой корюшки стоил 400 рублей (это в ценах до 1961 года). Мы её потом сами научились добывать и на крыше вялить.

Кормили нас хорошо. Да и по-другому быть не могло, ведь на работе мы как волю упирались. Приходилось разгружать много грузов: песок, лес, уголь, цемент, металл и другие. Цемент шёл только в мешках. Заходишь в вагон – руки назад, тебе кидают на руки мешок, я кричу: «Кидай второй», и так с грузом 100 кг выходишь из вагона. Вот сейчас и думаешь, ради чего выпендривался перед ребятами?

В наш отряд приезжал побеседовать большой начальник из снабжения тыла. Спрашивал, довольны ли мы тем, как кормят. Мы сказали, что довольны, но не мешало бы, что бы нам, как и подводникам, выдавали утром 30 грамм масла к чаю.

- Милые вы мои, да за ваши деньги будем выдавать шоколад, только скажите.

Нам стали выдавать масло и высчитывать 220 рублей вместо 180.

Перед выборами в Краевой Совет к нам приехал кандидат в депутаты – капитан рыболовного сейнера. Мы ему задали вопрос: «Почему нас кормят старой атлантической сельдью (как мы её называли «ржавая»), неужели находясь на берегах Тихого

океана нельзя нас кормить свежей тихоокеанской селедкой?» Он записал этот вопрос, и вскоре всё изменилось. Нам стали давать малосольную тихоокеанскую сельдь. Вкуснятина невероятная.

Дни идут, вот уже заканчивается первая приморская зима. Она довольно жёсткая. Постоянно дуют сильные ветры с материка. На открытых местах снег весь выдувается. На работу ходили строем ветер в спину, а обратно - встречный ветер поднимает песок и больно хлещет по щекам. Из казармы кроме работы всю зиму никуда не выходили. Читали книги. Замполит капитан Струков откуда-то привёз целую библиотеку и временно доверил её мне.

Обласканные теплым апрельским солнцем стали больше бывать на свежем воздухе, ходить в увольнение. Мы стеснялись ходить в увольнение в серой форме, но почти все за эти месяцы сумели, как у нас говорили, приборохлиться. Первое время нам не запрещали надевать гражданскую одежду, уходя в увольнение, но через год это было запрещено.

Наконец нам, строительным отрядам, определили форму. Она была как и общевойсковая солдатская, только воротничок у гимнастерки был не стоячий, а отложной, и в чёрных петлицах эмблема: крест на крест кирка с лопатой, и, конечно, не было погон.

Весна на побережье своеобразная: до середины мая тепло и солнечно. А потом целый месяц стоят туманы, ходишь как в молоке. Стали поговаривать, что будут отпускать в отпуск летом, но только тех, кто хорошо работает и у кого нет нарушений. И, в отличие от строевых частей, только за свой счёт. Получил разрешение на отпуск в июле 1956 года и я. Конечно, в той форме, в которую нас одели, появляться в деревне я не собирался, поэтому приобрёл и положил в чемодан плащ, костюм, рубашку, туфли и прочее бельё. Продумал, чем буду заниматься в пути до Урала. Купил восемь книг, ещё купил шахматы.

Билет в общий вагон стоил около 500 рублей. Нам, как и всем военнослужащим, выдавалось воинское требование, и билет я покупал в воинской кассе. У меня была вторая полка. Народу было много, и ночью спали на всех трех этажах и даже в проходе купе на составленных чемоданах ещё двое спали. На мою стопку книг обратил внимание какой-то мужчина лет 45-ти, не понятно, из какого купе. Он вежливо спросил:

- Можно посмотреть книги?

- Пожалуйста, пожалуйста, – ответил я.

Через некоторое время:

- А можно взять почитать?

- Ну конечно можно.

Так он стал появляться в нашем купе, а у нас женщин не было, двое мужчин было лет 30-35. Остальные - молодёжь вроде меня. Поскольку этот мужик стал бывать у нас, однажды мы услышали его жизненную историю. Напомню, это был июль 1956 года, вскоре после 20 съезда, время хрущевской оттепели. А история его такова. В 1937 году он был осуждён по 58 статье. Жена отказалась от него. Прошло 19 лет, сейчас он освобожден и едет туда, где жил - в город Ленинград, где его через 19 лет никто не ждал. Ехал он явно без билета: как только появлялись контроллеры, он быстро исчезал из вагона. Он нам много рассказывал о лагерной жизни такого, что мы, слушая, забывали рот закрыть. Например, о Берии Л.П., как он появлялся в лагере с многочисленной свитой. Выстраивали всех, и он, маленький, пузатый, проходил и внимательно всматривался, как будто кого-то искал. Всё услышанное было настолько неожиданным, что походило на страшную сказку. А рассказчик был очень хорош. Из соседних купе стали появляться любопытные женские лица. Он заметил и вдруг быстро сменил тему:

- А у нас была собачка, шесть месяцев её кормили, восемь месяцев использовали, а потом зарезали и съели.

Больше любопытных лиц в купе не появлялось. Так про-

шло восемь суток (столько шёл поезд от Владивостока до Свердловска). Подъезжая к Свердловску, я переоделся в гражданскую одежду и в это время подходит ко мне этот мужик и говорит: «Можно тебя на минутку?», и сам пошёл в тамбур. Попутчики не успели рот раскрыть, как я уже шёл за ним. Когда вышли, он меня спрашивает:

- Можешь дать мне немного денег?

Я быстро подал ему червонец, который держал в руке в кармане и - сразу обратно в вагон. Когда зашёл в купе, на меня набросились ребята: «Ты что не нормальный, пошёл с уголовником в тамбур? Он бы тебе так мог сделать, что валялся бы ты сейчас под откосом». Но все обошлось, и я выхожу в Свердловске.

В посёлке я появился в гражданской одежде и никто не удивился, все знали из моих писем, что я в службу в строительном отряде и зарабатываю деньги. Только когда отмечался в военкомате, мне капитан сделал замечание:

- Почему явился не по форме?

- А у нас нет формы, есть арестантская роба, как её назвал контр-адмирал. Нам даже в увольнение разрешают ходить в гражданской одежде.

Таким заявлением я очень удивил, и от меня отстали. Так ездили в отпуск почти все. Но некоторые ребята делали по-другому. Одного я знал, он купил форму моряка, положил её в чемодан. Поскольку мы, строители, относились к Тихоокеанскому флоту, на наших письмах ставился штамп «матросское письмо, бесплатно». Этот парень решил в деревне появиться только в морской форме. Он в письмах писал, что служит во флоте. Сфотографировался и послал фотографию. Съездил в отпуск, всё обошлось, как и задумал. Но я бы на такой обман не смог решиться.

Через десять дней закончился и мой отпуск. Не рассчитал с деньгами на обратный билет, 500 рублей пришлось просить у

родителей, обещая, как только приеду в отряд, сразу же вышлю, у меня на счёте есть деньги. Как только приехал, сразу же выслал 500 рублей, а чуть позднее через посылторг к великой радости родителей послал ещё радиолу «Иртыш».

Уезжая в часть, всю одежду, в чём приехал, я оставил дома, наивно рассчитывая, что после службы в армии буду одетым и обутым. Поехал - на мне были серые брюки, заправленные в сапоги, и поверх - гимнастерка на выпуск без ремня. В Свердловске я с трудом упробил в воинской кассе билет в общий вагон проходящего поезда Москва - Владивосток. Это было начало августа, билетов не было. Я подошёл к поезду, подаю билет проводнице, а она меня не пускает, говорит:

- Нет мест.

- Но мне же продали билет.

- Мало ли что продали, у меня даже на третьих полках сидят.

- Но если я не уеду сейчас, то опоздаю в часть.

Она посмотрела на меня и говорит:

- Какой же ты солдат, на обормота похож.

- Я не виноват, что нас, строителей, так одели.

Поезд стоял полчаса, время заканчивалось, пассажиры стали возвращаться, а я все стою и чуть не плача уговариваю проводницу. Ведь если не уеду, следующий поезд только через сутки, и тогда я опоздаю. В вагон возвращаются две девчонки. Посмотрели на меня и давай уговаривать проводницу, чтобы пропустила. Сказали, что у них в купе есть одна пустая третья полка. Уговорили. Так я оказался в поезде. Девчонки ехали до Хабаровска. Они оказались хороши-

ми собеседницами, болтали обо всём. Ночью я забираюсь на третью полку. Подложу руку под голову и засыпаю. Просыпаюсь, переворачиваюсь на другой бок. Так и ехал. Еды, что была в чемодане, хватило только на половину пути. Деньги тоже кончились. Осталась булка хлеба и бутылка мёда. Этим я питался последние три дня.

На станцию «Угольная» поезд прибыл утром. Здесь мне сходить и ждать нашего поезда Владивосток – Дунай целый день, поезд прибудет только в 24.00, а в Дунай в 6.00 утра. Стою голодный как волк, ни денег в кармане, ничего съестного в чемодане. Вдруг на перроне я увидел Вовку Пузырёва из нашего отряда (наш уральский парень с Полуночного). Оказывается, отпуск ему отказали, и он написал жене, чтобы она сама брала отпуск и ехала к нему, а он сюда приехал встречать её. Обрадовались встрече оба, коротать время вдвоём веселее. Пошли на рынок, купили малосольных огурцов, хлеба и бутылку коньяка. Сели на полянке, потом ещё один заход сделали на рынок. Вовка встретил жену и через полчаса подошёл наш поезд. В отряд я прибыл без опозданий. О своих впечатлениях рассказал замполиту, особенно о рассказах бывшего зека в вагоне. Внимательно выслушав мой рассказ, он сказал:

- Рано его выпустили.

После отпуска мне предложили работу нормировщика, и я согласился. Но моего терпения на этой работе хватило только на три месяца. По натуре я люблю творческую работу и работать увлеченно, чтобы время проходило быстро, незаметно. Работая нормировщиком, я часто заходил в бригаду - скучал без ребят. Ребята шутили надо мной:

- Скажи, тебя как по должности называть?

И один шутник выдал:

- Зампомначкол.

И расшифровал: заместитель помощника начальника колонны. Посмеялись, а бригадир, который стал в бригаде после меня,

говорит:

- Брось ты эту работу, приходи обратно в бригаду, я не хочу быть бригадиром.

В этот же день я заявил начальнику полигона, что ухожу снова в бригаду, ищите нормировщика. Сложностей в переходе не было, и я снова стал бригадиром. Тут нагрянула комиссия, и с ней корреспондент армейской газеты - подполковник в морской форме. Да, я не говорил, что на производстве начальство у нас было в морской форме, отличались от плавсостава только погонами. У плавсостава золотистые поля, а у наших инженеров серебристые. А наши офицеры в отряде ходили в общевойсковой форме.

Немного расскажу об офицерах. Все они - бывшие фронтовики. Слушать их рассказы о войне всегда было интересно, да и понятен этот интерес - прошло всего девять лет, как закончилась война. Майора Шевелева мы знали как душевного, храброго человека. Атаки и контратаки для него несколько раз заканчивались рукопашной схваткой, и по нашей просьбе он давал возможность посмотреть на следы таких атак.

- Товарищ майор, о чём думает человек, когда идёт атака?

- Атака и контратака - «весёлая» штука, в голове только одна мысль: убивай или будешь убит.

Такие беседы проходили в курилках. Вот подходит к курилке командир отряда майор Алабушев. Ребята потеснились и освободили место на скамейке. Алабушев любил расспрашивать, кто откуда, что делал до армии, где жил - в деревне или в городе, если в городе, то каком и т.д. И вот однажды он спросил парня из Магнитогорска:

- Толстов, ты откуда?

- Я товарищ майор из города Магнитогорска. Это самый молодой и самый красивый город на Урале. Эх, товарищ майор, побывайте в Магнитогорске и вы увидите своими глазами такую красоту!

- Ты с какого года, Толстов?

- С 1932-го.

- Так вот, Толстов, ты ещё в яйцах болтался, когда я этот Магнитогорск строил!

Весёлый смех в курилке и лёгкость на душе оттого, что командир с нами разговаривает с юмором на простом мужицком языке.

Старший лейтенант Силкин. На его лице война оставила свои следы. В курилке он прислушивается к разговорам, приглашает приходиться в хор, который он создаёт. И ему это удалось. Четырёхголосный хор от репетиции к репетиции набирал силу. В хор ходили жёны офицеров и другие женщины посёлка. Участвовал и я в этом хоре. Готовились к смотру. Но тут случилась беда, которая перевернула всю жизнь в нашем отряде, с трудом налаженную.

А случилось вот что. Каждую субботу нам показывали кино, как правило, для этого служит зал столовой. В кино уходят все, остаётся только дневальный, который покинуть свой пост не имеет права. Услыхав снаружи казармы какие-то странные звуки, он попросил позвать из кино сержанта Побежимова, своего командира. Тот во время кино выкрикнул:

- Сержант Побежимов, на выход!

Сержант вышел, ему передали просьбу дневального - и всё.

После кино - вечерняя поверка и отбой.

Во время проверки сержант Побежимов отсутствует. Командир отряда спрашивает:

- Где Побежимов?

Никто ничего не знает. Через некоторое время один из сержантов зашёл за угол казармы и там увидел лежащего Побежимова. Мёртвое тело уже успело остыть. Забегает в казарму старший лейтенант Силкин и кричит:

- Подъём! Ничего не одевать, выходи строиться!

Мы выстроились в нательном белье. Нас пересчитали - все на месте. Казарма была окружена солдатами с автоматами, никого не выпускали до утра. Утром приехали следователи начались опросы. Мне следователь задаёт вопрос:

- Когда побрил голову?

- Два дня назад.

- Кто брил?

Я назвал кто. А таких бритоголовых было четверо. Оказалось, что у мёртвого Побежимова в руке между пальцами были обнаружены чьи-то длинные волосы. Он погиб в борьбе, на руках и на теле были ссадины. Вот почему к нам были такие вопросы. Несколько человек увозили, но через два-три дня они вернулись. После похорон этим убийством занималась контрразведка. Но убийцу так и не нашли. Я перед увольнением спрашивал хорошо знакомого старшего лейтенанта особого отдела об этом. Он сказал, что убийство осталось не раскрытым. Но мы были уверены, что этот тихоня-сержант был убит не нашими сослуживцами. Он никому зла не делал и никто плохого слова в свой адрес от него не слышал.

После этого случая наш 713-й военно-строительный отряд перестал существовать. Сменили номер отряда. Сменили весь командный состав. При расследовании были удивлены, что в нашем отряде был очень высокий процент бывших заключённых. А мы уже за год службы сдружились и не замечали этого. О таком явлении, как дедовщина, мы понятия не

имели. Не было её. Я убеждён, что дедовщина расцвела в армии с тех пор, как ликвидировали в стране комсомол. В молодежной среде образовался вакуум. А свято место не бывает пустым. В любом коллективе обязательно будут организаторы, предводители и они появились, в армии деды, на гражданке – крыши, а раньше с этим подобными явлениями боролся комсомол. В первые дни как мы прибыли в отряд замполит капитан Струков, добрейшей души человек, собрал комсомольцев, и суть его беседы с нами была такова. Вы хозяева в отряде и что бы ни происходило, не будьте равнодушными. Вашей организации никто, ничего противопоставить не сможет. Жаль, что с капитаном Струковым пришлось находиться в армии всего один год.

1956 год был насыщен событиями. Во-первых, венгерское восстание года и война Израиля с Египтом. В армии была объявлена готовность №1. А нас, как в военное время, заставили работать по 12 часов. Тяжело. Особенно когда возвращаешься с работы в 10 часов вечера, жрать хочется, а нечего. Правда иногда заходили в пекарню и там выпрашивали хлеба. К счастью это длилось недолго, недели три, потом отменили. В это же время по армии прошла компания записи добровольцев в Египет. Записался добровольцем и я. Что двигало на эту авантюру? Только одна мысль, что после армии будет что рассказать побывавшему в Египте солдату. А то, что могут там и убить, такая мысль в голову не приходила. В этом же году была эпидемия гриппа, гонконгский, как его называли. В июле месяце тяжело болели почти все в отряде, никто на работу не ходил.

Говорили, что такая картина была по всей армии. В августе мы впервые узнали, что такое тайфун. Скорость ветра 40 метров в секунду, с непрекращающимся проливным дождём трое суток и наводнение. Мы сидели в это время в казарме и жевали сухой паёк (нас недавно перевели в новые казармы, а в нашу въехали подводники, и на новом месте была столовая еще

не достроена). Когда началось наводнение, нас по тревоге подняли, и мы побежали на полигон. Перед полигоном автобаза, машины все под водой. Пльвём к цеху. В цехе полутораметровый слой воды. Вода очень тёплая. Со смехом пльвём вдоль цеха. Когда всё закончилось, а тайфун бушевал трое суток, нам стало не до смеха. Из цеха и по всему полигону пришлось выскрести двадцатисантиметровый слой ила, промывать и сушить оборудование.

Осенью этого же года Хрущев Н.С. снял министра обороны маршала Жукова Г.К. и министром стал Малиновский Р.Я. Какие для нас произошли изменения? Ну, например, Жукову задавали вопрос:

- Можно ли в армии учиться в вечерних школах?

- В армию призывают служить, а не учиться, - ответил маршал.

Малиновский Р.Я. разрешил. Я пошёл учиться в 8-й класс вечерней школы. Таких как я оказалось всего четыре человека. Нам даже комнату выделили, где мы занимались, учили уроки. Так в армии я закончил восьмой класс. В своей роте (да, нас стали уже в этом году так называть, а не колонна по-гулаговски, да и с обмундированием определились), я всегда что-нибудь организовывал. Сбросились и купили радиоприёмник. Теперь после отбоя радиоприёмник громко вещал о краевых новостях, а после новостей станция прекращала работу и сразу же на этой же волне начинала работать радиостанция «Голос Америки», которая находилась в Японии. Никто её не глушил, так как это были длинные волны. Примерно через неделю меня вызвал старший лейтенант особого отдела и сказал:

- Иванов, сделай так, чтобы «Голос Америки» нельзя было слушать.

- Но, товарищ старший лейтенант, это же частота Владивостока. Как я могу ее убрать?

- Не знаю, я тебя предупредил, иначе будете лишены

радиоприёмника.

В дальнейшем в обязанности дневального было записано, в какое время выключать радиоприёмник. Я опять обратился к ребятам, чтобы купить телевизор. Уговорил, купили. Во Владивостоке в то время начала работать телестудия и мы стали смотреть телепередачи. Качество изображения было не важное, так как мы находились среди сопок, да и передатчик был маломощный. Новый командир отряда, любитель музыки, создал струнный оркестр и руководил им, а я - драмкружок.

Ставили одноактные пьесы и наши концерты воспринимались солдатами на «ура». Нравилось. Вот у соседей подводников этого не было.

Может их служба выматывала, не знаю, но у них была хорошая танцплощадка, но там было очень мало девчат, да и откуда им быть в таком маленьком посёлке. Однажды на втором году службы я получил письмо, прочитал и закричал: «Ребята! Я получил письмо от Юрки Беленцова, с которым в одной деревне с детства рос, вместе учились в школе, в ремесленном училище, а сейчас он во Владивостоке, во флот призвали». Через неделю я выпросил увольнительную на три дня и поехал к Юрке. Для такой встречи взял бутылку ликёра, не зная, удастся выпить или нет. Во Владивосток за два года я ездил несколько раз и всегда в граж-

данской одежде. Удобно. Привлекать внимание к себе милиции я не собирался, а военных патрулей тем более. На КПП части я попросил, чтобы мне позвали Беленцова.

- А кто ему будешь?

- Брат.

Они позвонили, и прибежал Юрка. Он ещё не принял присягу и на бескозырке не было ленточек. Дежурный на КПП посмотрел на нас и сказал, что на братьев мы не похожи. Мы ответили, что бывает. Немного поговорив, мы договорились встретиться за пределами части. Он пошёл, переоделся в спортивную форму, а я двинулся вдоль забора. Через дырку в заборе он вышел, мы немного удалились, чтобы нас не было видно и распили бутылку ликёра. Поговорили и через полчаса разошлись.

Что же ещё происходило в те годы? Ну, конечно же, 4 октября 1957 года, первый спутник и его сигналы. Мы вглядывались в тёмное приморское небо и искали пролетающую сверкающую точку. Из писем я узнал о начале строительства города Качканара. И где я буду работать после демобилизации, для меня этот вопрос был решён: только в Качканаре.

Время идёт, вот уже лето 1958 года, осталось до демобилизации полгода. Нас перебрасывают в другое место, там, где все эти годы «Дальвоенморстрой» строил завод ЖБИ. Его запустили, и мы стали там работать. Механический строительный завод № 215 Тихоокеанского флота, так он назывался. В этом году не стали принимать в институты десятиклассников, не имеющих двухгодичного трудового стажа. Очередное завихрение Хрущева Н.С.. К нам на завод оформили учениками девочек десятиклассниц. Сказали, обучайте, это буду-

щие арматурщицы. Обучали работать на станках точечной сварки.

Наконец пришло время демобилизации. Поскольку демобилизация, как и призыв, была массовой, ехали домой тоже в эшелоне, только теперь в пассажирских вагонах. Деньги с собой были, но не очень много. Последний год я тратил их на лотерейные билеты. Однажды один матрос выиграл машину «Волга», и всем захотелось выигрыша. Брала пачками, и я тоже взял две пачки трех рублевых фестивальных и пятирублевых пачку. На фестивальные ничего, а по пятирублевым выиграл швейную машину.

Прибыл домой в декабре. Одежку мою износило подрастающее поколение. На деньги, которые у меня были, купил шапку и москвичку. Скатали мне белые валенки, на мой пай черной шерсти не хватило, и я отправился в Качканар. Шлёпал по Качканару единственный в белых валенках. По валенкам меня далеко узнавали.

Вот и всё об армейской жизни моего призыва. Я никогда не стеснялся того, что служил в строительных частях, даже наоборот. В четверостишье выражено то, что думаю:

Много профессий солдаты видели,
Многому в армии обучают.
Но красоту создают строители,
Остальные её разрушают.

НА КАЧКАНАР

На Качканар я приехал после демобилизации в декабре 1958 года. Три года работы в строительных отрядах «Дальвоенморстроя» кое-чему научили, и в строительных делах я был не новичок. Как память о тех годах храню знак «Отличник военного строительства», который мне вручили накануне демобилизации. В Качканаре я обошёл все отделы кадров, ответ был один – приёма нет. До Нового года оставалось неделя, и я уехал к родителям в посёлок 20 км, или как его сейчас называют – посёлок Черничный.

959-го – я снова в Качканаре. Захожу в партбюро треста «Качканаррудстрой» к Попову В.А., единственному в то время для меня знакомому человеку. Ведь это он в 1950 году, будучи инструктором Исовского РК ВЛКСМ в Старо-Лялинской школе вручал мне комсомольский билет. «Василий Алексеевич, - сказал я, - почему имея трехгодичный опыт работ в строительных частях, я никому на стройке не нужен?» Василий Алексеевич внимательно выслушал и сказал: «Вот что, Толя, ты сейчас дождёшься Колю Спиркина, нашего секретаря комитета комсомола, он вот-вот должен приехать из Нижней Туры, поговори с ним, я думаю, он тебе поможет».

Я ждал. Коля приехал в семь часов. С интересом меня выслушал и сказал: «Хорошо, завтра мы с тобой пойдём на завод «Стройматериалов» и решим вопрос с трудоустройством. Но я тебе ставлю условие, что ты даёшь согласие на избрание секретарем комсомольской организации завода. Собрание проведём сразу, как только начнёшь работать». Я согласился. Утром, как и договаривались, идём на завод. Впервые я ступил на знаменитую промбазовскую лежнёвку.

Обтёсанные топором жёрдочки и уложенные в ряд на болотистую почву. Эта лежнёвка пролежала до осени 1959 года. Осень была очень дождливая, лежнёвка сгнила и по ней стало опасно ходить. Бульдозер убрал остатки, и заводу Стройматериалов было поручено соорудить новую - из досок. Строила лежнёвку бригада плотников Николая Губина.

На заводе сразу пошли на полигон в бригаду арматурщиков Леша Шалина. Коля, увидев Лешу, сходу сказал: «Леша, вот тебе арматурщик, оформи его к себе в бригаду». В этот же день я получил спецодежду и на завтра вышел на работу. Начались мои трудовые будни на заводе «Стройматериалов» треста «Качканаррудстрой».

По окончании моей первой трудовой недели был объявлен субботник на пилораме. Рабочая неделя была шестидневная и субботник проводился в воскресенье. Потребность в пиловочнике возрастала с каждым днём, и хотя на заводе была установлена скоростная финская пилорама «АУРА», обеспечить заявки строителей мы не могли. Пиловочник возили с Косьи, там тоже работала пилорама, как бы филиал нашего деревообрабатывающего цеха. Кроме пилорамы был навес, где бригада плотников готовила опалубку на весь железобетон, который выпускал полигон.

Как и договаривались, через неделю комсомольцы завода собрались в комитете комсомола, и избрали меня секретарём. В постройкоме я взял баян, баянисты на заводе были. Красный уголок в нашем распоряжении, он находился между управлением завода и управлением СУ-2. Третий щитовой домик, их и управлениями не называли: контора завода, контора СУ-2. В каждом цехе была своя комсомольская группа, а цехов было шесть: бетонный цех, арматурный цех, полигон, пилорама, РММ и растворный СУ-5. Некоторое время выпускали ежедневную сатирическую стенгазету цеха завода.

В начале 1959 года - это дощатые временки. Арматурного

цеха не было.

На полигоне стояла дощатая будка, в которой были сварочные аппараты и баллоны с кислородом. Железная печка для обогрева. Арматуру готовили на площадке полигона. Исключением был только бетонный цех, цементный склад – там всюду трудились монтажники «Востокметаллургмонтажа» и наши механики.

Бетонный цех или, как его ещё называли, новый бетонный, готовился к пуску. Для выдачи первого куба бетона на высоту пятого этажа таскали мешки с цементом. В мае 1959 года новый бетонный был запущен. Теперь всё внимание на цех ЖБК и арматурный. Во втором квартале 1960 года цех должен быть сдан в эксплуатацию. Изделия этого цеха: пустотные плиты перекрытия и кровельные плиты ПКЖ уже требуют строители жилья, а скоро потребуют корпуса ГОКа. Торопятся успеть сдать в срок цех ЖБК строители СУ-2. У стен строящегося цеха созданная бригада под руководством Михалева С.Г. собирает секционные балки кровли цеха. Плиты перекрытия кровли поставляют вагонами заводы области. Но как не спешат, плановые сроки срываются. Директор завода отказался подписывать акт приемки цеха: у цеха к тому времени торцевой стены не было. Его снимают с работы за это, акт подписывает другой. Цех был принят в августе 1960 года. Почти одновременно с цехом ЖБК была сдана заводская котельная и арматурный цех. Цепочка по производству сборного железобетона сомкнулась.

Старый бетонный узел. До пуска нового бетонного основное внимание уделялось ему.

Сломался тракторный погрузчик - всё остановилось и на заводе, и на стройке. «Что случилось?» - спрашивал диспетчер треста по телефону. «Телевизор сломался!» - отвечали ему (так называли шутливо погрузчик). С него началась работа бетонного. Он набирал в ковш песчано-гравийную смесь и через себя опрокидывал в бункер. Из бункера, открывая ручной затвор, загружались тачки. Тачка откатывалась к скиперу и опрокидывалась. Ловким движением тачка снова ставилась под бункер. Также и подавался цемент. Шла дозировка: две тачки песчано-гравийной смеси, одна тачка цемента. И вот таким адским трудом всю смену, катая тачки, старый бетонный выдавал в сутки 60-70 метров кубических бетона. Вот только оплата труда в те времена была такая, что даже не удобно говорить. Коля Мелехин, уходя на пенсию, решил взять справку за те годы, когда он катал тачки, и на заводе средняя зарплата была 60 рублей в месяц. Коля Мелехин – наш деревенский парень с 20-го. Мы с ним почти одногодки, разница в возрасте всего один год ничего не значит. Так, что босоное детство проходило в одно и тоже время. Когда я приехал в Качканар оформляться на работу, ночевать пришлось в комнате общежития на кровати вместе с Колей. Запомнилась неуютная теснота и терпкий запах развешанных на батареях портянок. На другой день я получил место в общежитии и работу на полигоне завода «Стройматериалов». Дальше мы вместе довольно часто ездили на свою малую родину и иногда с приключениями.

МЕДВЕДИ

И так, август 1959 года. Я и Коля Мелехин собрались съездить на 20-й. Рано утром на машине, которая едет за рабочими, мы прибыли на ИС. Мотовоз ИС – Старая Ляля вышел строго по расписанию в 11-00 так, что в полдень мы были дома, на 20-м. Через сутки нам предстоит проделать этот путь, только в обратном направлении. Мотовоз что-то задержался в Старой Ляле, и мы забеспокоились, не опоздать бы на Савиной горке к проходящему автобусу из Нижней Туры. Автобус отправлялся от ж/д вокзала после прихода поезда Свердловск- Нижняя Тура.

Нам с Колей надо быть на Савиной горке не позднее 22-00. Но как ни старались мы быстрее вышагивать, к автобусу всё-таки не успели, он уже прошёл. Огорчённо вздохнув, мы зашагали в сторону Качканара. Шли молча, досадуя на невезуху, которая нас настигла. Тихая, тёплая августовская ночь. Идти и ни о чём не говорить, это не в моём характере. И я стал рассказывать. За три года армейской жизни в приморском крае у меня скопилось столько историй, что рассказов хватило на весь путь. Коля благодарно слушал меня, не перебивая. На половине пройденного пути нас подобрал запоздавший ГАЗ-52, жаль шёл он только до Валериановска. Но и на том спасибо. После Валериановска мы продолжаем шагать в Качканар по ухабистой таёжной дороге, которая еле виднеется в окружении сплошной тайги. Чтобы как-то развеять окружающую нас ночную жуть, я продолжаю раскручивать как долгоиграющую пластинку свои рассказы. Вот мы уже дошли до речки Выя, перешли мост и стали подниматься в гору, дорога повернула в сторону будущих очистных сооружений. Шли молча, поскольку на подъёме трудно вести разговоры. В тишине ночи были слышны только наши шаги и немного учащенное дыхание. И вдруг за спиной мы услышали медвежье рычание. Резко обернулись и

увидели, как на дороге барахтаются два медведя. Говорят, у страха глаза велики, нам показалось, что медведям только мы и нужны и сейчас они накинутся. Коля своим зычным голосом закричал «Э-э-э-э-э!» а у меня крик не получился, я стал свистеть. Медведи покинули дорогу, ушли в лес. Несколько минут мы стояли молча, отходя от страха, потом шли до самого Качканара, переваривая в мозгах случившееся.

Слушая наш рассказ, бывалые таёжники прокомментировали так: «Возможно, вы встретили двух полугодовалых медведей, которые играя, вышли на дорогу. Возможно недалеко от них находилась их мама, медведица. Август месяц благоприятное время, чтобы научить подросших детёнышей самим добывать еду. Спелые ягоды и кедровые орехи, любимое лакомство медведя. Надо ещё до зимней спячки успеть накопить жирок. Так что они заняты своими, заботами. Просто так медведь никогда не нападёт на человека. Но защищая своих детёнышей или раненый медведь, очень опасный зверь».

РАБОЧИЕ БУДНИ

Полигон – это четыре пропарочные камеры, башенный кран, один из первых на Качканаре, паровой котёл в дощатой котельной. Котёл давал мало пару и это не устраивало никого. На полигон из Кушвы пригнали паровоз. Этот паровоз обеспечивал завод паром до тех пор, пока построили и сдали заводскую котельную. Когда потребность в паровозе отпала, паровоз решили вернуть обратно, но от него отказались. Сказали: «Ваша собственность, что хотите, то и делайте». Мы его разобрали, изрезали и сдали в металлолом, увеличив свои показатели по сдаче металлолома в несколько раз. Это аукнулось тем, что в следующем году заводу дали план по сдаче металлолома от достигнутого. Как ни пытались потом доказывать, что это было от паровоза, нас никто не хотел слушать.

1959 год. На завод стал поступать цемент, щебень, песок, металл, много металла. Если цемент и песок разгружали в цементный склад и склад инертных, то металл разгружали, где попало. Весной, когда растаял снег, металл оказался в грязи. Директор завода Плынов А.Ф. пришел в бригаду и попросил в воскресенье, а это было перед праздником 1 мая, выйти на работу и перекатать металл из грязи на дощатый настил. За это он, по нашей просьбе, заменил спецодежду, выдал новую.

Весной стало поступать много заказов на товарную арматуру по корпусу среднего и мелкого дробления. А где готовить? Арматурный цех строился и вряд ли будет сдан к концу года. Было принято решение на площадке полигона построить деревянный сарай, который и был арматурным цехом в зиму 1959-1960 г. Мастером этого цеха был принят ещё в мае Евсеев С.И. С бригадиром Шалиным А. отношения не сложились, и Лёша ушёл с завода. В арматурном создали две бригады (бригадиры Хинкин В. и Иванов А.) Всю зиму мы готовили арматуру и возили на площадку корпуса среднего и мелкого дробления. Первоначально арматуру не варили, а вязали.

В марте 1960 года мою бригаду командировали в СУ-4 для этих работ. И вот мы в котловане, вяжем арматуру, за нами ставит опалубку бригада Егорова. Но темпы не устраивают руководство. К нам пришёл начальник СУ-4 Корлюков Фёдор Нестерович и говорит: «Иванов, что-то медленно вы работаете!». А я ему: «Работают только двое, остальные металл с площадки таскают в котлован». «А вы не таскайте, я вам сейчас роту пошлю! Они весь металл спустят в котлован». Так и сделал. Работа у нас пошла быстрее.

Мастером по арматурным работам был назначен Фомин Вадим Сергеевич, молодой специалист, тихий, вежливый, скромный, только что окончивший институт. Однажды он попал под горячую руку Фёдора Нестеровича. А дело было так. Мы уже подготовили арматуру перекрытия, выставили балки, осталось установить и закрепить закладные детали. При сварке допустили небрежность и у нас загорелась опалубка перекрытия, довольно приличная площадь. С какой-то отчаянной борьбой нам удалось потушить самим начинающийся пожар, сбежалось всё руководство стройуправления. Фёдор Нестерович отругал нас так, как он мог. Вадим после этого на обед не пошёл - аппетит пропал.

Так я со своей бригадой проработал три месяца. Однажды на площадку, где мы работали, заходит человек, обвешанный фотоаппаратами, сбоку крутятся катушки магнитофона, в руках микрофон, и обращается к ребятам:

- Где тут Толя Иванов?

Он что-то меня спросил. Я впервые увидел такое. А это был знаменитый фотокорреспондент ТАСС Анатолий Грахов. Несколько минут он пытался из меня выдавить хоть несколько слов, но ничего не получилось. Я стоял как немой. Кто его послал ко мне, не знаю до сих пор.

Командировка на стройку закончилась, мы должны возвратиться на завод. Но завод – это подразделение треста

«Качканаррудстрой», а по тресту был издан приказ о передаче бригады арматурщиков в СУ-4. Я решил вернуться на завод и сказал об этом начальнику. Фёдор Нестерович тогда сказал, какая тут большая работа разворачивается:

- Вот только пустим комбинат, вы ордена будете получать.

Какие ордена, о чём он говорит, я это серьёзно не воспринимал. Это был 1960 год.

Работа на корпусе среднего и мелкого дробления заканчивалась, уже начался монтаж металлических колонн. У корпуса суетились киношники из Свердловской киностудии, снимали какой-то фильм. Вернулся на завод и думал: всё, больше на стройку не попаду. Но для арматурщиков были организованы курсы электросварщиков, готовились кадры для большого объёма работ. После окончания была создана бригада электросварщиков и приказом по тресту направлена в СУ-4 варить арматуру в котловане корпуса обогащения. Бригадиром в эту бригаду послали меня.

Каждое утро я приходил на завод, брал машину на кислородной станции (таковая у нас на заводе была), загружал шесть баллонов и ехал к ребятам в котлован. Стыковали арматуру диаметром 50-70 мм. Раскладывали только с помощью крана, электроды расходовали ящиками. Армировали плиты, в которые после нас бетонщики принимали до двух тысяч кубометров бетона. На площадку приехал новый директор завода Школьников Е.Т. Сказал мне,

Бригада электросварщиков завода строительных материалов на строительстве корпуса фабрики обогащения
Слева направо: Валентин Гречишников
Анатолий Иванов, Александр Топоров

что вышел приказ передать мою бригаду в СУ-4, а меня переводят мастером в арматурный цех. Пишу заявление.

Но в арматурный цех я не попал. Новый начальник арматурного цеха Филонис взял моё направление, быстро ушёл к директору, бросил его на стол и сказал, что ему нужны мастера, а не артисты! Так меня шутя называли за мое увлечение самодеятельным драматическим кружком в клубе «Строитель».

- Ничего, поработайте пока мастером на складе цемента, - сказал директор.

Это был июль 1961 года. Заявки на бетон с каждым днём увеличивались, а бетонный лихорадило. Узким местом была подача цемента на бетонный. Шнековые насосы (винтовые) постоянно клинило, их приходилось разбирать. Причина одна – насосы хорошо работают только при идеально чистом цементе. А к нам шёл цемент со всяким металлическим хламом, который оставался в мельницах цементных заводов. В период остановок на завод ехали все: диспетчер треста, директор автобазы, прорабы и мастера. В подвале цементного можно было увидеть и управляющего треста Карлюкова Ф.Н. От подачи цемента цементными насосами отказались, цемент стали качать напрямую из-под цементных силосов в трубу с большим потоком воздуха. Теперь стало не хватать воздуха. В период закачки цемента останавливался арматурный цех. В арматурном установили свой компрессор.

С декабря 1961 года я работаю мастером арматурного цеха. На стройку с завода идут пустотные плиты ПТК-59-16, плиты кровли ПКЖ-4,5,6, подкрановые балки для строящегося завода РМЗ (КЗРГО). Поскольку первый железобетон был не напряжённого армирования, он был очень металлоёмким. Вся работа по освоению напряжённого железобетона была впереди. На завод поступил заказ изготовить двухветвевые железобетонные колонны для корпуса погрузочных бункеров.

Длина колонн 19-21 метр. Изготовить мы могли что угод-

но, но вот как перевезти такой длинномерный груз? Было решено колонны делать на месте монтажа. На площадке выставляли деревянную опалубку, армировали, бетонировали, подключали подогрев - и колонна готова. Всё просто. А какой огромный труд плотников, арматурщиков, бетонщиков, лаборантов, электриков за этими словами. Последняя работа была, когда нас попросили помочь установить арматуру на балконе строящегося дворца культуры.

Была одна напасть на заводе: часто меняли директоров. За пять лет почти полтора десятка сменилось. В 1963 году даже областное радио в своей сатирической передаче «с ветерком» отметило это. К тому же на складах оказалось много сборного железобетона, не нужного тресту «Качканаррудстрой», а материалы израсходованы были из фондов треста. «Главсредуралстрой» посылает с проверкой на завод молодого специалиста с завода «Ленинского комсомола» (г. Свердловск) Виберга Игоря Фёдоровича. По результатам проверки Игорю Фёдоровичу было предложено ехать в Качканар и принимать завод.

Так на заводе в декабре 1963 года появился новый молодой энергичный директор завода. А из тех, кто ему помог стать настоящим директором, он с благодарной теплотой называл Подкопаеву Людмилу Дмитриевну, начальника планового отдела, Черникова Семёна Григорьевича, главного бухгалтера. В арматурном начальником снова Евсеев С. И., заместитель начальника Мирон Миронович Хвощевский, мастера А.С. Иванов, Н.Ковалёв, А. Середа, З. Суровежкина.

ВИТЬКА

Был у нас в арматурном цехе слесарь Витька. Слесарь он был классный, с большим опытом, и все относились к нему с уважением. Веселая натура, любил розыгрыши и рассказы из своей жизни, как правило, очень смешные. Витька если увидит, что кто-то стоит в задумчивости, обязательно подойдет и спросит:

- О чем задумался? Есть проблемы?

Ему высказывали свои сомнения, и он их по-своему разрешал или давал направление, как перейти к правильному решению. Что из этого получалось, я приведу рассказ самого Витьки.

В армии Витьке пришлось служить в первой половине 50-х годов в артиллерии. В армию пришли подростки войны. В основном из деревень, образование 4 класса, а то и такового не было. Витька уже заканчивал свою трехгодичную службу. В свободное время ходил, наблюдал за новобранцами. Вот с занятий вышла группа солдат. Закурили. А вот один стоит, не курит, задумался. Виктор подходит к нему:

- О чем думаешь? Есть проблемы?

Молодой посмотрел на него. Старослужащий Витька своим видом внушал доверие, и он решился:

- Вот сейчас на занятиях командир рассказал, как стреляют пушки. И на доске нарисовал, как летит снаряд. Ведь вот из ружья стреляешь, пуля прямо летит, почему снаряд летит криво? По тра-ек-то-рии, - выговорил молодой.

- О! – обрадовался Виктор. Экземпляр что надо. И стал объяснять.

- Понимаешь, - начал Виктор, - пушки еще на заводе делают так, чтобы снаряды летели по кривой траектории. Во время боя в случае необходимости пушку можно положить на бок и стрелять из-за угла.

Окончательно заклинив молодому мозги, Виктор удалился.

Когда на следующих занятиях, чтобы узнать, как усвоили материал, офицер поднял новобранца, он начал объяснять так, как ему сказал Виктор.

- Я этого не говорил, - сказал офицер, - ты откуда эту чушь почерпнул?

Вот такой был Виктор – балагур.

Закончился 1959 год, отпраздновали праздник нового 1960 года, все вышли на работу, но не было на работе Виктора. Прошло три дня. Начальник арматурного цеха, тогда был Евсеев С. И., посылает двух легкотрудиц в общежитие узнать, почему не выходит на работу Виктор, но его в общежитии не оказалось. Стали расспрашивать и узнали, что он перед Новым годом собирался с кем-то съездить в Нижний Тагил и больше его никто не видел.

- Ну что же, подождем, когда объявится, живой или мертвый, - сказал Семен Иванович, и все стали о нем забывать.

Виктор появился на работе через полтора месяца, в середине февраля.

- Виктор, ты, где это был? – спросил начальник цеха.

- На Агафуровских дачах отдыхал. Пока доказывал им, что я не сумасшедший, полтора месяца прошло.

- А как ты туда попал?

И Виктор рассказал. Приехали в Нижний Тагил, походили и собрались обратно в Качканар. Пришли на вокзал. В Качканар только через Нижнюю Туру, надо ждать поезд Свердловск – Нижняя Тура, а народу на вокзале битком. В Нижнем Тагиле уже был построен новый ж/д вокзал, но еще не пущен в эксплуатацию. Поэтому пассажиры все находились в старом деревянном вокзале. Ждать поезда, стоя на ногах, не хотелось, и Виктор сказал другу:

- Ты знаешь, я могу гипнотизировать людей.

- Это как?

- Я сейчас внимательно буду смотреть, не мигая, вот на ту

женщину, которая сидит с краю скамьи, а ты иди, стой неподалеку. Она не выдержит моего взгляда и уйдет, а ты быстро садись на ее место.

Получилось! Виктор усадил друга и пошел к следующей скамье освобождать себе место. Недолго пришлось отдыхать Виктору. Женщина, которую он взглядом поднял, в милицию заявила, что в зале есть умалишенный, и показала милиционерам на Виктора. Быстро появились здоровые молодцы, под руки увели Виктора, даже друг не видел, когда и куда.

- Ладно, - сказал Семен Иванович, - напиши объяснительную и иди, работай. Да гипнозом больше не занимайся. Хреновый из тебя фокусник получился.

БУДНИ АРМАТУРНОГО

На собрании рабочие спрашивают: «Когда у нас в цехе будет работать кранбалка? Надоело таскать металл на горбу из склада в цех!» Действительно, проект цеха старый, не для таких работ которые нам предстоят. Даже крана нет. Подвешенная к кровельным балкам двухтонная кранбалка не работает. А металл поступает в пачках не менее пяти тонн. На складе готовой продукции подъёмные механизмы не предусмотрены проектом. Готовую продукцию грузили на транспорт автомобильным краном. На складе работали бригады сварщиков, которые круглый год продувались всеми ветрами. На складе кроме крыши ничего не было. «Не всё сразу, манны небесной не ждите, придёт время, будут деньги - будем заниматься всеми этими делами».

Припоминается такой случай. Женщины, которые на плечах таскали арматуру в цех, присели отдохнуть. В это время заходит вновь назначенный директором завода Гельфельнбейн, не помню имя, отчества. Обращаясь к девчатам: «Почему сидим?» - и в ответ услышал: «А пошёл бы ты на ...». Но заниматься этими работами пришлось мне. Фёдор Нестерович узнал, что начальником цеха снова Евсеев С.И., велел Игорю Фёдоровичу его убрать. Он считал его виновным в том, что в СУ-4 образовалась большая недостача металла, так как тот поставлял арматуру на объекты. Исполняющим обязанности начальника цеха стал Хвощевский М. М.

В конце месяца, видя его растерянность при составлении отчёта, я взялся его делать. Мне это было знакомо с армии. Там

я все три года работал с арматурой и отчёты приходилось делать. Готовый отчёт я передал Миرونу Мироновичу, он его сдал в бухгалтерию без замечаний. После этого он зашёл к директору и сказал: «Игорь Фёдорович, я в кодексах разбираюсь лучше, чем с арматурой, ставить надо начальником Иванова А.С.» Мирон Миронович какое-то время был начальником отдела кадров завода.

Я очень доверял Евсееву С.И., и при передаче дел остатки металла подписал всё, что числилось за ним по бухгалтерии. Через десять месяцев работы в конце года комиссия установила, что на складе не хватает 180 тонн металла. Вот результат моей доверчивости. Что делать? Со своими объяснениями директор, главбух и я отправились к управляющему треста. Фёдор Нестерович выслушал нас и, повернувшись к главбуху треста, сказал «Спишите на производство», а обращаясь к директору: «Игорь Фёдорович, примите меры, чтобы больше такого не было!» После этого в арматурном появился динамометр, и весь

поступающий металл стали перевешивать. Оказалось, что в вагонах металла меньше, чем в сопровождающих документах на пять, а то и на десять тонн. Видимо поняли поставщики, что на Качканарском заводе ЖБИ нет контроля за поступающим грузом, и этим воспользовались. Стали перевешивать металл в присутствии представителя, если его не хватало.

В 1965 году в арматурном началась большая реконструкция. У молодых начальников цеха энергии хоть отбавляй. Кроме арматурного начальником КЖД стал Вагайцев А., ЖБК – Шашков Г., бетонный – Костоусов В., цех лесопиления – Березин Ю., полигон – Маевский В.

В Качканар часто приезжали поэты, писатели, артисты. Встречи происходили на рабочих площадках, клубах и т.д. И вот однажды на наш завод приехала в сопровождении М.М. Мальцевой заслуженная артистка РСФСР Валентина Владимировна. Мира Михайловна увидела меня и окликнула. Я подошёл.

- Вот наш активный участник драмкружка Толя Иванов – начальник цеха.

- Ну, Мира Михайловна, вы меня как в сказке водите. Такой молодой начальник цеха!

И подаёт мне руку. Я обратил внимание, что рука маленькая, нежная. Тонкие пальцы совсем не такие, как у деревенских баб, которых она постоянно играла в кино.

Но вернёмся к реконструкции. Для того, чтобы в цехе работал кран, мы по месту забетонировали двадцать восемь колонн, изготовили подкрановые пути, с их помощью начальник РММ Челноков И.Г. и наш механик Попов К. изготовили кранбалку грузоподъемностью пять тонн. На складе готовой продукции закрыли стены. Смонтировали подкрановые пути для двух кранбалок. Построили пристрой для сварки закладных под слоем флюса и металлизации их. Отштукатурили стены цеха, вытянули мозаичные полы, стали делать влажную уборку после

каждой смены. Купили цветы и расставили у каждого окна. В цехе стало светло, красиво, уютно. Часть станков заменили новыми. Цех работал в три смены, обеспечивая арматурными корпусами ЖБК, КПД, полигон и выполнял заказы стройуправлений по товарной арматуре. Всё идет своим чередом, план выполняется, но я расскажу о том, когда обязанности по работе выполняются небрежно.

На стене погрузочных бункеров упала наша смонтированная панель. Случилось это во время перерыва, когда никого не было. Если бы панель упала на 15-20 минут раньше, когда тут было очень много народу, мог произойти групповой несчастный случай. Срочно прибыл управляющий треста Карлюков Ф.Н., вызвал на место происшествия директора завода, главного инженера и начальников цехов. Оказалось, к закладной колонне приварился стульчик, на который опиралась панель, закреплялась, но у этой закладной не оказалось анкеров. Как такое могло произойти, велено было тщательно разобраться. А главному инженеру завода (тогда был Макрышев Виталий Павлович), Фёдор Нестерович сказал, где бы он сейчас был, если бы панель упала на людей. Распорядился немедленно убрать следы этой аварии. Карлюков уехал, а мы поехали на завод разбираться.

Комплект закладных был отправлен на тракторной тележке на полигон. По дороге одна закладная упала с тележки, мастер не проверила и подписала требования по установке закладных. Сварщик обнаружил, что не хватает одной закладной, проявил самостоятельность, взял подходящую пластину без анкеров, прихватил к хомутам - и всё. Перед бетонированием мастер обязана проверить, всё ли соответствует чертежам, ведь она подписывает акт скрытых работ, но это не было сделано. Вот и произошло то, что произошло. Я не знаю, по этой ли причине главный инженер Макрышев В.Т. подал заявление на увольнение, но думаю, что перспектива попасть на нары из-за

таких разгильдяев никого не устраивает.

Я уверен на 100%, что если добросовестно относиться к своим обязанностям, выполнять всё, что прописано в инструкциях, то и не будут происходить подобные случаи. А главный инженер - это щука в озере, чтоб карась не дремал.

В 1966 году тряхнуло Ташкент. Мы почувствовали, что с металлом стало хуже, фонды урезали. Выход один – переходить на армирование пустотных плит высокопрочной проволокой. Коллектив завода справился с этой задачей в короткий срок. В этом помог нам и изобретатель станка по холодной высадке головок на высокопрочной проволоке Васильев Г.Н.. Станок изобретатель впервые внедрил на нашем заводе. Он часто приезжал, помогал «внедрению механического натяжения арматуры для пустотных плит».

Вернёмся назад. Виталий Павлович уволился и уехал из Качканара. Некоторое время на заводе не было главного инженера, видимо, искали кандидатуру. Но вот однажды на завод приехал управляющий треста «Железобетон» (а мы тогда уже находились в системе треста) Сенченко Александр Петрович. Игорь Федорович ходил с ним по заводу. Зашли в арматурный цех. Цех после только недавно законченных реконструкций сиял: побелен, покрашен, с вымытыми мозаичными полами, с обновленным оборудованием, с цветами у каждого окна. Сенченко был доволен увиденным не только в арматурном. Реконструкцией и внедрением новой техники занимались все цеха. В цех позвонили и велели прийти мне к

директору. Я захожу, Александр Петрович говорит:

- Мы тут с Игорем Фёдоровичем посоветовались и предлагаем тебе поработать главным инженером завода. Энергии и задора у тебя хватает, а опыт придёт. Предложение было настолько неожиданным, что я сначала растерялся. Потом немного подумал – будь что будет! Не боги горшки обжигают, и – согласился. По тресту был подписан приказ, с сентября месяца 1967 года я назначен главным инженером.

Не прошло и месяца моей работы в новой должности, в бетонном цехе произошёл жуткий несчастный случай со смертельным исходом, погибла мать четверых детей. Судебное разбирательство так и не установило прямого виновника и по три года условно получили начальник цеха и мастер смены. В этом году была построена и сдана теплотрасса на промбазу от ТЭЦ. Как только появился пар, завод сразу закрыл котельную, оборудование распродали, здание

переделали под заводоуправление, освободив третий этаж бытовых помещений бетонного цеха и цеха ЖБК. С первым предложением я обратился к Игорю Фёдоровичу. Надо оборудовать технический кабинет по последним требованиям.

Нашли бригаду дизайнеров в Свердловске, заключили договор на 8000 рублей согласно их расценок, и они приступили к работе. По окончании работ начальник отдела труда и зарплаты Мокеров В.М. не принял к оплате даже и после того, как директор дважды поставил свою подпись. «Не положено!» – был его ответ. Что делать, Выход должен быть, работа сделана.

Тогда Игорь Фёдорович ребятам сказал: «Подайте на нас в суд, получим постановление суда и вы получите деньги». Так и сделали. После решения суда мы им выплатили. Я это рассказал не потому, что начальник отдела труда и зарплаты был плохой, наоборот, очень хороший, но вся система была такова, что увеличить зарплату никак не положено.

И даже при таком строгом контроле за расходам зарплаты случались перерасходы. В таких случаях банк прекращал финансирование, задерживалась зарплата. Срочно кто-то из руководителей с объяснениями отправлялись в «Главсредуралстрой». Один раз и мне пришлось объясняться в главке. Чтобы не допускать перерасхода зарплаты, надо было что-то сокращать. Первое, что мы решили сократить – это растворный СУ-5. Кладочный раствор мы уже готовили на бетонном, готовились делать и штукатурный раствор. Пробную машину штукатурного раствора послали штукатурам. Шум подняли большой. Разница в растворах конечно была. Во-первых, были разные заполнители. На растворном - махневский песок, цемент, известковое тесто. На бетонном – отработанный формовочный песок (горелка), известковое молоко. Но ничего, привыкли. Теперь мы окончательно отказались от привозного песка, который нам давал большие простои при разгрузке, особенно в начале зимы. Простои вагонов под разгрузкой были не только у нас, а по всем заводам области. Как-то на селекторном совещании по простоям одного директора спрашивают:

- У вас самые большие простои, какие меры принимаете?
- А всякие, даже пробовали взрывать.
- Ну и как?
- Платформа вдребезги, а песок на месте.

Шутка.

Шламовый песок и щебень ГОКа – основной заполнитель для бетонов всех марок, кроме высокой марки бетона М-400 для

дымовых труб ГОКа. Щебень для этого бетона поступал с Шарташского карьера. Особый контроль заводской лаборатории, чтобы бетон с завода приходил по графику и строго проектной марки М-400. Старший прораб Авричевич В. В. предупреждал, что если на трубу попадёт бетон маркой ниже, его придётся после выдалбливать. Одним словом, трубы были построены без срывов и происшествий.

В 1968 году завод ЖБК отпраздновал свое десятилетие. Сложившийся коллектив, опытные работники решали всё, что от нас требовалось. ГОКу для шламохранилища потребовались дренажные трубы. В короткий срок освоили для себя новое и необычное производство и выдали необходимое количество. Со стройки Лайского свинооткормочного комплекса поступал заказ на новые трехслойные бетонные панели, взамен керамзинтобетонных, которые мы поставляли. Их, оказалось, свиньи грызут. И с этой задачей справились. Стали готовить новые панели, которые свиньям не по зубам. Постоянно совершенствовали технологию производства. Было внедрено и работало механическое натяжение арматуры для сборного железобетона. Автоматизированы пропарочные камеры. По опыту работы таких камер на нашем заводе проходила школа передового опыта, приезжали главные инженеры заводов Свердловской области. Многие им понравилось на заводе, но критика тоже была. В цехе ЖБК заменили вибростолы и бетонораздатчики на новые, более совершенные. На бетонном убрали последние шнековые насосы и заменили их на аэрожелоба. По заданию завода трест «Оргтехстрой» приготовил проект полной автоматизации бетоносмесительного цеха. Повысились требования к качеству закладных деталей. Они должны быть защищены от коррозии. Силами наших мастерских механиков изготовлены станки сварки под слоем флюса и металлизации. Много хороших предложений по улучшению труда сделали наши рационализаторы. Одна только идея – не

возить в ремонт сгоревшие электродвигатели в Свердловск, а организовывать ремонт в мастерских завода. Завод был благодарен Николаю Пьянкову, Руфине Пьянковой, Вере Субботиной, организовавшим наше заводское ремэлектро.

Но были и казусные предложения. Предлагалось, например, применять в производстве бетона омагниченную воду с огромными цифрами экономического эффекта, в случае внедрения. Отложив предложение, я искал кто бы мне помог пролить свет на эту омагниченную воду. И случай представился в октябре 1969 года. Я находился в Москве на курсах повышения квалификации для главных инженеров заводов ЖБИ при НИИ ЖБИ. Лектору по бетонам, кандидату технических наук по фамилии Коган, я задал вопрос:

- Как вы относитесь к бетонам на омагниченной воде?

- Как к одурачиванию и околпачиванию, - был ответ.

Пилорама, как называли тогда цех лесопиления, поставлял на строительство жилья шпунтовую доску. Доска была сырая, полы рассыхались, сушить было негде. По предложению главного инженера треста «Качканаррудстрой» Шагиева Н.А. СУ-2 построило нам индукционную сушильную камеру. Принцип работы такой: в индукционную большую спираль (катушка) загружается вагонетка с досками, переложёнными металлическими решетками, которая выполняет роль сердечника. Но у нас ничего не получилось. Видимо была ошибка в расчетах. В 1967 году меня даже послали в командировку, чтобы посмотреть, как работают туннельные камеры. Встречался с разработчиками данного проекта. Это институт тепло и массообмена в городе Минске. Они сказали – заключите с нами договор, платите деньги сто тысяч рублей, и мы вам всё сделаем. Таких денег нам никто не даст, да и к этому

времени на промбазе уже был пар от ТЭЦ, и сушильные камеры переоборудовали на паровые теплоносители.

Однажды Игоря Фёдоровича пригласил к себе Гикалов Д.И. и показал в газете «Правда» небольшую информацию о том, что НИИ керамики разработал новую технологию глазурования стеновых блоков домов. Очень хотелось Дмитрию Ивановичу иметь в Качканаре необычайной красоты дома. Промышленное производство было освоено в Казахстане, городе Рудном. Зная знаменитое гикаловское выражение: «Советую – не спорить, слишком не равные силы», Игорь Фёдорович командировал меня в Рудный. После ознакомления я еду в Москву в НИИ керамики и договариваюсь с руководителем данной разработки, что он к нам приедет, как только появится возможность. Но меня освободили от занимаемой должности за несчастный случай со смертельным исходом. В это же время я получил письмо из НИИ керамики, о том, что к нам на завод выезжает руководитель группы разработанной технологии глазурования стеновых блоков т. Гирвиц для заключения договора на внедрения на заводе таковой технологии. Я тут же позвонил Гирвицу и объяснил обстановку. И командировку отменили.

На заводе я работал до февраля 1975 года.

ЗЕМЛЯКИ

В 1953 году объектив известного в наших краях фотографа Виктора Огибенина запечатлел группу односельчан. Здесь мы видим старейшин нашего посёлка Павлу Михайловну и Михаила Андреевича Обабковых, братьев Корюковых Николая и Виктора. А вот Степан Фёдорович Никитин и его сын Михаил Степанович, отец и сын Беленцовы – Николай Гаврилович и Юра. Дядя Шура Пилигримов, Ольга Ивановна Прокон – учительница. В центре – директор подхоза Роленко, наши отец с матерью и самый младший из братьев Вова. На заднем плане – Саша Радченко.

...Глядя на эту фотографию я и решил закончить свои воспоминания короткими рассказами о людях, живших в этом посёлке, одним словом – о земляках.

Власов Алексей Иванович

Я его помню с детских довоенных лет как дядю Лёню, высокого, стройного, добродушного. У нас хранилась его старая фотография второй половины 30-х годов. Дядя Лёня в военной форме войск НКВД сидит на стуле, закинув ногу на ногу, держит наган, поставив руку на колено. Не знаю, по какому случаю он расстался с этой службой, но факт есть то, что он в 1938 году появился на 20-м свободным от всех служебных обязанностей. Сошёлся и стал жить с нашей Катюшкой, у которой уже были два ребенка - Женька и Венька. В 1940 году родился третий – Вовка Власов. Дядю Лёню на фронт взяли в самые первые дни войны. На фронте, когда стали формировать команды на новое секретное оружие «Катюши», дядя Лёня попал в эти команды одним из первых. Годы службы в войсках НКВД сделали свое дело, к нему никаких вопросов не было. Воевал дядя Лёня с самых первых дней, как появились на фронте «Катюши» и до конца войны. Не знаю от кого мы, девятилетние пацаны, услышали, как дядя Лёня прямой наводкой, заехав передними колесами в воронку, стрелял из «Катюши» залпом по головам фашистов и захлеб пересказывали друг другу.

А Катюшка не дождалась дядю Лёню с войны. Крутанула хвостом так, что у неё родился четвертый сын Колька. Я хорошо помню, как возвращались с войны деревенские мужики. Мы, пацаны, каждый раз бегали к поезду, чтобы увидеть, как выходят из вагона при медалях уже бывшие воины. Мы близко подходили и читали, за

что получена медаль. Отец пригласил Алексея Ивановича к нам. Вот он сидит за столом при медалях, на коленях держит сына Вовку. Многие женщины хотели бы иметь в мужьях такого бравого, свободного мужика, которому чуть перевалило за 30 лет. А он выбрал в жёны Катюшу Маркину и на мой взгляд это была очень удачная дружная семейная пара. Как по заказу у них первыми родились две девчонки Люся и Рая: кому-то ведь надо будет нянчиться. После родились три парня – Слава, Толя, Алёша. Помню, в 1953 году мы, молодёжь, соорудили волейбольную площадку, а для игры надо две команды. Собрали с трудом. Я шёл и звал: «Дядя Лёня, пойдём играть в волейбол!» Тётя Катя Власова немного поворчит: «Вон у него игрушки - на кровати сидят» - и отпускала. Он шёл с нами играть, пока было светло и видно мяч. После мужики расходились по домам, а мы шли в клуб.

Проходили годы, и Алексей Иванович с Катюшей построили свой дом, обзавелись живностью, как и все деревенские хозяйства. Наш отец всю

жизнь в своём хозяйстве держал скот, а сам даже курицу не мог заколоть, поэтому всегда обращался к Алексею Ивановичу за помощью. Мы дружили семьями. У отца был полный набор необходимого инвентаря для производства валенок. Алексей Иванович приходил в баню к отцу и катал валенки для своего семейства. Не знаю по какой такой причине вся семья Власовых, заколовив досками окна, сорвалась и уехала на родину Алексея

Ивановича в Курганскую область, но вскоре вернулись обратно. Тоскливо стало на душе без этого уютного посёлка 20 км.

В конце 70-х годов Алексея Ивановича назначили управляющим третьего отделения подхоза, т.е. 20 км. Какие трудности были в те годы, я не берусь описывать, поскольку я постоянно не жил в деревне. Но то, что разгул пьянства был повсеместно, и как результат страдали от этого и семьи, и производство знал наверняка. В горячую пору по заготовке кормов произошёл случай, который я бы назвал диким. Чтобы работа не стояла, Алексей Иванович вместо пьяного тракториста посадил на трактор другого. Казалось бы, ничего особенного: начальник для пользы дела имеет право это делать. Но тут кое-кому захотелось зрелищ. Пьяному трактористу, а это был Михаил Банников, нашептали, что на его трактор посадили другого. Одурманенный алкоголем мозг ничего хорошего Мишке подсказать не мог. Он схватил топор и побежал в поле. Увидев приближающегося Мишку с красными как у быка глазами и с поднятым над головой топором, все с опаской стали наблюдать за дальнейшим поворотом событий. Мишка напрямик бежал на Алексея Ивановича. Если бы Алексей Иванович стоял на месте, трагедии бы не миновать, и он побежал вокруг трактора. Паша Шпилевский (а это он был на тракторе), не дожидаясь кровавой развязки, прыгнул на Мишку и сбил его с ног. Отобрали у него топор, еле-еле успокоили. А финал такого зрелища был такой: он получил по заслугам и несколько лет находился там, где было много времени для обдумывания своих поступков. Если посмотреть, как Алексей Иванович относился к воспитанию своих ребят, можно сказать: очень мудро. Вот только один пример. Однажды он говорит сыну, 14-летнему подростку: «Толя, я сейчас пошёл за лошадью, а ты сходи к Ваське Жарких и попроси у него плуг, будем пахать огород». Толя с ребятами прикатили от Васьки плуг, лошадь уже стояла привязанная в огороде. Отца не было, он куда-то ушёл,

оставив сына один на один с проблемой: как вспахать огород. Впрягли лошадь, ждут, отца нет, а время идёт. Толя встаёт за плуг и пробует пахать. Вначале получалось коряво, но с каждой бороздой становилось лучше. Пройдя последнюю борозду, Толя увидел – в огород зашёл отец. Он подошёл к нему и спросил: «Ну как?» Алексей Иванович хлопнул сына рукой по плечу и сказал: «Пойдет, молодец!» Все ребята семьи Власовых выросли трудолюбивыми, добрыми, отзывчивыми на любую просьбу, кто бы к ним не обратился. В народе говорят, что хорошие дети рождаются и вырастают от хорошей любви их родителей, а любовь Алексея Ивановича к своей Катюше была чистой и большой.

Валентин Антонович Костюкович - потомок тех белорусских крестьян, которые добровольно, по зову реформатора Столыпина, приехали на не паханные уральские земли и в наших краях заново организовали множество посёлков. Эти крепкие крестьянские хозяйства после периода коллективизации стала покидать молодежь, уходя на заработки. Валентин оказался на 20-м.

Началась война и Валентин был призван на Тихоокеанский флот. Семь лет на военном корабле он бороздил просторы Тихого океана, выполняя труднейшую работу по доставке в Советский Союз из Америки разные грузы по договору ленд-лиза. Задания для группы таких кораблей было настолько необходимым и важным, что их даже не стали отвлекать на участие в военных действиях, когда началась война с Японией в 1945 году. Служба для моряка Валентина закончилась через 7 лет.

В мае 1948 года в деревне появился второй моряк. Первый моряк, который вернулся после войны, был Николай Михайлович Корюков. Но он был намного старше нас, его сын Герка был нашим ровесником. А к Валентину мы с другом Вовкой Ники-

тинным как приклеились. Стоило ему появиться на улице, мы тут как тут: «Здорово, Валюша, расскажи нам что-нибудь». В ожидании рассказа о каких-нибудь приключениях мы оба смотрели на Валентина. Как-то не было принято в те времена рассказывать подробности той трудной военной службы, и Валентин уклончиво уходил от таких рассказов, предлагая: «Давайте я вам расскажу лучше анекдот». И вот мы с Вовкой, 14-летние подростки, слушали морской солёный анекдот. Например, такой (я его постараюсь перевести с морского языка на литературный). Возвращается из далёкого похода корабль. Матросы сошли на берег. Один моряк познакомился с бабёнкой и договорились провести ночь вместе. Когда дело дошло до постельных игр, он ей говорит: «Как будем: по-простому или по-морскому?» Она подумала, что по-простому она знает и сказала: «Давай по-морскому». В разгар игр он перевернул её вниз лицом и она закричала: «Не туда!» На что он ей ответил: «Ничего, во время шторма наши корабли в любую гавань заходят».

Валентин, как мы потом убедились, был заядлый рассказчик анекдотов. Как-то с моим отцом, а он тоже любил рассказывать анекдоты, сразились в соревновании, кто не прерываясь больше расскажет анекдотов. Победил Валентин.

Женился Валентин, взяв в жены Наташу Кандыбаеву. Семья была дружной, воспитали троих детей. Я служил на Дальнем Востоке в строительных частях в 50-е годы, и даже мы строем маршировали, распевая в ритме марша модную в те времена песню:

Уходит в даль широкая дорога,
Окутал сопки утренний туман,
И снова бухта Золотого рога
Нас провожает в Тихий океан
Шли моряки, чем дальше, тем быстрее,
В огне атак не дрогнул ни один,
Освобождали братскую Корею

И брали с боем Южный Сахалин.

Я при встречах напоминал Валентину эту песню и каждый раз он с каким-то внутренним трепетом воспринимал слова этой песни, с воспоминанием той далекой поры военных лет они выжимали слезу на глазах у этого мужественного человека.

В деревне ему досталась судьба быть последним руководителем отделения подсобного хозяйства. Уже почти не осталось людей, кто мог бы работать. Он сел сам за рычаги трактора и со стороны было не понять, кто он – руководитель или тракторист. Достигнув пенсионного возраста он, как участник войны, получил квартиру в Качканаре и они с Наташей переехали в город.

Наташа

Шла зима 1943 года. На 20 километре третьего отделения подсобного хозяйства Исовского «Золотопродснаба», ныне это поселок Черничный, зимовали: нетели — 250 голов, стадо дойных коров — 100 голов, свиноматки вместе с поросятами, — более 1000 голов. Все молоко с третьего участка перерабатывали на ручных сепараторах, а обрат выпаивали поросятам и телятам. На Ис возили только свежие сливки. На сто голов дойных коров было пять доярок.

Чтобы провести утреннюю и вечернюю дойки, доярки вставали в 4 часа утра, а приходили домой в 9 часов вечера.

В январе 1943 года поступил приказ: 250 нетелей нужно срочно перегнать на откорм в Верхотурский район — это еще дальше Кордюковского совхоза. Стали готовиться. Путь предстоял долгий: километров 160.

По зимней санной дороге с таким большим стадом больше 30 километров за день не пройдешь. Значит, будет ночевок пять-шесть в пути.

К тому же 250 голов надо накормить-напоить, дать возможность отдохнуть. Стали готовить обоз.

Шесть лошадей будут везти три воза сена, три воза соломы. Поить в пути будут при переходе через речки. А чем же будут питаться люди, сопровождающие этот обоз?

Их пятеро. Выдали им шесть килограммов муки, и еще с собой взяли немного картошки. Отоварили хлебные карточки. Все понимали: в такой зимний перегон, с ночевками под открытым небом, падеж скота неизбежен, — но, главное, чтоб он не был массовым.

И вот 1 февраля 1943 года обоз тронулся в путь. Впереди на верховой лошади — старший перегона Валентин Никольский. За ним — все нетели выстроились друг за дружкой: на санной дороге по другому не получится. А после на лошадях с сеном разместились все остальные: Петр Титовец, Клава Блохих, Поля Кушнарева, Наташа Кандыбаева.

До поселка Рудного в сопровождающих находился ветеринар, но, убедившись, что все в порядке, вернулся. Февраль в дни перегона оказался вьюжным, морозец был крепким, а ветер — противным. Одежонка у всех — не ахти какая, и, чтобы не замерзать, в основном, шли пешком.

В первой деревне после Старой Ляли остановились на ночлег. Нетелям дали сена, которое они съели до последнего прутика, и улеглись отдыхать. Время от времени их надо было поднимать, чтобы не примерзли. В одном из домов договорились о ночлеге самих провожатых. Хотели сварить картошку, но она оказалась замерзшей. Из муки заварили болтушку, нахлебались и легли спать.

Утром опять в путь, и так за неделю добрались до места. Не выдержали такого перегона только пять телят. Потери — минимальные, все обошлось без особых разборок. За весь путь сено и солома были съедены. Тем, что осталось, накормили лошадей и отправились обратно. На санях не было ни клочка сена, сидели на палках.

Нас часто сейчас упрекают в том, что мы зациклились на воспоминаниях тех далеких, прошедших времен. Говорят, что мы идем спиной вперед, постоянно смотрим назад. Призывают забыть все это, и даже войну и Победу забыть.. С таким отношением к памяти наши будущие поколения будут думать, что пятимиллионную Советскую Армию, громившую фашистов и освободившую Европу от этой нечисти, кормили аргентинским мясом «глубокой заморозки».- Все это мне рассказала Наташа Кандыбаева, ныне Костюкович, участница

того перегона, — а ей тогда было» 15 лет.

Я ее спросил:

— Наташа, а сейчас как ты живешь?

— Ничего, не жалуясь. Квартира есть, пенсию получаю.

— Какая у тебя пенсия?

— Тысяча шестьсот рублей.

— Но ведь этого мало. А сколько за квартиру платить?

— Я субсидию оформляю. Через год мне будет восемьдесят, и к пенсии добавят еще 500 рублей.

Да, какие безжалостные времена...

Марк Антонович

Семья Марка Антоновича Швайбовича перед войной: мать, четверо детей и дед Антон. Марк Антонович на фронт не попал, а был мобилизован в трудармию и все годы войны по законам военного времени трудился по 12 часов в сутки на одном из заводов важного оборонного значения.

Окончилась война и после демобилизации он вернулся в семью. Старший сын Тимофей в подхозе уже числился кадровым пахарем, начинал втягиваться в работу и младший Петр, Маруся и Толя были школьниками. Марк Антонович на небольшие деньги, скопленные за период работы на заводе, купил всей семье скромные подарки, а любимой дочери Марусе подарил красивое яркое платье. Второклассница Маруся пришла в этом платье в школу и выглядела самой нарядной девочкой.

Как и все мужики, вернувшиеся после войны в родную деревню, включился в работу. Марк Антонович стал бригадиром полеводческой бригады, а на период горячей поры по заготовке кормов он отправлялся с бригадой на сенокос. Сено заготавливали по лесным полянам в районе 14 км и на заброшенных посёлках. Жили там же в лесу в балагане и только один раз в неделю приходили, чтобы помыться в деревенской бане. Работали, не считаясь со временем. Солнце еще не взошло, а бригада уже косит, солнце давно село, а бригада торопится сложить в зарод высушенное сено. И так из года в год всю жизнь в труде. После войны в семье Марка Антоновича родилось ещё трое детей. Иметь свой дом стало необходимостью. Вместе с сыновьями ему пришлось преодолеть и эту нелегкую задачу. Жить стали в своём доме. И Тимофею, старшему сыну, пришлось помогать строить

дом, когда он женился.

Хочется рассказать об одном забавном случае моих детских воспоминаний с участием Марка Антоновича. Сейчас это вызовет только улыбку. Пасха. Этот праздник в те времена никто не праздновал. Нельзя. Бабушка утром в луковой шелухе покрасила несколько яиц и раздала нам, сказав при этом, чтобы мы сейчас же съели. Я такое красивое яичко не стал есть, а положил в карман и ушёл. Надо же было похвастать перед друзьями. В этот день проходило партийное собрание деревенской партячейки, партгруппорг Иванов С.В., мой отец, зачитал повестку: «О пагубном влиянии церковных праздников на воспитание нового человека» и сделал небольшой доклад, который в виде брошюры рассылался отделом пропаганды. Когда он закончил, Марк Антонович встал и сказал: «А у коммуниста Иванова сегодня в доме яйца красили». Отец аж поперхнулся, что-то невнятное пробормотал, спешно свернули собрание и разошлись по домам. Домой отец пришел во взъерошенном состоянии, не раздеваясь, прямо с порога спрашивает: «Кто надоумил сегодня яйца красить?» Бабушка: «Я, Степа, я». Кричать он на тещу не стал, а ещё долго ворчал, что его сегодня на партсобрании опозорили, что неизвестно чем все это закончится. Бабушка уже собралась и, уходя, только и вымолвила: «Делать вам больше нечего».

Когда мне уже было 16 лет, до того как уехать в ремесленное училище, летом я начал работать в подхозе. Как-то Марку Антоновичу дали задание съездить на станцию и из склада что-то привезти, в помощники определили меня. Лошади были все разобраны, и нам досталась старая кобылица по кличке Шустрая. Запрягли. Марк Антонович говорит мне: «Бери вожжи, садись кучери, а я сзади тебя посижу». Шустрая медленно, как бы нехотя, вышагивала в упряжке, и я решил её разогнать. Взял лежащую на телеге вицу и ударил Шуструю по холке. Мне в лицо в тот же момент прилетел пучок мелких брызг. Я утёрся

рукавом и вторично хлестнул эту своенравную клячу. Получил вторую порцию брызг. Я снова смахнул с лица эту вонь и оглянулся. Марк Антонович молча от души смеялся надо мной. Он знал повадки этой старой клячи, что раскачать её в упряжке хотя бы до бега трусой было не возможно.

В том году лето было жаркое и сухое. Марк Антонович бросил взгляд на небо: ни облачка. «Да – сказал он – дождя бы сейчас. Вот ведь есть такие установки, которые искусственный дождь дают». Немного помолчав, он продолжил: «Правда, такого дехвекта они не дают, но все равно лучше чем ничего». Медленно движется телега с Шустрой, а мы с Марком Антоновичем сидим и разговариваем и не пытаемся разогнать Шуструю.

Хочу заметить одну деталь бытия тех времен послевоенной поры. Ну не напивались мужики до свинского состояния. В праздник выпьют, чтобы быть навеселе, и с жёнами идут днем в клуб посмотреть, как веселятся. Помню как нас, мелкоту, выгоняли из клуба и мы всегда в таких случаях пытались спрятаться и послушать, как взрослые будут плясать и петь под гармошку частушки с «картинками». Я запомнил одну частушку, которую исполнил Марк Антонович, выйдя на круг, лихо сдвинув фуражку на ухо:

Эх едрить твою, едрить твою

Едрена ваша мать.

Отрубите х... по я..

Я не буду блядовать.

Милый человек Марк Антонович, отец многодетного семейства. Всю жизнь в труде и на работе, и дома, и дети выросли такими же всесторонне развитыми, с детства приученные к труду.

Николай Павлович Костюченко

До войны он был учителем начальной школы посёлка 20 км. Я не мог помнить Николая Павловича в довоенный период, поскольку возраст мой был не очень велик. Но мы, мальчишки тех лет, к каждому вернувшемуся с войны относились с превеликим уважением. Одна мысль, что этот человек воевал с фашистами, вышел победителем и остался живой, в наших глазах возвышала его до недостижимой высоты.

Николай Павлович после войны вернулся инвалидом первой группы. Он с трудом передвигался на больных ногах. Позднее ему выделили инвалидную коляску, выпускаемую в то время Ирбитским мотоциклетным заводом. Приближался праздник 7 ноября 1945 года, как правило, к праздникам готовились, обновляя наглядную агитацию. В конторе на полу на красном полотнище Николай Павлович в полулежачем состоянии, периодически обмакивая кисточку в разведенный водой зубной порошок, выводил красивые буквы праздничного лозунга. Он заметил мое заинтересованное внимание к своему занятию, спросил: «Ну как, нравится?» Я сказал: «Да. Буквы красивые». «Ну, это мы можем и ещё кое-что». Мне хотелось поддержать разговор, и я спросил: «Николай Павлович, а правда, что Вы до войны были учителем в нашей школе?» «Правда» - сказал Николай Павлович и с грустью в голосе продолжил: «И то, что ноги у меня были не такие, тоже правда».

Николай Павлович в дальнейшем, взвесив свои возможности, стал делать диваны. В продаже их не было, и спрос на диваны до конца 40-х был устойчивый. Сложность была в изготовлении пружин, но было изготовлено самим Николаем Павловичем приспособление для навивки пружин и все проблемы решены. Он прекратил их делать, как только в магазинах в продаже стала появляться эта не хитрая мебель.

Пытливый ум и природное трудолюбие привели его к тому, что он стал изготавливать гармони. Он выписывал и ему присылали только голосовые планки, остальное он делал своими руками. Слава о хорошем гармонном мастере разошлась не только за пределы района, но и области. Отовсюду приезжали к нему, заказывали гармони. Сколько их было изготовлено, знал только сам Николай Павлович. Он и баян сам изготовил и подарил его брату своей жены Сашке Радченко.

О своей жене Анне Николай Павлович всегда лестно отзывался. «Анка у меня молодец» - говорил он. Другое и сказать было трудно, если они с Анной в 50-е годы построили свой дом, постоянно в хозяйстве держали корову. Вырастили и воспитали пятерых детей. Однажды мы, деревенские комсомольцы, решили помочь Николаю Павловичу и разом в один день выкосили весь покос. Жаль, что это было только однажды, он заслуживал большего внимания.

Ушаков Василий Алексеевич

В войну у нашей семьи ещё не было своего дома, и мы жили, как говорилось в те времена, в казённом доме. В соседней квартире жил деревенский фельдшер Ушаков Василий Алексеевич с женой Ольгой Николаевной. Их сыновья Николай и Александр были на фронте.

Окончилась война и братья, возвращаясь домой, попутно заехали к родственникам. Все были очень рады гостям, и тётушка по простоте душевной поведала историю детства старшего - Николая. А история была такова. В 1921 году в семье Ушаковых родилась двойня. Родители решили, что воспитывать двоих будет трудно и решили, что одного будут кормить материнским молоком, а второго не будут. Вместо молока давали мочёный хлеб в марле и воду. Умер тот, которого кормили грудью, а второй выжил и имя его Николай. Он с горечью при встрече высказал это родителям, сетуя на то, что они виноваты в его худобе.

Семья Ушаковых в 1946 году уехала на Ис и там поселилась. Через несколько лет умерла Ольга Николаевна, а Василий Алексеевич приезжал на 20-й, ему уже было лет 70. Он уговаривал Настю Быкову выйти за него замуж. Настя одинокая, лет сорока женщина, прямо ему сказала: «На кой чёрт ты мне нужен, твои портки стирать!» Уехал Василий Алексеевич ни с чем. А Настя вышла замуж за Романа Талька. Это один из немцев, которые жили после войны у нас на 20-м. Нарожала ему детей. Жили хорошо. Как-то осенью Роман с Настей стали квасить капусту. Приготовили большую кадушку. Нашинковали половину кадушки, и Настя ушла в магазин, что-то нужно было купить. Когда вернулась, видит как Роман в одних кальсонах, которые закатал выше колен, стоит в кадочке и трамбуется голыми ногами капусту. Настя закричала: «Ты что с ума сошёл, ногами капусту топчешь?» А он в ответ: «Я же их вымыл!». Где-то это не вызывает удивления, но только не на Урале. Посмеялись над такой выходкой всей деревней и ладно.

Мелехин Иван Семенович

Отец многодетного семейства. С детства я привык его видеть идущего с собакой по кличке Музгарко на свою основную работу. Он был оформлен сторожем в магазине. Но на зарплату сторожа семью содержать невозможно, поэтому этот трудяга - мужик делал много другой работы. Его можно увидеть в конюховке, где он перебирал висевшую конную сбрую, приводил её в порядок и изготавливал новые хомуты. Иван Семёнович был прекрасный шорник.

Иногда с утра он уходил к реке, выбирал молодые ивовые и черёмуховые прутья и с большой вязанкой возвращался к вечеру в предбанник деревенской бани. Там он изготавливал короба для хозяйственных нужд посёлка. В весеннее половодье, когда река Нясьма выходила из берегов и вода была у самого дома, в долблёной лодке, которую сам изготовил, отталкиваясь шестом плавал среди затопленных кустов, расставляя рыболовные сети. Кстати, сети Иван Семёнович тоже сам вязал и этому мастерству обучил своих сыновей. Сено он косил недалеко от дома, как раз по тем заливным местам, по которым весной плавал на лодке.

Защищаясь от назойливых комаров, он на пояс приделал пчеловодный дымарь, задвинул его за спину и таким образом спокойно размахивал литовкой, удивляя нас своей смекалкой.

Всегда спокойный, никогда не сорвется на крик, тем более на ругань. Наш дом и Ивана Семеновича стоят друг против друга на разных берегах речушки Светлая, и воду мы брали из одного родника. Дети о нём говорили, что он всё время в работе и мы не видели, когда он спит. Свой дом Иван Семенович построил ещё до войны. Наш дом строился после войны.

Титовец Петр Яковлевич

Семья П.Я.Титовца проживала в бараке: сам он, жена и младший сын Сашка. Я бывал в их квартирке, очень бедная обстановка. Одежды почти никакой. Посмотришь на то, в чём одеты, как говорится, заплату некуда посадить. Немногословный в разговоре, Петр ни от какой работы не отказывался. Зимой собирал золу, выгребая из каждой печи каждого дома. Летом его упрашивали, и он соглашался пасти коров. По решению собрания с коровы ему платили пять рублей в месяц и наливали молока. Он вечером всё это собирал. Четырнадцатилетний Сашка пропадал на реке, а трое старших братьев - Фёдор, Иван и Василий были на войне. Когда удавалось обзавестись материалом, мать шила иглой вручную Сашке и Петру рубахи, машинки у них не было.

Сашка мастерски умел добывать в Нясьме рыбу острогой. Как только он появлялся с острогой на плече и шёл в сторону реки, меня как магнитом тянуло за ним. Мне в ту пору было десять лет. Я говорил себе, что только немного посмотрю и вернусь, а сам шёл и шёл по берегу.

В тот день с Сашкой ещё кто-то был, не помню кто. Увидев меня, как тень шедшего по берегу, ребята крикнули: «Чего так идёшь, таскай хотя бы рыбу!». Я выломал рогульку, навздевал рыбу и таскал. Так мы очутились у третьей скалы - так называли высокий обрыв метров пятнадцать, а то и больше. Внизу обрыва была вода и огромные камни. Пройти было невозможно, ребята меня послали идти по верху обрыва. Увидев огромную грозовую тучу, я страшно испугался. Посмотрел вниз с обрыва, и мне показалось, что можно скатиться к ребятам. Осторожно цепляясь за корни деревьев, я повис над обрывом. Уже собрался разжать пальцы рук, но решил крикнуть: «Ребята, я сейчас к вам спущусь». Подняв головы, они увидели меня, висящего над обрывом. Ещё момент и я бы разбился о камни. Шансов остаться в живых - никаких. Они закричали: «Поднимайся быстро, мы к тебе идём!» Я подтянулся и выбрался наверх. Вскоре ребята

пришли, собрали рыбу и мы отправились домой. Началась гроза, да такая мощная! Молнии ударили в стоящие на полях высокие лиственницы, расщепляя их, и длинные куски, как пики, разлетались по сторонам. И это всё происходило на наших глазах. Страшно! А дома меня потеряли. Спрашивали ребят, и кто-то сказал, что видели как я шёл к реке. Прошла гроза, а меня нет, думать стали, не утонул ли. Конечно, отругали меня здорово.

В пятидесятые годы Шурку забрали в армию. Здоровый детина вырос, выше отца. Как-то уже после армии с полдюжины деревенских подростков играючи набрасывались на Шурку, пытаясь его завалить в снег, и каждый раз он их разбрасывал по сторонам, оставаясь один на ногах, как сказочный богатырь - в солдатской шинели.

Обабков Михаил Андреевич – и плотник, и столяр, и шорник, в общем, незаменимый работник в хозяйстве. Со своей женой Павлой Михайловной и дочерью Зиной они жили в своём доме. Сын Пётр был на фронте. Павла Михайловна (какое красивое имя!) понимала юмор и сама по случаю любила шутку выдать. Однажды собрала деревенский фельдшер женщин и стала им читать, как некоторые болезни можно лечить травами и как делать настойки из трав. В это время в медпункт кто-то пришёл и фельдшерица вышла к нему. Елена Пуликова – заводила среди женщин, быстро села за стол и как бы продолжая читать заговорила: «Для того, чтобы быть здоровой, надо каждую ночь с мужиком один раз, а кому уже за пятьдесят лет – надо пять раз!» Павла Михайловна поняла, что эта шутка в её адрес, быстро отозвалась: «Ты, девка, что-то не ладно прочитала. Я ведь что, как поганое корыто пролежу, а старику каково!» Все дружно посмеялись над удачной шуткой и разошлись после окончания беседы фельдшера.

А их сын, Обабков Петр Михайлович, не вернулся с войны, погиб.

Корюковы

М.Г.Корюков жил в двухквартирном небольшом доме, который находился в конце деревни недалеко от пасеки, вместе с женой, которую мы звали её тётя Шура, сыном Виктором, снохой Августой Степановичей и внуком Геркой. На фронте был их старший сын Николай Михайлович, моряк. После окончания войны вернулся домой и стал механиком. Он оставался на хозяйстве всегда, когда наш отец уходил в отпуск.

У Михаила Григорьевича работы с пасекой было много круглый год и тётя Шура в этом была ему верной помощницей. А летом, когда работы прибавлялось, присылали работниц дополнительно. Тётя Шура ещё славилась в деревне тем, что умела варить отличный медовый хмельной напиток по известному только ей рецепту. Однажды, а это была весна 1945 года, за нашим ого-родом на берегу речки Светлая кто-то начал строить какие-то городки. Я, удовлетворяя своё любопытство, стал заходить и смотреть, что там делается. Это Михаил Григорьевич в конце войны решил заняться старательским делом. На берегу речки Светлая, в косогоре, он пробил штольню и тачкой выкатывал на берег породу, содержащую золотишко. На берегу стоял деревянный лоток с решётками и рогожками. Воду из речки качали ручным насосом. Адский труд. Добытые таким путём граммы золота сдавались. На полученные боны можно было купить в спецмагазине на Ису всё что угодно – продукты и промтовары. Многие бы хотели иметь такой дополнительный приработок, да вот такой силёнки не было. Один только Антон Прохорович Жуковец пробовал копать шурф на берегу и мыть породу, да быстро выдохся и бросил всё.

Михаил Григорьевич (дядя Миша, как мы его называли),

позднее, в свои 60 лет, любил побороться с нами, которым вот-вот идти в армию. После, как одолеет, говаривал:

- Ничего, углан, сила есть, но енто жидковата.

Я с этим кряжистым старцем побаивался бороться, а Вовка Никитин, мой друг, с удовольствием вступал в схватку. Однажды в азарте таких поединков к нам подошла женщина, вот не помню сейчас кто. Она дяде Мише высказала какие-то претензии, притом в грубой форме и быстро стала удаляться. Это рассердило дядю Мишу, и он вдогонку ей выкрикнул:

- Вот я тебя как-нибудь споймаю и по-страшному отделаю.

Мы с Вовкой тут как тут:

- Это как, дядя Миша, по страшному?

- А ендок, поставлю раком на край крыши, чтобы не упасть, она будет всё время на меня пятиться.

Он повернулся к нам:

- Поняли?

- Ага, мы теперь знаем...

- Поживёте, ещё не это узнаете.

Примечательным явлением конца 30-х годов был день, когда деревню посещала кинопередвижка и показывались фильмы. Фильмы пока ещё были немые. Появление в деревне киномеханика с аппаратурой первыми встречали подростки того предвоенного времени в ожидании момента, когда киномеханик настроит в клубе свою аппаратуру и пригласит двух подростков к себе в помощники. От них требовалось в продолжении всего сеанса непрерывно крутить динамо-машину, которая вырабатывала электро-энергию для лампы кинопроектора. Киномеханик вращал рукоятку проектора, обеспечивая поступательное движение киноленты, и вслух читал титры. Это было необходимо: зритель-то в основном был безграмотным.

Динамо-машина закреплялась на скамейке и вращать её нужно было сидя верхом. Необходимые обороты динамомашины дос-

тигались за счёт встроенного редуктора, жужжание которого было слышно во время показа кино. Рукоятка динамо была раза в два длиннее, чем у мясорубки и тот, кто крутил динамо, постоянно качался сидя верхом на скамейке. Мне было от четырёх до пяти лет и отец меня всегда брал с собой в кино. В кино я больше смотрел на качающегося на скамейке подростка, а не на экран: там не всё было понятно, если это не фильмы с участием Чарли Чаплина. После кино подростки пытались скопировать смешную походку великого клоуна, и лучше всех это получалось у Виктора Корюкова. Так я узнал, что в нашей деревне есть парень, который может делать всё как Чарли Чаплин. Позднее Виктор стал постоянным участником самодеятельных концертов двадцатовской самодеятельности. Его коронный номер в самодеятельном концерте был в маске Чарли Чаплина.

Он сделал себе большие ботинки и костюм, походку отработал. Правда, наш двадцатовский Чарли Чаплин был более

долговязым, чем в кино, но деревенский зритель воспринимал его с восторгом. Помню одну из шуток из репертуара Виктора. Выходит на сцену и начинает что-то искать. Появляется на сцене ещё один участник самодеятельности и спрашивает:

- Ты чего ищешь?

- Да вот вчера был я на 31-м и потерял карманные часы.

- Так чего же ты здесь ищешь?

Там и ищи, где потерял!

- Да ведь на 31-м света нет!

Зал дружно смеялся шутке. Мы гордились тем, что у нас есть свое электричество, а на 31-м нет.

Виктор был постоянным участником всех постановок

двадцатовской клубной сцены. Он был и художником – оформителем, своими руками готовя незамысловатые декорации. Не знаю, в эти ли времена проснулся в нём талант художника или яркие краски уральской тайги, по которой с ружьём в руках прошагал многие километры, не уставая удивляться чарующей таежной красоте.

Виктор Михайлович и Мария Александровна образовали семью быстро, без красивых ухаживаний. А может я ошибаюсь, просто не видел всего этого. Но когда после свадьбы они появились в клубе как муж и жена, глядя на них никто не сомневался в прочности семейного союза. Новую сноху с большой любовью приняла свекровь и до последних дней тётя Шура всю свою доброту отдавала своей невестке. С такой же любовью к свекрови относилась и Мария. На работе Мария была откровенна к негативам. Чувство справедливости никогда не покидало её.

Виктор был отличный охотник. Он рано подружился с отцовским ружьём и в паре с прекрасной охотничьей лайкой по кличке Волга они всегда возвращались с добычей. Ему даже удалось однажды добыть редкого зверя в наших лесах – росомаху. Наделенный природным талантом художника-самоучки, он давал наглядный пример своим сыновьям как можно красками выразить ту красоту, которая окружает нас. Делом всей жизни для них стало это отцовское увлечение.

Удивительно дружная семья Корюковых. Два сына и дочь родились в этой семье, и мудрая Мария Александровна удобно себя чувствовала и в роли тётки, и в роли свекрови. Для неё это были дети, любимые дети. Не каждому это удаётся. Я с большим уважением относился к этой семье, а сейчас - с ещё большим.

Никитин Иван Ильич

Никитин И.И. был мобилизован в начале войны, но после ранения его комиссовали и он вернулся в посёлок к семье. Назначили его заведующим свинофермой. С виду - угрюмый человек, но душевно мягкий по характеру. Он нам приходился родственником: его родной брат Дмитрий был женат на родной сестре нашего отца тётке Паше.

В семье было четверо детей и в 1943 году родился пятый – Мишка. Иван Ильич много времени и сил отдавал своей работе. От него постоянно исходил запах свинарника. Тётя Шура часто болела и хозяйство в доме поддерживали старшая дочь Нюра и Вовка, мой одноклассник. Уход за скотом и заготовка дров - это была Вовкина работа.

Иван Ильич много курил и загодя запасался махоркой. Раскладывал пачки с махоркой на полку для просушки и постепенно оттуда их брал. Вовка рано начал курить и махорку брал тоже с этой же полки. Только в отличие от отца он из пачки вытряхивал махорку, а пустую пачку ставил на место с другой стороны. Дойдя до пустых пачек, отец воскликнул: «Вот шельма, больше меня стал курить!»

Когда Нюра выходила замуж, ко мне прибежал Вовка и позвал с собой. Свадьба проходила в их тесной квартирке. Вовка приказал мне лезть под скамейку в спальне, потом под кровать и ждать его. Через некоторое время и он был под кроватью и с собой приволок ковшик браги. Нам было по одиннадцать лет, мы это ковш оприходовали и изрядно захмелели. Это для меня была первая бражная проба. Я потихоньку стал выбираться, чтобы не замеченным уйти домой, как вдруг услышал громкие крики матери. Оказалось, на свадьбу пришла Маруся Никитина – родная сестра жениха и ненавистная соперница нашей матери. Не думая о последствиях, увидев Марусю, мать выскочила из-за стола и вытолкала её за дверь. Отец поднялся, оделся и, ругаясь с матерью, они покинули свадьбу. Я прибежал домой впереди их, быстро разделся и залез на полати. В этот вечер попросили

домовничать у нас бабушку, она немного молча послушала их ругань и ушла, а я выслушал всё до конца и в своих выводах был на стороне отца. Ну не слышал я об отце деревенской молвы как о заядлом бабнике и считал такие наскоки неправдоподобными. Правда как говорят: дыма без огня не бывает.

Аркашка

Он родился в начале 30-х годов в очень бедной семье Быковых. С самых ранних лет своего детства постоянно находился на улице. От его пытливого взгляда ничего не ускользало. Вот проехал по деревне на велосипеде счетовод Русаков Михаил, и Аркашка, закрепив на концы небольшой дощечки два обруча, бегал по деревне, изображая езду на велосипеде. Люди смеялись над Аркашкиной выдумкой, а ему это нравилось: как никак на него обратили внимание.

Все его старания рассмешить людей принимались как дурацкие выходки ненормального человека и не нашлось на его пути того, кто бы мог заметить прирождённый талант клоуна и помог бы выучиться и развить этот талант. Но пришло время учиться в школе, и он пошёл в первый класс. Он и в школе был весь в выдумках, как бы рассмешить класс - и это ему удавалось. Удалив из класса Аркашку, учительница после уроков шла к родителям. Аркашкина мать, увидев учительницу и не дослушав до конца то, что хотела та сказать, хватала что попадетса под руки, начинала обхаживать парня. Порой в руках у матери оказывались и верёвка, и ухват, и другие вещи, что были поближе. Аркашка вырывался и убегал. Он долго раздумывал, бродя в одиночестве после такого воспитательного процесса, и пришёл к выводу: зачем ему школа, если из-за нее приходится терпеть побои? И он решил в школу не ходить. И никто не смог его заставить изменить такое решение. От него отступились все, соглашаясь в мнении: ну что возьмёшь с дурака?

Аркашке представилась полная свобода безграмотного человека на всю жизнь. Он даже расписаться не мог, не говоря уж что прочитать. Расскажу ещё один случай. Аркашке было лет 8-9. Он спрятался за печь в магазине. Завмаг не заметил его, закрыл магазин и ушёл на обед. Аркашка снял свои рваные ботинки и поставил на прилавок на самое видное место, а сам одел новые ботинки и в подполье стал ожидать, когда вернётся завмаг и его обнаружит. Вот будет смеху. Все произошло так,

как задумал Аркашка. В своих рваных ботинках, после пинка под зад, он вылетел из магазина. Этот случай по-разному обсуждался в деревне. Кто-то смеялся, а кто-то говорил: «Ну что с дурака возьмёшь, у него даже ума не хватило спрятаться обратно за печь и выйти из магазина принародно так, как зашёл».

И всё-таки основным его увлечением была котельная, где в 1936 году установили локомобиль. Днём молола зерно мельница, а вечером жужжала щетками динамо-машина, вырабатывая для деревни электроэнергию. Аркашка всё время пропадал в котельной. Подрастая, помогал кочегарам наколоть дров, стаскать и сложить в котельной. За это кочегары разрешали ему пошуровать в топке и подбросить туда дров. К 15-ти годам он уже хорошо освоил обязанности кочегара и легко мог справиться один, но нельзя - малолетка. А в обязанности кочегара входило: поддерживать огонь в топке так, чтобы на манометре было давление 7-8 атмосфер и не больше, поддерживать постоянный уровень воды в котле, определяя его через водомерное стекло, включая паровой насос (донку). Нужно было по лесенке подниматься над котлом и держась за панцирную сетку пальцами, чтобы не упасть, доливать масло в маслёнку подшипника, закрепленного на коленчатом валу. И всё это при работающем механизме паровой машины. Постоянно надо следить за вольтметром, и если напряжение отклоняется от нормы 127 вольт, нужно сбавлять или добавлять обороты локомобиля. А теперь скажите: мог бы человек с недоразвитыми мозгами управлять этой сложной паровой машиной? Нет, конечно. А Аркашка мог, и он позднее успешно работал кочегаром. Поэтому я его никогда не считал дураком. В детстве мы смело шли с санками на горку кататься, когда Аркашка был в котельной. Замёрзнем, он нас всегда пустит отогреться.

Когда Аркашке было 15 лет (а это было в 1944 году) один из кочегаров был из города Ленинграда, из эвакуированной

семьи Шильниковых. Юрка Шильников (ему было лет 17) уже работал кочегаром. Аркашке самостоятельно не разрешали работать, и он как бы добровольно помогал всем, кроме Юрки. Он его недолюбливал, также как и Юрка его. Иногда Аркашка после вечерней смены оставался ночевать в котельной. На утро пришел на смену Юрка Шильников и увидев, что Аркашка собирается уходить, окликнул его: «Ты куда пошёл? Наколи сначала дров мне!» Аркашка повернулся к нему, похлопал ладонью внизу живота и сказал: «Накось, выкуси, в нынешнем году лакеи не в ходу, вон колун, вон болодка, давай наяривай!» - и удалился из котельной. Случись это между деревенскими ребятами, тут же всё и забылось. Но не такой был Юрка. Он посчитал это оскорблением и за это он Аркашку решил наказать. И при этом наказать чужими руками.

Небольшое отступление. Каждую весну перед пахотой за несколькими пахарями закреплялись конный плуг и пара лошадей, которых впрягали таскать плуг. Лошадей усиленно кормили, выдавая кроме сена овёс. Но пахарь - не настоящий пахарь, если у него нет кнута. Кнут - это мастерски выполненная из сыромятных ремней длинная плётка, мы её в детстве называли хлыстик. Берёшь кнут в руку, крутанёшь его над головой и резко дёрнешь на себя - получается резкий сухой хлопок, похожий на выстрел. Лошадь, испытавшая на себе удары кнута, боится таких щелчков.

Для наказания Аркашки Юрка избрал такой кнут. Он уговорил одного пацана взять кнут Тимки Швайбовича и перепрятать его, положив в кладовку, где жил Аркашка. Ничего не подозревавший сделал всё, как ему было сказано. Утром, собираясь на работу, пахарь Тимка не обнаружил кнута. Небывалое в деревне происшествие. Стали искать. Тогда Юрка высказался, что надо проверить у Аркашки: он вроде упоминал что-то про кнут. Пошли в барак к Аркашке и там нашли, что искали. Аркашка, ничего не знавший, клялся и божился, что это

сделал не он. Деревенские парни поругались бы между собой и разошлись, но не такой был Юрка. Он выступил: «Нет, давайте разберемся. Произошла кража. Вор найден, и он должен быть наказан. Я выношу приговор: за кражу кнута нужно вора хлестнуть десять раз этим кнутом и делать будет это потерпевший, то есть Тимка. Исполнение сейчас же». Мы ошеломели. Такого у нас в деревне ещё не было. Бить человека кнутом? Аркашка сидел на завалинке. Тимка хлестал его кнутом. Юрка громко считал удары. А мы стояли все в слезах, не в силах что-либо изменить. После удара кнутом по лошади у неё на холке вздувается рубец, который шерсть не может скрыть. Какие рубцы остались на теле Аркашки - можно только догадываться. Прошло время, после войны Шильниковы уехали обратно в Ленинград, этот дикий случай стал забываться.

Аркашка, как и вся молодежь, ходил на вечерки, распевая по улице частушки собственного сочинения. Вот одна частушка в год, когда ему вручили призывную повестку:

Девки, ссыте на меня:

Допризывник нонче я.

Девки ссали, бабы срали -

Всё равно в солдаты взяли.

Но в солдаты его не взяли. На призывной комиссии, когда он разделся, все обратили внимание на то, что тело покрыто какими-то маслянистыми пятнами. Увидев, что на него все смотрят, Аркашка выдал: «Вы извините, но у меня работа такая». Заполняя анкетные данные на вопрос: «За границей кто-нибудь есть?» Аркашка ответил:

- Есть!

- Кто?

- Тётка!

- Где она живет?

- На 20-м!

Аркашка думал, что сейчас все захохочут над его удачной шуткой, но реакция членов комиссии была другая. Зачем в армии нужен призывник с таким узким кругозором и с нулевым образованием?

Прошли годы. Все Аркашкины одногодки отслужили в армии, а он так же ходил в клуб и распевал частушки одну ядреней другой. Как-то мы, деревенские комсомольцы, решили сделать доброе дело. Собрались с косами, и пошли к Николаю Павловичу Костюченко, инвалиду войны, помочь выкосить покос. С нами пошёл Аркашка, как не союзная молодежь. За день мы выкосили весь покос, и Николай Павлович угостил нас ведром браги. После всего этого одному из нашей кампании, Сашке Радченко, ударила в голову шальная мысль. И он ею с нами поделился. А мысль была такова: хватит Аркашке жить одному, пора жениться. И невеста есть, в бараке за пекарней живёт. Правда у неё дочь есть шести лет, но это, мы думали, не помеха. Мы обратились к Аркашке: «Ну как, согласен? Идём Соньку сватать?» Аркашка неопределенно пожал плечами.

- Ну всё, договорились, пошли – сказал Сашка. Попутно прихватили в магазине две бутылки вина и направились сватать Соньку.

Пришли. Вино на стол. Как любая хозяйка на её месте, Сонька ушла в кухню готовить закуску, не подозревая о цели нашего визита. Сидим, не знаем с чего начать. Вдруг Аркашка запел:

Подними, мотаня, ногу

Я барану сено дам.

- Ну ты, поэт-песенник, веди себя более-менее! - сказал Сашка. А когда Сонька с закуской появилась в комнате, Аркашка опять запел «солёную» частушку.

У Сашки терпение лопнуло, он размахнулся и заехал Аркашке кулаком по мясистому носу, взял со стола бутылку в карман и ушёл. Нам с Мишкой Князевым осталось только взять

Аркашку под руки и увести к реке Нясьма, чтобы он привел в порядок разбитый нос! А Сонька так и не поняла, зачем мы приходили. У реки мы с Мишкой громко расхохотались. Аркашке удалось нас рассмешить.

А жизнь Аркашкина продолжалась. У этого безграмотного мужика кругозор сузился до горлышка бутылки. Работа, выпивка - и так изо дня в день. От постоянного употребления алкоголя печень давала о себе знать, он стал раздражительным. Все привыкли к его пьяной ругани в адрес руководства и вообще власти. Однажды эту ругань услышала Клавдия Павловна Сухенко, находясь с комиссией на 20-м, и сказала: «Этого человека нельзя оставлять на свободе». И его забрали. Это было в конце 70-х годов. И всё. Сгинул Аркашка навсегда.

Швайбович Илья Михайлович

Илья Михайлович прибыл с войны в деревню не как все фронтовики, а с собой он привёз кое-что из трофейных вещей. Завидовали ему? Да нет, скорее всего сожалели, что не у всех была возможность взять что — нибудь у захватчиков для семьи, а у него была такая возможность и он ей воспользовался, ну и хвала ему за это. Кое-что — это, во первых, на нём была добротная немецкая шинель, хорошо подобранная по фигуре, с нашитыми советскими пуговицами и, естественно, португез. Кроме чемоданов он привёз велосипед и большой немецкий радиоприёмник.

Его возвращение совпало с большим событием в стране: выборы в Верховный совет СССР, которые проходили в январе 1946 года. Илья Михайлович притащил свой трофейный радиоприёмник на избирательный участок, что очень обрадовало всё население посёлка. Всю войну радио в деревне отсутствовало, а приёмник транслировал всё, что передавала Москва в этот день. По этому поводу работала деревенская электростанция, давая возможность работать радиоприёмнику. К вечеру приёмник задымился и замолк. Илья Михайлович после выборов отвёз его на Ис в ремонт. Один радиолобитель сказал, что приёмник сложно будет восстанавливать и попросил его ему продать. Что и сделал Илья Михайлович.

Деревенских распирало любопытство, что же привёз Илья Михайлович в чемоданах? Оказалось, в основном шёлковые отрезы. По этому поводу в деревне шутили: «У Ильи

даже портянки шёлковые». Шутки шутками, а Илье Михайловичу еще не было и 30-ти лет. В соседях, а точнее прямо над их головой, на втором этаже восьмиквартирки жила учительница Алевтина Александровна. Довольно симпатичная, с высокой грудью и причёской брюнетка лет 25-ти. Илья Михайлович соорудил ей подарок и пошёл знакомиться. Завязалась между ними дружба, но в деревне никто не верил, что она превратится в союз двух. Уж больно они были разные. С наступлением тёплых майских дней Илья Михайлович вывел свой велосипед и пригласил Алевтину Александровну прокатиться. Она села на раму, и они поехали в сторону Красного яра. На спуске к реке Нясьма немецкая техника не выдержала. Колесо свернулось в такую восьмёрку, что его пришлось тащить на себе домой. Позднее этот велосипед купил Михаил Иванович Никитин, совхозный полевод и наш родной дядя. Где-то приобрёл новое колесо и разъезжал на велосипеде по полям.

А Илья Михайлович женился на Малаше, одной из сестёр Кандыбаевых. Жили очень дружно. Долгое время он работал трактористом на тракторе ХТЗ. 10 лет - это точно. А когда подрос сын Вовка, то как и отец тоже стал трактористом. В 60-е годы Илья Михайлович избирался председателем сельсовета, и эта работа точно была ему по плечу. С улыбкой вспоминают односельчане один эпизод из жизни Ильи Михайловича. Когда он стал председателем сельсовета, ему домой установили телефон. Его жена Малаша до этого телефон видела только в конторе, а тут дома. Так ей захотелось поговорить по телефону, но не знала о чём. Она пошла во двор за дровами и решила их помельче расколоть. Посмотрела кругом и не увидела колуну. И тут ей пришла мысль. Быстро пришла домой, решительно сняла трубку телефона и когда услышала: «Швайбович слушает!» громко спросила, да так громко, что было слышно всем, кто находился рядом с Ильёй: «Илья, колун где?!» Я это рассказал,

чтобы улыбнуться без всякого ехидства и злорадства.

Такие люди, как Илья Михайлович, мне всегда нравились. Характер спокойный, не скандальный. Как участник войны он получил квартиру в Качканаре. Там ему пришлось поработать в пожарной охране. Когда несколько лет назад Ильи Михайловича не стало, мы вспомнили, что это был последний из двадцатовских, кто воевал, защищая нашу Родину.

Алексей Филиппович и Зинаида Михайловна

Обабкова Зина, единственная дочь Михаила Андреевича и Павлы Михайловны, после окончания войны поняла, что война женихов в деревню не добавила, а участь старой девы её не устраивала. Она решила податься на Ис. На Ису устроилась в столовую буфетчицей. Эта столовая была только днём, вечером работала как ресторан. Миловидную, как сдобная пампушечка, буфетчицу облюбовал вернувшийся недавно с войны бравый 28-летний молодец, случайно оказавшийся на Ису. Он был не из местных. Оформив свои отношения, Зина и Алексей стали жить в выделенной им квартире в доме, который стоял напротив Исовского приискового управления. К ним переехал жить и отец Алексея Филипп.

Алёша, как звала своего мужа Зина, работал в приисковом гараже водителем на любом механизме, который мог передвигаться. В 1948 году мы с Клавой, учась в старой школе, жили у них на квартире. Детей у них никогда не было и, мне кажется, частицу отеческой теплоты они отдавали нам. Я уже кое-что о проживании у Зубковых писал раньше, но всё-таки один случай расскажу. Как-то мы в воскресенье оказались дома вдвоем с Алексеем Филипповичем. Зина была в больнице, Клава не помню где. Сначала решили затопить печь. Дрова были сырые и мы никак не могли заставить их гореть. Алексей сходил в сарайку, принёс бутылку с бензином и облил дрова. «Сейчас надо поджечь бумажку, осторожно ухватом пододвинуть к дровам и они загорятся» - сказал Алексей. Я подскочил к нему и: «Дядя Лёня, дай я это сделаю». Стал ухватом толкать горевшую бумагу - и вдруг хлопок. Меня пламенем отбросило к кухонному столу. Хлопок был такой, что сзади меня на окне загорелась оконная занавеска. Алексей сначала схватил меня, оттащил, потом сорвал горевшую занавеску и сунул в ведро с водой. Я стоял с обгоревшими бровями и волосами и испуганно моргал глазами. Алексей ещё раз внимательно осмотрел меня, убедился

что серьезных ожогов на мне нет, расхохотался. «Одевайся, - сказал, – пойдём в парикмахерскую, сострижем с головы всё, что осталось». Вот так мы с ним накухарничали. С опалёнными бровями и остриженный наглядко назавтра я отправился в школу.

На работе у Алексея не всё было гладко. За короткий период произошли два случая, связанные с работой механизма, которым управлял Алексей, окончившиеся гибелью людей. Правда вины Алексея не было, так установило расследование, но душевная травма терзала. Алексей уволился, не стал испытывать судьбу и ждать третьего рокового случая. Они с женой уехали на 20 км к родителям Зины.

Алексей сразу решил строить свой дом. Прощаясь с Исом, Алексей получил от друзей подарок – щенка породистой овчарки и под впечатлением от недавно просмотренного кинофильма о пограничниках, назвали щенка Джульбарс. Но этот Джульбарс через некоторое время оценился. Пришлось менять кличку: Джульбарс превратился в Джульбу. Дом был построен рядом со школой. В строительстве дома посильную работу выполнял дед Филипп. Он оказался неплохим печником и сложил в доме шикарную русскую печь с расчётом, чтобы лёжа на печи можно было погреть старые косточки.

Итак, дом построен, огород распахан, надо что-нибудь для души. В деревне в ту пору уже двое имели ковровские мотоциклы. Это Виктор Корюков и Виктор Зернов. «Козликами» их в народе называли. Купил себе такого козлика и Алексей. Но всё-таки главным его увлечением были деревенские вдовушки. В субботу и воскресенье, когда в клубе танцы, а клуб был от дома Зубковых через дорогу, после ужина начинал собираться Алексей. Зина с удивлением: «Куда это ты, на ночь глядя, засобирался?» «Пойду к клубу, с мужиками поболтаю». Зина поглядывала в окно и видела, что Алексей стоит с кем-нибудь разговаривает. Но вот темнело, и Алексей исчезал из

вида. Танцы закончились, все под музыку гармошки разошлись, а Алексея нет. Зина шла к Джульбе, отвязывала и: «Ну что, Джульба, идём искать хозяина». Джульба приводила Зину под ту кровать, где лежал спрятавшийся Алеша. Возвращаясь домой, Зина, ругаясь, выговаривала Алексею. А так как ругань-то у неё была беззлобная, Алексею было постоянно смешно: «И что это ты за человек? Дома баба готовая лежит, а он пошёл где-то искать. Как вот ты думаешь, совесть у тебя есть? Вот посмотрите на этого ирода, ему ещё и смешно».

А в общем жизнь этой семьи шла как и у всех – работа, домашнее хозяйство. Одно время Алексей избирался председателем Ниновского поселкового совета, Зина счетоводом в конторе – её рабочее место. Мне, пятнадцатилетнему подростку, отец предложил временно поработать учётчиком вместо ушедшей в отпуск учётчицы. Я захожу в контору, там кроме Зины никого нет. Юрка Беленцов, увидев, как я заходил, тут же ворвался с какой-то идеей и обращаясь ко мне: «Только, пойдём сейчас...», но договорить ему не дала Зина: «Во-первых, он сейчас не Толька, а Анатолий Степанович». Юрка широко распахнул глаза, вскрикнул: «Ой, держите меня!» - картинно повалился на пол и захохотал. Через хохот он ещё несколько раз назвал меня по имени-отчеству. Через полгода мы с Юркой уже жили в одной комнате общежития ремесленного училища № 19 в городе Верхняя Тура.

Как-то летом Зина находилась дома одна, услышала с улицы её кто-то зовёт: «Зинка, Зинка!» Зина подумала: «Кому это я понадобилась?» - быстро оделась и вышла. По улице шла Малаша Швайбович и кричала: «Зинка, Зинка!» «Ты чего меня кричишь?» «Да не тебя, я свою телушку потеряла, только что паслась у дома». Зина посмотрела ей вслед и проговорила: «На следующий год я поросёнка возьму а назову Малашкой», - повернулась и пошла в дом. Я не могу не рассказать об ещё одном затянувшемся жизненном эпизоде Алексея Филиппови-

ча. Назвать это враждой между двумя личностями? Возможно. Но меня интересовало только одно: почему по праздникам Алексей участвовал в драке и всегда ходил после с разбитым носом? Я его знал как невозмутимого добродушного человека, храброго воина, имевшего награды за отвагу и солдатский орден Славы. Мне рассказали такую версию. Жизнеспособна ли она в данном случае, не берусь судить. Сын Иллариона Банникова Михаил Илларионович во время войны находился в пограничных войсках на границе с Турцией. Вернулся домой после семи лет службы. Обычно фронтовики в деревне друг о друге знали всё, и если кому-нибудь из них захотелось прихвастнуть, его тут же одёрнут. Так и тут получилось. Подвыпивший Михаил назвал себя фронтовиком, так же подвыпивший Алексей возразил: «Какой ты фронтовик, всю войну просидел около турка». Алексей тут же получил удар кулаком по носу, завязалась драка. На помощь шурина, то бишь Михаилу, подключились два свояка - Василий Жарких и Виктор Зернов. Втроем они хороших синяков наставили Алексею. И это вспыхивало неоднократно. Один против троих - Алексей всегда приходил домой с разбитым носом. В дальнейшем он слышал и угрозы в свой адрес. Не знаю, явилось ли это причиной отъезда. Они с Зиной уехали в город Шадринск Курганской области, там у них жили какие-то дальние родственники.

Чистяков Илья Андреевич

Илью Андреевича назначили завхозом третьего участка после войны, как только уехала обратно в Ленинград семья Шильниковых. До этого завхозом было Зинаида Шильникова. Чистяковы жили напротив нас через дорогу. Илья Андреевич был близорукий, но очков почему-то не носил. По крайней мере, я его ни разу не видел в очках. Жена Ильи Андреевича Матрена (её в деревне звали просто Мотя), постоянно ревновала своего мужа к Даше – совхозной телятнице. Мотя так её ненавидела, что при любой случайной встрече набрасывалась на неё с кулаками и стремилась вцепиться в волосы. Разговорная речь Даши была быстрой и Мотя, это подметив, дала ей прозвище «сорока».

У Чистяковых была дочь Валя, нашей Клавы ровесница и подруга. Эта красивая темноволосая брюнетка в 17 лет вышла замуж за геолога на 19 лет её старше. По тем временам это событие было неординарным и редкость превеликая. Как сложилась судьба этой семейной пары, было не известно, но все-таки через 30 лет у меня произошла случайная встреча с этим геологом. А было это так. В начале 80-х годов я, отправляясь в командировку, купил билет на поезд Нижний Тагил – Москва. На станции Гороблагодатская захожу в купе вагона. Двое мужчин, находившихся в купе, пригласили меня к столику, где стояла бутылка водки и лежала разрезанная крупными кусками палка колбасы. Один из них внимательно посмотрел на меня (я это уловил) и спросил: «Ты Иванов с 20-го?» Я сказал: «Да», - и удивился. Увидев, как я мучительно пытаюсь вспомнить, кто передо мной, он сказал: «Я муж Вали Чистяковой». «А-а-а – обрадовался я – теперь мне всё понятно». Я стал расспрашивать его о том, как они живут и где. Понял из этого разговора, что у них сложилась очень счастливая семья. Ну а как Илья Андреевич? Что было дальше? А дальше ему предложили руководить вторым отделением подхоза, и они переехали жить на 31 км. Там с ним произошел случай, больше похожий на легенду, но меня уверяют, что это чистая правда.

Поглядеть какие виды на будущий урожай на 31 приехали директор подхоза и агроном. На трёх осёдланных лошадях Илья Андреевич с начальством отправились объезжать посевы. На одной из опушек был огромный вывороток лиственницы. Три всадника медленно приближались к выворотку, не подозревая, что по другую сторону выворотка на стволе дерева сидела медведица, а в глубине леса играли два медвежонка. Ветер дул со стороны всадника, поэтому лошади не учуяли зверя, а сам вывороток скрывал его от взгляда и всадников, и лошадей. Но вот лошадь Ильи Андреевича, первой выйдя из-за выворотка, обнаружила медведицу. Каким-то диким прыжком в сторону она рванула наутёк. Естественно, Илья Андреевич выпал из седла и оказался лежать на спине в том месте, где сидела медведица. Их глаза встретились: Илья Андреевич смотрел на медведицу, а та на него. Сколько времени в таком страхе пролежал Илья Андреевич, он не помнил, но медведица вдруг соскочила с дерева и пошла в сторону барахтающихся медвежат и они спокойно удалились в глубину леса. Не понимая, что произошло, директор и агроном, (их лошади тоже рванули вслед ускакавшей от испуга лошади Ильи Андреевича), догнав лошадь, стали возвращаться к тому злополучному выворотку. Илья Андреевич всё ещё лежал. После рассказа, что произошло, они спросили, может ли он сесть на лошадь? Он сказал, что нет. Они стали его поднимать и поняли почему. Хотелось расхохотаться да неудобно стало. С трудом его подняли, перевалили через седло, и повели лошадь. В таком виде и передали его Моте. Илья Андреевич заболел. И с этой медвежьей болезнью он пролежал в больнице почти месяц. Ещё об одном увлечении хочется сказать. Любил Илья Андреевич домашним животным давать клички политических деятелей. Как-то я принёс ему щенка от нашей собаки полностью черного, и он назвал его Франко. Не знаю, может, следующего щенка он назвал бы Пиночет. Дальнейшая судьба этой неплохой семьи мне неизвестна.

Мы, пацаны, после окончания войны бегали к каждому поезду, чтобы посмотреть, кто вернулся с войны и бегом впереди всех эту весть принести в деревню. Вот с поезда сошёл человек лет около 50-ти, невысокого роста, с пышными усами. Огляделся, никого знакомого не обнаружил, закинул вещмешок за плечи и зашагал в сторону посёлка. Мы только на другой день узнали, что это вернулся с войны Тихон Павлович Плеханов, участник гражданской и отечественной войны. Бывший конник чапаевской дивизии, он и в отечественную войну оказался востребованным. Прирождённый коневод, он знал все тонкости обращения с лошадьми, за что его всегда и везде ценили.

Вернулся он к семье. Жена Ульяна и дочь Наташа жили в школьном пристрое, который и предназначен был для проживания техничек, которые поддерживали чистоту и порядок в школе. А чистоту поддерживать было очень тяжело. Полы в школе не крашенные, воду носить надо из-под горы от речки. Тетя Уля, как мы звали её, вместе с Наташкой кое-как справлялись с этой работой. Наташка отроду не была обласкана судьбой и в свободное время всё что-то рисовала. Меня это интересовало, и я иногда просил: «Наташа, покажи, что ты нарисовала». Она показывала, и я в этих нарисованных людских фигурках, без пояснения узнавал только Гошу Пилигримова, потому что он в руках держал палку наискосок, без которой ходить не мог, поскольку был инвалид с детства. Ещё она мне читала не мудрёные стишки, по видимому, собственного сочинения. Вот такие:

Трактор пашет, трактор пашет,

Тракторист фуражкой машет.

Я кричу – ты не маши, знай паши, паши, паши.

Или:

Я иду, иду, иду

Собаки лают на ходу,

Они лают, точно знают, что я к милому иду.

Итак, Тихон Павлович стал работать совхозным конюхом. А конюх он был классный. Как-то в 1959 году Юра Уткин долго беседовал с Тихоном Павловичем на тему участия его в гражданской войне в составе чапаевской дивизии. Тихон Павлович тогда сказал, что он действительно был в составе таковой дивизии, но только не конником, а коневодом. Конники - это те, кто участвует в боевых действиях с шашкой наголо. А когда конник спешился, то лошадь попадает в руки коневодов, которые накормят, напоят, проверят, все ли подковы на ногах целы и если необходимо, отведут к кузнецу. Лошадка и в бою и в труде всегда требует к себе внимательного душевного отношения и за это платит преданностью к своему хозяину. А хозяином на конном дворе долго-долго был Тихон Павлович. Он рано утром приходил на конный двор и кони, увидев его, по-своему приветствовали. Он разговаривал с ними, и они его понимали. Он насыпал в кормушки овёс тем лошадям, которые будут сегодня в упряжке весь день таскать плуг или будут выполнять другую тяжёлую работу. Ведь недаром в пословице говорится: не гони коня кнутом, гони овсом. Много надо сделать конюху за день и всё надо успеть. И если мы, пацаны, видели, как дядя Тихон запрягает в ходок племенного жеребца, это значит, он сейчас поедет на станцию встречать какого-нибудь начальника или просто покататься для поддержания формы застоявшегося жеребца. Мы несмело подходили и спрашивали: «Дядя Тихон, можно с тобой прокатиться?» И если он разрешал, мы усаживались, довольные и счастливые послевоенные мальчишки. А Юра Уткин так тогда ничего не написал о Тихоне Павловиче. Закончив с ним беседу, он спросил: «Тихон Павлович, а у тебя есть какой-нибудь документ, что ты был участником гражданской войны?». «Да какой документ, кто их нам тогда давал?». Да, как говорилось, без бумажки ты букашка, а с бумажкой человек.

Авхимович Миша и Анна

Судьба семьи Авхимович Константина Михайловича ни чем не отличалась от тех переселенческих семей, которые не захотели вступать в колхоз,

бросили свой дом в посёлке 67 «Гладкое» и переехали на 20-й. Миша в семье был самым младшим ребёнком. Он родился в 1928 году. На двадцатом Константин Михайлович, рядом с усадьбой Михаила Андреевича Обабкова построил

свой дом. Дом был не такой шикарный как на 67 посёлке, но семья была довольна. Миша рос в бурные годы коллективизации, на мой взгляд, символом тех времён был железный трактор, выпускаемый харьковским заводом под маркой ХТЗ. О нём пели в песнях.

Мы с железным конём все поля обойдём
Соберём и посеём и вспашем, или
Прокати нас Петруша на тракторе
До околицы нас прокати.

Проезжающий по деревне трактор всегда сопровождала стайка ребятишек. Для них эта диковина всегда была интересна. Мишу с детства тянуло к технике и свои будущие мечты связывал только с ней. А пока подрастая он

учился играть на балалайке, была таковая в доме. Мише захотелось научиться играть на гармошке и он стал просить отца, чтобы купили гармошку. Гармошку купили и Миша упорно, сам учится мастерству гармониста. Когда началась война, Константина Михайловича – отца Миши взяли в первые дни. По возрасту он не подлежал мобилизации, но его взяли как хорошего плотника, строить ложные военные макеты. Домой он не вернулся, умер. Начало войны Миша встретил 13-ти летним подростком. О детях войны говори-лось, что они быстро выросли, Миша стал работать когда ему исполнилось 14 лет. Мечта сбылась, он был оформлен помощником тракториста, или как их называли, прицеппщиком. С каким трактористом Миша начинал работать в 1942-м я не знаю, а вот зимой в 1944-

м он работал с Сашкой Пилигримовым в гараже, который находился рядом с кузницей, ремонтировали трактор, готовились к весенней посевной компании. В гараже было холодно и время от времени они забегали в кузницу погреть у горна озябшие руки. Я был частым посетителем в этом гараже. Мне было восемь лет и никто не выгонял, да и как можно если трактористом был мой родной дядя Шура. Я уже знал, что делает Миша лёжа на деревянным настиле под трактором, меняет вкладыши

вновь залитые расплавленным баббитом. Миша их тщательно шабрил, подгонял, чтобы они плотно легли на

шейку коленвала. Всё это называлось перетяжкой. Вот так я услаждал своё любопытство. Я как на Граневом выбрал себе в наставники Вальку Гоголева так и Мишу на двадцатом. В 15 лет я услышал, что собирают людей тушить лесной пожар в районе Актайского озера, я убежал вместе с ними потому, что там был Миша Авхимович. Стояла майская жара и мы ушли легко одетыми надеясь к вечеру вернуться домой, не получилось. Всю ночь блудили по пожарищу не зная как согреться. Лежать на майской земле было опасно.

В год когда окончилась война Миша окончательно утвердился как тракторист и за ним был закреплён трактор. Да и первым гармонистом на деревне Миша тоже стал в это же время. До него в деревенском клубе играл Кирюшка Никитин, но он был женатым и больным. В декабре 1945 года его не стало. В январе 1946-го вернулся с полей войны Швайбович Илья Михайлович и его приняли трактористом на второй трактор. Женился Миша когда ему исполнилось 20 лет, взял в жёны Аню Никитину, деревенскую девушку. В деревне её звали Нюра Никитина и судьба её в семье, как самой старшей дочери была не завидной. Мать была больная и вся работа по домашнему хозяйству лежала на её плечах. Семья Никитиных семь человек; отец, мать, трое братьев и одна сестра. Мне запомнилось только одно, когда я заходил к другу Вовке в воскресенье, на полу гора белья и Нюра у корыта. После женитьбы Миша с Нюрой построили свой дом, вырастили троих детей. В дальнейшем они переехали на Валерьяновский, детям нужна школа чтобы продолжать учёбу. Трудная работа в совхозе в военные годы, ведение домашнего хозяйства в отцовской семье, а позднее в своей подорвали здоровье Анны. Бабий век для неё закончился в 50 лет.

Нюра на фоне знаменитой двадцатовской восьми-квартирки. Через дорогу лежат заготовленные лесоматериалы. Миша с Нюрой начинают строить свой дом. Начало 50-х годов 20-го века.

ШКОЛЬНЫЕ ГОДЫ

В 1949 году я впервые в жизни очутился в Старой Ляле. Нас, двадцатовских (то есть с 20 поселка), перевели туда из Исовской школы по решению районо. Через неделю я в своей деревне захлеб рассказывал, что в Старой Ляле даже аэродром есть, на который прилетел и сел настоящий самолет. Я сам видел и подходил к нему. А случилось вот что.

Заболела учительница школы Окатьева Екатерина Алексеевна. Болезнь быстро прогрессировала, и был вызван санитарный самолет из Свердловска. Площадка, которую я назвал аэродромом, находилась рядом со школой. И мы, естественно, все побежали к самолету, как только был заглушен двигатель. Летчиком оказалась женщина. И она очень торопила, чтобы скорее привезли больную, так как темнело быстро – а ей хотелось долететь до места еще засветло.

Наконец, на лошадке привезли больную. Сбоку открыли нишу, и носилки с женщиной затолкали в самолет. Это фанерное летающее сооружение, если не ошибаюсь, У-2 вручную откатали в угол площадки, чтобы взлет был навстречу ветру. К пропеллеру подошел человек, повернул его руками вполоборота, раздалась команда:

- Внимание!
- Есть внимание!
- Контакт!
- Есть контакт! – И мужик дернул пропеллер.
- От винта.

Тра-та-та-та – затарахтел двигатель самолета. Пару минут поработал, прогреваясь, и летчица добавила обороты. Отпустила тормоз. Самолет покатился по поляне. Вот уже и колеса оторвались от земли – и вдруг самолет упал на землю, неестественно задрав хвост вверх и уткнувшись пропеллером в землю. Все побежали к самолету. Что случилось?

Оказалось, в момент отрыва от земли боковой ветер накренил немного летающий аппарат, и он крылом зацепил за

изгородь какого-то огорода. Летчица немного травмировалась, на лице была кровь. Вот и все. Дальше самолет в разобранном виде погрузили на платформу и по узкоколейке увезли на Выю.

Узкоколейкой в то время называли Кытлымо-Исовскую железную дорогу. Она была построена в начале XX века лесопромышленником Воробьевым и исправно служила до конца 60-х годов. Так кто же такой Константин Петрович Воробьев?

Узкоколейка своим существованием многим давала рабочие места. Люди, работающие на обслуживании и ремонте железной дороги, старались селиться вдоль дороги, образуя небольшие селения. Так возникли поселки: 11 километр, Ниновский, 29 и 31 километры, Маломальский.

Лесозаготовки были и в советское время. Использовали молевой сплав по рекам Нясьма и Ляля. За зиму накапливали на берегах лес и по весеннему паводку сплавливали до Новой Ляли. После сплава по берегам шли бригады с баграми, растаскивали образовавшиеся заторы. Потери были большие. В некоторые годы весной большой воды не было, и лес оставался на берегу – сгнивал.

Помню, в 1946 году такой штабель березового леса около 20-го сгнил, и через несколько лет на нем вырос малинник. Люди просили:

- Продайте, мы дров напилем, пока не весь сгнил.

- Нельзя, это государственный лес.

А самовольно никто ни одного бревна не брал. Был страх, что если поймают, за всю недостачу придется платить.

И так, мы учимся в школе п. Старая Ляля. Живём в спортивном зале школы, временно. Для нас готовят часть барака в несколько комнат, который и называют интернатом. Прошло немного времени, мы покинули спортзал и переехали в предоставленное нам жильё. Это была двухкомнатная квартира барачного типа: коридор, две комнаты и кухня. Нас было немного, и мы разместились, комната девочек и комната мальчиков, учащиеся с двух посёлков, Рудного и Двадцатого. Это был ещё не интернат в том виде, который действовал в Ляле долгие годы. Новое место под интернат нашли в другом бараке. После ремонта в 1950-м году мы заселились. За интернатом закрепили воспитателя Кузнецову Зинаиду Самойловну, которая долгие годы, бесценно отдавала себя этому непростому занятию. Все учащиеся, кто прошёл через интернат, с благодарностью вспоминают эту беспокойную Зинаиду Самойловну. Первый год готовили пищу на кухне интерната каждый для себя, после школьных занятий. Общепит в интернате был создан позднее, я этого не застал. Две технички, мать с дочерью, жили в отдельной комнате интерната.

В то время учителями в школе были Нестерова Елизавета Фёдоровна – директор школы, отличный учитель, орден Ленина просто так ни кому не дают. Она вела у нас русский язык и литературу. Жёсткость в отношениях с учениками помогала добиваться высоких результатов, на её уроках была такая тишина, что казалось муха пролетит – и мы её услышим. И всё-таки, как бы мы не относились к Елизавете Фёдоровне, она сумела привить нам любовь к родному русскому языку, и литературе, и уроками чистописания, добилась того, что у нас изменился почерк, мы стали писать красиво.

Сакаева Зоя Александровна – вела ботанику и зоологию. Спокойная, пенсионного возраста учительница. На уроках тихо

рассказывала, то что нужно по программе, а ученики плохо слушая, занимались своими делами.

Занько (Ямщикова) Степанида Васильевна – вела географию и математику, иногда русский язык и литературу. Всегда оставляла учить материал после уроков, если ученик не выполнил задание. Но за уверенный ответ по пройденному материалу щедро ставила пятёрки.

Бармин Сергей Николаевич – за ним была история и физкультура. Почему-то мы считали, что он фронтовик, так как был любитель организации военных игр. Готовились к этим играм заранее. Каждый ученик в меру своих способностей делал себе оружие, из доски выпиливал, кто наган, кто автомат. Дальше делились на две группы, одна группа пряталась, другая искала. Все игры проходили в густом молодняке соснового леса. Чистый воздух, лёгкий морозец и запах хвои, лучшего ни чего не придумаешь. Мы всегда довольные приходили после таких занятий. Сергей Николаевич заочно долго учился, все об этом знали и между собой называли его «вечный студент».

Рейс Полина Ивановна – преподаватель немецкого языка. Мне не пришлось обучаться немецкому языку у этого, по отзывам, талантливого преподавателя. Родом она из поволжских немцев, а точнее из Днепродзержинска. Когда стало возможно, уехала с семьёй в Германию. Отличное знание своего предмета и высокая требовательность давали хорошие результаты.

Шептюк Лидия Максимовна – преподаватель математики. В нашу школу она была направлена после института. Невысокого роста, худенькая, в очках. С каким-то особым мастерством, она преподавала нам математику, мы слушали её внимательно как хорошую музыку и влюбились в математику всем классом.

Мы быстро привыкли к Старой Ляле. Перезнакомились со всеми учащимися школы, обзавелись друзьями. Мой лучший

друг Петя Герасименко, приходил в интернат и с разрешения воспитателя я уходил с ним. Мы отправлялись туда, куда он звал. Рассказывая были и небылицы про круглое озеро, мы подходили к нему и я с восхищением смотрел на эту таёжную красоту. Кругом густой сосновый бор, а в середине круглое озеро и даже старая вросшая в мох лодка, не успевшая сгнить, напомнила нам о тех далёких временах начала XX века. О том, что узкоколейку построил, рыбопромышленник Воробьёв К.П. я тоже узнал от него. Близ реки Нясьма место которое называли Воробьёвкой. Мы с другом успели подняться на пожарную вышку, что стояла на горе за рекой Ляля. Вышка была в таком состоянии, что даже в школе предупреждали об опасности. На ней не было многих ступенек лестницы, они сгнили и обрушились. Через несколько лет, подальше от греха, эту вышку обрушили. Сравнивая, где было лучше учиться в Ису или в Ляле? Однозначно скажу, в Старой Ляле было уютнее. Может потому, что в Ляле мы жили в интернате, а на Ису скитались по частным квартирам, возможно. Да и путь пешком домой от Старой Ляли до 20-го был короче, чем от Иса.

Напоминаю, я учился в Старой Ляле с осени 1949 года до лета 1951 года. В это время в школе учились ребята из Старой Ляли: Саша Шеметько, Серёжа Смоленцев, Петя Герасименко, Вова Морденко, Аркаша Морденко, Гера Рукавишников, Сергей Архипов, Вова Крикун, Гена Метляев – сын директора школы Нестеровой Е. Ф.

С посёлка Рудного учились Лёня Овчаренко, Валька Коровин, Ислам Ислямов, Миля Коровина и Нюра Кандыбаева. Вова Гайдо и Зоя Лукьянова – посёлок Лубянка.

Поселок Ниновский: Валя Зорина, Валя Жуковец, Люба Волкова, Люба Галеева.

5 «А» класс. Директор школы Нестерова Елизавета Фёдоровна, классный руководитель Рейс Полина Ивановна. Снизу слева направо: Ромазанова Г, Камилина Ш, Пашкевич

Л, Бокашкин М, Мелёшин В, Смоленцев О, Рахметов, Фишер С, Швайбович С, Ибраимова Л, Лукьянова З, Шаметко З, Кудрина Л, Лерке И, Крикунова Р, Васина Л, Иванова Н, Мансудимова Ф, Исмаилова С, Феллер, Лукьянова З, Бронских Н, Зонова С, Герасименко В, Жуковец В, Зорина В, Бельгер В, Никитина Г, Томас Г, Болотова Н, Патрушева В.

Посёлок 20-й км: Глазырин Миша, Швайбович Толя, Иванова Нина, Волосач Зоя, Шпилевских Зоя, Швайбович Маша, Бельгер Валя, две мои сестры Неля и Юля и другие девочки.

Из жизни в интернате мне запомнилось то, что у нас не было электрического освещения, не было радио, на столах стояли керосиновые лампы, воробьёвка была в электричестве, а мы нет. Не так часто, но кино в Лялю привозили. Мне запомнились только две кинокартины, которые смотрел в Ста-

рой Ляле, это «Подвиг разведчика» и «Молодая гвардия». Я пришёл в клуб с ребятами из интерната первый раз посмотреть кино. В зрительном зале киномеханик настраивал аппаратуру, а в коридоре старого клуба толпилась ребятня. Я не стал стоять в очереди, решил понаблюдать. Киномеханик закончил настройку, дал команду продавать билеты, а сам стал в дверях пропускать зрителей в зал. Девчонки стояли в сторонке, высматривая, кого бы попросить купить билеты. В это время открылась дверь и с улицы вошла ватага ребят, немного старшего возраста, чем мы. Впереди Саша Шеметько, руки в боковых карманах москвички (так называли в те времена мужское полупальто), воротник поднят, головного убора нет. У него была отличная волнистая причёска брюнета. К Саше подошла одноклассница Нюра Кандыбаева: «Саша, пожалуйста, купи нам билеты. У Саши вырвалось: «Рубль деньгам и ночь дерьгам». У Нюры щёки налились краской, Саша взял у неё деньги, отдал ребятам стоящим у кассы: «Купите и отдайте девчонкам».

Батарейки

Ко мне в интернат приходит Вова Крикун. Он обнаружил на помойке у телефонной станции использованные батарейки, предложил пойти с ним и лампочкой от карманного фонарика, отобрать батарейки, которые ещё можно использовать. Мы пошли с ним и набрали таких батареек полведра. Идея, с которой пришёл Вова, была такова. Поскольку электричества не было в интернате и в бараке у Вовы, я отпрашиваюсь у Зинаиды Самойловны и ухожу к Вова. Там в чулане при свете лампочки от этих батареек будем всю ночь читать книги. Приготовились. Опробовали нашу систему освещения и стали ждать темноты. В мае месяце темно стало после одиннадцати, и мы зашли в чулан. Включили свет и взяли книги в руки. Прошло минуты две, и наш свет стал тихонько угасать. Физику мы с Вовой знали хорошо и лихорадочно стали параллельно подсоединять другие батареи. Лампочка вспыхивала, но через пару минут снова теряла накал. Мы перебрали все батареи, но устойчивого освещения так и не добились. Недовольные тем, что затея не удалась мы стали укладываться спать. Майская ночь была холодной, мы замёрзли и не выспались, на уроках сидели и зевали. В те времена нам казалось, что для полного счастья нужен свет электрический, чтобы в любое время суток включил и сиди читай книги сколько можешь. О радио, телевидении даже не мечтали, не говоря уже о мобильных телефонах, компьютерах и интернете. Как это было недавно, всего то 50 лет назад.

Современный анекдот. Внук спрашивает бабушку: «Бабушка, ты когда была маленькой у тебя компьютер был?» - «Нет». «А мобильник?» - «Тоже не был». «Бабушка, а динозавры были?»

Трёхколесный велосипед

В чулане у Вовы Крикуна, в куче бытового хлама я увидел детский трёхколёсный велосипед. Это изделие было кустарного производства, но изготовлено с душой хорошим кузнецом. У велосипеда кроме рамы было на месте только переднее колесо с педалями и всё. Я выпросил у Вовы этот велосипед и, как мне показалось, он отдал его без сожаления. Правда поинтересовался: «Что ты будешь делать с этой железякой?» Я ответил: «Уташу его на 20-й, отремонтирую и младшие братья будут кататься.» Сказано, сделано. В ближайшую субботу я решился. С котомкой за плечами и велосипедом я бодро зашагал в сторону 20-го. Ребята посмотрели на меня и высказали своё мнение: «Дальше Лубянки не унесёшь». Но я упорно нёс этот велосипед, перекладывая с плеча на плечо и старался не отставать от ребят. Выдохся я на 11-м километре, но велосипед не бросил, а спрятал его в кустах. Через неделю я всё-таки приволок велосипед в ограду родительского дома, чем удивил домашних. Тащить такую железяку 20 км! Не каждый решится. Дальше. Нужно найти два подходящих колеса, чтобы укомплектовать велосипед. Этого нам не удалось, как не пытались. Я решил два колеса отпилить от берёзовой чурки. Коловоротом по центру чурки просверлили отверстие по диаметру оси и после отпилили. Одели на оси два таких колеса, шайбы и шплинты. Когда один из малолеток уселся на такое сооружение и поехал, вся детвора повалилась на поляну и громко хохотала, держась за животики. Больше никто не желал смешить народ.

Серёжа

Наступили теплые майские дни. В такую погоду, после занятий, в школе находиться в интернате ох как не хочется, и я отправился побродить по Ляле. У клуба в скверике, на полянке, сидели пятеро лялинских ребят. Рядом стоял наклоненный к забору новенький велосипед. «Это Серёжа Архипов выехал покрасоваться» - размышлял я, присаживаясь к ребятам. Серёжа что-то рассказывал ребятам и сложенной в правой руке плёткой тихонько ударял по ладони левой руки. Я не стал вникать в суть разговора, вдруг обратился: «Серёжа, дай прокатиться на велосипеде». Несколько молчаливых секунд и Серёжа выдал: «Давай, для начала, я тебя плёткой по спине отоварю один раз, после этого прокатишься». Сказано было шутя, с улыбкой на лице, я шутку принял и улыбаясь подставил спину. Серёжа ударил. Боль от удара была такая, какую я в своей жизни не испытывал. Мне захотелось улыбнуться, но лицо заволокло слезами, и я отошёл к забору, утирая кулаком слёзы. Ко мне тихо подошёл Серёжа, дотронулся до меня и сказал: «Ладно, иди прокатись». И я прокатился. Уехал через лялинский мост, потом влево по лесной дороге. Когда вернулся, обнаружилось, что я где-то пропорол шину переднего колеса. Неприятно было мне, но что поделаешь, взять с меня нечего и Серёжа повёл велосипед домой. Когда я смотрю в кино порку плетью, вспоминаю этот случай и не верю, что можно выдержать несколько десятков ударов плетью.

Хоккей

Это кличка молодого мерина, которого только приучили ходить под седлом и отец облюбывал его, как выездную лошадь. Надо же на ком-то передвигаться по обширным угодьям подсобного хозяйства. Летом 1952 года мне понадобилась справка из сельсовета. Пешком в Лялю идти не хотелось, и я попросил у отца «Хоккея». Прибыл в Старую Лялю, у сельсовета спешился, привязал коня к столбу и пошёл за справкой. Со справкой в кармане я уже собрался в обратный путь, и тут мне захотелось «Хоккея» немного подкормить. Сходил в магазин, купил булку хлеба. Протянул булку «Хоккею». Он откусил и с трудом протолкнул кусок, пережевать мешали удила. Я решил разуздать коня, для этого нужно узду снять с головы, такая конструкция. Как только я это сделал, «Хоккей» мотнул головой и пошёл от меня, а я остался стоять в центре Ляли, в одной руке узда в другой булка хлеба. Раздумывать было некогда, надо идти за конём. «Хоккей» прошёл метров сто и остановился, повернул голову, как бы проверяя, со мной булка хлеба или нет. Я подошёл, протянул ему хлеб и тут же накинул узду. Дождался пока «Хоккей» брэнча удилами съест хлеб, отправился домой.

Слева направо стоят: Кулагина Нина, Коровина Римма, Ворошилова Галина, Феллер Роза, Иванова Нэля, Билялова Зоя, сидят: Мирау Ольга, Исмаилова Софья, Никитина Юля, и Пауль Эльза.

Весёлая шумная компания. Интернат, комната №2
1959 год. Перед экзаменами. Школьная линейка.

Я обратился к Зое Лукьяновой рассказать о Лубянке, где она жила и откуда ходила в школу Старой Ляли, в те же далёкие времена. Отличный получился рассказ.

Я появилась на свет 22 ноября 1938 года в посёлке Ис Свердловской области. Мама – Монтрим Валентина Антоновна, родилась 19 июля 1912 года в деревне Хрустмали, Белебеевского района Башкирии. Отец её – Монтрим Антон Осипович, поляк, сирота. После польского восстания в 1870 году он вместе с родственниками был сослан в Забайкалье. Оттуда они бежали и осели в Башкирии. Здесь дед женился, у них родилось 9 детей. Мама была старшей. Бабушка, Птицина Елена Михайловна, была моложе деда на 10 лет (вышла замуж когда ей было 16 лет.)

Как рассказывала мама, к жизни она была совершенно не приспособлена. Весь дом держался на отце. Детства у мамы не было. С 10 лет она уже жала пшеницу серпом (плакала, так как отец будил очень рано), затем дошла коров в колхозе. В школу дети не ходили. Дед был не грамотным. В 1937 г. его соседа забрали, отправили на Соловки. Непонятно за что его сразу расстреляли. Об этом написал сосед. Мама со своей сестрой Лидой уехали на Урал, в посёлок Ис, там лесничим работал их дядя со стороны бабушки. Обе устроились на работу в столовую посудомойками. Мать с четырьмя младшими детьми уехала из колхоза в Петропавловскую область Казахстана к подруге. По дороге их обокрали, и бабушка вскоре умерла. Судьба этих детей плачевна. Они попали в детдом, оттуда часто убегали. И все очень рано ушли из жизни. Три брата остались в Башкирии. Из них один уехал на Сахалин, второго задавило трактором. Дядя Гена 5 лет отслужил в Севастополе. За два месяца до демобилизации их линкор «Новороссийск» подорвался на mine. Погибло очень много

моряков. Об этом писали много лет спустя. Маме сообщили, что он погиб при исполнении служебного долга. Я помню этот морозный декабрьский вечер 1955 года, мы все плакали.

Очень жалею, что мало знаю о польской родне мамы. Она рассказывала, что все они были католики, многие получили образование, жили в Уфе. О их дальнейшей судьбе ничего не известно. Наверное, тоже пострадали, по слухам, кто – то уехал за границу.

Отец, Лукьянов Николай Дмитриевич, родился в 1912 году в деревне Черёмушки, Кетовского района, Курганской области. В 1930 году семья была раскулачена и сослана в Челябинскую область, затем, оказались на Ису, где мои родители поженились. Сразу после моего рождения в 1938 году, их отправили в колхоз на Лубянку. Дед, Лукьянов Дмитрий Германович, работал шорником в колхозе, он умер скоропостижно в 1944 году по дороге в Старую Лялю. Отца из колхоза забрали на фронт в августе 1941 года. Мой брат Саша родился в январе 1942 года. Отец погиб в феврале 1944 года. Рассказывал сосед, с которым они вместе воевали в кавалерийской части. Был налёт, отец остался в седле, остальные укрылись. Его убило осколком снаряда, конь остался жив. Осталось в памяти, как получили похоронку, был полный двор народу, все плакали навзрыд. В деревню с войны вернулся только сосед Базаров.

Мама сразу после гибели отца ушла из колхоза и устроилась в лесоучасток сучкорубом. Пенсия на троих (бабушка и мы) была всего 132 рубля. У подруги мамы, Решетниковой Елены Петровны, на двоих детей пенсия была 450 рублей. Колхоз маму наказал: отобрали огород, выкопали картошку, вернули только семена. Корову не пускали в стадо, пасли её отдельно на территории леспромхоза. Там же за деревней в лесу разработали и заго-

родили участок под огород. Писали Швернику, но пришёл ответ: разобраться на месте. Очень далеко был покос. Большая проблема была с вывозкой сена. Лошадей не давали, только можно было выпросить быка, и то в последнюю очередь, потому, что мама не работала в колхозе.

Все отпуска у мамы прошли на сенокосах. Зароды метала бабушка, она же чинила обувь, обшивала нас. О бабушке тоже хочется немного рассказать. Её звали Евдокия Михайловна. Первый муж её умер в плену в Австрии во время первой мировой. Две дочери умерли очень маленькими. Дед был вдовцом, когда бабушка за него вышла. Моему отцу было 17 лет, брату его 9 и сестре 12. Сестру забрала сестра деда и воспитала. Она закончила Тимирязевскую академию, стала почвоведом. Они нас разыскали в 1965 году. Извинились, что долго молчали, боялись общаться с раскулаченными. Бабушки уже не было в живых. Тётя жила в Иркутске, я была у неё два дня, когда путешествовала по Байкалу. Брат отца оказался неблагодарным. Окончил техникум, работал в Карпинске, затем уехал в г. Рудный Кустанайской области. Получили письмо перед самой смертью бабушки. С ним не общаюсь, хотя в Рудном была в командировке. Бабушка была верующей, соблюдала посты и боялась сказать лишнее. Ничего не рассказывала о жизни до раскулачивания. Отобрали у них дом, корову, лошадь и скраб. Говорила, что дед в молодости возил почту из Кургана на лошадях к «кыргызам». В нашей деревне была комендатура, где, видимо, взрослые отмечались. Запомнила двух комендантов: Опарина, который потерял глаз на фронте, и хромого Князева. Он был злой, его все боялись. Маму мы почти не видели, она уходила рано в Лялю, чтобы ехать на делянку и поздно возвращалась. Счастье, что была бабушка. Благодаря

ей всегда был обед, тепло и, главное, мы никогда не жили без коровы. Я с пятого класса уже косила маленькой литовкой, отбивать её так и не научилась.

Большой проблемой была заготовка дров. Летом носили хворост из леса, на зиму пилили «дружкой – 2», т. е. вручную. Это я очень не любила. Углы в доме зимой всегда промерзали, также как и двери, которые зимой занавешивали одеялами. В комнате зимой всегда жили до весны телёнок и куры под столом.

К сожалению, из сосланных в памяти осталось немного. Одногодков не помню, так как все уехали, когда я ещё не ходила в школу. Фамилии некоторых помню по расположению домов. Это – Гюхиль, Нижник, Кошуба, Карпенко, Сова, Закорка, Ковтун, Шепель, Остапенко, Маляревич, Блохины, Базаровы, Евсеевы, Николаевы, Литвиновы, Бочаровы, Трубецкие, Решетниковы, Морозовы, Николаевы, Федотовы, Мартыновы, Артозей, Дейнека, Гайдо, Мироваевы. Хорошо помню сеиы Гайдо и Мироваевых, так как с детьми ходила в школу. Последних выслали из Чувашии, отец и мать так и не научились хорошо разговаривать по русски. Их дети Феня, Василий, Константин и Александр после школы пошли сразу работать, затем уехали и давно умерли. Александр был мой ровесник. Две младшие дочери, Ольга и Лиза, живут в Екатеринбурге. Очень жаль тётю Полю, мать Мироваевых. Её убил подонок в Старой Ляле из – за пенсии. Жила она одна, ей было за 90.

В Старой Ляле сейчас живёт Тоня Сова (86 лет), её сын Коля с семьёй. Родители Тони говорили с большим украинским акцентом, её отец готовил солёное сало, вкуснее которого я никогда не ела.

Семья Гайдо. Их выслали в 30–е годы из Смоленской области, вероятно, вместе с семьёй Ивана Твардовского,

брата поэта Александра Твардовского. У Ивана есть очень интересные воспоминания, опубликованные в журнале «Юность» в 90 – е годы. Привезли их в Парчу, они сами вырыли землянки, валили лес, а затем через болота и тайгу сумели уйти на Пермскую ж/дорогу и добраться до дому. У Гайдо было пять детей. Их привезли в Старую Лялю. Отец, Владимир Францевич, работал на лесопилке, его обвинили во вредительстве и отправили в Воркуту. Он чудом остался жив и через два года вернулся к семье. Затем они переехали на Лубянку, и он стал председателем колхоза «Заря». Старшая дочь Калерия 1924 г. р. После семилетки поступила в техникум г. Свердловска, работала в Облпотребсоюзе. Тося, 1934 г. р. Пошла по её следам, затем тяжело заболела и скончалась. Калерии тоже давно нет. Володя, 1936 г. р. После школы и армии работал в лесоучастке. Сейчас проживает в Богдановичском районе. Аля 1938 г. р. После института работала в Красноуральске. Младшая Инна 1940 г. р. Также педагог живёт в г. Верхняя Пышма. Интересна судьба брата Владимира Францевича Гайдо, Иосифа Францевича. Он после 1 –й Мировой войны долго жил в Венгрии. Затем вернулся на Родину и был сослан в Воркуту. После Воркуты приехал в Нижний Тагил и сопровождал грузовые поезда во время войны. Семьи у него не было. Он всю жизнь любил жену брата, который в молодости отбил её. После войны Иосиф Францевич устроился работать на Вые в геологоразведку плотником. Он постоянно помогал семье брата. Благодаря ему дети получили образование. Выйдя на пенсию, он приехал на Лубянку. Похоронен в Старой Ляле. Доживал в семье брата.

По дороге между Старой Лялей и Мелехино была братская могила, на ней стоял памятник – пирамидка с фамилиями. В ней был похоронен брат Антонины Владими-

ровны, жены Владимира Францевича Гайдо. Она знала, что он воевал на стороне красных в районе Нижнего Тагила. И вот такая неожиданная встреча. Его фамилия была Высоцкий.

Немного о сестре мамы, моей тётке Лиде. Она на Иссу вышла замуж за Лыскова. В 1937 году родился сын Вадик, в возрасте 1 года умер от воспаления лёгких. Мужа посадили в 1937 г. Из тюрьмы он не вернулся. Его родственники живут на Качканаре. Тётя Лида приезжала к ним в гости, когда я была на Качканаре в командировке. Второго мужа – Евсеева, убили на войне. Она долго работала поваром в детском садике на Сахалине. Я часто бывала у неё на каникулах. С Ниновска шли пешком, мимо колючей проволоки, за которой работали заключённые на монтаже драги. На Сахалине очень красивый пруд, над которым нависла скала. Председателем колхоза был Владимир Делло. С тёткой Лидой мы пешком раза два ходили на Иссу. Не знаю почему. Ведь от Старой Ляли до Малой Выи можно

было уехать по узкоколейке. К паровозу в неделю раз, кроме пассажирских вагонов прицепляли вагон – лавку. Там можно было купить продукты и товары. В Старой Ляле на станции было столпотворение. Попасть было трудно, поэтому многие ходили пешком до Лубянского поворота, где поезд замедлял ход и люди заскакивали в вагон.

В годы войны получили помощь: нашей семье досталось старое шелковое платье голубого цвета громадного размера. Применения оно не нашло. Как всегда и везде лучшие вещи достались местному начальству. Несмотря на нищету, воспоминания о детстве самые радужные. Всё лето купались в реке Нясьме. Холщевыми мешками или подолом платья ловили мелких пескарей для кошки. Столовыми вилками добывали налимят. Взрослые рыбачили бреднями, щук вытаскивали из стариц с помощью петель из проволоки. Потом появились удочки с самодельными крючками разных размеров.

Жили без радио и электричества. В колхозе был движок, он часто выходил из строя, свет давали на несколько часов, он был тусклый и постоянно мигали лампочки. За тем движок сгорел. ЛЭП провели в 60–е годы, когда на р. Нясьма стала работать драга. Когда училась в школе обходились коптилкой (в пузырьёк с керосином опускался жгут из ваты), затем драга пришла на Лубянку. На такое диво вышли посмотреть местные жители.

Появились пяти и семилинейные лампы. Большим дефицитом были стёкла к ним и керосин. Зимой на речке катались на коньках, к которым сыромятными ремнями прикреплялись валенки. Названия коньков: снегурки, ножи и дутыши канадские. Изготавливал лыжи один умелец из берёзы, они были очень тяжёлые по сравнению со школьными, фабричными и плохо скользили.

В 1946 году я пошла в первый класс. В этом же году

на Лубянку и окрестные посёлки (Парча, Нясьма, Старая Ляля, Рудный) привезли много крымских татар и немцев.

Немцы были родом с Украины, в основном, из Днепропетровской области. Их вначале угнали в Германию, а затем, как пленных, сослали на Урал. Это были старики, женщины и дети. Очень много умерло в первые зимы, особенно крымских татар. Они были из горных селений, совершенно не говорили по русски. Немцы отличались чистотой и аккуратностью, язык знали. Татары были гостеприимными, почти все работали в колхозе. Вот с детьми этих людей прошли мои детские и школьные годы. Паспорта они получили в 1956 - м году.

Жители Лубянки. Слева направо.

Гайдо Владимир Францевич, Гайдо Антонина Владимировна, Гайдо Калерия Владимировна, Лариса (внучка), Монтрим Валентина Антоновна (мама Зои Лукьяновой). Гайдо Антонина Владимировна, Нина (жена Володи), Володя Гайдо.

Любимой игрой детства была лапта. До самых холодов бегали босиком. Ноги всегда были в «цыпках».

Больно было когда вечером их мыли и после смазывали сметаной. В школу ходили при любых морозах, по утрам часто с факелами (на палку наматывалась промасленная тряпка и поджигалась). Так, мы считали, отпугивали волков. Ходили оравой, 2,5 км. Туда и обратно. Дорогу помню до мельчайших подробностей.

В младших классах писали на старых газетах, тетради сшивали из бумажных грубых мешков. Первые чернила делали из сажи, затем появились «химические» и чернильницы «непроливайки» стеклянные. Первая учительница – Сакаева Зоя Александровна, высланная из Крыма. Она же преподавала ботанику и зоологию в старших классах. Второй класс – Янчевская Таисия Николаевна. Её сына Владика случайно убил на охоте Двоеглазов. Помню похороны, лицо мальчика было синее от пороха. Затем они уехали в Нижнюю Туру. Дочки Галя и Неля кончили УРГУ, я их встречала в оперном театре. Сейчас обе живут за границей. 3-й и 4-й классы – Константинова Лидия (отчество не помню).

Пионеркой не была. В комсомол вступила в СГИ. Директором школы была Нестерова Елизавета Фёдоровна. Затем её перевели на Ис. Её сын Геннадий в Свердловске стал известным архитектором, фамилия его Метляев, не так давно умер. Повезло нам в том, что в 1954 году открыли 8-й и 9-й классы. Учились ребята из Нясьмы, Рудного, Парчи, Яборкого, Поздняковки, Мелехино, Павды, Кытлыма и посёлков №№ 49, 57, 20.

Об учителях вспоминаю с большой благодарностью, это были настоящие сподвижники. Телегина Вера Николаевна (математика, два года была директором) Малова Валентина Елизаровна (география, завуч), Усольцева Тамара Алексеевна (немецкий язык), Дабахов Арсен Карпович (литература, играл на скрипке), Штатских – математик

(имя и отчество не помню). Он закончил Ленинградский университет. Математику им читал Брадис, автор известных таблиц логарифмов. Жена его некоторое время была директором. Но он был болен известной русской болезнью, алкоголизм. В момент окончания школы директор был, учителем работала его жена, в девичестве Занько Степанида Васильевна. Сын Зои Ал – ны Сакаевой Нариман, закончил УПИ. Она доживала в Свердловске, я с ней общалась. Недолго математиком работала Шептюк Лидия Максимовна, Зубкова Клавдия Филлиповна.

Соученики с Лубянки. Все они получив паспорта, уехали. Татарам в Крым не разрешили возвращаться. Они перебрались в Среднюю Азию. Ибрагимовы (Эльвира, Вера, Лиля), Асанова Халида, Меметовы Сара и Кямиль, Мустафаевы (Решат, Женя и Шура). Иван и Вера Эреджековы, Исаевы (Решат, Ольга, Энвер, Женя). Немцы уехали в Казахстан и Киргизию. Это Кернер Володя, Циберт Рудольф, Бауэр (Андрей, Витя, Ена), Супперт Катя и Маша, Ульмер (Эля, Яник, Эдвин), Лаунгер (Бернгардт, Рудольф), Вицке Эргарт и Гергарт, Госсен Юта, Пирх Зина. В Ляле живёт Вова Рейс. Почти все они после школы пошли работать. Со многими я переписывалась. В 1978 году ездила по путёвке в Среднюю Азию, некоторых навестила. Затем у Халиды была несколько раз в Ангрене. Она часто приезжала ко мне и на Качканар. Жаль, что её уже нет. У Ибрагимовых была два раза в Андижане, у Исаевых в Самарканде, у Бауэр во Фрунзе. В данный момент из Средней Азии все перебрались в Крым, а из Казахстана в Германию.

Однокласники: Валера Ощепков, Валера Будько, Гоша Корчемкин, Вера Герасименко, Надя Романович, Лариса Драницина, Вера жабинская, Витя Мелехин. Все они с Воробьёвки. Из Старой Ляли: Катя Махт, Люся Бугаева, Клава Глушанина, Ваня Климов, Сергей Смоленцев, Катя Венц, Нина Рихтер, Люба Пашкевич, Зина Шаметько, Тамара Калинина, Нэля Леонтьева, Витя Янер, Валя Мелешин, Миша Бакашкин. 49 -й - Люба Кудрина, Лёня Блохин, Фая Кашинская, Саша Миклин. 20 -й. Нэля Иванова, Галя Никитина, Валя Бельгер. 57 -й. Роза Крикунова, Нина Лютина, Лёня Солоницин. Нясьма: Роза Феллер, Аня Болотова, Галя Рамазанова, Валя Агапкина, Соня Исмаилова, Айдер Мурдасов. Ниновск: Люба Попова, Люба Волкова, Валя Жуковец, Валя Зорина. Мелехино: - Ким Мелехин. Яборково: -Рая Мелехина, Маша Юдина. Поздняковка: - Митя Фризен. Рудный: - Ирма Томас, Рудик Фишер.

Недавно звонила Кате Махт, она живёт под Нюрнбергом. Знаю, что Клава Глушанина, Ким Мелехин, Сергей Смоленцев, Надя Романович работали на Качканаре, давно скончались. К старости понимаешь, что детские воспоминания самые сильные.

От Лубянки давно ничего не осталось. Маму и тётю Лиду в 1974 году перевезли в деревню Пильная, около Первоуральска. В 1956 году я поступила в СГИ, привлёк этот вуз стипендией. Она была намного больше зарплаты мамы. До пенсии проработала в проектно-институте. 10 лет ездила в командировки в Качканар, Башкирию, Казахстан. Любовь к природе, особенно к лесу, осталась навсегда. Пока мама жила в Ляле, я постоянно приезжала на покос. Остальные отпуска были связаны с тур. походами. 5 раз – Горный Алтай, Сихотэ – Алинь на Дальнем Востоке, Байкал, Южный Урал, Тянь – Шань, Средняя Азия, Армения, Грузия, Два раза отдыхала на море.

Хорошо помню историю с упавшим самолётом, рассказы о бандитах – дезертирах. Мама, тётя Лида и брат Саша покоятся на Лесном кладбище Екатеринбурга. Вот и всё.

СТАРАЯ ЛЯЛЯ

ИСТОРИЯ СТАРОЙ ЛЯЛИ – это труд удивительного человека, жительницы посёлка, краеведа и патриота Куделиной Веры Алексеевны. С надеждой, что руководство города Новая Ляля включит в план 2015 года выпуск полной книги о Старой Ляле. Главы из будущей книги, с разрешения Веры Алексеевны, я включил в это издание.

В конце 19-го века, на месте, где сейчас находится посёлок Старая Ляля, была густая непроходимая тайга. Вниз по течению реки Ляля образовалась деревня Мелехино. Люди деревни занимались охотой, рыбной ловлей, сеяли хлеб. Но население постоянно страдало от разлива реки. И задумали люди поселиться на левом берегу, который был круче и не затоплялся. В 1900 году часть жителей поселились на место будущего посёлка Старая Ляля. Сюда стали сходитьсь крестьяне из многих губерний России. Первые переселенцы были манси: крестьяне Усоцов, Ларионов. Сюда, стали приезжать крестьяне-переселенцы, из Минской, Вятской, Казанской и других губерний. Своё название посёлок получил по названию реки

Ляля, что в переводе с мансийского означает «тёплая». Существует также легенда: была у рыбопромышленника Воробьёва дочь Ляля, которая утонула в реке. После её смерти река стала носить название Ляля. Берёт река своё начало бойким ручейком с восточного склона Лялинского камня, высота которого превышает 850 метров и проходит свой путь в 230 км через горную цепь Уральского хребта и таёжные леса, принимая в себя не менее десяти притоков. Таёжная река Ляля была чистой, быстрой, глубокой. В ней водилось до 24 сортов различных рыб. Разработка лесных массивов бассейна реки Ляля началась ещё в далёкую старину, когда в 1703 году по указанию царя Петра I было заготовлено 2000 стволов деревьев лиственницы и отправлены на лошадях для закладки города Петербург. Уральские лиственницы считались самыми наилучшими.

Много в Уральских горах богатства. Много было и охотников захватить эти богатства. Но чтобы добывать руду, мыть золото и рубить леса, нужны были люди. В прошлые времена Строгановы, Демидовы, Яковлевы и другие магнаты, переселяли на Урал целые деревни крепостных и добивались от царей грамоты, чтобы заставить местных людей находить и разрабатывать эти богатства. Пало крепостное право, а проблема переселения людей на Урал, в Сибирь так и осталась. Ещё до того как Столыпин стал премьер-министром, царское правительство решило переселение сделать добровольным и семьям, решившим ехать на Урал, в Сибирь, выдавать подъёмные. Направляя переселенцев на Урал, правительство преследовало несколько целей. Одна - увеличить количество трудового населения, другая - избавиться от сотен тысяч десятин горельников, которые мозолили глаза и подчёркивали некультурность ведения лесного хозяйства.

В тридцатых годах 19-го века леса Николае—Павдинского

округа перешли в распоряжение казны. Они были обмеряны согласно инструкции, разделены просеками на кварталы, четыре на четыре версты. На пересечениях поставлены столбы и вырыты ямы. Переходя по просекам, записывали породу деревьев и их пригодность на постройку или на дрова. На возвышенных местах уральских лесов стали появляться пожарные вышки. Такая вышка появилась на камне высокого берега реки Ляля, метров на сто выше лесопильного завода. На вышке находился телефон, карта по кварталам района и прибор для определения места, где случался пожар. За вышкой находился Динамитный, обнесённый забором. На территории Динамитного стояли дома, там хранился аммонит для взрыва льда на реках Ляля и Нясьма. В конце 19-го века округ перешёл во владения купца Воробьёва Константина Петровича. Астраханский рыбопромышленник Воробьёв купил по сходной цене Николае-Павдинский округ в 315 тысяч десятин первосортного леса. Он решил заняться вывозкой леса. На реке Ляля при устье реки Нясьма построили лесопильный завод, который должен был перехватывать весь лес, идущий сплавом по рекам Нясьма и Ляля.

Строили лесопильный завод на три рамы. Завод считался одним из крупнейших заводов не только на Урале, но и в России. Строились дома для служащих, магазины, школа с небольшой церковью, были в одном здании. Работа на заводе шла в три смены. Машины останавливали только на смену пил.

Кроме сплава с ближайших расстояний лес на завод доставлялся «гужом», то есть конной повозкой. Зимой все посёлки работали уже на этого лесопромышленника. Стремилась лес заготовить на весь год. Местное население в округе было только в посёлке Юрты, Лесопильном, Кытлыме, Каменушке, вблизи округа находились небольшие посёлки Мелехино и Лобва.

Славился округ приходами и церквями. В 1891 году действовал приход в деревне Мелехино. До 1917 года была открыта церковь в посёлке Лесопильном. После революции церковь перестала действовать. В ней расположилась самая первая школа-четырёхлетка. Затем ребят перевели учиться в здание бывшего полицейского участка.

Округ ширился, люди приезжали. Посёлок № 50 образовался в 1906 году. Первым там поселился Егор Суслов, приехавший из Вятской губернии. Большинство жителей прибыли вслед за Егором. Посёлок существовал до 1952 года. Посёлок № 51. Первыми сюда приехали Клюкин и Мусихин в 1903 году. В посёлке насчитывалось 10 домов. Жители занимались сельским хозяйством. Вначале приезжали одни бедняки, но разрабатывая землю, они постепенно богатели. Каждый хозяин имел несколько коней, коров, свиней. Были большие пашни. Почти все бытовые нужды удовлетворялись самим хозяйством. Ткали всевозможные ткани и шили себе одежду. Изредка ездили в Старую Лялю купить самое необходимое. Зимой мужчины не работали, так как всем запасались летом. Посёлок просуществовал до 1931 года, затем земля перешла в собственность колхоза.

Посёлок № 52. Первым поселился туда крестьянин Москалёв из Коми-Пермяцкого округа. Затем были переселены крестьяне из Белоруссии в 1910 – 1912 годах. Посёлки № 5, № 6, № 18, № 20, № 49, были заселены с 1903 года переселенцами. На берегу реки Ляля стоял барак, куда часто по вечерам собирался народ. В том месте, где сходятся реки Ляля и Нясьма, была построена

лесная гавань. В посёлке жили простые люди – заводчане. Многие работали сезонно, их называли «зимогоры». Сплав леса в округе производился «модем». По Яборовке, Елве, Нясьме и другим рекам сплавливали лес в реки Ляля и Лобва, где создавался мощный поток сплаваемого леса. Там в 1915 году, в низовьях реки Ляля, был заложен древесно-бумажный комбинат. Это место получило название Новая Ляля.

В лесопильном цехе стояли мощные пилорамы. Бревно диаметром 90 см проходило свободно. В те времена пилорамы в движение приводил локомобиль, или как его называли – паровой котёл. В нём сжигали отходы производства и частично опил, которого были горы. Мужики валили лес и везли его в Лялю, сдавали приёмщикам. Условия были таковы: бревно должно быть ошкурено, длина 6,5 метров. Чуть короче не принимали, длиннее заставляли отпиливать. Бревно с вершины 41 см считалось кубометр, и за него платили 56 копеек. Чтобы понять, дёшево это или дорого, надо знать, корова в то время стоила 5 рублей. На лесопильном заводе было восемь приёмщиков и один управляющий, немец. Для управляющего был построен большой двух этажный дом, в котором проживали, сам управляющий, его жена и ребёнок. Позднее, в советские времена, в этом доме размещались милиция, сельский совет и детский сад.

Мысль о строительстве узкоколейной железной дороги была сразу, как начали строить лесопильный завод. Как вспоминает в своей книге «Зелёное золото» Семёнов К.С., было одобрено и принято Воробьёвым К.П. предложение построить железную дорогу до Нижне-Туринского завода длиной шестьдесят пять вёрст. Эта дорога свяжет Николае-Павдинский округ с железной магистралью. Как только разнёсся слух о строительстве узкоколейки, в Старую Лялю наехали плотники, землекопы, печники, кровельщики и другие разные рабочие с десятниками, подрядчиками и даже один железнодорожный техник. Всеми

делами по строительству узкоколейки с её станционными постройками и лесопильным заводом заведовал молодой конторщик, теперь уже управляющий конторой Николае-Павдинского округа купцов Воробьёвых, Гвоздилин. Строительство велось в соответствии выполненного проекта, ширина колеи 102,4 см.

Землеройной техники не было никакой. Все работы по устройству земляного полотна с водоотводными канавами, велись землекопами. Их было много по всей трассе от Старой Ляли до Выи. В зависимости от рельефа местности, через земляное полотно, сооружались водопропуски в виде небольших мостков. Земляное полотно уплотнялось вручную трамбовками. После отсыпалось песчано-гравийной смесью, которую возили на лошадях с берегов рек Нясьма и Ис. Раскладывали шпалы, пришивали костылями рельсы и снова засыпали речной галькой. Дальше велась подбивка балласта под шпалы для выравнивания рельсового полотна.

В помощь Гвоздилину были приглашены специалисты с высшим образованием: по горному делу, по железнодорожному, по лесному. Через реки Нясьма и Ис были построены железнодорожные мосты: в посёлке Ниновском и в районе посёлка Маломальского.

Воробьёвскую железную дорогу построили в 1905 году. В Старую Лялю прибыл маленький маневровый паровоз, любовно прозванный «Карлуша». Полностью дорога была запущена в эксплуатацию в 1907 году. Распиленный лес, тес грузили на платформы и везли на Выю. Таскать гружёные составы были куплены ещё два паровоза. На Вые всё перегружали в вагоны широкой колеи и везли в Санкт-Петербург. Завод поставлял пиломатериалы в Сибирь: Тюмень, Тобольск, в Среднюю Азию. Акционерное общество процветало. Обо всех богатых людях слагали легенды. Не был исключением и Константин Петрович Воробьёв. Когда жена учинила разнос двум его любовницам,

они ушли, имея на руках по два миллиона рублей, и благодарно вспоминали Воробьёва. Местом отдыха управляющего Гвоздилина было озеро в нескольких километрах от посёлка, позднее его стали называть Диким озером. Там была построена пристань, а посередине площадка, где стояли стол и лавочка. К ней подъезжали на лодках, играл духовой оркестр. Так развлекались. Но это заслуга управляющего. Сам Воробьёв был в Ляле всего один раз. На Вые паровоз отцепили от вагонов, соорудили какую-то будку, чтобы было более-менее комфортно ехать. Так и съездил Константин Петрович в Лялю.

Говорили, что в Старой Ляле была водокачка. Да была, для того, чтобы заправлять водой паровозы. Поршневые насосы приводились в движение паром паровоза. Такая водокачка была ещё на Ниновском, чтобы на полпути дозаправить тендер водой. Узкоколейка своим существованием многим давала рабочие места.

Люди, работающие на обслуживании и ремонте железной дороги, старались жильё строить вдоль дороги, образуя небольшие селения. Так возникли посёлки: 11-й, Ниновский, 29-й и 31-й километры. Первоначально дорога Старая Ляля—Выя проходила минуя Ис. После 31-го — тупик Белый, Маломальск и Выя. Ветку на Ис и Верх-Ис проложили позднее.

После смерти Воробьёва К.П. а он умер в 1908 году, у управляющего Николае-Павдинского округа Гвоздилина возникли большие затруднения. Нужны были деньги. Сын Воробьёва Уралом не занимался и даже не интересовался, как идут дела. Не добившись ни чего от молодого Воробьёва, Гвоздилин поехал в Петербург к полковнику Лосеву. Жена полковника была одна из наследниц купца Воробьёва. Лосев принялся искать деньги. Но наследники не желали вкладывать деньги в уральские предприятия.

Было решено образовать акционерное общество по

эксплуатации Николае-Павдинского горного округа. Акционерами стали Русско-Английский банк, Русский торгово-промышленный, Санкт-Петербургский коммерческий, и Русско-Азиатский. Через несколько лет в Николае-Павдинский приехали, председатель правления акционерного общества Давыдов, полковник Лосев, инженер Борисов, экономист Тестов. Встречал приехавших Ярцев. Приехали с большими планами развития. Вот что говорил председатель правления Давыдов (далее я привожу дословно всё, что написал в своей книге «Зелёное золото» К.С. Семёнов. «Лесопильный завод в Старой Ляле мы оставим как подсобный для выработки шпал. А всю переработку древесины перенесём вниз, к станции Новая Ляля. Здоровые крупные брёвна мы будем пилить. Не годное на распиловку пережигать на уголь. Мелкая ёлка и пихта пойдут в бумажную фабрику, а для мелкой сосны мы построим сульфатоцеллюлозный завод. Мы дадим лес в Тюмень, Омск, в Петербург, за границу. К своим лесам мы прихватим переселенческие и казённые – все, которые тяготеют к реке Ляля. На отходах производства мы пустим мощную силовую станцию, дадим электричество и посёлку, и станции Ляля, и городу Верхотурью. Наше предприятие будет образцовым. Оно будет лучшим в России. Мы поставим его так, что за границей удивятся. Такого простора и лесного богатства нигде во всём мире не найдёшь. Он закрывал глаза и откидывался на спинку кресла, как бы созерцая будущее величие Николае-Павдинского округа». Электростанция в 1910 году была построена на 75 лошадиных сил. Во время гражданской войны её взорвали.

По телефону узкоколейной железной дороги передали: война с Германией. Объявлена мобилизация. Вот уже на Лесопильный к станции подходит поезд, чтобы отправить мобилизованных в г. Пермь. С завода и посёлков тянутся на станцию призывники с котомками, сумками, с самодельными сундуками. Их провожают жёны, матери, дети. Люди садятся в поезд и всё-таки не верят,

что действительно война. «С дороги ещё вернутся», - сказал кто-то в след уходящему поезду и толпа провожающих стала расходиться. Но с дороги не воротились. Никто не вернулся и через месяц. А некоторые не вернулись уже никогда. Прошли годы. Первым делом Ярцев поехал в Николае-Павдинский округ. Выйдя из вагона на станции Ляля, он нанял извозчика и поехал в Старую Лялю. Лесопильный завод имел заброшенный вид. На складах было почти пусто. Работа велась в одну смену. Пилили только шпалы. Паровозик «Карлуша» по-прежнему бегал от заводских складов к станции, один справляясь с работой, которую прежде выполняли несколько паровозов. В России не было больше царя. Власть перешла в руки советов. 1918 год – съезд лесных работников Урала. Принят закон о национализации лесов. Национализирована была и Воробьёвская железная дорога. Позднее была названа Кытлымо-Исовская железная дорога – КИЖД.

1918 год. Началась гражданская война. Посёлок стал ареной жестоких боёв. Через его территорию несколько раз проходили колчаковцы. Не однажды он переходил из рук в руки. Здесь действовал партизанский отряд красных. Часть отряда была отрезана белыми. Отважные герои прорвались через Павду в Пермскую область. Руководили отрядом Жуков и Алексеев. Партизаны влились в первый стальной кавалерийский Путиловский полк. Для борьбы с колчаковцами призваны в армию из местного населения: Платон Станкевич, Пётр Занько, Сазон Колосков, Василий Мосаев, Отто Фишер и другие. Ещё не успел отойти от железнодорожной станции эшелон с красноармейцами, в село ворвалась белогвардейская конница. Вскоре Старая Ляля была освобождена частями Красной Армии. Расстрелянных белогвардейцами т. Фишера, Богданова, Высоцкого пулемётчики Ленинградского отряда похоронили в братской могиле, где находился клуб. Через некоторое время вторично пришли белые. Они выкопали тела героев, сняли с них

обмундирование, вывезли трупы в лес и зарыли их на мелехинской дороге в одном километре от Старой Ляли. Сейчас на этом месте братская могила.

Затихла гражданская война. В 1925 году в Ляле построили склад и две конторы, а позднее промтоварный Кытлымский склад. В эти же годы построена двухэтажная школа – семилетка. Сейчас на этом месте находится жилой дом. Школа отапливалась дровами. Было 20 классов, около 400 человек. Десятилетка. При школе был конный двор и теплицы. Рядом со школой – интернат, где жили дети из ближайших посёлков. Впоследствии из-за аварийного состояния школу закрыли, детей разместили в трёх зданиях. Начальная школа была в здании напротив дома, где сейчас живёт Ботова Е. Позднее там находился стационар больницы.

30 – е годы, страшные годы сталинских репрессий. Коснулись они и посёлка Старая Ляля. Многие учителей взяли тогда прямо с уроков, больше о них никто ничего не слышал. Коллективизация, репрессии и насильственное переселение - это звенья одной цепи. Добровольно переселялись семьями, получая подъёмные деньги, это было только при столыпинской реформе в начале XX века.

Семья Твардовских прибыла в посёлок Парча этапом (писателя А.Т. Твардовского с ними не было). Возле посёлка Старая Ляля был построен аэродром для посадки санитарных самолётов. Он использовался до 1948 года. Посёлок Парча был основан в 1931 году. В 12 км от посёлка Старая Ляля был основан посёлок Рудный, тоже в 1931 году. Основными жителями были переселенцы из западных районов страны. Много было крымских татар. В 1933 году на территории Рудного был образован колхоз «Ударник». В колхозе выращивали картофель, овощи, зерновые культуры. Было развито животноводство. В деревне Мелехино образовался колхоз «8 марта». В двух километрах

от посёлка Старая Ляля в 1931 году построен посёлок Лубянка. Его построил Николае-Павдинский леспромхоз. Более 2000 людей было переселено из районов Украины для заготовки строевого леса. В начале 50-х годов посёлки Рудный, Лубянку и Мелехино со всеми посевными площадями объединили в один колхоз под названием «Заря».

Только дохнула тайга в сердца людей началом хорошей жизни, началась война – Великая Отечественная. С железнодорожного вокзала всё отправляли и отправляли мобилизованных. Многие так и не доехали до места назначения, немцы бомбили наши эшелоны. Первая похоронка пришла в 1941 году на тов. Подолянчик. В боях за родину сражались: Булатов Н.И., Слабожанников В.Н., Фёдоров И.А., Паршина М.А., Рябов П.И. и многие другие. В книгу памяти Свердловской области занесено 111 имён односельчан, погибших на полях сражения. Герой Советского Союза Фёдор Афанасьевич Усошин перед войной был председателем сельского совета. Затем ушёл на фронт. Погиб в Белоруссии в г. Несвиже. Много лет назад учащиеся школы (Павлова Вера, Булатов Владимир и другие) побывали на могиле героя. В школе был открыт музей Ф.А.Усошина. Жители посёлка оказывали помощь фронту своей работой в колхозах, на заводах и фабриках, вязали носки, варежки, чинили полушубки раненых солдат.

В посёлках Старолялинского сельского совета во время войны и после проживали переселенцы: узбеки, литовцы, крымские татары, цыгане, немцы, поляки. Переселение продолжалось до 50-х годов. Это переселение не было добровольным. Среди переселенцев были жители: Бакашкина Таисья, Ботова Екатерина, Жидкова Татьяна, Аблеева Софие и другие. В 50-60 годы в посёлке построены: магазины, столовая, больничный комплекс, поликлиника, стационар на 30 коек, родильное отделение. При больнице была прачечная,

конный двор, скотный двор. Заведующим больницей работал Булыгин С.К. Фельдшерами Мелехина Т.Я, Бармина. Медсёстры: Бармина С. И., Баталова Р.Ф., Коновалова Н.И., Шаметько Л.Г..

Больница сгорела в 60-е годы. В эти годы была построена хлебопекарня, на реке Нясьма построили «Маваг» с паровым чехословацким котлом, который вырабатывал электроэнергию для всего посёлка. Для лесозаготовителей строили стандартные домики, для детей детский сад на 50 мест и ясли на 30 мест.

В 1953 году на базе семилетки открыли десятилетку. В 1957 году сдан в эксплуатацию прекрасный клуб, в нём имелось семь комнат для кружковой работы, библиотека, вестибюль. Вокруг клуба сделана изгородь, установлены бюсты учёных и писателей. Он построен на месте бывшей Воробьёвской дачи. В 1956 году посёлок был радиофицирован на 250 точек. В Старой Ляле работали три магазина, ларьки, швейная мастерская, общественная баня. Построена новая школа на 320 мест. Она строилась 5 лет, с 1963 по 1968 год. Славилась Старая Ляля не только добычей золота. В 1970 году ведутся поиски «Агата» известного и почитаемого с древнейших времён камня. Поиски велись в районе посёлка, в полосе вулканических пород, по берегам рек. Агат используют в ювелирных изделиях и для технических нужд, об этом есть сведения в книге «Камни Урала». Когда-то в посёлках Старолялинского с/совета было много жителей, но с годами их становится всё меньше и меньше.

В разные годы председателями сельского совета были: Усошин Ф.А., Ярославцев, Ощепков А.И., Шаметько В.И., Шаметько А.Ф., Герасименко С.М., Драницин В.П., Ломоносов С., Мелехин С.А., Комогоров С.В.

В 2006 году обязанности начальника Управления Старолялинской территории исполняла Кузина Л.Н. В октяб-

ре 2007 года Старолялинскую территорию присоединили к управлению Павдинской территории. Начальником Управления стал Стольников И. М.

Нельзя допустить, чтобы такой уютный, уральский уголок как Старая Ляля, постигла участь исчезнувших посёлков. Старая Ляля должна найти свою нишу в настоящем мире свободного предпринимательства. Вот пример на вскидку. Почему бы в Старой Ляле не построить курорт на основе лечебного сапропеля с Актайского озера. Там его запасы таковы, что хватит ни на одно столетие. В районе Рудного есть родник с лечебной водой. Старики с окрестных деревень постоянно лечили свои желудочно-кишечные заболевания той живительной водицей.

Наш Карлюк

Карлюков Федор Нестерович – кавалер трёх орденов Трудового Красного знамени. Горный инженер, он строил шахты в Норильске, Северо-уральске, за рубежом. В прошлом – донецкий шахтёр, выпускник московской пром-академии. Ф.Н. Карлюков приехал в Качканар в 1960 году по доброй воле после всех

разбирательства в Североуральском строительном тресте и был назначен начальником СУ-4 треста «Качканаррудстрой». Он был опытным руководителем строительных организаций, работающих в суровых условиях Крайнего Севера. Город Норильск строился при его непосредственном участии. Прибыл он к нам из города Североуральска, и вместе с ним прибыла легенда о его крутом нраве. Рассказывали такую историю. Он работал управляющим трестом в Североуральске. В последние месяцы года, когда готовятся к сдаче жилые дома, он издает приказ: всех плотников, столяров и вообще всех, кто может держать топор, перевести на настилку полов в строящиеся дома. На другой день после выхода приказа решил проверить его исполнение. Заходит в столярный цех, а там три столяра полируют кабинетный гарнитур.

– Почему не выполнили приказ? – Федор Нестерович спросил начальника.

– Да, вот, заканчиваем в кабинет прокурору письменный стол, – сказал начальник.

– Прокурору?

– Да.

Федор Нестерович взял топор и стал рубить это изделие. Когда через минуту он оглянулся, в цехе не было ни столяров, ни начальника: они ушли выполнять приказ. Прокурору не понравилось такое отношение к его персоне, и он решил расправиться с Карлюковым. Позвонил в газету «Правда» и представил Федора Нестеровича как самодура в строительной организации. Реакция была быстрой. Приехал и заходит в кабинет корреспондент газеты «Правда» по Уралу. Только высказался, по какому поводу он прибыл, Федор Нестерович вышел из-за стола, взял корреспондента за плечи и вытолкнул из кабинета. Финал был предсказуем. «Главсредуралстрою» было жалко терять этого сильного волевого руководителя, но в данном случае помочь ему не смогли. Прошло два года и руководство «Главсредуралстроя» решилось назначить начальника СУ-4 управляющим трестом «Качканаррудстрой». Еще работая начальником СУ-4, он проводил оперативные совещания, на которые собирал всех бригадиров, мастеров, прорабов.

Как-то перед началом совещания председатель стройкома СУ сказал, что у него сидит рабочий, на которого поступила жалоба: скандалит в семье, бьет жену при детях.

– Давай его сюда, -- сказал Федор Нестерович.

– Ты почему жену бьешь?

– Да, не бью я ее, вон спросите, у меня в соседях депутат живет.

– Фу ты... – тут Федор Нестерович крепко выругался. – Мне депутат и звонил, сказал, что ты бьешь. Как же у тебя рука поднимается бить женщину – она же мать твоих детей. Ну вот что: с этим вопросом ты мне больше не попадайся.

Он поднялся из-за стола, как огромная глыба-скала, и подошел к скукожившемуся, молчащему мужичонке:

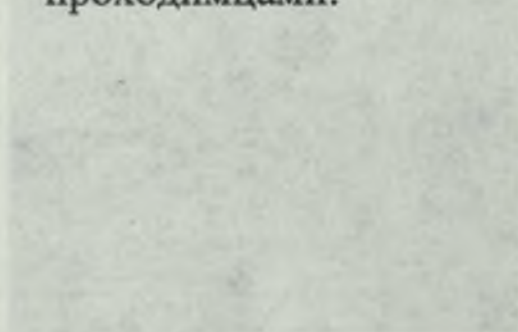
– Тоже мне герой, размахался. Иди и запомни этот разговор.

60-е годы у строителей Качканара прошли под знаком Карлюка.

«Наш Карлюк», так его уважительно называли. Он внимательно относился к молодежи, давая возможность раскрыть организаторские способности. Много внимания уделял Качканарскому филиалу Нижнетагильского строительного техникума. Нередко говорил:

– Нам нужны грамотные строительные кадры.

И сколько за эти годы в Качканаре выросло молодых руководителей: мастеров, прорабов, начальников и главных инженеров стройуправлений. Федор Нестерович, как опытный селекционер, готовил замену своему поколению, безжалостно избавляясь от таких руководителей, которых называл проходимцами.

Легендарный Кандель

В сентябре 1962 года дирекцию строящегося Качканарского ГОКа возглавил Кандель Ефим Александрович, горный инженер-электромеханик с большим опытом работы на горнорудных предприятиях. К этому времени еще не начался монтаж оборудования в главных корпусах. Строители и монтажники «Востокметаллургмонтажа» только готовились к этому. Был поднят и смонтирован стотонный кран на корпусе среднего и мелкого дробления. В дальнейшем их будет смонтировано больше сотни. Без кранов ни о каком монтаже оборудования не могло быть речи. В самый разгар работ очутился Кандель Е.А. в Качканаре.

Объемы работ ширились, их уже называют, как в военных сводках, фронт работ. В Качканар прибывают в командировку монтажники из других городов области. «Востокметаллургмонтаж» за короткий период увеличил свою численность до 1000 человек. То же самое происходило и в других монтажных организациях: «Уралстальконструкция», «Электромонтаж», «Сантехмонтаж».

Качканарцы дышали воз-духом будущего комбината. Каждый день ожидали чего-то нового. ГОК и город в сознании качканарцев – одно и то же, и появившегося у руля огромного двухметрового роста руководителя приняли, как хозяина города. Правда, города как такового еще не было, а поселковая власть была не в силах решать большие задачи.

Кандель принял как должное то, что качканарцы стали к нему обращаться по разным вопросам, иногда и ночью.

Начали строить 9 микрорайон. Как правило, первый объект,

который сдается – котельная. Она уже работала, давая тепло в строящиеся дома. Кочегар, приступивший к работе в ночную смену, обратил внимание, что уголь, который подвезли днем, находится далеко. Кто-то допустил промах: на котельную не был послан бульдозер, чтобы переместить уголь. В 3 часа ночи в квартире Канделя раздается телефонный звонок:

– Это звонит кочегар из котельной 9 квартала. У меня кончился уголь. Таскать его я не буду: далеко. Сейчас закрою котельную и пойду домой.

– Не уходи, сейчас тебе уголь в котельную подадут

Ефим Александрович набрал номер диспетчера:

– Подними начальника ЖКО и начальника автотранспортного цеха, привези мне на девятую котельную – я их там жду.

Оделся и пошел. Прибывших к котельной двух руководителей Кандель встретил, держа в руках три лопаты. До 6 утра, не выпуская из рук лопат, мужчины кидали уголь, обеспечивая кочегара углем. После этого на котельных подобного не случалось.

Легенд, притом хороших легенд, о Канделе ходило много. Рассказывают, что Кандель проводил оперативные совещания в своем кабинете зимой при открытой балконной двери. Присутствующие ежатся от холода, а он спокойно сидит в своем горняцком кителе. Проверяются графики сдачи оборудования в монтаж. Здесь не должно быть срывов.

Под контролем Канделя все, что происходит на площадке будущего комбината. Его высокая фигура постоянно видна то в одном, то в другом корпусе, где людей, как в большом муравейнике. Это он решил строить коттеджный поселок, за который получил выговор и который до сих пор называется канделевским.

Все вопросы развития будущего города и комбината решались в дирекции ГОКа до тех пор, пока не была создана городская власть и Качканар не стал городом.

Я, наверное, на себя взвалил непосильный труд показать силу этого незаурядного руководителя. Я не работал в ГОКе и ни разу не присутствовал на совещаниях, которые проводил Кандель Е.А. Поэтому мой рассказ можно назвать провоцирующим людей, которые работали вместе с этим человеком, на более подробный рассказ.

В своих воспоминаниях Николай Яковлевич Еремин в адрес Канделя высказал несколько теплых фраз, но очень уж немного. Было замечено, что Ефим Александрович любил появляться на работе в белой форменной одежде горняка. Да, действительно так. Но это не щегольство, не выпендрож какой-то. Это, на мой взгляд, психологическое давление в хорошем смысле.

Мы строим новый универсальный комбинат, на него тратятся огромные деньги – и в результате он должен быть чистым, светлым, как внешний вид его руководителя. Пусть это мелочь, но было замечено: если в присутствии Канделя кто-то бросит окурок на пол, он обязательно заставит поднять. В организации чистоты, порядка не должно быть мелочей.

Кандель отдал Качканару почти семь лет жизни. И качканарцы помнят его.

Клавдия Павловна

«Первый председатель исполкома городского Совета депутатов трудящихся К.П. Сухенко». Вот все, что написано о Клавдии Павловне в объемистой книге «Качканар», изданной под руководством Юрия Медведева. Не густо.

И если бы не книга Анатолия Пудваля, талантливого журналиста, о Клавдии Павловне, сегодняшние качканарцы ничего бы не знали об этой замечательной женщине, руководившей городом почти целое десятилетие.

Я впервые увидел Клавдию Павловну после демобилизации в декабре 1958 года. Зашел в горком партии г. Нижняя Тура, чтобы узнать, прибыла или нет моя учетная карточка. Меня пригласили в кабинет второго секретаря горкома. Так я познакомился с этой удивительной женщиной. Держа в руках мою учетную карточку, она спросила:

«Так это ты сын Степана Васильевича?»

Надо же, она знает и моего отца?

Продолжая непринужденно расспрашивать, она узнала обо мне все, что хотела знать. Я всегда удивлялся, с каким неподдельным интересом Клавдия Павловна могла разговорить собеседника.

С приходом Клавдии Павловны в Качканар в 1968 году как избранного председателя горисполкома почти одновременно закончилась и эпоха Канделя как признанного народом хозяина Качканара. Все городские заботы легли на плечи Клавдии Павловны. А забот их как много. Скучный городской бюджет больше похож на «тришкин кафтан». В одном местеотрежем, чтобы закрыть в другом.

Рассказывали, что начинала свой рабочий день Клавдия Павловна с обхода кабинетов исполкома. Ей не безразлично, в каком настроении пришли на работу, все ли в порядке дома. Нужна ли кому помощь? И только после этого обхода заходила к себе в кабинет. Клавдия Павловна собирает всех руководителей производств, все-таки не на Луне они находятся, а на Качканарской земле и должны участвовать в жизни и развитии города. Поочередно спрашивая каждого о возможностях, как бы приглашала раскошелиться, взять на себя обязательства на выполнение работ по предложенному плану. Каждый руководитель, естественно, говорил о своих трудностях, об отсутствии денег, материалов, людей и т.д. Слушала, слушала Клавдия Павловна эти мужские стоны, громко хлопнула ладонью по столу, закрепив всё это крепким мужицким выражением, поднялась и сказала:

«Мужики, как вам не стыдно! Я, баба, вот уже битый час уговариваю дюжину здоровых мужиков и уговорить никак не могу. Всё, закончили, идите и делайте, что вам записано».

А ведь и сделали. Пристыдила.

В поисках денег и разрешения на строительство крайне необходимых объектов для развития городского хозяйства Клавдия Павловна искала поддержки в облисполкоме, в объединении «Уралруда», в министерстве черной металлургии и ей в основном удавалось многое. Будь на ее месте мужик, ему легче отказать. Но трудно устоять перед обаянием такой женщины. Пишу о Клавдии Павловне с большой симпатией за ее трудолюбие, за ее

любовь к Качканару и качканарцам. Трудно представить, чтобы она терпела долгострой на школе № 8. И не надо ссылаться, что времена другие. Мозги у нынешних мэров другие.

Клавдия Павловна работала в условиях натянутых отношений с первым секретарем ГК КПСС Гикаловым Д.И. Ему нужен был карманный председатель исполкома, а Клавдия Павловна не годилась для такой роли. Финал такого единоборства: в 1979 году город лишился двух сильных руководителей.

Когда Анатолий Пудваль закончил документальную повесть о Клавдии Павловне «Огонь на себя», он приехал в Качканар и в библиотеке профкома ГОКа собрались на презентацию книги. К удивлению не только Анатолия Пудваля, но и всех присутствующих, из исполкома, люди, с которыми Клавдия Павловна проработала 10 лет, никто не пришел на презентацию. Хотелось бы понять мотивы такой солидарности, но не могу.

РАСТВОР – ХЛЕБ СТРОЙКИ

Окончившим среднюю школу в 1958 году Н.С.Хрущев запретил поступать в вузы: надо иметь двухгодичный трудовой стаж, чтобы иметь право сдавать вступительные экзамены. При таком запрете да деревенской безнадёге бывшие десятиклассники не отказывались ни от какой работы, только бы их приняли.

Как много в то время было в Качканаре женских бригад: штукатуры, кровельщики, маляры, формовщики, бригады по приготовлению раствора. Почти десять лет просуществовал растворный узел СУ-5 с примитивной технологией, который входил в состав завода ЖБИ. Какие прекрасные работали там девчата: Лена Каменских, Шура Полоник, Манефа Койкова, Валя Пьянкова, Шура Титова, Вера Оленина, Нина Новикова, Варя Дубровина. Раствора выдавали от 20 до 40 кубов в смену, в зависимости от заявок. Если заявка была большая, выходили на работу в 3 часа ночи, чтобы успеть обеспечить всех. Руководила этими отчаянными девчатами бессменный мастер Шура Мишакина, а Борис Чистяков поддерживал в рабочем состоянии несложные механизмы. Так же самоотверженно работали и на старом бетонно-растворном узле Галя Кормильцева, Нина Голубева, Зоя Кузьмина и другие, пусть простят меня те, кого не удержал в памяти.

Нынешнему поколению и представить трудно, что девчонка-десятиклассница может в течение восьми часов катать тяжелую тачку. Низко кланяюсь я им, девчатам 60-х годов прошлого века, и посвящаю им мое стихотворение.

НА РАСТВОРНОМ

А кругом одни девчата,
Сколько их — в глазах рябит!
Без работы с аттестатом
В вузы прочно путь закрыт.
Что ж, учиться запретили —
Будем строить коммунизм.
А пока в руках девичьих
Тачка — главный механизм.
Двухгодичный стаж работы
Открывает двери в вуз;
Не ленись, трудись до пота,
Чтобы не попасть в конфуз!
А пока бетонный строят
И вовсю идет монтаж,
Там, на временном растворном,
Плановый ажиотаж.
Планом выданную норму
Ты, хоть тресни, но отдать,
Тридцать пять кубов за смену
Надо тачкой накатать.
Сколько в день переносили
Цемент, извести, песка!..
И откуда столько силы
В юных девичьих руках?..
Усталость выдала слеза,
Но взгляд не спрячешь светлоокий,
Блестят улыбкою глаза,
А цемент им пудрит щеки.
Кажется, придут с работы —
Упадут и будут спать...
Но такие были годы:
Шли на танцы — отдыхать.

НЕСОСТОЯВШАЯСЯ ВСТРЕЧА

Зимой 1959 года я собрался съездить в Свердловск. А путь только один — на поезде из Нижней Туры, до Качканара пассажирские поезда еще не ходили. Мне подсказали, и я позвонил диспетчеру треста «Качканаррудстрой»:

— К поезду какая-нибудь машина есть?

Диспетчер ответил, что к поезду поедет только Юрий Алексеевич Булатов, главный инженер треста. Я положил трубку телефона и задумался, звонить или не звонить, ведь я в Качканаре всего несколько месяцев и лично встречаться с Юрием Алексеевичем не приходилось и тем более он меня не знает. Но набрался нахальства и позвонил:

— Здравствуйте, Юрий Алексеевич. С вами говорит Анатолий Иванов, секретарь комсомольской организации завода «Стройматериалы».

— Слушаю.

— Вы сегодня едете в командировку, возьмите, пожалуйста, меня в попутчики до Нижней Туры, мой путь тоже лежит в Свердловск.

— Хорошо, подходи к тресту, — и он назвал время.

В назначенное время я был на месте. Подошла «Волга» ГАЗ-21. Юрий Алексеевич вышел из треста, пригласил в машину, и мы поехали. Необычно было то, что я ехал впервые в такой шикарной по тем временам машине и еще необычное было то, что главный инженер, немного повернувшись ко мне, с интересом расспрашивал, кто я, откуда, как идут дела в комсомольской организации. Видимо, удовлетворив свое любопытство, он вдруг сменил тему разговора.

— В 30 километрах от Качканара, в Теплой Горе, в леспромхозе снимается новый кинофильм, а в нем участвует мой племяшек Колька Рыбников (да-да, он так и сказал — Колька). Они там на съемках вместе с женой Аллой Ларионовой, но она не снимается, у нее декретный отпуск.

Я опешил от такой информации. А Юрий Алексеевич продолжал:

— Надо бы найти время съездить к ним и пригласить в Качканар, пусть проведут вечер встречи, пусть порадуются качканарцы.

Я наконец вымолвил:

- Вот это было бы здорово!

В это время артисты кино Николай Рыбников и Алла Ларионова были в зените славы, и я уже представлял, как это будет выглядеть.

Ну вот, приехали мы в Нижнюю Туру, я поблагодарил Юрия Алексеевича, и мы разошлись: я к билетной кассе, а Юрий Алексеевич пошел к вокзалу — билет у него был куплен заранее.

Увы, этой мечте не суждено было сбыться по одной причине: занятость главного инженера треста «Качканаррудстрой» была такова, что выкроить несколько часов для поездки в Теплую Гору просто не было.

А знаменитый фильм, который снимался в то время, назывался «Девчата».

ДИРЕКТОР – НЕОБЫКНОВЕННЫЙ

Впервые Дмитрия Васильевича Тарарухина я увидел в феврале 1959 года в старом здании треста «Качканаррудстрой» по улице Качканарской. По коридору шёл высокого роста человек, громко с кем-то разговаривал, а затем зашёл в маленькую комнату, где располагалась диспетчерская треста. Потом довелось встретиться с ним в другой обстановке.

Немного сутуловатый, со своеобразным тембром голоса, он разительно выделялся среди выступающих на трибуне партийно-хозяйственного собрания, проходившего в клубе «Строитель». Его выступление, в котором не было лишних слов, слушали с удовольствием. Как старший диспетчер, он знал лично всю обстановку на строительных площадках. Поэтому он первый заговорил о том, что к автотранспорту строители относятся варварски. Не следят за подъездами, в результате машины с грузом тонут в котлованах, без трактора выехать не могут и т. д. Этот голос без ответа не остался. Вскоре Дмитрия Васильевича назначают директором автобазы. Почти тридцать лет он руководил автобазой, и то, что его в коллективе уважительно называли «дед», о многом говорит. Это был директор необыкновенный. Специального образования он не имел, но имел огромный опыт руководящей работы. В связке с грамотным техническим руководителем, каким был главный инженер автобазы Блинков Николай Алексеевич, они добились полного взаимопонимания в этом огромном коллективе автобазы. Его уважали все за внимательное и чуткое отношение к каждому человеку.

С какими трудностями сталкивались автомобилисты Качканара, хорошо рассказал Леонид Матвеев в своих материа-

лах, напечатанных в газете «Качканарский рабочий» к 50-летию Качканара, я же пишу о другом. Вот передо мной фотография: Дмитрий Васильевич Тарарухин и его верный шофер Ошурков Юрий Сергеевич. Кроме служебных обязанностей, их связывала крепкая дружба. Скажу больше, они дружили семьями. Эта дружба продолжалась почти два десятка лет.

Дмитрий Васильевич был заядлым грибником, и вот однажды он потерялся в лесу. Его долго искали, но так и уехали в Качканар без него. Он вышел на Косью, а там знакомые шофера привезли своего деда в Качканар. Но бывали и другого склада водители. В 60-е годы шофер на машине «Волга» был закреплён за управляющим трестом «Качканаррудстрой». Инспекторы ГАИ знали, что он ездит за рулём в алкогольном состоянии и пытались его остановить, но он всё время уходил. Однажды его всё-таки изловили. Позвонили директору автобазы:

- Дмитрий Васильевич, мы вашего шофёра на «ГАЗ-21» поймали пьяным за рулём.

- Вот, удивили – вы его трезвым за рулём поймайте! – ответил, со свойственным ему юмором, Дмитрий Васильевич.

Накануне своего юбилея Дмитрий Васильевич позвонил в профком треста «Свердловстройтранс»:

- Мне бы путёвочку на курорт, надо бы отдохнуть.

- Дмитрий Васильевич, только на ноябрь

- До ноября я не доживу.

Поздравлять с юбилейной датой пришли к нему сослуживцы и друзья с подарками. Чувство юмора не покинуло Дмитрия Васильевича и на этот раз:

- Спасибо. Обязуюсь отработать ещё пятилетку.

ЖИЗНЬ, ПРОЖИТАЯ НЕ ПО ЛЖИ

Игорь Фёдорович Виберг, инженер-технолог по стройматериалам, почти 38 лет работал в Качканаре. Говорю почти, потому что он три года по направлению «Главсредуралстрой» работал в Нижнем Тагиле, но из Качканара не уезжал.

Впервые его «Главсредуралстрой» направил в Качканар на завод стройматериалов с инспекторской проверкой в ноябре 1963 года. Что-то непонятное творилось на заводе.

Прошло четыре года как был создан завод, а директоров сменилось одиннадцать. Склады завалены сборным железобетоном, который не нужен тресту «Качканаррудстрой». Необходимо было разобраться и дать письменные соображения, что на заводе делать. На коллегии главка, заслушав отчёт Игоря Фёдоровича о проверке Качканарского завода стройматериалов, неожиданно сказали:

- Вот ты теперь поезжай туда и налаживай работу на заводе, согласно тем рекомендациям, которые нам озвучил. Так Игорь Фёдорович получил направление главка на директорство Качканарского завода стройматериалов с декабря 1963 года.

- Да, а что нам делать с бывшим директором завода? Он израсходовал фондовые материалы: цемент, металл – на ненужные изделия не только в тресте «Качканаррудстрой», но и в главке. Может быть, дело передать в суд – пусть разбираются?

- В суд не надо, разрешите, я этот железобетон продам, - сказал Игорь Фёдорович. И с ним согласились. Нестандартные фундаментные балки и другой железобетон Виберг предложил авто-

транспортному предприятию в Тюмени. Так он впервые завязал дружбу с тюменскими предприятиями.

Завод стройматериалов был в подчинении треста как подсобное планово - убыточное предприятие. От него требовалось производить бетон, раствор, железобетон, пиломатериалы, столярные изделия, плиты ДСП, асфальт. Так думали в тресте. Но по - другому видел завод Игорь Фёдорович. Отделить бетон, раствор и железобетон от всего остального - и назвать завод БР и ЖБК. И план считать только по этой номенклатуре.

Первый шаг был сделан. Второе. В 1965 году председатель правительства А.Н. Косыгин начал проводить реформу. В основе реформы стала считаться не выпускаемая продукция, а реализованная. И деньги предприятие будет получать от реализованной продукции. На заводе это было блестяще выполнено. Начальник планового отдела Л. Подкопаева и главный и главный бухгалтер С. Черников были в этом деле, по словам самого Игоря Фёдоровича, хорошими помощниками и учителями для молодого директора. По-настоящему завод вздохнул, когда вышел из системы треста «Качканаррудстрой» и стал называться завод ЖБК треста «Железобетон».

Без преувеличения можно сказать, что Игорь Фёдорович всю свою сознательную жизнь исповедовал философию оптимизма. И это главная черта его характера. Способность выделить в окружающем и окружающих то прекрасное, что рождает веру и позволяет надеяться. Кто хотя бы однажды видел Игоря Фёдоровича и говорил с ним, никогда не забудет его немного усталое, но такое доброе и приветливое лицо. Кто знал его хорошо, скажут, что это был простой, доступный, всегда неравнодушный, честный и откровенный человек. Он всегда возвышал человека над суетой. Возвышал людей - они ему за это платили взаимностью. Тем самым между директором и

рабочими создавалась атмосфера полного взаимопонимания. Они шли за ним, зная что он прав, потому, что его правота формировалась в результате постоянного совета со специалистами, рабочими путём изучения передового опыта по всей стране и конечно новинок научной мысли.

После работы в Нижнем Тагиле Игорь Фёдорович уходил в « Главтюменьнефтегаз», поскольку убедил тюменцев в том, что завод ЖБИ надо строить в Качканаре. Он прекрасно понимал надо создавать социальную инфраструктуру, создавать людям достойные условия для жизни и работы.

Каждый человек, уходя в мир иной должен оставить на земле о себе хорошую долгую память. Игорь Фёдорович Виберг такую память о себе заслужил.

ВИКТОР МИХАЙЛОВИЧ

В ноябре 1960 года в Качканаре появился выпускник Магнитогорского горно-металлургического института Виктор Михайлович Зобнин. Молодой инженер – строитель прибыл по распределению в «Качканаррудстрой» и был назначен инженером в производственно – технический отдел.

Своё трудолюбие и знание проектно-конструкторских работ он показал когда взялся перепроектировать фасадную часть уже строящегося Дворца культуры. Вместо неудобного полукруглого внешнего оформления получилось то, что мы имеем сейчас: красивый фасад и танцевальный зал на втором этаже.

В мае 1963 года приказом по тресту создаётся технический отдел, и Виктор Михайлович назначается его начальником. Спокойный по характеру, бесконфликтный по природе, он становится уважаемым работником в управлении треста, да и не только.

Объёмная техническая библиотека, где можно было найти литературу по всем техническим новинкам, применяемым в стройиндустрии, появилась в тресте, благодаря Виктору Михайловичу. Чем можно измерить тот колоссальный объём работы с технической документацией, которую перелопатили Виктор Михайлович и его верные помощники по техотделу, пока строили комбинат и город? Разве только вагонами!

Кроме основной работы, Зобнин преподавал в вечернем строительном техникуме, был постоянным членом экзаменационной комиссии при дипломировании. Он ни когда не стремился к карьере. В феврале 1978 года приказом по тресту был назначен заместителем главного инженера. Но

уже в мае 1980 года он отказался от этой должности и по личному заявлению ушёл обратно начальником техотдела. С этим всесторонне развитым, обладающим высокой эрудицией человеком было приятно разговаривать на любые темы. Природа его одарила высоким чувством видеть красоту вокруг нас. И это он умел передать в своих картинах, которые дарил друзьям. Сослуживцы устраивали в тресте выставки его художественных полотен многие их покупали на память о Качканаре. Символ Качканара, его гору, Зобнин рисовал по заказам несколько раз.

В июне 1984 года Виктор Михайлович по собственной воле перешёл в ГОК начальником строительного бюро. На комбинате, зная его как высококлассного специалиста, приняли хорошо, и он проработал там до пенсионного возраста.

ЧЕЛОВЕК, ВЛЮБЛЁННЫЙ В КАЧКАНАР

Я берусь написать о человеке, которого в Качканаре незаслуженно забыли. Нияз Ахметович Шагиев – это человек, который отдал 10 лет своей жизни Качканару. Да каких лет! Это были годы самой активной работы на строительстве города и комбината.

Прораб, главный инженер 4 стройуправления и, наконец, главный инженер треста «Качканаррудстрой».

Коллегия «Главсредуралстроя» единогласно утвердила его в этой должности в 1965 году. Это был человек, влюбленный в Качканар и свою работу, которой он отдавал всего себя, без остатка.

Вот как о нем в свое время говорил Михаил Харитонович Вохмянин, качканарец, герой соцтруда, бригадир монтажников «Востокметаллургмонтажа»:

«Хорошо помню прораба стройуправления № 4 Шагиева. Это стройуправление строило корпуса среднего и мелкого дробления, аглофабрику, на-сосную станцию оборотной воды. С Ниязом Ахметовичем всегда успешно решались, без всякий оперативных совещаний, любые вопросы, связанные с приемкой фундаментов под оборудование. Лучшего прораба в тресте «Качканаррудстрой» я не знаю».

Чтобы мое описание не было односторонним, я беседовал с людьми, которые Шагиева близко знали, вместе с ним работали. Говорят, он не был публичным человеком. Согласен. Невозможно представить Нияза Шагиева, который пустословит с трибуны и призывает идти навстречу решениям мартовского Пленума. Это не его стихия. Грубый в обращении. Но к кому?

По характеру требовательный, не терпел он разгильдяйства, -- может, это называть грубостью? Да, увидев в окно вагончика, приближающегося Шагиева, все старались быстро покинуть вагончик, избегая грубых вопросов.

В конце 60-х годов на площадке завода ЖБК работала группа энтузиастов, которыми руководил главный технолог треста «Качканаррудстрой» Вадим Сергеевич Фомин. Отрабатывали технологии производства асфальта, древесно-стружечных плит и индукционной камеры для сушки шпунтовой доски. Шагиев часто приезжал на площадку, и по роду своей деятельности я с ним общался. Его задача была, как можно быстрее закончить все работы и передать все три установки на баланс завода. Но так не получилось.

Наш завод был выведен из состава треста «Качканаррудстрой», и мы принимать отказались. Наш завод стал производить железобетонные конструкции, а не стройматериалы. Жалко было трудов – так все и заглохло.

Время предпринимательства пришло только через 20 лет.

О Ниязе Ахметовиче Шагиеве у меня самые хорошие воспоминания, как о толковом грамотном инженере-строителе. В 1964 году он был награжден Орденом Трудового Красного Знамени. Никто не ожидал, но в 1970 году вышел приказ по «Главсредуралстрою» об освобождении Шагиева от занимаемой должности. Начальником СУ-7 Нияз Ахметович отказался работать и подал заявление об увольнении.

Начальник Главка Башилов не отпускал его – все-таки Шагиев был в Главке на хорошем счету. Башилов предлагал Шагиеву место главного инженера в строительных трестах других городов, но Нияз Ахметович не согласился, и обиженным уехал в г. Казань, даже не взял трудовую книжку в Главке. В Казани он последнее время работал управляющим большого строительного треста. До конца своей жизни Нияз Ахметович считал себя качканарцем, и мы обязаны помнить это.

ЭМИЛИЯ,

или повесть о безответной любви

1959 год, январь. Я только что устроился на работу в бригаду арматурщиков бригадира Алексея Шалина. Первые дни после работы лежу на кровати, наслаждаюсь тем, что имею место в хорошем общежитии, и раздумываю, чем же буду заниматься в свободное от работы время. Мои размышления прервал появившийся в комнате Шалин:

- Чего лежишь? Одевайся, пошли.

- Куда?

- Пошли, пошли, куда-нибудь приведу.

А привел он меня в девичье общежитие по улице Мира. Позднее в этом здании будет находиться музыкальная школа. Заходим в угловую комнату первого этажа. Девчата, все четверо, были в комнате. Я смущенно поздоровался, а Шалин бесцеремонно начал:

- Этот молодой человек после армии оформлен и работает в моей бригаде, зовут его Толя Иванов.

И начал меня знакомить с девчатами:

- Эмма Прокопенко, Римма Голикова, Катя Комарова, Лена Петухова.

После небольшой паузы заговорила Эмма:

- Знакомство состоялось. Сейчас мы все это закрепим, сбросимся и отметим. Шалин, я тебе сейчас дам список, что нужно купить – и отправляйтесь в «Охотный ряд».

Идем в магазин, я говорю Шалину:

- Мне стыдно и неудобно: у меня же нет денег.

- Не обращай внимания – я за тебя внес.

В магазине мы купили все, что было в списке, и вернулись в общежитие. После легкого застолья, во время которого была выпита одна бутылка лимонного ликера, кто-то предложил погулять по окрестностям Качканара. Мы все вышли из общежития. Был тихий, с легким морозцем, лунный вечер. Прогулка была приятной и веселой. Перед тем, как разойтись,

Эмма и Римма договорились, что я завтра буду в клубе «Строитель» на репетиции драмкружка. На репетиции приходил и Шалин, но не как участник, а как провожатый у Эммы Прокопенко. Сидел в сторонке и ждал конца репетиций. После они вместе уходили. Я заметил в дальнейшем, что Лешка влюблен. А вот Эмма относилась к нему с какой-то легкой иронией.

Я смотрел на эту пару и думал, какие же они все-таки разные. Про влюбленных говорят, что они чем-то похожи друг на друга. Но в этом случае – ничего подобного. На моих глазах эта Лёшкина влюбленность продолжалась до августа. И вот тут, как в песне, когда «любовь нечаянно нагрянет», Эмма влюбилась в студента горного института, который приехал на практику. Он работал экскаваторщиком на промбазе. Натан Титов и Эмма.

Вихрем подхватили и закружили обоих любовные чувства. Была назначена первая в Качканаре комсомольская свадьба. Я, конечно, получил приглашение. А как же Лешка? Когда я показал ему приглашение на свадьбу, тут же перед моим носом оказался огромный кулак. Аргумент убедительный – я понял, что на свадьбу мне идти не придется.

В день свадьбы я собрался сходить к Лешке. Выхожу из общежития на улицу Качканарскую и вижу троих знакомых девчат. Это были студентки из УПИ. В Качканаре они были на практике, и совсем недавно мы познакомились. Они обрадовались встрече, и я тоже. Коротко рассказал им о Лёшкиной любви и о свадьбе, которая сейчас в самом разгаре в клубе «Строитель».

- Ой, как интересно, – сказали девчата, а я предложил им сходить со мной и попроведать неудачника. Они согласились.

Я зашел в общежитие, позвал с собой брата Геннадия, который после работы валялся на кровати, – и мы пошли. Лешка жил в квартире с матерью по улице Октябрьской. Заходим в

квартиру и видим: в квартире один Шалин, сидит за столом, а у стола на полу стоит ящик с водкой, наполовину полный.

Такую картину девчонки увидели впервые. И надо было видеть их широко распахнутые глаза. Лешка пригласил нас за стол, и мы не отказались. Немного выпили и уговорили Лешку пойти с нами.

С Октябрьской улицы мы поднялись на Качканарскую и пошли по ней. Наступили августовские сумерки. Мы медленно подходили к клубу «Строитель». Свадебное веселье в полном разгаре, и дверь на улицу настежь открыта. Вдруг Шалин снял солдатский ремень с бляхой и со словами: «Я их сейчас всех разгоню», -- кинулся к дверям клуба. Девчонки закричали:

- Держите его – он там наделает делов!

Мы с Геной еле его догнали, уговорили, не делать глупостей, и пошли дальше. Дошли до танцплощадки, там уже никого не было. Рядом с площадкой стояла огромная осина. Лешка бросился к ней и быстро оказался на вершине дерева. У осины верхние сучья тонкие и хрупкие, и он стал бить кулаком по сучьям. Спускаясь, оголял таким образом верхушку дерева. Девчонкам все это было в диковинку, и только слышно было:

- Ой, как интересно!

... Шалин женился года через три, уже после службы в армии. Нашел себе невесту в Качканаре. Вскоре молодые уехали в другой город. У них родились две девочки. Эмма часто вспоминала Лешку, интересовалась, как он живет, отзывалась о нем очень хорошо. Но ведь сердцу не прикажешь.

ЛИДИЯ ПАВЛОВНА.

Неприятная история

Перед самым праздником 9 мая позвонил Лидии Павловне Бибковой, чтобы поговорить с ней, поздравить с наступающим праздником. Она была в слезах. Рассказала, в какую неприятную историю попала.

Ходила после травмы на процедуры в стационар. Там ее попросили при-носить свою простыню, чтобы застилать кушетку, на которой она будет лежать. После процедуры стянула простыню с кушетки и так комом уложила в сумку: складывать было тяжело из-за больной руки. О том, что вместе с простыней попала и больничная пеленка, лежавшая на кушетке, она и не заметила. Ее остановили работники стационара, когда Лидия Павловна шла по коридору домой:

– Женщина, покажите вашу сумку.

Вытащили из сумки пеленку. И началось:

– Воровка, я сейчас милицию вызову. Больше к нам не приходи на процедуры... и так далее.

Такое Лидия Павловна за долгие годы жизни услышала в свой адрес впервые. Продолжая плакать, она говорила мне:

– Вот получу пенсию, накоплю подарков и пойду к этим женщинам. Стану на колени и буду просить прощения. Все, что произошло, – чистая случайность, а не воровство.

Я попытался представить стоящую на коленях Лидию Павловну и не смог. Эта женщина не заслуживает такого унижения. Я решил написать о ней, чтобы показать, кого эти люди незаслу-

женно обидели. Постарался не повторять того, что уже публиковалось о ней.

Девушка-мастер

В конце лета 1957 года двадцатилетняя Лида Бибкова с дипломом техника-строителя и направлением, подписанным заместителем министра строительства, отправилась в Качканар, которого еще и на карте не было. Стояли лишь палатки в лесу. Управление треста «Качканаррудстрой» находилось в Нижней Туре. Лида, романтическая натура, считала, что управляющий обязательно проявит интерес к молодому специалисту, будет задавать какие-нибудь вопросы. Но Левитский взял направление и, молча, написал: «ОК, к Мальцеву».

Так, не услышав даже голоса управляющего, Лида отправилась в отдел кадров. «На барина он поход, а не на руководителя строительства», -- подумала она. Профессорская бородка и ухоженная короткая прическа ежиком как бы подтверждали это сравнение.

Это были первые разочарования.

Итак, на стройке появилась первая девушка-мастер, да какая! Волевая, целеустремленная, максималистка. Не без труда, Нина Федоровна, комендант палаточного городка, нашла место в палатке, куда поставили кровать для Лиды, -- и начались рабочие будни.

Каждый день после работы мастера и прорабы садились в самосвал и ехали на доклад о проделанной работе в Валериановск, к начальнику стройучастка Мальцеву. Для своей конторы он снимал жилой дом, где во дворе даже банька была. А вот о баньке для тех, кто в палатках, не думали. Рассчитывали на то, что рабочие, в основном, с поселков Ис и Косья -- каждую субботу все уезжают домой, там и могут отпариться. А как быть приезжим, не местным? Но не только это обижало. Неужели начальник не может приехать и провести оперативку на месте,

у палаток? Да, так и тряслись в самосвале по лесной дороге почти час, переваливаясь из одной колдобины в другую. Это сейчас до Валериановска на иномарке пять минут езды, а тогда даже вспоминать не хочется.

Нельзя быть красивой такой

Почти с первых дней появления Лиды в палаточном городке мужская половина была взбудоражена ее девичьими прелестями, все чаще ей предлагали прогулки в глубине леса, что она резко отвергала. Она твердо была уверена, что в отношениях мужчины и женщины должна быть только любовь, и ничего другого.

Как-то, сидя на поваленном дереве, она вдруг заплакала: ну почему к ней так относятся? Почему к ней лезут с грязными предложениями? Почему ее считают легко доступной? Она же не дает повода!

К плачущей Лиде подошел однокурсник по Челябинскому техникуму. Присел рядом. Выслушал все эти «почему?» и сказал:

– Да титьки у тебя большие. – И тут же вскочил с дерева, ожидая от Лиды бурной реакции. Но Лида растерянно молчала.

У палаточного городка была построена танцплощадка. Там после работы отводили душу молодые строители. Пришла туда и Лида. Пошла танцевать с первым же парнем, который ее пригласил. Но тут подошел к ним Дима-кузнец. Здоровый бугай. О таких говорят: сила есть – ума не надо. Небрежно, двумя пальцами за воротник взял Лидиногo партнера и отшвырнул его в сторону. Подошел к Лиде и попытался продолжить с ней танец. Возмущенная девушка воскликнула:

– Это еще, что такое? Я что вам, чемодан, который можно переставлять, кому куда хочется? Никуда я с тобой не пойду!

Она тут же получила молниеносный удар в челюсть снизу. Боксерский хук. Она упала, как подкошенная. Полный нокаут.

Очнувшись, увидела склоненные над ней лица. Когда пришла в

себя, ничего не могла объяснить – и окружающие ничего не заметили. На другой день прораб спросил:

– Лида, что с тобой? Кто тебя так?

– Не знаю.

Шея у нее от подбородка до самой груди была темно-синего цвета.

А Дима – кузнец со своим подручным придумал еще одно наказание за то, что она отвергла его притязания. Они где-то достали дымовую шашку. И приподняв низ палатки, сунули ее под Лидину кровать, когда все легли спать. Надышавшись белого ядовитого дыма, все выскочили из палаток, ничего не соображая. Проходивший мимо прораб снял с себя плащ и отдал Лиде:

– Возьми, прикройся.

Двух девушек, отравившихся дымом, даже увезли в Нижнюю Туру, в больницу.

Это была последняя «гастроль» Димы-кузнеца и его подручного. На другой день их уволили и изгнали из палаточного городка навсегда.

Спрятанный ящик с водкой

Закончились лето, осень, наступила первая зима для жителей палаточного городка. В палатках установили печки-буржуйки.

В один из дней Лида решила посмотреть, чем занимаются мужики из бригады, которая работала у нее на участке. Зашла в палатку, там четверо пьют водку, а на полу еще стоит ящик водки. Она, не сказав ни слова, в ужасе вышла из палатки. Подумала, если они выпьют все, что припасено, какие же они будут работники в понедельник? Да и будут ли они живые после этого? Надо что-то делать.

На печке у палаток стояла кастрюля, в ней варилась картошка. Из палатки вышли все четверо, проверили, сварилась

она или нет. Затем направились к лесу, чтобы подготовить место для выпивки и закуски. Лида, воспользовавшись моментом, забежала в палатку, схватила ящик с водкой и унесла в лес. Поставила и закидала сучьями. После этого зашла в свою палатку и легла на кровать.

Мужики, вернувшись из леса, постояли, дождались, когда картошка сварилась, вошли в свою палатку и обнаружили, что ящик с водкой исчез. Четверо разъяренных мужиков ворвались в женскую палатку -- и к Лиде:

- Отдай водку.
- Какую водку?
- Ту, которую ты забрала у нас в палатке.
- Я ничего у вас не брала, и уходите отсюда.
- Убьем, отдай сейчас же.

Один из мужчин схватил табуретку, замахнулся и бросил. Лида еле успела защитить голову – удар пришелся по рукам. Ей стало страшно: перед ней стояли не люди. Подумала, что если она скажет, где водка, то они ее точно прибьют. Поэтому она упорно стояла на своем. Никакую водку не брала и ничего не знает. Закончив кидать табуретки, эти не люди стали швырять в Лиду горячую картошку – без водки она им, видимо, была не нужна. Через какое-то время у них появилось сомнение: может, действительно не она взяла водку, а кто-то в их отсутствие заглянул в палатку и умыкнул. Они отстали от Лиды.

В понедельник, когда приехали рабочие, она зашла в палатку к этим мужикам и сказала:

- Идите, забирайте свою водку. Теперь я вас не боюсь.
- Вид у Лиды был, мягко говоря, неприглядный: руки в синяках от летающих табуреток, волосы невозможно расчесать из-за засохшей картошки. И на этот раз на вопросы, что с ней случилось, она вновь ответила, что не знает: она очень боялась расправы. Расследование все же провели, и эта четверка тоже была уволена и изгнана.

Неустроенный быт

На воскресенье местные на машинах уезжали на Косью и Ис. Для приезжих издалека проблема как помыться обострилась еще сильнее.

«Все, в следующую субботу буду напрашиваться к девчатам с Иса, чтобы они взяли меня с собой – надо помыться в бане», – решила Лида. Дождавшись субботы, Лида напросилась с девчатами на Ис в баню. Долго там мылась, смывая, как ей казалось, многослойную грязь. Неустроенные бытовые условия преследовали ее и после того, как она вышла замуж.

По ее признанию, она еще не была готова к замужеству. Ей еще хотелось побегать в девках, не разменивая жизнь на ненужные связи, придерживаясь определенных правил приличия. Но встретился на ее пути бригадир строительной бригады, косьинский парень Равиль. Ей нравились красивые мужчины, Равиль был именно таким – и вскоре они поженились.

После рождения ребенка им выделили комнату в общежитии в девять квадратных метров. К ним приехала Лидина мать, и в этой комнатухе они стали ютиться вчетвером. Первый дом по улице Октябрьской строила бригада Равиля, и его обнадежили, что в этом доме он получит квартиру. Однако, когда дом распределили, он остался за бортом. Горячая кровь Равиля вскипела, и он самовольно заехал в одну из квартир. Самозахват никогда не поощрялся, и семью вышвырнули на улицу. Недавно родившегося ребенка поместили в больницу среди новорожденных, и Лида туда ходила кормить новорожденного. Неустроенные бытовые условия тяжелым грузом висели над молодой семьей. Благоустроенную квартиру получили только в 1963 году.

Резкая прямота характера

К своей работе Лидия Павловна относилась со знанием дела, не терпела никаких отклонений. Все должно быть выполнено

в соответствии со строительными нормами и правилами, согласно проекту. Этой позиции она придерживалась и в общественных делах.

В управлении треста «Качканаррудстрой», где она работала, ее записали в агитколлектив. Лидия Павловна обратила внимание на то, что в этом общественном формировании нет ни одного коммуниста. На заседании, где заслушивалась работа агитколлектива, высказалась четко:

- Это почему мы, беспартийные, должны нести идеи партии в массы, а коммунисты при этом стоят в стороне?

- Ах, Лидия Павловна, какая ты неудобная, – прозвучала реплика.

В подразделениях треста была одна беда: воровство стройматериалов. Эта беда превратилась в проблему, когда стали нарезать участки под сады, строить гаражи. Решили поставить хищения социалистической собственности под народный контроль. Этот участок работы поручили Лидии Павловне.

К поручению она отнеслась ответственно, и вскоре на стол партийного секретаря треста легла бумага.

– А воруют-то стройматериалы коммунисты, – заявила Лидия Павловна.

– Ну, зачем же так категорично?

– Я ничего не выдумала. Вот факты, – и Лидия Павловна указала на лежащую перед секретарем бумагу.

Секретарю стало неловко, и он стал подбирать слова, но Лидия Павловна продолжала:

– Я знаю, что вам неприятно. Прежде, чем наказать коммуниста, его надо исключить из партии, лучше уберите меня с этой неблагодарной работы. Жуликов ловить не моя стихия. Я строитель, и пользы принесу больше, занимаясь своим делом.

О резкой прямооте характера этой женщины были наслышаны и в горкоме партии. Лидию Павловну пригласил Дмитрий Ивано-

вич Гикалов:

– Лидия Павловна, такие, как вы, партии нужны. Пишите заявление, я вам дам рекомендацию.

– Нет, Дмитрий Иванович, писать заявление я не буду. В партии хлама хватает и без меня.

1989 год. Страна бурлила с перестроечным словоблудием. Как-то зашла Лидия Павловна в столовую в белом доме. Там очень вкусно готовили обеды повара. Гуляш из свежей говядины такой, что язык проглотишь. Раз пришла, два пришла, а на третий раз ей отказали, сказав, что порции строго рассчитаны на количество работающих в этом здании. Тогда Лидия Павловна громко произнесла:

– Сегодня первый секретарь горкома в командировке, положите мне его порцию.

Красная от стыда раздатчица выполнила просьбу.

На дискуссионном клубе Лидия Павловна назвала эту столовую кормушкой для качканарской элиты, и это было напечатано в «Качканарском рабочем». Столовую срочно прикрыли. Как-то после этого встречает ее высокопоставленный чиновник и спрашивает:

– Лидия Павловна, вы счастливы?

– В каком смысле?

– Столовую в здании горкома закрыли после вашего выступления.

– Я была бы счастлива, если бы по всему Качканару были такие столовые.

Вот такие истории о первостроителе Лидии Павловне Бебковой.

СТАРЫЕ ФОТОГРАФИИ

Я держу в руках старую фотографию, которой 55 лет. Это Антонина Павловна Лосева с двумя малолетками Аней и Раей.

В 1958 году они приехали в Качканар к мужу, который только что получил комнату по улице Октябрьской, 19. Владимир Лосев в Качканаре с первых дней, до 1966 года работал плотником, позднее перешёл в ГОК. Так, жильё есть, надо оформляться на работу. На любую, которую предложат. И предложили топить печь и греть воду в только что построенной бане внизу улицы Октябрьской. Через некоторое время перешла работать на растворный узел завода «Стройматериалы», а вначале 1960 года попросилась в только что построенный арматурный цех этого завода. В арматурном цехе Антонина Павловна отработала 22 года до выхода на пенсию в 1982 году.

Антонине Павловне в только что построенной бане внизу улицы Октябрьской. Через некоторое время перешла работать на растворный узел завода «Стройматериалы», а вначале 1960 года попросилась в только что построенный арматурный цех этого завода. В арматурном цехе Антонина Павловна отработала 22 года до

В 1959 году с мужем Владимиром Петровичем решили строить свой дом. Взяли ссуду. Лес валили прямо на отведённом участке. Построили небольшую времянку и баню, а в 1960 году въехали в свой дом. Этот добротный дом и сейчас стоит по улице Тургенева 18, где до сих пор живёт Антонина Павловна. Я сижу в этом доме, разговариваю с хозяйкой и рассматриваю старые фотографии. Как это всё знакомо!

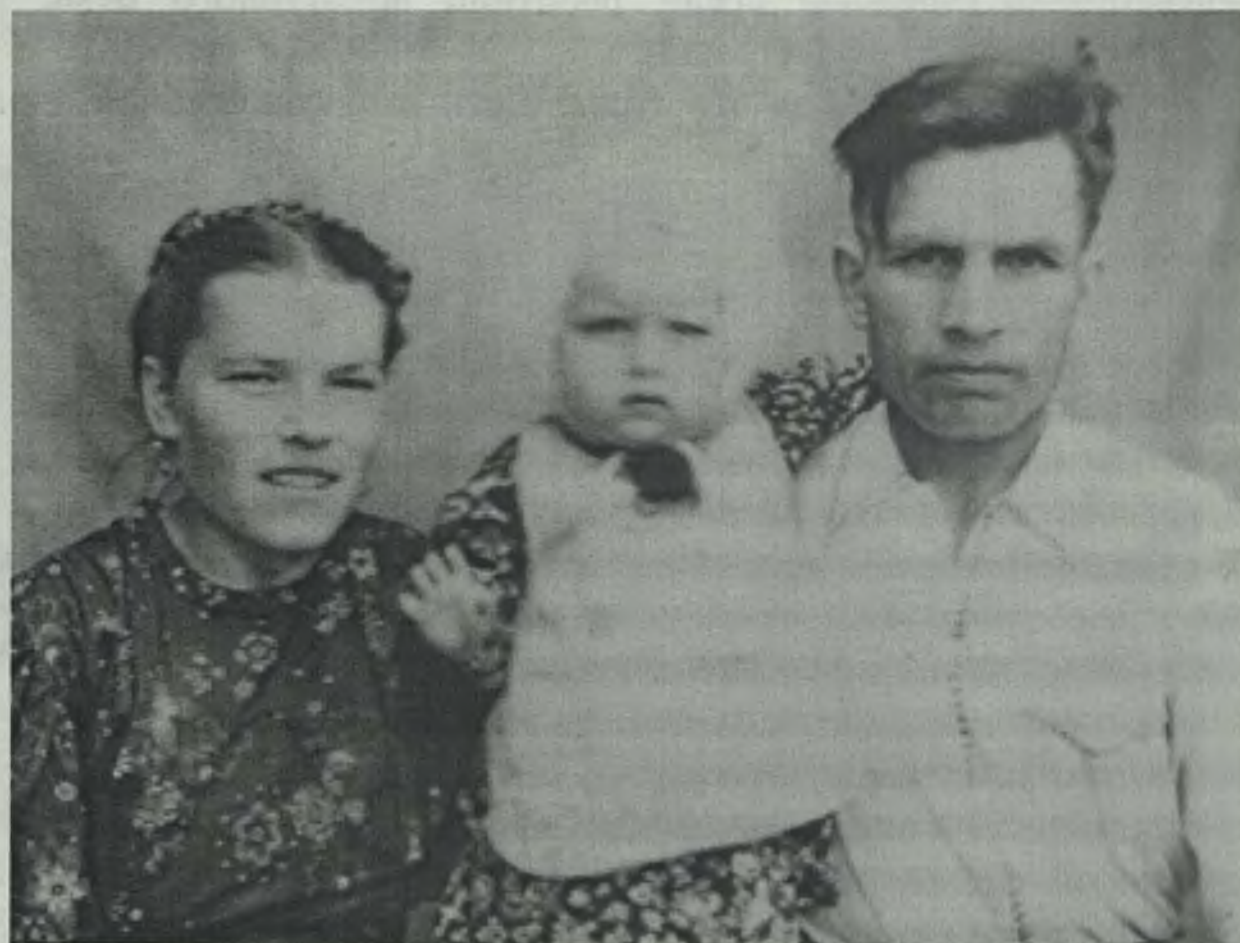
Вот Антонина Павловна с подругами на крыльце первого магазина по улице Качканарской, который в шутку был назван «Охотный ряд». Редкая фотография. Вот ещё одна. 1962 год. Антонина Павловна в свои 35 лет пошла учиться на курсы арматурщиков в учебный комбинат треста «Качканаррудстрой». На фотографии группа учащихся, будущих арматурщиков. Фотографии, фотографии... Вот Антонина Павловна среди работниц арматурного цеха, на первомайской демонстрации.

Всё было за эти годы. Дети выросли, сейчас и они

уже пенсионеры. В 2011 году Антонина Павловна ездила в гости к старшей дочери Анне Владимировне, которая своей семьёй живёт в Крыму. Раиса Владимировна с семьёй живёт в Качканаре. В 1997 году Антонина Павловна и Владимир Петрович сыграли золотую свадьбу. Сейчас она уже, к сожалению, вдова участника Великой Отечественной войны. Энергичная, неутомимая, о таких говорят, лёгкая на подъём. После выхода на пенсию 10 лет проработала в ГПТУ, в сто-

ловой мыла посуду. Три года назад не стала держать корову. Не потому, что трудно, а потому что с выпасом в Качканаре никак наладить не могут. Корову приходилось искать по всему городу. А ещё она почётный донор Качканара. Долгих, счастливых лет жизни вам, Антонина Павловна!

КАЧКАНАРСКАЯ МОЗАИКА

С ЛЮБОВЬЮ К САМОДЕЯТЕЛЬНОСТИ

В 1958-59 годах драмкружком руководила Лиза Шишова. Она поставила спектакль «Фабричная девчонка». Участники спектакля: Римма Голикова, Толя Иванов, Юрий Щепанковский, Эмма Прокопенко, Толя Спиркин и Юра Насонов.

В 1960 году театральным коллективом руководил Олег Лузянинов — бывший актер Свердловского театра юного зрителя. Это он впервые замахнулся на игровые сцены из спектаклей с ролью Владимира Ленина. Роль Владимира Ильича играл единственный и неповторимый Саша Рязанцев. А я только играл вместе с ним в сцене из спектакля «Человек с ружьем» солдата Шадрина. Неугомонная Мира Михайловна даже договорилась с главным режиссером Свердловского драматического театра Т. Битютским, чтобы он нас посмотрел. И мы ездили. Нас смотрели, поправляли. Интересно было наблюдать за заслуженным артистом Шевченко, который в театре играл роль Ленина. Он внимательно смотрел на Сашу Рязанцева, а после в гримерной давал советы. Олегом Лузяниновым был поставлен спектакль «Свадебное путешествие» в 1960 году. А в 1961 с нами работал Вадим Демин, выпускник ГИТИСа. Ныне он профессор, доктор искусствоведения, работает в Российской академии образования, живет в Москве. Его большая работа — постановка спектакля «Город на заре».

В клуб «Строитель» мы ходили не только посмотреть, но и показать, кто на что способен. После Вадима Петровича Демина пришло время Станиславы Казимировны Ульяновой. Поставленные ею спектакли всегда радовали качканарцев. Очень жаль, что сейчас этого нет — такая прекрасная сцена пустует.

ПАМЯТНЫЕ МЕСТА КАЧКАНАРА

Есть в Качканаре памятные места, нигде официально не признанные, но в памяти народа живы, каждому понятны. Вот некоторые из них:

- **Гора Любви** – за парком Строителей. Названа так молодыми первостроителями;
- горка **«Звездочка»** -- большой любитель лыж Вохмянин Михаил Харитонович (бригадир Качканарского участка треста «Востокметаллургмонтаж», герой соцтруда) с другом Володей Ильенко (геодезист треста «Качканаррудстрой») облюбовали в окрестностях поселка горку в 1961-62 годах, летом сделали с нее несколько просек, назвали горку «Звездочкой»;
- **«Первомайка»** -- первые улицы молодого города;
- поселки **«Кулацкий»**, **«Татарский»** -- первые индивидуальные дома;
- **«Канделевский»** поселок и магазин – коттеджи и магазин в 7 микрорайоната Канделя;
- **«Охотный ряд»** -- первый деревянный магазин по улице Качканарской. Работал еще в 1961 году;
- **«Голубой Дунай»** -- продуктовый магазин в 5 микрорайоне, работал еще в 1961 году (дощатый, выкрашен в синий цвет);
- **старый гастроном** по улице Октябрьской, теперь хозмаг;
- **новый гастроном**, теперь магазин «Глория»;
- **седьмая столовая**, теперь магазин «Рябинушка»;
- **десятая столовая**, ныне магазин;
- **«Мебельный»**, **«Урал»**, **«Монетка»** - магазины;
- **«Рижский» рынок**;
- **«Клюшка»** -- по архитектуре назван дом;
- **Грузинские выруб**а – когда-то грузины рубили лес;
- **Трест**, в здании располагался трест «Качканаррудстрой», многотысячный коллектив которого и субподрядчики построили в тайге город и все предприятия. Сейчас в здании – множество офисов, но все равно – это трест;

- Радиозавод – строился как оборонное предприятие, в лихие 90-е все разрушено, распродано, сейчас чего там только нет, но все равно – радиозавод;
- «белый дом» – горисполком, горком, теперь мэрия, администрация;
- «Лежневка» -- первая дорожка на промбазу;
- строительный техникум на улице Качканарской;
- троллейбусное кольцо. Троллейбуса давно нет, кольцо осталось.

И наконец, магазин «Березка».

Какой-то шутник открывшийся на 5 квартале в подвале деревянной двухэтажки продуктовый магазин так и назвал – и прижилось. До сих пор он для всех и остался «Березкой».

Я вспоминаю такой забавный, чуть было не ставший трагическим случай. От улицы Магистральной до магазина «Березка» никаких построек не было, и по этому пустырю всегда после обеда по пути на промбазу заезжали машины, беря разгон в гору. И вот однажды самосвал разогнался и перед самым магазином, где подъем был покруче, забуксовал на накатанной поверхности.

Была зимняя оттепель. Колес а самосвала крутятся, самосвал стоит на месте. В это время вышедшая из магазина женщина с двумя кошелками решила сзади машину обойти и поскользнулась. Увидев такое, прохожие мужики закричали водителю:

– Держи тормоз, у тебя человек у колеса.

Тот нажал на тормоз, и машина юзом пошла вниз, увлекая за собой женщину, которая спиной упиралась в колеса. Через несколько метров на более пологом месте машина остановилась. Женщина поднялась, подошла к водителю и сразу:

– Ты что шутить задумал? Для своих дурацких шуток по моложе выбирай! Тут, все кто был в шоке от происходящего, вдруг громко расхохотались.

КАЧКАНАРСКАЯ ШКОЛА РАБОЧЕЙ МОЛОДЕЖИ

Это уютное здание по улице Качканарской вот уже полвека соответствовало своему назначению. Недавно коллектив школы отметил этот славный юбилей. Пятьдесят лет назад и я пришел в эту школу, чтобы продолжить учебу в девятом классе.

Восьмой мне удалось закончить, находясь в армии. Как мы, учащиеся, были благодарны руководителям Качканара за то, что в такой непростой период школу рабочей молодежи поставили в число первоочередных объектов строительства. А такая школа была нужна, ох, как нужна.

Молодежь, прибывавшая на стройку, в свое время не имела возможности получить 10-летнее образование. В 50-е годы в вечернюю школу шла бывшая деревенская молодежь, которая не смогла получить образование, так как в деревнях были только начальные школы или, в лучшем случае – семилетка, как, например, в Старой Ляле и поселке Ниновский.

Поэтому после работы охотно продолжали учебу, строя планы на будущее. Трудно было учиться? Конечно. Приволочешь свои уставшие на работе руки и ноги до общежития, перекусишь, немного полежишь на кровати, а потом книжки в руки – и в школу. Сидишь, слушаешь преподавателя, а глаза закрываются. Весь преподавательский состав всегда, во все времена, бережно, с пониманием относился к своим учащимся. Если ученик не смог прийти на занятия вечером, так как работал по вторую смену, приходи утром. Даже для двух человек будут проводить занятия. Только бы не отстали, и не появилось желание бросить школу.

Недавно я побывал в школе, познакомился, сказал, что я бывший ученик пятидесятилетней давности. Был приятно удивлен, что шефы школы с Качканарского ГОКа сделали хороший подарок к учебному году, произведя качественный капитальный ремонт всего здания школы. У входа вывешена благодарственная табличка по этому поводу. С началом учебного года я поздравил коллектив учителей и учащихся

Качканарской вечерней школы рабочей молодежи.

Но сейчас это здание, по решению администрации, у школы отобрали и передали другой организации. Вечерняя школа рабочей молодёжи сейчас находится в одной из образовательных школ Качканара. Кому от этого стало лучше - не знаю.

ПРОШЛОЕ, НАСТОЯЩЕЕ И БУДУЩЕЕ УЛИЦЫ КАЧКАНАРСКОЙ

В 1959 году это была главная улица Качканара по всем статьям. На этой улице находился трест «Качканаррудстрой», партбюро; комитет комсомола и постройком. Почта, столовая и магазинный «охотный ряд», редакция газеты «На стройке Качканара» и наш маленький, но знаменитый клуб «Строитель». Знаменитый тем, что зрительный зал всего на 150 мест, и сцена, больше похожая на агитплощадку, никогда не пустовали.

Собрания, кинофильмы, репетиции самодеятельных коллективов; и, конечно, на радость качканарцам показывал свою работу Серовский драматический театр. А вот когда приехал в Качканар Уральский народный хор и выступал в клубе «Строитель» — это надо было видеть! На маленькой сцене разместилось не более трети хора, остальные стояли за сценой, в проходах и пели, пели, не обращая внимания на неудобства. А Качканару было тогда всего два года от роду.

Хочется очень, чтобы на 50-летие Качканара был приглашен этот прославленный коллектив, а не какая-нибудь гламурная теледива.

В 1959 году на улице Качканарской был уложен первый асфальт. Как дети, радовались качканарцы этому событию. Вспомнили, что кроме резиновых сапог есть еще и другая обувь, более удобная. Улица Качканарская стала самой многолюдной, особенно после рабочего дня. По ней шли в школу рабочей молодежи, на репетиции в клуб «Строитель», в кино или библиотеку, вечерний ресторан, да и просто приходили погулять.

На улице Качканарской проходили очень интересные встречи, порой неожиданные. Вот идут по улице Коля Спиркин и второй секретарь Свердловского обкома Афанасий Федорович Ештокин, о чем-то ведут разговор: ну, конечно, о молодежи и ее проблемах. Проблем пенсионеров тогда в Качканаре не было.

Мне навстречу идет Юра Уткин. А кто же с ним рядом, в кожанной куртке, темно-синих галифе и хромовых сапогах? Это Борис Марьев, знаменитый уральский поэт. Он по приглашению Юры Уткина побывал в нашей комнате общежития, поинтересовался нашим житьем-бытьем, работой.

Много в этом году можно было увидеть на улице Качканарской журналистской братии из Свердловска. Побывав на стройке, они спешили в редакцию газеты «На стройке Качканара» — она тоже находилась на улице Качканарской, в здании школы рабочей молодежи.

Улицу Качканарскую можно превратить в улицу Трудовой Славы г. Качканара, разместив музей и исторические памятники вдоль улицы, чтобы можно было увидеть, с чего начинался город, какие люди тогда работали. А что мы видим сейчас, в год 50-летия? Убогая улица. Дом престарелых, школа рабочей молодежи, в обшарпанном здании бывшего строительного техникума разместились «нетленные мощи» когда-то могущественного треста «Качканаррудстрой».

КАЧКАНАР И ЭКОЛОГИЯ

Очень хорошо, что «Качканарский рабочий» завел речь об экологической безопасности нашего города. Вот только не понятно, почему не бьют тревогу "зеленые»?

Я газету читаю постоянно, но что-то не припомню материала, где бы рассказывалось о заседании думы или о совещании у мэра с повесткой об экологии. Или наши городские руководители чувствуют себя временщиками вроде Сухомлина, который «оттарабанил» свой срок и уехал в чужой город? Как тут не вспомнить председателя исполкома Клавдию Павловну Сухенко, которую уже на втором году, как Качканар стал городом (конец шестидесятых годов), очень обеспокоил этот вопрос.

Помнится, как-то она дала задание врачу санэпидемстанции В. Шнеку — сделать полный анализ всего, что нас окружает, и доложить на совещании, куда были приглашены все первые руководители предприятий Качканара. Я как главный инженер завода ЖБИ присутствовал на этом заседании, так как директор был в отпуске. Главврач В. Шнек добросовестно выполнил задание и в своем докладе отразил все, как есть. В воде — примеси, радиационный фон — выше нормы, в почве — пестициды (дуст), в воздухе — мышьяк и т.д. Когда он закончил выступление, кто-то спросил:

— Ну, пестициды ясно: их в 1959 году по заданию главного инженера ГОКа Семена Леонтьевича Мясника на нашу голову, как манну небесную, распыляли с самолета (от клещей). А мышьяк-то откуда?

— От сжигания торфа на ТЭЦ, — был ответ.

Тут поднимается директор ГОКа Михаил Григорьевич Толочко:

— Вы зачем его сюда пустили? — это он о докладчике. — Я тут сижу, слушаю и уже щупать себя начал: живой ли?

В том же духе продолжая, он хлестал Шнека, как мог. Конечно, зачем быдлу знать правду? Его дело — хлебать все, что приготовлено.

Не стало в Качканаре В. Шнека — и все показатели оказались в пределах нормы. Только не понятно, по каким нормам мы еще живы...

Летом 2005 года я, находясь в десятом микрорайоне, увидел пыльную бурю. Ее дыхание чувствовалось даже тут. Пыльное облако накрыло пруд, и из-за него не было видно гору Качканар. Шлейф пыли тянулся с нашей рукотворной шламовой пустыни до самого питьевого водоема. И это тоже в пределах нормы? Умные люди проектировали Качканар. Они знали, что горно-рудное производство — это пыльное производство, и, заботясь о людях, которые будут жить и работать в Качканаре, решили отказаться от открытых питьевых водоемов. Они искали подземные источники и нашли. Огромное подземное озеро в районе Саввиной горки может полностью обеспечить потребность города прекрасной питьевой водой. Ее не надо хлорировать.

Кстати, о хлоре. В Москве, например, воду не хлорируют — вредно для здоровья людей. А что, качканарцы из другого теста сделаны? Горе-рационализаторы во главе с С. Мясником отказались вести водовод от подземного озера в Качканар, а построили еще одну плотину Верхне-вийского водохранилища. Эту ошибку надо исправлять. Водовод надо строить и постоянно просить деньги у губернатора и президента. Мы находимся в окружении опасных предприятий не только нашей, но и соседней Пермской области, и в любой момент нас может накрыть ядовитое облако. И вполне может оказаться, что воду из нашего открытого питьевого водоема нельзя будет употреблять. Все помнят, как несколько лет назад хвоя на деревьях вокруг Качканара вдруг стала рыжей. И это, как нам объяснили, тоже было в пределах нормы. По этому поводу я спросил шутя своего знакомого из закрытого города Верхнейвинска:

— Это ваша работа? Он ответил:

— Нет, это вас накрыло облако из Пермской области.

Здравствуйте, приехали!

Когда говорят об экологии Качканара и о розе ветров, я всегда в таких случаях вспоминаю шутливое выражение моего давнего знакомого, старожила Качканара, Героя социалистического труда Михаила Харитоновича Вохмянина:

– Кругом нас окружают печенегы. Откуда бы ветер ни дул на Качканар, он всегда какую-нибудь гадость несет.

Пройдитесь как-нибудь с ба микрорайона через «первомайку» по Октябрьской улице. Когда дуют северо-восточные и восточные ветра, слюны не хватает постоянно слизывать с губ и сплевывать сладко-кисло-солонуватую гадость, которую несет со стороны «Металлиста»...

Если не будут заниматься рекультивацией шламохранилища, строительством водовода с Саввиной горки, фильтрами на «Металлисте» и в ГОКе, Качканар вскоре приобретет славу грязного города, жить в котором опасно для здоровья.

Это было напечатано в газете «Качканарский рабочий» в феврале 2007 года. Обстоятельства снова заставили вернуться к этой теме.

«Качканарский рабочий» 13 октября 2010 года, печатает свежий материал на старую тему под названием «Природа выстрелила из пушки, а нам надо бить в колокола.»

Цель написания материала была одна: обратить внимание руководителей города на воду, которую мы пьем, и воздух, которым мы дышим. Как за эти четыре года отреагировали наши мэры, бывший и нынешний? Да ни как. Немного полегче стало дышать на Первомайке – так это, скорее всего, заслуга кризиса. А вот вонючая вода – это природа выстрелила из пушки за то, что с ней так варварски обошлись раньше. Давайте разбираться по порядку.

Верхнее – Выйское водохранилище создано для накопления чистой воды от речки Выя. Предполагалось, что

воду будет постоянно качать город, а Выйский приток будет восполнять этот водозабор

Но этого не случилось. Река Выя из-за засухи нескольких лет превратилась в ручеёк, воды стало не хватать, и решено было перекачивать воду из Нижне-Выйского водохранилища. Хотя это водохранилище ни по каким меркам не может служить питьевым водоёмом. Зажатая со всех сторон, стоячая, непроточная вода, кроме вони, ничего не будет иметь – и чем дальше, тем будет хуже.

Вспомните, как этот водоём готовился 50 лет назад? Спеленный лес оставлен вместе с пнями. Всё это было затоплено, и сейчас запах от этой гнили. Десятки тысяч тонн выбрасывается промышленностью нашего города, и всё это оседает в водоёмах, особенно в Нижне-Выйском. А то, что не попало в водоём из воздуха, попадёт со сточными водами с поверхности всего города, - а это тоже миллионы кубометров грязевых потоков.

Не надо забывать и о канализационном коллекторе, который идёт по берегу водоёма; и аварийные сбросы не такая уж редкость.

Так что Нижне-Выйский водоём – это не резервный источник питьевой воды, а отстойник всех нечистот. Нужно бить во все колокола и срочно решать вопрос возврата к первоначальному проекту снабжения города Качканар из подземных источников воды, а не носиться с бредовой идеей горно- лыжного курорта. Чем будете встречать на курорте? Водой с душком?

ЛОТЕРЕЙНЫЕ ЛЕГЕНДЫ КАЧКАНАРА

Начну с того, что первые лотерейные билеты, стоимостью в 3 рубля, были выпущены и распространялись накануне Московского фестиваля молодежи и студентов в 1957 году. Мы в армии все поголовно покупали эти билеты.

Я тогда служил в строительных войсках, и нам платили деньги, вычитая за питание. Поскольку строители были народом с деньгами, то билеты брали пачками. Я тоже взял пачку в 100 штук, но ничего не выиграл.

Следующая лотерея была с пятирублевыми билетами, я снова взял пачку. Ажиотаж подогревался историей, которую рассказывали во всех воинских частях. На одном корабле во Владивостоке старшина распространял билеты. Но какие деньги у матросов? Брали один или два билета, редко – три. Остался один билет, и старшина окликнул проходящего мимо матроса, предлагая купить последний билет. Тот сначала отказывался, а потом купил.

Оказалось, выиграл автомашину «Волгу». Всем захотелось «Волгу», поэтому проблем с распространением не было.

С пачкой лотерейных билетов в кармане я приехал домой из армии. Таблица в газете вышла в январе 1959 года, когда я уже был в Качканаре. Выиграл машину швейную. Среди дорогих выигрышей в таблице были автомашины: «Волги», «Москвичи», – и щитовые дома. Дальше мне рассказывали такую историю.

Один молодой качканарец решил выиграть «Волгу». Он недавно прибыл в Качканар, и первую получку всю истратил на покупку лотерейных билетов. Когда вышла таблица, он проверил и выиграл автомашину «Москвич». Но ему была нужна именно «Волга». Цель поставлена – надо идти к этой цели. Он с выигрышным билетом пришел в сберкассу и сказал:

– Я отказываюсь брать выигрыш, прошу на эти деньги мне дать билетов следующей лотереи.

В сбербанке охотно с ним расплатились. С нетерпением он ждал выхода газеты с таблицей. И в день, когда вышла такая газета,

он отпросился с работы. Зашел в пустую комнату общежития – остальные ребята были на работе – закрылся и стал проверять. Много было рублевых погашений – но ни одного крупного выигрыша! Это для него было шоком.

В таком состоянии он сходил в гастроном, купил водки и вернулся в комнату. Выпил стакан водки, развалился на кровати и долго смотрел в потолок. Потом взял пачку билетов, разорвал упаковочную ленту и швырнул пачку в потолок. Она веером разлетелась по комнате. Таким образом, допивая без закуски бутылку, продолжал разбрасывать билеты. Закончив все, он уснул. Комендант общежития, проходя по коридору, обратила внимание на приоткрытую дверь комнаты. Что такое? Все на работе, а дверь не заперта, и решила заглянуть. Увидев комнату в лотерейных билетах и распластанное тело парня, она подумала: а не убийство ли это? Тут же вызвала милицию.

Милиционеры, убедившись, что парень вдрызг пьян, забрали его к себе вместе с билетами. А когда он проспался и рассказал о случившемся, от души посмеялись над неудачником, отдали все билеты и выпустили парня решать свои проблемы. Он тут же уволился и уехал из Качканара навсегда.

Еще была лотерея ДОСААФ. За билетами для города Качканара ездил в Свердловск председатель городского общества ДОСААФ с чемоданом. Полный чемодан привез билетов в пачках. Для интереса переписал первый и последний номера каждой пачки. Когда вышла таблица, он проверил и сказал:

– В Качканаре никто ничего не выиграл.

А вот «Волгу» в 1981 году выиграл один парнишка, Васькой его звали. Он с отцом был в Нижнем Тагиле и попросил отца:

– Папа, дай 50 копеек, я куплю в киоске лотерейный билет.

Папа дал денег, он побежал, купил, – и билет оказался выигрышным. Так папа с сыном стали обладателями машины «Волга». На работе мужики после шутили:

– Дай нам Ваську, съездить в Нижний Тагил за «Волгой».

ПАМЯТЬ О КАЧКАНАРСКОЙ МАЛЬВИНЕ

На погосте поселка Валериановск, недалеко от главного входа, справа от дорожки, находятся рядом два захоронения пятидесятилетней давности. Ржавая оградка, такой же ржавый памятник. Определить, кто здесь покоится, нет возможности – все заросло за пятьдесят лет лесом. Я все-таки с уверенностью могу сказать, что одна из этих могил Веры Сидоровой, которая была зверски убита при попытке изнасилования на заводе «Стройматериалов» в ночь с 30 апреля на 1 мая 1961 года.

Вера Сидорова появилась в Качканаре прямо из детдома, работала в строительной бригаде. В самодеятельность клуба «Строитель» она вошла как исполнительница популярных песен. Всем нравилось ее пение. Маленькая, ладно сложенная, красивая девушка была похожа на сказочную Мальвину – другого сравнения не подберу. Мира Михайловна Мальцева, наш директор клуба «Строитель», часто спрашивала Веру:

-- Верочка, тебе, наверное, тяжело на работе?

-- Тяжело, -- соглашалась Вера.

-- Я попробую найти тебе полегче работу, -- говорила Мира Михайловна, и однажды на заводе «Стройматериалов» согласились принять Веру пропарщицей на полигон.

30 апреля в клубе «Строитель» состоялся праздничный концерт. Вера спела свои песни и стала собираться на работу. Ее смена начиналась с нуля часов. Мира Михайловна попросила баяниста Ваню проводить Веру до работы. Уж больно страшно девушке одной идти в полночь на промбазу. Ваня согласился. А когда после праздников обнаружили труп Веры, первым подозреваемым оказался Ваня. Мы были удивлены. Ваня подозревается в убийстве?! Да он и мухи никогда не обидит.

Через месяц с Вани сняли все подозрения. И дело повисло нераскрытым. Казалось, что на похороны Веры пришли все качканарцы. Мира Михайловна так близко к сердцу приняла гибель Верочки, что от нее не отходили медработники. Рудольф Павлинович Лебедев позднее обещал подробно рассказать, как

шло расследование убийства, и почему убийца не был найден, но не успел.

Я считаю, что нужно восстановить памятник на могиле Веры Сидоровой, девушки с несчастливой судьбой, лишенной родительской ласки и погибшей от рук подонка.

Память о Вере надо сохранить. Может, кто из первостроителей вспомнит, кто похоронен рядом с Верой Сидоровой.

С ЛЕГКИМ ПАРОМ ПО КАЧКАНАРСКИ

История эта произошла с моими хорошими знакомыми, живущими в од ном из домов 10-го микрорайона, имена которых я изменил

Коля со своей женой Валею на этот раз 31 декабря в гости ни к кому не собирались, решили встретить Новый год дома вдвоем. После работы Коля с друзьями, как было заведено у них издавна, отметили окончание старого года, и домой муж пришел, что называется, навеселе. Поэтому сразу же прилег.

До наступления Нового года оставалось четыре часа. Зная мужа, в полной уверенности, что он теперь проспит до утра, Валя отправилась к соседке. Та обрадовалась:

– Оставайся, посидим, концерт по телевизору посмотрим. У нас никого не будет.

У соседей Валя проси дела всю ночь. Только в шестом часу утра отправилась домой. Открыла дверь и остолбенела: на полу, у дверей ванной, лежит чья-то одежда, за дверью слышно кто-то моется... А Коля сидит на диване и смотрит телевизор.

– Там кто? - спрашивает Валя, кивая на ванную.

– Ухажер твой, - мрачно отвечает Коля.

– КА-какой ухажер? Откуда?

– Да вот, позвонил, я открываю, он спрашивает: «Валя дома?». Ну, раз он тебя знает, я говорю: «Заходи». Он зашел, опять спрашивает: «А где Валя?». Я говорю: «Сейчас будет». Он тогда: «Ну, пока ее нет, я пойду, помоюсь». Теперь вот моется, – поясняет Коля.

Валя от такого рассказа дар речи потеряла. В голове пронеслось: «А если это бандит? Да, может, он в ванную с собой нож прихватил?!» – и, наконец: «Надо вызвать милицию!!!». Выскочив из квартиры, Валя, перепрыгивая через две ступеньки, помчалась на второй этаж к знакомой, у которой есть телефон. Как вихрь, ворвалась она в квартиру и, отмахиваясь от вопросов знакомой, схватила телефонную трубку:

– Милиция! Приезжайте скорей! У меня в ванной чужой мужик

моется!

– Ну, баба, ты, видать, круто Новый год отметила. А твой-то где?

– На диване сидит, телевизор смотрит!

На том конце провода грянул такой хохот, что Валя бросила трубку. Похоже, на помощь милиции рассчитывать не приходилось. Но надо же что-то делать! В отчаянии Валя выскочила из подъезда и увидела соседа, выгуливающего собаку. Бросившись к нему, бедная женщина едва не упала на колени:

- Пожалуйста! Помогите выгнать из квартиры бандита! Он в ванной моется!

И вот в квартиру в сопровождении Вали врываются мужчина с собакой и прибывшие по вызову два милиционера. А «бандит» уже помылся и одевается. Милиция тут же взяла его в оборот: кто такой, откуда и д.д. и т.п. «Бандит» на все вопросы дал исчерпывающие ответы, а потом спрашивает: «Скажите, а это какой квартал?». «Десятый», - отвечают. «А-а-а, - говорит он. - А мне надо на восьмой...»

От хохота, который громыхнул после этого, задрезжали стекла...

ВОЕННЫЕ ИГРУШКИ ДЛЯ МАЛЬЧИШЕК

Я шел мимо, в руках у меня был фотоаппарат. Мальчишки, игравшие около военной техники, окликнули меня:

— Дяденька, сфотографируйте нас!

Я повернулся к ним и сделал снимки.

— А нас напечатают в газете?

— Напечатают, — пообещал я.

— Ура! Нас в газете напечатают! — радостно кричали они.

И я вспомнил, как шестьдесят лет назад — а это было в 1947 году — я учился в пятом классе Исовской школы. В приисковом гараже появилась легкая военная самоходка со снятым вооружением, которую мы называли танкетка. Дядя Леня, водитель этой танкетки, у которого мы с сестрой Клавой жили на квартире, как-то вечером сказал, что завтра весь день будет в гараже «стоять на ремонте».

Я еле дождался конца уроков, помчался в гараж. Облазил всю танкетку, сосчитал на броне все вмятины от пуль, посидел на водительском месте за рычагами и был доволен по-мальчишески сполна.

Рабочий день у дяди Лени закончился, и домой мы возвращались вместе. Дядя Леня, глядя, как я отвозюкался, лазая по танкетке, смеялся, приговаривая: «Вот сейчас тебе Клава задаст».

Клава отругала меня. Отчистить ничего было нельзя, пришлось стирать. А танкетка эта с приваренным сверху кузовом долго еще работала в хозяйстве по перевозке разных грузов. Два года как окончилась война, техники, ой как, не хватало — вот и приспособляли военную для мирных перевозок.

А мальчишек всех времен всегда интересовала военная техника. Пройдут годы, может, кто-то из этих ребят будет сидеть за рычагами современного танка и вспомнит эту фотографию.

И если придется стрелять боевыми снарядами, то только защищая свою Родину — Россию.

БАНКОМАТ 60-Х

Человек быстро привыкает к хорошему. Совсем недавно появились банкоматы, и не надо больше стоять в очереди за зарплатой. В любое время подошел к банкомату и взял любую необходимую в данный момент сумму.

Главное, чтобы была хорошо оплачиваемая работа - и трудись на славу, постоянно пополняя свой личный вклад в банке. Вот уже подрастает поколение, которое другого метода расчета не знает. А ведь было. Заглянем в далекие 60-е.

В день получки с утра - приподнятое настроение. После обеда все в ожидании, что вот-вот поступит команда: приходите за получкой, -согласно очереди, распишись и получи.

Но в этот день в банке кассиры тоже в очереди целый день, и с деньгами кассир появляется к концу рабочего дня. Уставшая и раздраженная, она отказывается выдавать зарплату и просит начальника, чтобы до завтра была выставлена охраны кассы.

Начальник подозвал к себе проходившего мимо недавно оформившегося на работу демобилизованного солдата.

— Ну, что, служивый, не забыл еще, как держать в руках оружие?

— Да нет еще.

— Вот тебе боевое задание. Пойдешь сейчас в бухгалтерию, получишь ружье и будешь до утра охранять кассу с деньгами.

Служивый явился в бухгалтерию.

— Иди получи у кассира ружье и патроны, — сказала бухгалтерша.

И служивый вошел в кассу. Кассир подала ему ружье и два заряженных патрона. Служивый посмотрел на патроны, и ему показалось, что они подозрительно зеленые. Как будто сто лет пролежали в земле, и были найдены при раскопках. Он дослал патроны в ствол, повернулся спиной к кассиру, направил ствол в потолок и нажал на курок. Раздался выстрел. Медленно повернулся служивый к кассирше... Он увидел ее сидящей на полу, с широко раскрытыми глазами.

- Ну как? - был вопрос.

- Дурак! - последовал ответ.

Медленно поднимаясь с пола, она добавила:

- Вот теперь с одним патроном оставайся и отстреливайся, как хочешь, а я пошла домой.

ДЕВКАМИ ТОЛЬКО ДО СВЕРДЛОВСКА

1966 год. Тряхнуло Ташкент. Восстанавливать разрушенный город, правительство решило, будет вся страна. Поехали в Ташкент и качканарцы. Мне, начальнику арматурного цеха, велено подготовить двоих человек для командировки в Ташкент. В молодежном коллективе цеха найти таких было сложно. Это были или молодые мамыши, или малолетки, которым нет еще восемнадцати. Но двух девчат я уговорил, они еще не замужем и 18 уже исполнилось.

Итак, командировки оформлены, деньги получены, и девчата отправились в далекий Ташкент.

Вечером они прибыли в Свердловск. Поезд на Ташкент отправлялся рано утром. Девчата приготовились коротать время на привокзальной скамейке.

Несколько раз мимо них проходила молодая женщина, на которую они не обратили внимания. И вот женщина присела рядом и как бы сама собой заговорила, что пришла встречать мать, а она опять не приехала. Чуть помолчав, обратилась:

— А вы, девчата, далеко едете?

— В Ташкент на работу командировали.

— У-у! Да вам всю ночь придется ждать.

Через секунду она продолжила:

— А знаете, пойдите со мной, переночуете в квартире, дома никого кроме меня нет, живу недалеко от вокзала.

Девчата переглянулись.

— Да нет, мы тут подождем поезда.

— Вы не стесняйтесь, мне ничего от вас не надо, сдайте вещи в камеру хранения и пойдите. Отдохнете, выспитесь и бодренькими утром к поезду подойдете.

И девчата согласились. Женщина, открыв дверь квартиры, похозяйски пригласила девчат:

— Проходите, не стесняйтесь, а я сейчас вернусь.

Девчата, сняв пальто, уселись на диван в ожидании хозяйки. Но в открытую дверь вошло двое парней. Они деловито взяли по сту-

лу и уселись напротив, пристально разглядывая девушек. Они наивно подумали, что сейчас придет хозяйка и выгонит этих нахальных парней, но тут услышали:

– Ну что сидите, курицы? Раздевайтесь.

– Нет, мы зашли не надолго, сейчас пойдем на вокзал. Поднявшись с дивана, они сделали попытку уйти. Получив несколько шокирующих пощечин, они опустились на диван и стали молча покорно раздеваться...

Оделись они после того, как парни вышли, не прощаясь, как и вошли. Недожидаясь хозяйки, девчата ринулись на улицу и бегом на вокзал. Только в стенах вокзала на скамейке они почувствовали себя в безопасности и успокоились. Одна из них высказалась:

– Да-а-а, а девками-то мы только до Свердловска и доехали.

НЕЗАБЫВАЕМОЕ

Репетиции драмкружка проходили на сцене, но когда сцена была занята хоровым коллективом, мы репетиции проводили в комнате под сценой.

Однажды, закончив репетицию, мы как всегда поднимались на сцену и через зрительный зал уходили на улицу Качканарскую. Проходя по сцене, я обратил внимание на группу девчат, которых раньше в хоре не было. Я с любопытным интересом подошёл к ним. Не помню, кто первым обратился я или девчата и о чём был разговор, но они засмеялись. Репетиция и у них закончилась и все разошлись по домам.

Я не знал, кто эти девчата и откуда, но придя домой, я думал о них.

В следующий раз как увижу, обязательно познакомлюсь, решил я. И даже для себя определил к кому из этих веселых девчат подойду. На репетиции я всё боялся, что хор закончит раньше и как только нас отпустили я бегом по лесенке помчался на сцену, а там уже почти все разошлись. Я выскакиваю на Качканарскую и быстрым шагом стал догонять удаляющихся хоровиков. Догнал идущую в пальто Лиду Лопатину и пошёл рядом, не зная ни её имени, ни фамилии.

Каким-то образом я насмелился с ней загово-

ритель и познакомиться. Я проводил Лиду до дома, где они жили. Эта улица Магистральная, 39. После этого я стал, постоянно провожать Лиду до дома.

Вскоре мы всей самодеятельностью отправились в Верхотурье с концертом. На обратном пути ехали поездом. Я зашёл в вагон, занял сиденье, расстелил на него полушубок и пошёл за Лидой, чтобы пригласить на занятое место. Она не отказалась, пошла за мной. Уютно расположилась на моем полушубке, поджав под себя ноги, а я был на вершине счастья, что мне удалось сделать приятное любимой девушке. После этой поездки я стал заходить и в квартиру, где жила Лида с подругами. Как мне позднее рассказывали сами девчата, они меня хотели отшить. То есть дать понять, что флирт закончен и попросить больше не приходить, но увидев, что Лида на мои ухаживания отвечает взаимностью, не стали вмешиваться. И правильно сделали. Мы ещё раз вместе с Лидой ездили в Свердловск с самодеятельностью, в горном институте давали концерт. Но тут уж все участники и Лидины подруги знали, что я ее ухаждёр.

Пришёл май месяц 1962 года и я впервые в жизни предложил девушке Лиде, чтобы она согласилась стать моей женой. До этого я никому подобного не предлагал, хотя мне уже было 26 лет. Мы подали заявление в ЗАГС и я увел Лиду в свою трехкомнатную квартиру. 27 мая 1962 года мы провели вместе первую ночь. Там все было впервые и для Лиды, и для меня. Это было прекрасно, несравнимо и незабываемо. После этого мы поехали на 20-й знакомиться и договариваться о дне свадьбы.

Свадьбу назначили на август. На свадьбу приехали будущие тесть с тещей и старший брат Гриша с женой Ниной из Свердловска. Кстати, с Иса до 20-го они шли пешком. Были все подруги с Качканара, с которыми Лида училась и младшая сестра Нина. Опыта как надо вести себя на свадьбе у меня не было и я как-то себя чувствовал не ловко. Я в жизни никогда не любил двусмысленность, подвохи, намёки и прочую пакость в человеческих отношениях. Для меня честность и прямота в высказываниях была дороже всего.

На другой день свадьбы я попал в ловушку, которую мне подстроила пилигримовская порода. Бабушка подходит ко мне с двумя рюмками, в одной водка, в другой красное вино. Я думал, что бабушка по

простоте душевной хочет меня угостить, и я из уважения к ней должен выпить. Она протягивает, чтобы я выпил красную рюмку. Я ей говорю: «Баба, я красное вино не пью» – взял у нее водку и выпил. Оказалось, что это было сделано на показ и со значением, и как я позже узнал, моя мать даже умудрилась выговорить теще то, что она сочла нужным. На что мудрая теща

Парасковья Семеновна ей достойно ответила. А если бы я тогда узнал, то точно пилигримовская порода нарвалась бы на мои крепкие слова, и это было бы впервые для их ушей.

А вообще свадьба прошла скромно, но весело, особенно понравилось, как девчата пели лихие студенческие песни. Это был 1962 год и шикарных свадеб тогда не проводили, не на что было.

После реформы 1961 года безденежье было повсюду. Мне кто-то подарил берёзовое полено, в которое были забиты молотком 20 и 15-ти копеечные монеты, которые пришлось долго выковыривать. Ещё вдоволь поиздевалась тетя Лиза, таская охапками сено и разбрасывая по полу. Только Лида подметёт, она снова тащит, при этом не бросая в сор ни копейки. Ей даже замечание кто-то высказал.

Наконец все разъехались и остались только тёща с тестем. Кто-то предложил разгуляться, пройтись на Актайское болото по ягоды. Был август месяц, в это время ягода должна быть черника, голубика, брусника. Но сходили неудачно, ягод никаких не нашли, хотя и были на другой стороне болота. Пришли ни с чем. Вот и на фотографии: возвратившись переходим Нясьму по подвесному мостику. После свадьбы мы с Лидой вместе с её родителями поехали в Егоршино и в кармане у нас было всего 26 рублей. В Егоршино свадебные торжества были продолжены по желанию и на деньги её родителей.

НЯНЬКИ И ДРУГИЕ МЕЛОЧИ ЖИЗНИ

Начало 60-х годов запомнилось, кто жил в это время, тем,

что в 1961 году была проведена денежная реформа «один к десяти». Какую цель наши правители преследовали, народу было непонятно. Но то, что эта реформа обнажила нищету, это так. До реформы заработок в тысячу

рублей считался приличным, а шестьсот рублей – терпимым. А кое-кто, например технички, получали 400 рублей. А если посмотреть, что получали за свой труд крестьяне в деревнях, то например у двадцатовских зарплата редко уходила за 150 – 200 руб. Полученную зарплату в новых деньгах, а это в десять раз меньше, чем до реформы, люди недоуменно вертели в руках, прикидывая, что же теперь можно купить на такие деньги. А ничего. Если хочется купить какую-нибудь вещь, необходимую в хозяйстве молодой семье, оформляй кредит на три месяца, что и делали. И вот на фоне того трудного времени мы с Лидой и образовали молодую советскую семью. Квартира есть, а вот только в квартире кровать да круглый стол.

Первый кредит оформили на покупку большого первоклассного радиоприемника «Беларусь», чтобы чувствительность и избирательность были на высоте. На крыше дома установил хорошую горизонтальную антенну. В то время я, да и не только я, были сыты той полуправдой, которая неслась из новостей радиопередач. Хотелось знать большего из зарубежных радиостанций, которые глушили. Я работал в то время мастером арматурного цеха, оклад 110 руб., Лида в отделе оборудования ГОКа, оклад 100 руб. Тут, как говорится, не до

жиру, быть бы живу. С нами еще жили два моих брата-школьника. Включишь радиоприемник, а там Поль Робсон поёт советские песни: «Я другой такой страны не знаю, где так вольно дышит человек». Надо же, знаменитый американский негр завидует нашей жизни.

Ну ладно, денег покупать мебель нет, а чтобы книги не валялись на полу, и было куда поставить радиоприемник, я решил изготовить стеллаж с подставкой для приемника. На работе отпилю доску нужного размера, принесу домой, в подвале обработаю рубанком, на другой день следующую принесу. Таким образом, я натаскал на стеллаж.

Позднее знакомая учительница, соседка, она тогда была еще школьницей, вспоминала, что я все время что-то в подвале строгал. В те времена тащить что-нибудь с работы было необходимостью и, как ни странно, перерастало в привычку. Позднее таких людей прозвали «несунами».

По этому поводу в народе ходила такая байка. Как-то Алексей Николаевич Косыгин, самый лучший Председатель Совета Министров за все годы Советской власти, собрал на совещание директоров крупных предприятий страны. Проходя мимо ожидавших начала совещания руководителей, он обратил внимание на одного из них, которого лично знал еще со времен войны.

- Как дела? – спросил он его.
- Воруют, - был короткий ответ.
- Как воруют? Кто ворует?
- Да народ. Кто доску тащит домой, кто трубу в сад.
- Ооо... это не беда. Это внутри страны, для улучшения благосостояния народа. Беда будет, когда потащат за границу! – закончил Алексей Николаевич.

А ведь это было в конце 60-х.

Прошел год. Лиду пригласили работать в «Востокметаллургмонтаж» теперь у нее зарплата 146 руб., я продолжаю работать мастером, зарплата 120 руб.

Живем от зарплаты до зарплаты, погашая очередной кредит. По-прежнему в подвале строгаю в свободное от работы время. По чертежам из какого-то журнала мастерю кресло, да по воскресеньям ездим на 20-й. Кроме всего этого, я еще учусь в вечернем строительном техникуме, учебу в котором закончил в 1968 году.

В феврале 1964 года у нас родился сын Дима. Лидины родители были очень рады появлению внука, но в отличие от них мои родители особую радость не проявили. Им лучше было, если бы мы не имели детей. Они нам готовых своих детей подбросят, живите и воспитывайте. Для Димы на работе ребята помогли мне сварить детскую кроватку, и я приволок ее домой. Чуть позднее таким же образом сварили санки, но их украли. Я уже готовился варить новые, но тут Лида увидела, как женщина катит своего дитя в наших санках. Санки были заметные, не серийного производства, и Лида их у женщины забрала.

Но вот кончился у Лиды декретный отпуск, надо выходить на работу. Куда же девать нашего трехмесячного малыша? Стали уговаривать Башкирову Марию Федоровну, чтобы она пожила у нас и понянчилась с Димой. Тетя Маша согласилась, и мы с Лидой были очень рады этому.

Тетя Маша. Очень нелегкая судьба выпала на ее долю. Муж на войне с самых первых дней. Орловская область, где они с детьми в колхозе имени Сталина жили, попала под оккупацию. И вот тетя Маша с тремя малолетними детьми год и десять месяцев жила на оккупированной немцами территории. Сейчас ту жизнь даже представить невозможно. После войны жизнь в колхозах всего Советского Союза была одинакова, страшная нищета. Каким-то образом семье Башкировых удалось уехать на

Урал к родственникам, и они поселились на Двадцатом. Но тут от тети Маши ушел муж к другой женщине, и теперь она проживала в семье старшего сына Алексея Башкирова.

Зимой 1965 года по моей просьбе помочь отцу изготовить четыре утепленных улья для пчел, чтобы была возможность оставлять на зиму под снегом, Георгий Неофидович согласился и приехал на Двадцатый. Под впечатлением от наших рассказов о том, как хорошо, что с Димой нян-

чится тетя Маша, он высказал слова благодарности в ее адрес.

Но тут высказалась наша мать. Она, эта тетя Маша, не умеет обращаться с детьми, она их не воспитывает, а калечит. Вот уж действительно, слово не воробей, вылетит, не поймаешь. Впечатлительный Георгий Неофидович по приезду домой срочно отправляет тещу Прасковью Семеновну к нам, чтобы убедиться в правоте сказанного. Приехала обратно домой Прасковья Семеновна и успокоила деда. Но разговоры на эту тему пошли по деревне на 20-м. Откуда они шли, понятно. Катя Власова собралась на Качканар продавать картошку и решила побывать у нас, посмотреть своими глазами, как живет ее родная тетя Маша. Катя продала картошку и пришла к нам. Мы ее уговорили, и она осталась ночевать. Своими глазами Катя увидела, какая идиллия в отношениях существовала между тетей Машей и Лидой. На

Прощание тетя Катя Власова сказала Лиде:

– Спасибо, Лида, тебе за тетю Машу.

Эта похвала многого стоит. Нашу породу на похвалу не раскачаешь.

Я сам этой породы себялюбив, всю жизнь старался вытравить из себя эту черту характера. Через год тетю Машу у нас забрали. Родился Сергей Башкиров. Диму мы устроили в ясли.

В 1966 году мне исполнилось 30 лет. К юбилею стал готовиться. У знакомых одолжил самогонный аппарат и запасся самогонкой. Шутя в народе ее называли коньяк «три ка». Дрожжи кушвинские, сахар кубинский, вода качканарская. Настряпали пельменей. Кроме родственников, я пригласил еще мастеров арматурного цеха. Отметили шумно и весело. Это было один раз, в последующие годы я этим не занимался. Я в это время работал начальником арматурного цеха.

В 1968 году у нас родился Валера. Под впечатлением того хорошего времени, когда у нас жила тетя Маша, мы и Валере нашли, вернее, уговорили хорошую бабушку, тетю Тоню Баклушину. Я ее хорошо знал, она до пенсии работала в арматурном цехе техничкой и жила в нашем доме № 3 девятого микрорайона. Тетя Тоня жила одна, родственников к тому времени в Качканаре никого не было. Как-то посватался к ней один пенсионер, сказал:

- Давай, Тоня, сойдемся, будем жить вместе, только я сразу же тебе скажу, что машинка у меня не работает.

- А у меня она все время работает, – ответила тетя Тоня, – и зачем ты мне нужен.

На первый взгляд, у тети Тони прямой суровый характер, а

на самом деле очень много в ней нерастраченного добродушия. В суровые годы войны, когда все мужики на фронте, она руководила рыболовецкой бригадой женщин, являясь капитаном небольшого рыболовного судна. Видимо, с тех пор страсть к ловле рыбы у тети Тони была неподдельной. В квартире у нее стояли рыболовные удочки и прочая атрибутика рыбака. Я не рыбак, но лодка была, это Гена Шашков, уезжая из Качканара, подарил мне ее, отдав ключи от замка и весла. Тетя Тоня с удовольствием использовала лодку для ловли рыбы.

И вот на 9-м квартале жители привыкли видеть идущую бабушку с веслами и удочками на плече, и за руку ведет двухгодовалого ребенка, садятся в лодку и отчаливают. Под вечер возвращаются почти всегда с пойманной рыбой.

В 1970 году я решил строить гараж, в расчете на то, что когда-нибудь накопим денег и купим машину. Но позвонили из горисполкома, сказали, что я включен в список на получение машины, нужно срочно выехать в город Ижевск и гнать своим ходом...

Что делать? Денег у нас только на полмашины, решили занять. Занимали у хороших знакомых и у друзей на определенное время. Завели записную книжку, если не могли к сроку скопить, перезанимали у других и отдавали. Таким образом, с долгами мы рассчитывались целых три года, я уже об этом писал раньше.

Перегнать машину из Ижевска я попросил Витю Теселкина, работавшего на заводе водителем автобуса. Он был в это время в отпуске и согласился. По пути в Качканар временами мы останавливались, делали короткие перерывы, а я в это время на полянке обучался вождению. У меня не было прав и навыков. Наблюдая за мной, вот что сказал Виктор:

— Поскольку у тебя все будет впервые, и вождение, и правила изучать, запомни для начала три правила, если можно так назвать.

Первое. Никогда не выезжай на полосу встречного движения, даже когда дорога пустынна. Такая привычка обязательно когда-нибудь подведет.

Второе. Избегай лобового удара. Приучи себя в момент опасности резко поворачивать руль вправо. Ты окажешься в кювете, или перевернешься, но живой, а лобовой удар всегда смерть.

Третье. Никогда не пей за рулем.

Спасибо Виктору, моему первому наставнику. Тридцать пять лет я водил машину и всегда добрым словом вспоминал этого отзывчивого прекрасного человека, бывшего автоинспектора ГАИ города Качканара. За все годы вождения было только два легких столкновения, и то не по моей вине. В обоих случаях были разбиты задние фонари.

«Москвич-412» я продал в городе Артемовском, а Жигули – «копейку» купили в 1981 году. На машине с сыном Валерой мы в 1982 году ездили в Крым, а до этого, пока Дима не был призван в армию, стал просить, чтобы мы купили мотоцикл. Во-первых, у нас не было денег, чтобы выполнить просьбу, и мой ответ был такой:

– Мотоцикл покупать вам не будем, есть велосипед, катайтесь, добьете – купим второй, а мотоцикл будешь покупать, когда сам будешь зарабатывать.

Немного подумав, я предложил:

– Давайте по воскресеньям будем учиться водить машину.

И мы с Димой и Валерой на пустынном участке автодороги к строящемуся ЖБИ ЗСНС учились водить машину. Валере 13 лет Диме 17.

Свою трудовую деятельность начинали: Дима на заводе ЖБИ «Запсибнефтестрой», Валера на радиозаводе. Дальнейший

жизненный путь они выбрали сами. Нам с Лидой оставалось только радоваться их успехам и переживать, если что-то не ладилось.

Сейчас Дима и Валера живут своими семьями в хороших квартирах. Дима работает в ГОКе

агломератчиком, Валера программистом. У них замечательные жены, у Димы Наташа и у Валеры Наташа.

Наша внучка Ирина в этом году уже получила паспорт. Мы радуемся и тому, что в семье Наташи и Димы растут трое внуков: Кирилл, Маргарита и Настя.

ТАМ, НА ШАХТЕ УГОЛЬНОЙ...

Меня всегда раздирало любопытство. Мне всегда хотелось видеть, чего не видел, побывать там, где я не был. Захотелось посмотреть, как делают конфеты, — и дальний родственник, главный инженер Свердловской кондитерской фабрики, мне устраивает такую экскурсию. В 1969 году в Москве стали проводить экскурсии на Останкинскую башню, и мне удалось попасть туда даже с посещением ресторана «Седьмое небо» и два часа, сидя за столиком, рассматривать с высоты птичьего полета предвечернюю и вечернюю, всю в огнях, Москву. Два оборота делает столик за два часа.

Однажды мне захотелось побывать в угольной шахте. Находясь в городе Артемовске, я уговорил знакомого шахтера Леню Михова, который работал на Буланаше в одной из шахт, чтобы он помог удовлетворить мое любопытство. В свободное от работы время мы пошли к главному инженеру шахты за разрешением. Первый вопрос, который он задал:

— Зачем?

— Хочется узнать о шахтерском труде не только по книжным картинкам, а увидеть своими глазами.

И он нам разрешил, предупредив Леню, что в рабочую лаву ни в коем случае не ходить. Меня одели в рабочую шахтерскую робу, через плечо повесили одну сумку «Самоспасатель» и вторую с аккумулятором. На голове — каска с фонарем. В журнал занесли мои данные, указали цель моего спуска в шахту; время, когда я зашел в шахту, и примерное время выхода из нее.

Не буду объяснять значение шахтерских словечек: «Штрек, лава, горизонт, штольня», — чтобы самому не запутаться. Три часа Леня добросовестно водил меня по шахтным выработкам, показывая и рассказывая, каким трудом добывается уголек. После всего подвел меня к аварийному выходу. Аварийный выход похож на колодец, который соединяет два горизонта, находящихся на разных отметках.

Стенки укреплены деревянным срубом таким же, как у колодцев.

Мы полезли по лесенке. Через каждые 5 или 6 метров – крышка. Сколько крышек мы прошли, не помню. Было душно, вентиляции нет. Когда вышли, я спросил:

– Зачем эти крышки?

Леня ответил:

– Если сорвешься, то на крышке удержишься и не полетишь через весь ствол.

Когда мы вышли из шахты, я ничем не отличался от тех, кто работал. У меня, как и у всех, блестели глаза и зубы.

Мне много рассказывал о шахтерском труде во время войны, когда работали по 12 часов, тесть Георгий Лопатин, шахтер. Вот выдержки из его рассказов.

– Когда в лаве идет работа, пыль стоит такая, что в двух метрах человека не видно.

А после смены, когда выйдешь на поверхность, сорвешь листок тополя, поднесешь к лицу, дышишь, вдыхаешь запах, и кажется, надышаться не можешь. Сейчас угольный пласт перед тем, как начнут отрабатывать, под давлением пропитывают водой, и только тогда начинают работать.

В ГАРИ

В конце августа 1968 года мы решили всей семьёй ехать в Егоршино. Диме было 4,5 года, Валере — полтора месяца. Поехали поездом. На вокзале нас встретил тесть Георгий Неофидович на мотоцикле и доставил к дому. На другой день звонила Галина из Гарей, просила:

– Папа, приезжай к нам в гости.

– К нам вчера Анатолий с Лидой и ребятками приехали.

– Ну пусть Анатолий с Димой с тобой приедут, а Лида с маленьким Валерой, конечно, не поедет. Вы как приедете в Сосьву, на автобус и до пристани. От Сосьвы ежедневно ходит пассажирский катер «Заря», вы на нём и прибудете в Гари.

Всё это нам рассказал Георгий Неофидович, и мы с Димой собрались. Раньше, года три-четыре назад, летали самолёты

местных авиалиний Свердловск - Гари с посадкой в г. Артёмовском. Конечно, мы бы полетели самолётом, но в этом году они почему-то не стали в Артёмовском садиться. Помню, раньше как-то тесть собирается лететь в Гари, уже выходя из дома, охнул:

– Чуть спички с собой не забыл!

Я ему:

– Зачем тебе в самолёте спички?

- А как же, в путь-дорогу собрался, вдруг что-нибудь случится в пути и костёр не чем будет разжечь.

Итак, мы в Сосье. Автобус подошёл к пристани, мы вышли и устремились к кассе купить билеты на катер. Но билетов нет. Вскоре переполненная «Заря» ушла в Гари, а мы остались на берегу. Нас таких неудачников было человек восемь. Растерянные мы стояли, никакие мысли в голову не приходят. Вдруг прибегают какой-то мужик и говорит:

- Быстро пошли за мной. Я уговорил водителя мотовоза, чтобы он нас по узкоколейке отвёз в Гари. Еле уговорил парня, он рассказывает, что вот уже двое суток мотается туда-сюда не спавши.

Мы разместились в кузовке мотовоза кто как, там даже сидений путёвых не было. Тесть сел на какой-то ящик, я — на стоящую рядом флягу и взял Диму на колени. Вот в таком полускрюченном состоянии мы до Гарей по узкоколейке ехали целых четыре часа. Устали — не то слово. Болели все кости и мышцы. Как только зашли в дом Зверевых после почти суточного путешествия с приключениями, первое, что я выговорил:

- Галина, остограммь меня, успокой душу.

На другой день девчонки увели Диму показывать лосёнка, который спокойно расхаживал в школьной загородке, и, увидев ребят, тут же устремился к ним, уже зная, что они его угостят чем-нибудь вкусеньким.

В Гари в это же время приехал из Ленинграда Емельянов Виталий Иванович, с ружьём, с биноклем, экипированный как и полагается охотнику. Я приехал, когда Геннадий с Виталием

договорились, что завтра они собираются в лес на охоту на рыбалку. Предложили и мне составить компанию. Я согласился, и Геннадий вечером мне приволок ружьё и патронташ с патронами.

Утром мы как три заядлых охотника с ружьями и рюкзаками отправились на берег р. Сосьва, где у Геннадия стояла лодка и закрытый на замок ящик, где хранился мотор. Привычными движениями Геннадий закрепил на лодке мотор и велел нам усаживаться. Сначала в лодку зашёл Виталий и расположился в носовой части, я в средней части, а Геннадий на корме управлять мотором. Лодка была долблёнка, и когда мы все погрузились, я обратил внимание, что она так осела, что борта были выше поверхности воды всего на два пальца, то есть три сантиметра, не больше. Мне стало неуютно.

- Не дёргайся, - окликнул Геннадий. - Сиди спокойно.

Я покосился на противоположный берег Сосьвы, прикидывая, далеко ли придётся плыть в случае чего. Но тут завёлся мотор и лодка пошла. На ходу она немного приподнялась, и я успокоился. Не доходя немного до места где Сосьва впадает в Тавду, мы сошли на берег. Лодку вытащили из воды, мотор Геннадий отнёс в кусты, и мы по тропинке отправились на берег озера.

Озеро — это бывшее русло р. Сосьва. Старица, так его

называют. Это довольно большой петлеобразный водоём. Немного в глубине леса, недалеко от берега стояла лесная избушка, в которой нам придётся ночевать. Геннадий взял сети и пошёл к лодке. Надо успеть поймать рыбы на вечернюю уху. Мы с Виталием остались у избушки. Мне не терпелось задать массу вопросов, чтобы удовлетворить информационный голод, который испытывал я в то время. Всё-таки Виталий приехал из Ленинграда, и мне казалось он много знает того, чего я не знаю. Я включил транзистор, который был у меня с собой, послушать новости. Передают, что запустили на Луну автомат, который прилунился, взял пробу и возвращается на Землю.

— Вот что делают, чтобы отвлечь народ от событий в Чехословакии, - сказал я.

— Соображаешь, - сказал Виталий.

Потихоньку мы перешли на обсуждение международных тем, о создании в мире новых мощных вооружений. Не забыли и китайских хунвейбинов, которые грозятся миллионами пешком до Москвы добраться. На все эти страхи Виталий ответил так:

— В начале нашего века единственное оружие массового уничтожения, которое было создано — газы, и то было запрещено международной конвенцией. За эти почти 70 лет учёные всего мира работали над созданием нового оружия массового уничтожения и столько на придумывали, а военные всё засекретили, что порой даже страшно становится.

Виталий продолжал:

— Вот ты когда-нибудь слышал о передаче высокого напряжения на расстояние без проводов?

— Да, я когда-то такое в журнале «Наука и жизнь» читал.

— Так вот, включил рубильник, и миллионы, которые окажутся в поле луча высокого напряжения — трупы.

Вернулся Геннадий, принёс улов — несколько довольно крупных карасей, и мы переключились варить уху. Я обратил внимание на карасей. Это были довольно крупные рыбыны, не

меньше полкило каждый. У нас на Актайском озере таких я не встречал.

- Но это не предел, - сказал Геннадий, - бывают и покрупнее.

В своих рассказах Геннадий однажды высказался, что приходилось ловить карасей и по килограмму весом. Нина Ивановна засомневалась:

- Да таких карасей и в природе не бывает!

Геннадий замолк, не стал продолжать эту тему. Про себя решил: обязательно поймаю и покажу Нине Ивановне. Много или мало прошло времени, но однажды ему повезло, он выловил карася, который оказался весом 1,5 кг. Геннадий с этим карасём самолётом улетел в Свердловск. Принёс карася Нине Ивановне и сказал:

- На, Нина Ивановна, и не говори, что я вру.

А уха уже готова, мы поужинали и улеглись в избушке, завтра утром каждый из нас займётся своим делом.

Но вот пришло время дать краткую характеристику. Кто же мы, трое с ружьями, появились в охотничьей избушке.

Геннадий — это классный охотник и рыбак, одним словом — добытчик. Если он подался в лес или на рыбалку, то я и представить себе не могу, чтобы он вернулся с пустыми руками.

Виталий весь отпуск может с ружьём носиться по тайге, наслаждаясь свежим

воздухом, настоящим на хвое. Про таких говорят: ему важен процесс, а не результат.

Обо мне и говорить нечего. Я по лесу бегать не любил и рыбачить тоже. Да и как быть по другому, когда с детства отец нам говорил, что с ружьём бегать по лесу — это пустое дело. Крестьянину каждый час дорог. Поэтому в нашей семье ружья не было. Но стрелял из ружья я неплохо. Труд дяди Шуры не прошёл даром. Он меня с восьми лет приучал метко стрелять. Приходил с ружьём, забирал меня с собой и где-нибудь за деревней на каком-нибудь пеньке закреплял бумагу, и я стрелял шагов за 40-50 от мишени. Посмотрит, похвалит, и мы идём домой.

Геннадий опять в лодку и пошёл расставлять сети (почему-то он их называл колупы). Виталий убежал в тайгу. А я медленно с ружьём наизготовку со взведёнными курками ходил по берегу. Сделаю полный крюк, через лесок выйду на прежнее место, откуда начал, полежу на травке немного и опять иду по старому следу. На третьем обороте, как в таких случаях говорят, прямо из-под ног выпорхнула утка и быстро стала удаляться от меня. Я вскинул ружьё, выстрелил — утка лежит на воде. Я закричал:

— Геннадий, подбери утку!

Он не сразу обратил на меня внимание. Мне показалось, что он не слышал, и я ещё громче закричал. Он подплыл, подобрал утку и на меня:

— Чего ты орёшь, я же видел.

К вечеру мы собрались в обратный путь. Виталий вдоволь набегался. Геннадий собрал рыбу и сети в рюкзак, он тоже одну утку добыл.

Когда мы прибыли домой, Галина занялась утками. Она как-то по-особому их приготовила, было очень вкусно. Я посмотрел на Диму: он с таким удовольствием уплетал утятину.

ЧЕРНАЯ «ВОЛГА»

В семидесятые годы прошлого XX века в сельскохозяйственных районах Свердловской области работало много ребят из Армении. Приезжали группами, бригадами, брали подряд на строительство небольших и несложных сооружений, за лето строили, получали деньги, и к зиме уезжали обратно на родину. Их на Урале в шутку называли «Армянстрой».

Среди них были всякие специалисты. Иногда талантливые отделочники, а иногда не очень великие. В одну из организаций приехали пятеро молодых парней на черной «Волге». Видимо, папиной. Я почему это подчеркнул: в 70-е годы иметь машину «Волгу» была мечта многих граждан Советского союза. За «Волгой» многие ехали работать по договору за границу.

Так вот, армянские парни взяли подряд на строительство коровника, и все, вроде, шло хорошо. Хозяин «Волги» двадцатилетний парень познакомился с 16-летней местной девушкой, и вечерами они долго гуляли. Мама девушки с опаской поглядывала на эти прогулки и предупреждала дочь:

– Смотри, девка, случись что, я вот этими руками придушу тебя.
– Ну что ты, мама, мы только гуляем. Он интересно рассказывает про свою очень красивую Армению.

Но, несмотря на заверения дочери, мать все-таки следила за ней. И однажды выследила. Чуть ли не из-под парня она выдернула дочь и, не отпуская ее руки, привела в милицию:

– Садись и пиши заявление, что он тебя изнасиловал.

Повинуясь приказу строгой матери, девушка написал заявление об изнасиловании. Парня тут же арестовали. Оставшиеся ребята из этой компании быстро позвонили отцу парня в Армению, и он срочно прилетел.

В милиции дело пока не завели в надежде, что может, родители между собой дело уладят: придут к соглашению и заберут заявление.

Прилетевший папа арестованного парня решил сходу решить дело с отцом девушки, как с главой семейства.

– Вот что, дарагой, дело сделано, назад ничего не вернешь. И как компенсацию за моральный ущерб я тебе оставляю «Волгу». Документы уже все подготовлены. Забери, пожалуйста, заявление из милиции.

– Так-то оно так. Я согласен, но надо посоветоваться с женой.

– Как женой, зачем женой, ты же глава семьи!

– Она же мать дочери.

И он ушел рассказать жене о предложении. Жена выслушала и ни в какую согласия не дала. Заявление забирать отказалась, и мужу велела не влезать не в свое дело. Услыхав такой категоричный ответ, отец парня из Армении схватился за голову. Куда теперь идти, кто ему поможет? Как за соломинку, он ухватился за мысль, идти к начальнику организации, где работали эти ребята, и обратиться за помощью.

В отчаянии он ворвался в кабинет руководителя с протянутыми вперед руками и почти выкрикнул:

– Папа согласен, мама нет – памаги, начальник!

Дело было передано в суд. Парня посадили. Папа уехал ни с чем, забрав собой «Волгу» и остальных ребят. Обыватели, так уж принято их называть, еще долго обсуждали этот случай, поскольку на кон была поставлена черная «Волга» и ехидно посмеивались:

– Папа согласен, а мама дур-р-а!

РАЗМЫШЛЕНИЯ

В 1966 году мы с женой поехали в Ленинград. Хотелось походить по музеям, посмотреть всё то, что мы никогда не видели. Дальние родственники нам любезно на неделю предоставили свою комнату в коммунальной квартире, а сами семьей летом жили в садовом домике, который называли дачей. По таким дачам разъехались все жильцы коммуналки, кроме одной старушки, которой было 86 лет, и ютилась она в крохотной комнатухе, половину которой занимала кровать. Вечерами, когда мы возвращались под крышу коммуналки, всегда приглашали к столу бабушку, и она никогда не отказывалась. Я спрашивал:

– Бабушка, выпьешь?

– Выпью, выпью. Я, когда выпью, крепче сплю.

Кроме всего, эта бабушка была удивительным рассказчиком. Вот один из ее рассказов.

– Когда мне было шестнадцать лет, мой дядя был при царской фамилии камердинером. На лето все уезжали в Царское Село. Дядька собирал нас, всех родственников, и водил по царским хоромам, показывал, рассказывая, как цари живут. Было очень красиво и интересно. Всего этого мы никогда не видели, и удивить нас было несложно. Однажды он решил нам показать комнату Петра I. Я, как самая шустрая, первой захожу в комнату. Сидящий в кресле Петр I вдруг встает и делает три шага навстречу вошедшим. От неожиданности и испуга я громко закричала и тут же получила крепкую затрещину от дядьки. Не успев опомниться, я не заметила, как Петр I снова сидит в кресле. Это был механический Петр I, созданный механиками-умельцами. Как только человек входил в комнату, под тяжестью его тела включался механизм. Петр вставал из кресла, делал три шага вперед, останавливался, делал три шага назад и снова садился в кресло.

Я спрашивал бабушку:

– А позднее ты видела эту комнату, бывала в ней?

– Да, еще до войны была эта комната Петра I, но механизм не работал.

Мне было интересно узнать подробности от работников Эрмитажа, и я спрашивал, но никто мне ничего про комнату не сказал. Правда, одна пожилая женщина сказала, что слышала об этой комнате, но сама не видела. Вот и всё.

Бабушка вечерами продолжала нас удивлять разными историями из своей жизни. Особенно много рассказов было про блокадные дни Ленинграда. Ей тогда было уже 60 лет, и она продолжала ходить на работу. Человек привыкает ко всему. Привыкли блокадники и к тому, что трупы людей валяются на улицах Ленинграда, и никто их не убирает. Только весной, боясь эпидемии, их начали убирать.

Я спросил бабушку, какая у нее пенсия.

– Тридцать один рубль, - ответила она.

– Как же можно жить на такие деньги?

– Да ничего, живу, стараюсь больше одного рубля в день не расходовать.

Я думал, что 31 рубль это самая маленькая пенсия и ошибался. Были пенсии и 14 руб., 11 руб. и даже 7 руб. В столовой, чтобы пообедать в 1966 году, надо иметь при себе не менее одного рубля.

В эти годы уже установился предел пенсии 120 руб., и все старались к выходу на пенсию иметь все данные, чтобы получить таковую.

Правда, была еще одна пенсия, повышенная, 240 рублей, и назначалась она пенсионерам союзного значения. А кто это определял, не знаю. Получалось, что к установившемуся потолку была еще 100%-я льгота. Вспоминаю такую историю. В 1969 году я был на месячных курсах повышения квалификации в Москве. Курсы по линии Госстроя. По окончании к нам пригласили лектора ЦК КПСС по международным и внутриполитическим делам. В то время не только мы, но и весь

советский народ испытывал информационный голод. Смотрите, вот уже пять лет, как Хрущева сменили на Брежнева, а никто не знает, где Хрущев? Поэтому, как только лектор закончил лекцию, ему посыпались вопросы, и первый из них был:

– Где Хрущев?

– На пенсии и живет на хорошо охраняемой государственной даче.

– Дачу ему еще дали.

– Ну, зачем же так, ему как генерал-лейтенанту положена государственная дача.

– А пенсия какая ему положена?

– Как пенсионеру союзного значения 240 рублей.

– Где сейчас Молотов, Каганович, Маленков, Шепилов?

– Молотов Вячеслав Михайлович на пенсии, остальным предоставлена работа, и они работают. Кстати, когда Молотова В.М. отправляли на пенсию, Хрущева Н.С. спросили, какую пенсию ему назначить. Хрущев сказал: «На общих основаниях», и Молотов с 1969 года получал 120 руб. Вячеслав Михайлович был человек гордый и строго запретил жене Полине Жемчужной куда-либо обращаться по этому поводу. Но Полина Жемчужная сходила в этом году на прием к Брежневу Л.И., и сейчас Молотов получает пенсию 240 руб.

Много вопросов задавали лектору и о событиях в Чехословакии, и о Сталине И.В., поднимут ли его авторитет как бывшего руководителя государства. Был ответ:

– Поднимут, но только с плюсами и минусами в разных карманах.

Но продолжу размышлять о пенсиях. Итак, сделав 100%-ю надбавку, пенсию 240 руб. стали называть пенсией союзного значения. В 80-е годы такую пенсию стали получать все чиновники. Образовалась неприкасаемая каста отдельно от народа. Характерно, что эту надбавку из «развитого социализма» чиновники перетасили в «недоразвитый капитализм» 90-х годов,

беспокоились о своем будущем пенсионном времени. А остальным остался потолок, который определяют те же чиновники.

Мой 44-летний стаж работы закончился в смутное время 1996 года.

– Тебе положен потолок, - прозвучало как крышка, щелчок и сразу на гвозди. В таком положении долго не протянешь.

Есть еще одна категория людей, депутаты. Эти «слуги» народа после избрания причисляют себя к небожителям и зарплату себе назначают заоблачную и пенсию строго 70% от зарплаты без всякого потолка. Я перед выборами зашел на опорный пункт КПРФ, взять газеты, почитать, что пишут. Там были пять женщин-пенсионерок, которые зашли по призыву КПРФ отметить, что они бывшие «дети войны», надо ведь как-то заманивать избирателей на свою сторону.

Я сел в сторонке, прислушиваюсь к разговору. Одна женщина упорно спрашивает дежурного по комнате:

– Скажите, это точно, что Калугин получает пенсию 50 тысяч рублей?

Мне стало интересно, какой ответ получают женщины. А никакой. Ни да, ни нет. Одно словоблудие.

И еще об увеличении пенсий, которое всегда с трескотней преподносится. Для тех, у кого потолок, это не увеличение, а компенсация потерь от инфляции. А для чиновничьей касты она действительно солидная прибавка.

Первая пенсия у меня была 488 руб. В конце 2011 года я получил 9260 руб. Много или мало, не мне судить. Есть в России такие пенсионеры, которые еще меньше получают. Но если бы такую пенсию получали московские пенсионеры, то они бы по кирпичику разобрали и Государственную Думу, и кремлевскую стену еще 20 лет назад.

В свое время в борьбе за голоса избирателей бывший губернатор Россель обещал сделать уральским пенсионерам такую

же надбавку, как москвичам, но не выполнил. А сейчас Мишарин ничего не обещает. Видимо, нам, меченым «потолком», не видать никаких изменений. Рылом не вышли. Уральцы не москвичи и к Газпрому никакого отношения не имеют.

Одним словом, меченые «потолком».

В нашей пенсионной системе в настоящее время творится такое, что никакому объяснению не поддается, и никто толком ею не занимается. Каждый чиновник хочет урвать для себя побольше, а пенсионным фондом командуют хапуги. Два с лишним года пенсионеры следили за расследованием дела хапуги Дубинкина, который украл из пенсионного фонда Свердловской области миллиард рублей. Все гадали, посадят его или выпустят и второй орден за заслуги перед отечеством дадут. А дальше отсидит он данные 8 лет, выйдет, и как чиновник будет получать повышенную пенсию без всякого потолка. Ничего не поделаешь, такова наша запутанная пенсионная система.

АРТЁМОВСКИЕ БЫЛИ

О том, как и почему я очутился в городе Артёмовском, будет эта глава.

После судебных разбирательств по несчастному случаю на заводе, мне суд определил три года условно. Я остался работать на заводе в должности технолога в строящемся цехе доборных элементов. Занимался комплектацией оборудования. Цех этот для «Главсредуралстроя» был не плановый, по поставкам оборудования защиты не было и оборудование приходилось добывать с большими трудностями. Где кто что даст. Прошло несколько месяцев, и снова назначается судебное разбирательство по заявлению. Как я узнал позднее, его написали мои недоброжелатели, которыми я обзавелся за пять лет работы главным инженером. Суд обязан реагировать на заявление, и на разбирательствах присудили денежную выплату, регрессный иск. Мы после поговорили с Игорем Федоровичем, и он высказал такую мысль:

– Кто-то не может успокоиться, и я думаю, это не последнее заявление, пока ты здесь на глазах. Тебе надо уехать.

Я стал думать, куда. В это время Игорь Федорович поехал в Тюмень и взял меня с собой. Там случайно произошло короткое знакомство с представителем «Сургутнефтегаза», не помню, в какой он был должности. Я задал ему вопрос:

– Если я сейчас приеду в Сургут, могу ли я найти работу по специальности?

До этого я предварительно рассказал все о себе.

– Можешь, сейчас у нас начинает работу Сургутский завод ЖБИ, вот только с жильем будет потруднее, придется жить в общежитии. При самом лучшем раскладе на квартиру можно рассчитывать года через два-три.

Это меня не устраивало.

Прошло еще немного времени, и я вдруг встречаю в Качканаре своего друга Лёшу Шалина. Я знал, что он из Качканара уехал и сейчас работает в системе «Облколхозстрой» в городе Артемовском начальником МПМК (межколхозная передвижная механизированная колонна). Встреча была неожиданной и короткой. Лёша рассказал мне, что он недавно назначен начальником ПМК-14 в Артемовском и приехал в Качканар, чтобы уговорить кого-нибудь из знакомых на должность главного инженера ПМК.

– Меня возьмешь?

Он немного подумал:

– А что, пожалуй, да, пиши заявление на имя управляющего треста «Спецстрой» тов. Филиппова.

На том и порешили. Я даже не стал ни с кем советоваться, уволился, оформив перевод, и отправился в Свердловск. Из Свердловска управляющий повез меня в своей машине в Артемовский представлять нового главного инженера ПМК-14. Как только мы зашли в кабинет начальника ПМК Шалина А.Н., Филиппов сразу же позвонил первому секретарю ГК КПСС города Артемовского Лысцову:

– Рад вас приветствовать на Артемовской земле. Сейчас я в ПМК привез нового главного инженера.

Лысцову не безразлично было, кого Филиппов нашел на эту должность, поэтому продолжение разговора было уже в кабинете первого секретаря. Подлинный разговор мне не известен, но то, что Лысцов был недоволен такой заменой главного инженера, я знаю точно. При организации ПМК-14 в подборе кадров участвовал лично Лысцов, и он уговорил двух молодых специалистов, кадровых работников, дорожников с высшим образованием Николая Александровича и его жену, которые переводом из города Богданович стали работать в ПМК-14, Николай Александрович главным инженером, а жена

начальником планового отдела.

Прошло немного времени, и Филиппов отстраняет от работы сразу обоих руководителей, начальника ПМК-14 Зайцева и главного инженера. Вот мы с Шалиным А.Н. и напросились. Но, как говорится в народе, назвался груздем, полезай в кузов.

Обстановка в ПМК в феврале 1976 года, когда я приступил к работе, была такова. Основной объём работ – это строящаяся автодорога Артемовский – Лебедкино 40 км. Со стороны совхоза Лебедкинский были выполнены работы по устройству земляного полотна. Оставшуюся работу по устройству земляного полотна со стороны Артемовского нужно выполнить до мая месяца. Отработанную после добычи каменного угля пустую породу мы из Бурсунского террикона вывозили машинами на устройство основания будущей дороги. Своими машинами вывозить грунт мы не успевали, и я поехал в Сухой Лог договариваться с автобазой, чтобы нам на две недели командировали десять КраЗов. Директор автобазы Дмитриев, бывший качканарец, нам помог, послал 10 КраЗов. Бурсунский террикон был вывезен, и мы стали разрабатывать Кировский.

Мне Шалин А.Н. особенно велел обратить внимание на строительство моста через речку. Она была небольшая, вытекающая из болота, но в весеннее половодье доставляла много хлопот. Из совхоза не могли проехать на молокозавод машины с молоком. Мост нужно сдать до паводка. Я прибыл на место, где должен быть мост, и увидел такую картину. В заснеженном лесу, где и определить трудно, что здесь протекает речка, рабочие лопатами разгребли снег вокруг свай, которые были забиты осенью по четыре на каждом берегу речки. Из земли торчали сваи чуть меньше метра. Их нужно было нарастить, выполнить оголовники, соединить в монолите со сваями и уложить на оголовники плиты. Укрепить плитами откосы, установить все знаки, необходимые при устройстве таких сооружений. Всю эту работу успели выполнить до павод-

ка, и Шалин мне говорит: «Поезжай собирать комиссию и сдавай мост. Акт приемки завтра нужно отправлять в Свердловск».

В моем распоряжении был бортовой УАЗ и прекрасный водитель предпенсионного возраста Василий Степанович. Он на данный момент был в отпуске и за рулем я ездил сам.

Когда я разговаривал с Шалиным о работе, сразу же я задал вопрос, где и как я могу получить жилье, чтобы перевезти семью. Шалин ответил, что в плане этого года в ПМК записано строительство 24-х квартирному дома в районе молокозавода, недалеко от ПМК.

«Думаю, что в течение года мы его построим», - заверил меня начальник. Ну а пока я обосновался у тещи с тестем.

1976 год, в магазинах продукты почти отсутствуют. Знакомый шофер Коля Скутин сказал, что в субботу народ из Артемовска ездит на поезде в Богданович, там утром продают у мясокомбината кости, из них получается хороший наваристый суп. Решил и я съездить за костями. Привез, посмотрел, не жалко бы собаке выбросить, да собаки нет. Утром в понедельник рассказываю Шалину о том, как я за костями ездил. Он мне посоветовал съездить в совхоз Лебедкинский, познакомиться с директором, все-таки мы для них дорогу строим, и попросить у него выписать мяса, что я на другой день и сделал. В рюкзаке привез 15 кг мяса. В дальнейшем все эти мясные заботы решали по-всякому. Ездили в Байкалово. Там в деревнях у частных можно было купить любого мяса. Дважды мы складывались и на две семьи покупали двухгодовалых нетелей в Режевском районе. Привозили, какое-то время откармливали, а вот мясниками мы оказались никудышными. В дальнейшем я отказался от такого добывания мяса.

Утром, уходя на работу, я сказал, что сегодня буду сдавать госкомиссии построенный мост. На закрепленном за мной бортовом УАЗе я ездил сам. Водитель Василий Степанович был в

отпуске. Госкомиссия три человека. Начальник ГАИ, главный архитектор города и начальник ПДУ были предупреждены и мы поехали. Начальник ГАИ посадил себе в «Москвич» начальника ПДУ, а я с собой забрал архитектора.

С собой я взял три бутылки коньяка, наивный, думал, что этим все и закончится. Претензий к мосту никаких не было. Расположившись недалеко от моста в кустах, комиссия оприходовала содержимое и вместо того, чтобы подписать акт, они послали меня еще в магазин. Да, комиссия была упитанная, один начальник ПДУ чего стоил. Его за огромный рост и вес в городе называли полтора Ивана. После третьего захода в магазин я подумал, ну теперь-то они мне подпишут, и разъедемся по домам, да и время было уже 9.00 вечера, магазины закрыты.

– Ну что? – спросил я захмелевшую комиссию, – по домам?

Но начальник ГАИ велел ехать за ним, мы подъехали к гаражному массиву в центре города. Было уже поздно, но из гаражей, увидев машину начальника ГАИ, потянулись радиозаводские автолюбители, прихватив с собой спирт. Я понял, что конца тут не видно и стал уговаривать начальника ГАИ, чтобы отпустил меня. Тут уж было не до подписей комиссии.

– Ладно, езжай, – сказал он, – только увези домой архитектора

Что я и сделал. Подъехал к воротам его дома и вышедшей из калитки ожидавшей жене сдал его из рук в руки.

Подъехав к воротам дома тестя, я без удивления увидел, что во всех окнах горит свет, а время 12 часов ночи. Беспокойный Георгий Неофидович, зная, что я за рулем, уже сходил в милицию, поинтересовался, не попал ли я в какую-нибудь дорожную аварию. Я машину оставил у ворот, а утром объехал всех членов комиссии, собрал подписи, опохмелил их и прибыл в ПМК. Вот так впервые в моей практике происходила

сдача готового объекта.

Впереди еще в этом году надо начинать строить 24-квартирный и основная работа на автодороге Артемовский – Лебедкино. Ее надо в этом году сдавать. Лето выдалось очень дождливым. Непогода мешала и на устройстве автодороги, и в сооружении фундамента дома. На устройстве фундамента 24-квартирного дома начала работать небольшая бригада, но частые дожди не давали возможности отработать котлован полностью. Поэтому фундамент монтировали частями. Откопаем немного, смонтируем блоки и дальше. Задача – чтобы до заморозков закончить. Шалин А.Н. даже не посоветовался, снял всех людей и экскаватор, вместе с мастером отправил на дорогу. Незаконченный фундамент дома ушел в зиму, вернулись к нему только в феврале 1977 года, электропрогревом разогрели грунт, чтобы мог работать экскаватор. Смонтированная часть фундамента в зимний период даст просадку, это мы понимали.

Кроме всех тех работ ПМК, которые определяет план ГК КПСС своими постановлениями, нам подбрасывали неплановые работы. Так, в этом году было записано: в порядке шефской помощи выполнить работу в ферме Артемовская. Это значит, приличный участок дороги в этом совхозе нужно заасфальтировать. Когда я приехал, директор показал мне объем работ и спросил:

– Когда начнете работу?

Я ответил:

– Как только увидим смету, и кто будет платить за данный объем работ.

– Но вам горком записал: выполнить шефскую работу.

– Мало ли, что записал. Бесплатно делать не будем.

– Ну, тогда пошел на

И я ушел. Таким образом, я попал в немилость за невыполнение решения ГК КПСС. Шалин всегда на такие неплановые работы ответственным ставил меня.

Пришел в негодность участок основной автодороги от Ключей до Кировки. Подготовили объезд, и нам в кратчайшие сроки велено произвести ремонт. Первый секретарь ГК КПСС Лысцов говорит мне:

– Я в субботу утром буду на дороге и должен увидеть, как вы начали работу.

Разговор был в четверг. В нашем распоряжении пятница. Рыхлитель, который мы попросили в ПМК-6, находится в 40 км в Красногвардейске. Срочно ночью посылаем туда трактор, пока он его притащил, это был конец дня пятницы. Рыхлитель оказался неисправным. Ремонт занял много времени, и в субботу мы не выехали на дорогу. Начали рыхлить только в воскресенье. Я стою на дороге, доволен тем, что с большим трудом, но все-таки начали, пусть не в субботу, а в воскресенье, и собрался уходить, но тут подъезжает горкомовский посыльный и говорит:

– Садись в машину, Лысцов вызывает к себе.

Захожу в кабинет. Лысцов:

– Почему в субботу не организовал работу на дороге?

Я пытался ему объяснить, с какими трудностями пришлось столкнуться, но он и слова сказать не давал:

– Я что, тебя болтать сюда вызывал!?

Так мне и не удалось оправдаться. В глазах Лысцова до конца его дней на этом посту я был в немилости. В этом же году Лысцова перевели в Свердловск начальником областного управления трудовыми резервами.

Первым секретарем Артемовского ГК КПСС был избран Анатолий Лаврентьевич Щелчков, наш земляк, исовской мужик. Но он был недолго, дождливая осень 1977 года не дала возможности провести уборку урожая. Шесть тысяч гектаров неубранной пшеницы легло под снег. Контрольные обмолоты показывали, что урожай был высокий, 40 центнеров с гектара. Ельцин Б.Н. тут же освободил первого секретаря ГК КПСС от

занимаемой должности.

Поскольку я коснулся моих взаимоотношений с партийным руководством, расскажу байку, услышанную в Артемовском о секретаре горкома, который относился с иронией ко всему происходящему, в том числе и к своей работе. Я спросил: «Это анекдот?» Меня уверили, что на самом деле, и даже фамилию назвали.

Идет заседание бюро горкома. Поступила жалоба на коммуниста, пенсионера союзного значения, возраст 76 лет. Жена пишет, что он нашел себе 36-летнюю бабёнку и ходит к ней. С критикой выступили все члены горкома.

– Ну что скажешь? – спрашивает секретарь.

– А ничего не скажу, делайте, что хотите. Но скажу я вам, как только до неё дотронусь, с меня как будто 30 лет кто-то сбросил.

Все замолкли. Какое же решение предложит секретарь? И он сказал:

– Орден надо ему дать. Дай бог, чтобы мы 76-летние бегали к 36-летним.

Второе персональное дело – директора ГПТУ. В основу дела легла медицинская справка на учащихся девочек. При поступлении – одни данные, и сейчас перед выпуском девочками остались только четыре процента. Ну и досталось тогда на бюро директору! В чем только его не обвиняли. Того и гляди, сейчас примут решение об освобождении директора от занимаемой должности. Когда утихли, секретарь немного помолчал и выдал:

– А пусть он эти четыре процента доделает, чтобы сто процентов было.

Я не рассказал о коллективе, в который влился, с кем мне пришлось работать. К моему удивлению, да я и не скрываю этого, ПМК-14 инженерно-техническими работниками был укомплектован полностью, и при этом неплохими, имеющими высшее образование по дорожному строительству.

К примеру, старший прораб Иванов Георгий. Молодой специалист, дорожник, через годы работы стал главным инженером ПМК

Николай Александрович до меня был главным инженером ПМК. Без всякой обиды на то, что с ним так обошлись, помогал мне во всем. Дал хороший справочник по дорожному строительству и так ненавязчиво рассказывал о тонкостях в работе дорожного строительства. Я очень благодарен ему за это.

В апреле 1976 года закончили и сдали эстакаду, в мае уже были поставлены первые вагоны со щебнем под разгрузку. В мае мы начали работы по строительству 24-х квартирного дома. В это время трест задумал по инициативе главного инженера провести школу передового опыта. Велено собраться всем главным инженерам ПМК в тресте «Спецстрой» и поедем по всем ПМК смотреть, как ведутся работы на строительстве дорог. Когда об этом по телефону разговаривал Шалин, он прямо сказал, что у меня на эту организованную трестом пьянку денег нет, и можете в Артемовск не заезжать. Остальные ПМК: Сысертская, Ирбитская, Талицкая, Сухоложская согласились. Я приехал в Свердловск, и мы поехали Сысерть.

Готовился к пуску Артемовский сельский строительный комбинат, и нам было поручено выполнить работы по благоустройству. Заасфальтировать подъездные пути, проезды, пешеходные дорожки и т.д. Там работал наш бульдозер, который делал планировку. При движении на задней скорости наехал на человека и раздавил его. Когда мне сообщили, я сел в машину и помчался на место происшествия. По пути вспоминаю, что этого бульдозериста часто замечали в употреблении спиртного во время работы. Но на этот раз он оказался трезв и не виновен в происшедшем. Оказалось, что в цех, а сельский комбинат уже работал, вышел на работу 26-летний парень, вдрызг пьяный, мастер его не допустила и все это

записала в журнал. Он пошел домой и остановился, глядя на работающий бульдозер. Когда бульдозер остановился, парень стал очень близко сзади его обходить, а в это время бульдозерист включил заднюю скорость, Бульдозер начал двигаться и наехал на парня. Из кабины тракторист не мог видеть его. Так установила комиссия. Виновным оказался пострадавший.

Мы заканчивали работы на сельском комбинате. На вывозку мусора поставлены экскаватор и два самосвала. Однажды в три часа дня раздается звонок телефона:

– На ваш самосвал упал мостовой кран.

Я схватил лежащий в столе фотоаппарат, сел в машину и поехал на место происшествия, не зная, есть или нет пострадавшие. Приехал быстро, со всех сторон сфотографировал. А произошло вот что. На крановую эстакаду монтажники поднимали мостовой кран, и крановщик, видимо, ошибся с вылетом стрелы, опрокинулся вместе с грузом. Кран упал прямо на самосвал, превратив машину в груды металлолома. Водитель машины и экскаваторщик в это время стояли в стороне. С фотографиями происшедшего я на другой день уехал в трест и отдал главному инженеру. Поскольку пострадавших не было, разборку спустили, как говорится, на тормозах. Без особого шума и определения виновных.

Поскольку ПМК – это передвижная механизированная колонна и дисциплина должна быть, как говорится, на высоте, а вот ее как раз и не хватало. Пьянь какого-нибудь механизатора с утра совсем не редкий случай. Рассказывал мой предшественник, главный инженер Николай Александрович.

Как-то утром во время работы сказали, что экскаваторщик работает пьяный. Главный инженер, председатель профкома и механик пошли, чтобы во избежание неприятностей отстранить его от работы, свозить на экспертизу. Экскаваторщик, увидев приближающихся, вытянул рукоять с

ковшом и стал вращать, не давая им подойти. Это уже хулиганство. Главный инженер велел позвонить в милицию, чтобы они его забрали. Пока время шло, до приезда милиции экскаваторщик, видимо, понял, что такие шутки не в его пользу, заглушил экскаватор и вышел. Стоят, разговаривают, тут подъехала милицейская машина. Вышедшие два милиционера спрашивают:

– Кого забирать?

– Вот этого, - и экскаваторщик показал на главного инженера.

Пьянь пьяню, а с чувством юмора в ПМК полный порядок.

Я бы назвал королем розыгрыша в ПМК Васю Каримова, крановщика. Вот он утром только заходит в раскомандировочное помещение и сразу:

– Слыхали, Каблинов умер?

Все удивленно:

– Да-а-а...Надо же, вчера еще на работе бодро бегал.

Каблинов – это начальник снабжения.

– А что случилось?

Вася, не отвечая на вопрос, продолжает:

– Сегодня уже переговоры ведут, чтобы разрешили похоронить на татарском кладбище.

Кладбище находилось рядом с ПМК. Несколько минут прошло в шоковых охах и ахах, и вдруг открывается дверь, входит Каблинов. Все повернулись к нему, и тут же взрыв хохота порвал воздух помещения. Каблинов постоял немного и говорит:

– Опять Васька чего-то сморозил.

Продолжая хохотать, кто-то выдохнул:

– Да мы вот собрались на твои похороны.

Каблинов махнул рукой:

– И вы сидите, слушаете этого дурака.

По разрядке из треста было выделено получить несколько новых самосвалов. Машины получать нужно на заво-

де в подмосковных Мытищах и своим ходом пригнать в ПМК. Но только одно «но». Водители, которые поедут за машинами, должны месяц отработать на заводе, такие условия. Посланные водители заканчивали месячную отработку, и все ждали вестей, что все в порядке, выехали. Опять Вася Каримов. Приходит на работу и говорит:

– От Пашки Грязнова вчера письмо жене пришло.

Пашка – это один из водителей.

– Ну и что он пишет?

– Да написал, что права у него в Москве отобрали.

Все изумленно:

– Как? За что?

А в головах уже вертится вопрос: кто же теперь погонит машину?

– А хули с навозом на Красную площадь заехал! – подытожил сказанное Вася Каримов.

Нахохотались все досыта, ведь знают, что Вася хохмач, и все равно вера его словам, как только откроет рот, стопроцентная. Так он мастерски творил свои розыгрыши. Это редкий талант.

Еще расскажу один эпизод из жизни коллектива ПМК-14. По настоянию начальника милиции был принят на работу один подросток. Ему еще не было 18 лет, но он уже побывал в Верхотурской трудовой колонии и у нас оказался после отсидки. Его приняли в службу главного механика автослесарем. И вот не прошло и месяца, как механик врывается в кабинет начальника в возбужденном состоянии и заявляет, что на него этот чудослесарь кинулся с ножом.

– Где он сейчас? – спросил Шалин.

– Побежал в сторону террикона и ребята побежали его ловить.

Шалин выскочил. Подбегая к террикону, он увидел такую картину. В окружении нескольких человек стоит с ножом в руках этот подросток.

– А ну подходи! – выкрикнул он.

Шалин взял в руки валявшийся кусок доски, подошел к нему и как следует врезал. Тот упал вместе с ножом. Тут же его связали, бросили в машину и увезли в милицию, прихватив его нож.

Суд был скорый, выездной, в красном уголке ПМК. Меня вот что удивило. Когда после приговора его вели к воронку, то в ПМК собралось так много подростков, которые провожали его как героя. Казалось, на проводы собралась вся артемовская шпана. Они тянули руки, чтобы до него дотронуться. Слышались выкрики:

– Передавай привет, - и так далее, а он шел и улыбался.

В ПМК нам с Шалиным А.Н. дали возможность работать полтора года, потом его заменили. Филиппов снова пригласил начальником Зайцева, которого полтора года назад выгнал. А чуть позднее и со мной так же обошелся Филиппов, говорили, что по просьбе Зайцева. Если говорить коротко, что нам мешало в работе, то я бы на первое место поставил пьянь. Мы безжалостно выгоняли из ПМК выпивох в рабочее время, а другие к нам не пришли. И в самый разгар работ на дороге в весенне-летний период мы оказались некомплектованы кадрами. По этой причине Шалин велел прекратить работы на строительстве дома и всех людей отправить на дорогу. В результате не выполнили до зимы работы по устройству нулевого цикла. Я как-то разговаривал с главным инженером МПМК Рожанским. Это бывший качканарец, он работал прорабом в СУ-5. Я высказал такую мысль:

– Все-таки артемовцы очень отличаются от качканарцев.

– Ты что, как день и ночь! – ответил он.

Итак, я свободен. Возвращаться в Качканар? Нет, я еще к этому не был готов. Недавно только семья переехала из Качканара в Артемовский. Надо обживаться, привыкать.

Квартира, в которую мы въехали, откровенно никому не

понравилась. Но все промолчали, только Дима меня потом спросил:

– Пап, а зачем мы из Качканара уехали?

Вопрос, как говорится, в лоб, и я ничего убедительного ему не мог сказать. Дима в Артемовском продолжал учиться в шестом классе, Валера во втором. Все друзья у них остались в Качканаре.

На площадке Артемовской Сельхозтехники расположился строительно-монтажный участок от стройуправления «Облсельхозтехники». Начали строить цех ремонта комбайнов, пока еще велись земляные работы. Завершались работы по лаборатории метрологии «Облсельхозтехники» и начали строить 24-квартирный дом в Режевском районе. Руководил этим участком Солдатов Алексей Николаевич. Качканарцы его помнят, он в 60-е годы руководил Качканарским монтажным участком «Уралстальконструкции». До Артемовского он работал в г. Арамиле в системе «Облколхозстрой» начальником строительной организации МПМК. Я пришел к нему:

– Алексей Николаевич, примешь на работу?

– Пиши заявление.

На заявлении он написал: «Виктор Иванович, прими этого парня, на неприятный конец он будет вместо меня».

А конец состоял в том, что на днях должен состояться суд, где бывшего начальника Солдатова А.Н., главного бухгалтера и начальника планового отдела будут судить за приписки к плану. Суд готовился показательным в Свердловске, чтобы другим неповадно было.

Суд состоялся. Солдатову А.Н. дали 6 лет, бухгалтеру и начальнику планового отдела по четыре года лишения свободы.

Так стал я начальником Артемовского строительно-монтажного участка строительного управления «Облсельхозтехники» с должностным окладом старшего прораба.

У меня в г. Реж был мастер на стройке 24-хквартирного дома, а в Артемовском нормировщик, это по штатному расписанию, а на самом деле она была верная помощница. Жаль, что не могу сейчас вспомнить ее имя и фамилию.

Я прораб. В моем распоряжении на участке были автокран, два самосвала, бульдозер ДТ-75, автомобиль «Москвич» – фургончик, его по-разному называют – «каблук», но у нас его называли «чебурашка». На нем я мотался между Артемовским и Режем, Арамилем, Свердловском. На работу принимал так: брал заявление и трудовую книжку, увозил в Арамиль в управление, таким же образом и увольнял.

Приходит как-то ко мне знакомый экскаваторщик, фамилию и как зовут, не помню, а вот кличку «Чапар» запомнил, его в ПМК за пьянку по 33 статье выгнали, просит:

– Начальник, прими на работу.

Я посмотрел на его жалкий вид. Видимо, все организации прошел, никто не берет. Да, я забыл сказать, что еще из механизмов в углу площадки стоял экскаватор «Беларусь», но он был настолько раскурочен, еще Солдатов о нем сказал, что надо готовить к списанию. Жалко мне стало Чапара, и мне в голову пришла авантюрная мысль.

– Хорошо, Чапар, я приму тебя экскаваторщиком, вон на тот экскаватор, но после того, как ты его восстановишь. Он согласился, а я приготовился, что с понедельника поеду в управление со списком недостающих деталей на восстановление экскаватора. Но к моему изумлению, когда я в понедельник пришел на работу, увидел стоящий экскаватор с работающим двигателем, а рядом стоял улыбающийся Чапар. Я даже спрашивать не стал, откуда он все взял. Забрал документы и сказал:

– Приступай к работе.

Подробности, как ему удалось за субботу и воскресенье восстановить экскаватор, я узнал позднее, когда кирпичный за-

вод поднял вой по поводу разукомплектованного экскаватора, который находился у них в глиняном карьере. Со своими друзьями Чапар ночью снял с экскаватора все, чего не хватало на нашем. Мне после таких подробностей стало неуютно, я почувствовал себя соучастником.

Все механизаторы, работавшие у меня, жили в частных домах на Кировке, Бурсунке, Ключах. Я разрешил им, по их просьбе, оставлять машины у своих домов, и проблем у меня за два года не было никаких. Проблемы были с каменщиками. Пьянь беспробудная – это о них. Придут на работу, и до 11.00 не жди от них ничего, пока не сходят в магазин и не опохмелятся. В то время водкой начинали торговать с одиннадцати.

Раствор мы готовили сами, и я решил их подпирать раствором. Договорился с ОКСом электростанции, у них был свой растворный узел, и стал возить от них готовый раствор, предварительно, по договоренности, завозил им цемент цементовозом. Утром наш самосвал уходил на растворный, и часов около десяти привозил раствор. Я уверил себя в том, что им деваться некуда, раствор надо вырабатывать, и уезжал в город Реж, там у меня еще объект, 24-хквартирный дом. Вчера из Свердловска должны прибыть два бортовых МАЗа с кирпичом. Прибыл на дом. Спрашиваю бригадира каменщиков: сколько машин вчера было? Он сказал, что одна.

– Как одна, где мастер?

– Говорят, он в больницу лег.

– А все-таки, где вторая машина с кирпичом?

Все молчат. На другой день я поехал в Арамиль, спросил у шоферов, которые возили кирпич, где они разгружались. Оказалось, один разгружался на дому, а другой на строительстве частных гаражей. Мастер продал за наличные кирпич частникам и спрятался от меня в больницу. Я расстался с ним. Заставил написать заявление об уходе, иначе пригрозил завести дело о хищении.

А в тот день я вернулся в Артемовский к концу рабочего дня и вижу: каменщики стоят в ящике с раствором и ломом долбят схватившийся раствор, освобождая ящик. Они не уложили в стены ни одного кирпича. Дождались одиннадцати часов, выпили, поели, уснули и до четырех проспали. Мое терпенье лопнуло. Крепко отругал и сказал:

– Все, завтра еду в Арамилы и привожу трудовые книжки. Мне такие работники не нужны.

Я ждал, может, подойдут проситься на работу другие каменщики, но прошла неделя, и ни души. Подключился производственный отдел управления и нашел четырех каменщиков в Свердловске, которые согласились по договору выполнить кладку стен цеха ремонта комбайнов. Их было четверо. Приехали они в пятницу, посмотрели объем работ. Жить согласились в вагончике, который я недавно притащил из Арамии. Он был на колесах, и в нем могло проживать не более четырех человек. Двое остались обустраиваться, а двое уехали в Свердловск к семьям. С понедельника они начнут кладку стен цеха. Я, довольный тем, что все устроилось, на выходные уехал в Качканар на юбилей, 20-летие Качканара.

Когда я вернулся в понедельник, то передо мной проблема, где взять каменщиков, опять встала на дыбы. Двое каменщиков, которые остались в вагончике на выходные, напились и сгорели вместе с вагончиком, а тем, кто приехали в воскресенье из Свердловска, досталось только собрать останки и увезти их родственникам. Ох, и достала меня эта пьянь. Чувствую, читателю тоже надоело.

А цех ремонта комбайнов, какие бы трудности не были, а их было достаточно в конце 1978 года, был построен и сдан в эксплуатацию. Строительно-монтажный участок в Артемовском закрывался, и всё оборудование и механизмы передавались в город Богданович, там создавался такой же участок от строительно-монтажного управления «Облсельхозтехники».

* * * *

Работая в городе Реж на строительстве 24-хквартирного дома, раствор и бетон мы брали на заводе ЖБИ треста «Режтяжстрой». Зам управляющего там был Валентин Васильевич Забродин, качканарцы его хорошо знают. Он работал в системе треста «Качканаррудстрой» с 1959 года на разных руководящих должностях. Как-то в очередной раз я захожу к Валентину Васильевичу, и он мне сразу, как говорится, с порога:

– Во! Мы только что о тебе разговаривали с управляющим треста. У нас директор завода ЖБИ уходит на пенсию, и на замену я предложил управляющему тебя. Твое согласие, и мы идем к управляющему. Квартиру получишь сразу из резерва управляющего. Мы недавно сдали новый дом. Завод этот небольшой, четвёртой категории. В тресте «Режтяжстрой» как пособное предприятие.

– Заманчиво. Но мне надо посоветоваться с семьей.

– Советуйся. Но не тяни.

Я вечером об этом предложении рассказал Лиде и спросил:

– Ну что, поедем в город Реж?

Лида, не задумываясь, ответила:

– Езжай куда хочешь, а я уже позвонила в Качканар Халину, и он меня берет на работу на прежнее место.

И мы вернулись в Качканар. Лида - на старое место работы. Ребята в школе среди друзей в тех же классах продолжили учебу.

ЖБИ «ЗАПСИБНЕФТЕСТРОЙ»

незавидная судьба

1 июля 2009 года исполнилось 30 лет Качканарскому заводу ЖБИ «Запсибнефестрой». Созданию завода предшествовало стремительное освоение нефтегазовых месторождений Западной Сибири, которое столкнулось с большой проблемой строительства дорог, аэродромов, обустройством промышленных площадок. Срочно потребовались железобетонные дорожные плиты. Те плиты, которые поставлялись с разных концов Советского Союза, в суровых условиях северных районов Тюменской области не выдерживали пяти лет эксплуатации. Одновременно их доставка обходилась слишком дорого. Поэтому Западной Сибири стал необходим свой мощный завод железобетонных изделий, особенно по производству дорожных плит.

В начале 1976 года руководство «Главтюменьнефтегаз» обратилось в Свердловский обком КПСС с просьбой изучить возможности строительства такого завода в Свердловской области. Обсуждались следующие места стройки: Асбест, Волчанка, Камышлов, Северная Песчанка, Качканар. После изучения многочисленных факторов Управлением экспертизы и цен «Миннефтепрома» окончательный выбор пал на Качканар. Решающую роль в этом сыграл практически неисчерпаемый запас сырья в виде отходов производства Качканарского ГОКа: щебня, шламового песка, которые были исследованы и рекомендованы Уральским Промстройинипроектом к применению при изготовлении бетонных и железобетонных конструкций.

1 декабря 1977 года Исполком Кач-канарского Гор-совета создал комиссию по выбору участка для строительства завода. 8 декабря этого же года комиссией было определено место для строительства завода: это в пойме речки Роголёвки у подножия скал, где и был построен завод.

28 марта 1978 года приказом №29 по объединению «Запсибнефтьстрой» был создан хозрасчётный строительный участок в Качканаре и начальником этого участка был назначен Мухачёв Аркадий Иванович. Небольшая площадка под строительство полигона располагалась на задворках промбазы, там, где заканчивалась территория блока субподрядных организаций. С запада находились пути МПС, с юга – русло речки Роголёвка. Чтобы как-то увеличить площадку, пришлось переносить русло Роголёвки. Место было болотистое, и первое, что пришлось делать – отсыпать площадку щебнем и бетонировать.

Спешили очень, задача была поставлена чтобы в этом же 1978 году начать отгружать с полигона на север готовую продукцию. Два месяца понадобилось, чтобы соорудить четыре пропарочные камеры, смонтировать козловой кран и забетонировать первые дорожные плиты. Они были очень примитивны. Размеры 6,0 x 1,5 x 0,2 м с простым армированием. С августа 1979 года эти плиты стали готовить ежедневно. Бетон возили с существующего Качканарского завода ЖБИ.

До конца года в Нижневартовск, Сургут, Нефтеюганск и Тюмень было отправлено 2200 шт. плит. 26 человек работающих было принято в 1978 году. Коняхин Александр Борисович и водитель Жаров Владимир Алексеевич постоянно в разъездах, это снабженцы. Епифанова Людмила Михайловна – бухгалтер, её помощница Казиминова Валентина Алексеевна – кассир.

Казанцев Николай Андреевич ведёт строительные работы, мастер. Зуев Анатолий Николаевич – техника безопасности. Бердников Анатолий Сергеевич – прораб и избранный секретарь немногочисленной партийной организации строительного участка. Мишакина Александра Петровна работают на участке вместе с мужем Мишакиным Николаем Николаевичем, он водитель. Позднее на завод пришел работать и сын Мишакиных – Валерий Николаевич. Александра Петровна занимается снабжением участка всеми необходимыми материалами, которые можно выписать в Качканаре. Дворецкая Тамара Ивановна и Бровикова Людмила Ивановна – первые крановщицы на полигоне. Гончаров Борис Михайлович – машинист автокрана; Глебов Георгий Александрович – механик. Мелехин Геннадий Иванович – электрик. Евдосюк Виктор Петрович – электросварщик. Формовщики: Нартов Владимир Васильевич, Латышев Юрий Сергеевич, Лысак Дмитрий Фёдорович, Крепышев Николай Геннадьевич и другие. Водители: Ряков Александр Иванович, Ряков Леонид Иванович. Вот почти все те первопроходцы, которые работали в 1978 году.

Да, чуть не упустил. Какое производство может обходиться без работника отдела труда и заработной платы?

Хамидулина Альфира

Хайрутдиновна

выполняла эту работу. Левковская Наталья Константиновна вела учёт выполненных работ, отчётность и все, что касается производства и строительства, в дальнейшем кадро-

вый работник ОКСа на многие годы. Ещё не было штатного расписания дирекции строящегося завода и Игорь Фёдорович Виберг был в штатном списке «Главтюменьнефтегаз», но он плотно занимался всеми вопросами будущего завода.

Для начала строительства завода еще надо было вырубить лес и подготовить площадку. Комплектуется бригада лесорубов. Лес вывозится на полигон. К тому времени уже смонтирована и работает на полигоне пилорама. Немаловажной работой для себя Игорь Фёдорович считал комплектование кадрами будущей завод, особенно кадрами ведущих специалистов. Вот пришла на участок только что вернувшаяся из заграникомандировки Пазухина Людмила Петровна. Оформлена мастером, но это будущий начальник лаборатории, опытная, грамотная, волевая. Девчонки-лаборантки четко выполняли все указания, а Людмила Петровна с материнской любовью относилась к ним.

Перспектива строительства нового завода ЖБИ в Качканаре не могла пройти мимо меня. Это будет в моей жизни третий завод ЖБИ. Первый был в армии в Приморье, который мы строили, а потом работали, второй в Качканаре завод «Стройматериалов», позднее ЖБК, и вот третий. Очень хотелось в будущем работать на таком заводе, да еще и с таким руководителем, как Виберг Игорь Фёдорович. Я пришёл к нему в апреле 1979 года.

– Могу предложить пока только работу мастера.

– Мастером так мастером – сказал я и вышел на работу. До этого я работал старшим прорабом Артёмовского строительномонтажного участка «Сельхозтехники». Мастером я работал всего месяц. Скоропостижно уходит из жизни Бердников Анатолий Сергеевич, прораб и он же секретарь партбюро участка. В трудном положении оказалась молодая семья с двумя детьми. Игорь Федорович пообещал, что в беде не оставит и позднее предложил Галине Ивановне Бердниковой возглавить отдел кадров уже будущего завода. Так в июле 1979 года в

вагончике, других кабинетов еще не было, появилась обаятельная женщина – начальник отдела кадров. В это же

время меня переводят прорабом и избирают секретарём партбюро. Галину Ивановну чуть позднее избирают председателем заводского комитета профсоюза, и мы в паре с ней долгие годы тянули лямку, называемую общественно-политической работой.

С июля 1979 года приказом №306 уже на базе действующего полигона создан Качканарский завод ЖБИ в составе объединения «Запсибнефтестрой». Приказом №49-к от 2 июля 1979 года директором завода назначен Виберг Игорь Фёдорович. Проектом определена мощность будущего завода, это 370 тысяч м³, в том числе:

Плиты дорожные – 212 тыс. м³

Опоры ЛЭП – 28 тыс. м³

Сваи электротехнические – 78 тыс. м³

Плиты перекрытия – 14 тыс. м³

С созданием завода работа на основной площадке стала проводиться более быстрыми темпами. Лес был вырублен, и в основном работала землеройная техника. Одновременно разворачивается жилищное строительство, а по полигону еще строительных работ, как говорится, не спрово-

рот, а тут еще и партийная организация. К этой дополнительной работе секретаря я себя никогда даже в мыслях не примеривал, но на это была воля Игоря Фёдоровича. Он по горло был сыт секретарством Пети, когда работал директором на старом заводе ЖБИ. Чего греха таить, во все времена секретари горкомов, райкомов любили собирать компромат на руководителей предприятий и те секретари, которые активно это делали на своего руководителя, всегда были в любимчиках, чего не могли дожидаться от меня. Второе, секретарями избирали тех, кто не очень занят по долгу службы, но чтобы совмещать работу прораба с секретарством – я что-то не припомню.

В это время были оформлены: Серикова Раиса Леонидовна – начальник планового отдела; Чукаев Владимир Николаевич – главный энергетик; Пенц Владимир Владимирович – главный механик; Григорьев Юрий Андреевич – в последние годы зам. директора по сбыту; Бакач Леонтина Георгиевна – начальник снабжения; Фурманюк Владимир Александрович – старший прораб; Манина Надежда Ивановна – производственный отдел. Позднее Пенц В.В. был переведён главным инженером, а главным механиком был принят Брюхин Михаил Сафронович. Как-то в непринужденной обстановке Игорь Фёдорович меня спросил:

– Кем ты себя видишь, когда построим завод?

Я уверенно сказал:

– Технологом.

Игорь Фёдорович со мной согласился:

– Будешь технологом.

Еще в 1969 году Госстрой СССР организовал для главных инженеров заводов ЖБИ курс лекций по технологии сборного железобетона и повышению качества. Лекции читали ведущие специалисты НИИЖБ. В течение месяца на московских заводах ЖБИ нам показывали все новинки из области технологии и качества железобетонных изделий. Нас водили на завод, где по-

казывали, как изготавливают по тому времени секретные железобетонные плиты для аэродромов ПАГ-18. Так что я не без оснований делал такую заявку. Дорожные и аэродромные плиты в те времена относились к категории промышленных секретов. Но будущее еще далеко, а настоящее мне подбрасывает неудобный ритм работы. Только появишься на стройплощадке, как тут же требуют явиться на совещание в ГК КПСС.

На совещании все организации обязали строить агитплощадки и стенды наглядной агитации по всему Качканару. Нам определили район Первомайки. В народе после эти агитплощадки прозвали козьими чесалками, поскольку кроме коз там никого никогда не было. Стенд был готов, а В.И.Ленина согласился нарисовать не совсем классный художник. Когда Игорь Фёдорович приехал посмотреть на готовый плакат, неожиданно произнес:

– А Ленин что-то у тебя на басмача похож.

– Ну, Игорь Фёдорович, ты еще кому не скажи, так меня и упрячут за искажение облика вождя.

Ну, а если серьезно, то качества в плакате не хватало.

В 1979 году мы начали строить АБК на полигоне и жилой дом №7 в 11 микрорайоне. Производством приходится заниматься наскоками, из горкома КПСС поступают всё новые директивы. На этот раз требуют представить план развития подсобного сельского хозяйства на предприятии. А предприятие пока еще только полигон, под корпуса самого завода идет выемка грунта под нулевой цикл. Я к Игорю Фёдоровичу пришел с такой идеей:

– Рядом с нашим заводом находится городская свалка, которую собираются закрывать. Давай её закроем грунтом, который вывозим из котлована, распланируем, завезём растительный слой, и на этом поле будем выращивать овощи.

Игорь Фёдорович сразу же меня остановил:

– На кой ляп нужно нам это поле. Мы призваны, чтобы

скорее построить завод и выпускать железобетон, выполнять план, а не капусту с картошкой выращивать. Я сейчас ищу возможность приобрести на завод «Фуру», вот она и решит все наши сельскохозяйственные проблемы. А вот тонны сена, которые нам записали заготовить, надо ехать косить. Бригаду, которую скомплектуем, возглавить придется тебе. Сено заготавливать будем на Двадцатом, а ты родом оттуда, так что тебе и карты в руки.

Я привык все выполнять, стал готовиться и готовить бригаду к этой поездке. Всё, что можно было из продуктов, взяли в нашем магазинчике, картошку купим в деревне, а мясом покосников обещали обеспечить свежатиной на месте. Не забывайте, что это был конец 70-х годов. Стране угрожал реальный голод (слова Росселя в «Часе губернатора»). Как только бригада разместилась в одном из пустующих домов, я пошёл к управляющему за обещанным мясом. В деревянном складе на дощатом полу лежало несколько кусков разделанной туши. Я взял один кусок побольше, завернул в тряпку и понес ребятам. Когда они развернули, тут же позвали меня:

– Посмотри, что ты принёс?

Я внимательно всмотрелся и увидел в складках мяса шевелящихся белых червей, опарышами их называли. Такого еще в жизни не видел, если не считать кадра из кино «Броненосец Потемкин». Стою в растерянности, не зная что делать. Кто-то сказал:

– Надо заменить.

– На что, у них всё мясо такое. Выбрасывайте.

Но тут кто-то, склонившись над мясом, подал совет:

– Мясо ещё не испорчено, черви завелись недавно. Сейчас мы его промоем в проточной воде, и всё будет в порядке.

Хорошо среди ребят не оказалось брезгливых. Выполосканное в родниковой речке Светлой мясо выглядело как свежее. Вот такая мясная загогулина случилась с нами в 1979

году. А сена мы сдали, сколько было нам положено. Литовкой я отмахал с ребятами весь покос.

В этом же году на полигоне начали строить четырёхэтажный АБК, на 11-м микрорайоне жилой дом №7. По АБК всё, что касалось нулевого цикла, выполнили быстро, а вот со стеновым материалом появились трудности, в данном случае шлакоблоки. Фондов не было, и шлакоблоки приходилось добывать в разных местах и разными способами. Договорились, что нам дадут шлакоблоки в городе Каменск-Уральском, и я на трёх «Татрах» еду туда. Ночью водители остановились отдохнуть, я поторапливаю:

– Ребята, надо утром к 8:00 быть на месте.

– Да мы что, гонщики что ли? – проворчал один из водителей, но на завод прибыли вовремя, загрузились и в обратный путь. По

договорённости меняли металл на шлакоблоки в городе Артёмовском. Вот так, выкручиваясь, строили АБК на полигоне.

К концу 1979 года на полигоне был сдан четырёхэтажный административно-бытовой корпус, в нём разместились столовая, магазин, бытовые помещения и весь управленческий аппарат завода. Красный уголок построили отдельно; партбюро, завком и комсомольский актив разместились в отдельном кабинете. В этом же году был собран на полигоне арочник, где, пусть не с комфортом, разместился весь наш автопарк под присмотром автомеханика Анчугова Николая Фёдоровича.

В феврале 1980 года вышел приказ по «Главтюменьнефте-

газу» о награждении знаком «Победитель социалистического соревнования» 1979 года передовиков производства по Качканарскоиу заводу ЖБИ:

Левченко Николай Викторович – формовщик;
Рагозников Сергей Александрович – водитель;
Татарченков Николай Митрофанович – электросварщик;
Бровикова Людмила Ивановна – машинист крана;
Дерягина Нина Григорьевна – экономист.

В апреле 1980 года в связи со сменой места жительства и места работы увольняется Аркадий Иванович Мухачёв, хороший организатор, требовательный и авторитетный начальник стройучастка. За два года работы он много полезных дел успел сделать. Уезжал на юг, в Краснодарский край. Мы собрались на проводы, и я вспомнил одну байку. Знаменитый эстрадный народный артист Леонид Утёсов как-то шутливо напутствовал молодого эстрадного певца Юрия Богатикова: «Юра, жизнь даётся один раз, и прожить её надо в Крыму». Ну, Крым не Крым, а пансионат «Нефтяник Сибири», где будет работать и жить Аркадий Иванович – это черноморское побережье Кавказа в двадцать километрах севернее города Туапсе. Всего хорошего на новом месте пожелали мы ему. Позднее в этом пансионате многие работники нашего завода с удовольствием отдыхали, поправляя своё здоровье. Однажды и мне удалось побывать в «Нефтянике Сибири». Отличный пансионат.

В августе 1980 года пришёл приказ из объединения. В нём за достигнутые успехи в связи с празднованием работников нефтяной и газовой промышленности в списке награждённых почётной грамотой есть и наших трое:

Крикса Владимир Фёдорович – формовщик;
Новосёлов Владимир Борисович – водитель;
Столяров Валентин Сергеевич – монтажник.

Это один из последних приказов, подписанный начальником объединения «Запсибнефтестрой» Малкиным Г.Н.

Он уволился по состоянию здоровья. «Хороший руководитель, добрейшей души человек» – отзывался о нём Игорь Фёдорович и сожалел об уходе. Дальше пришлось работать с начальником Бурцевым Николаем Васильевичем, это главный инженер объединения, назначенный после ухода Малкина Г.Н. Бурцев Н.В. – прямая противоположность Малкину Г.Н. Сказать, что это хамоватый мужик – значит ничего не сказать. Махровый мат из его уст всегда звучал оскорбительно. После одной из поездок я спросил Игоря Фёдоровича:

– Ну как новый начальник?

– Питекантроп какой-то – ответил он.

Ведущие специалисты завода все без исключения бывали в объединении по разным вопросам и все только и думали, как бы не встретиться с Бурцевым. Говаривали, что едешь в Тюмень как на каторгу. В дальнейшем неприязнь Бурцева Н.В. к Вибергу И.Ф. только нарастала. Бурцев Н.В. не любил тех, кто умнее его. Игорь Фёдорович все сложные вопросы строительства стал решать, обращаясь к начальнику «Главтюменьнефтегаз» Грайферу Валерию Исааковичу и заместителю начальника главка Козакову, что ещё больше злило Бурцева. У Игоря Фёдоровича было своё мнение о будущем завода. Завод, когда начнёт работать, должен выйти из подчинения строительно-монтажного объединения «Запсибнефтестрой», а работать по прямым договорам с потребителями и напрямую вести взаиморасчёты за поставляемую продукцию. Эту мысль Игорь Фёдорович постепенно начинал продавливать, получая некоторую поддержку в «Миннефтепроме». Он даже заказал, а известный качканарец Грачёв Иван Сергеевич выполнил в графике будущее название нашего завода.

С домом №7 сложились свои трудности. При выемке грунта под фундамент дома скальный грунт не поддавался разборке экскаватором. Нужны дополнительные меры. Взрывать

никто не разрешит, кругом действующие постройки, напротив профтехучилище, с торца действующий жилой дом №6. Разбирать скалу отбойными молотками очень медленно. Откуда-то мы узнали, что в Тёплой Горе работает у газовиков мощный бульдозер «Катапиллер», который своим клыком может разрыхлить нашу скалу. Игорь Фёдорович договорился, и в наш котлован пригнали эту чудо-технику. В несколько дней он отработал весь котлован и готовился уже через день в обратный путь, но тут, увидев такую мощь, к водителю пошли из других организаций выполнить те или иные земляные работы. Шли не с пустыми руками, а обильно угощая спиртным. Пьяный водитель бульдозера, выезжая из котлована, положил бульдозер на бок. В таком положении двигатель немного поработал и вышел из строя. Скандал был очень шумным. Новый двигатель стоил больших денег и за него расплачивались золотом те, чей этот трактор был. Такая мощная техника нам была по душе, и в дальнейшем, когда понадобилось делать выемку грунта под ж/д ветку от завода до путей МПС с выходом на станцию Качканар, Игорь Фёдорович выпросил и нам в командировку прислали такой бульдозер из Тюмени.

Закончив

АБК, решили
строить не-
большой цех. По
требованию того
времени нас
обязали включить в
проект расши-
рения полигона
бомбоубежище.

Объём работ по полигону увеличивался с каждым днём, да и обязанности секретаря требовали много времени. Я физически не успевал. В моей работе появился брак. Так, я неправильно дал

размеры между осями под цех на полигоне, в результате пришлось долбить несколько готовых фундаментов. Ошибку определил геодезист, которого только приняли на работу. Ещё один случай произошёл, от которого у меня между лопатками выступил холодный пот. На полигоне изготовили четыре козырька, которые были смонтированы над входными дверями подъездов 7-го дома. Один из них обрушился. При расследовании оказалось, что в рабочей зоне, а рабочая зона это верхняя часть козырька, не оказалось арматуры. Смотрим акт скрытых работ, подписанный мастером: армирование произведено согласно проекта, гласит запись. Как же так, я сам видел четыре готовых объёмных каркаса для этих плит, и почему в рухнувшей плите не оказалось такового? Кто захотел меня упрятать в тюрьму, если бы этим козырьком зацепило человека? Я подготовил проект приказа о наказании вплоть до увольнения мастера, контролёра ОТК, бригадира формовщиков и во взъерошенном состоянии пришёл к Вибергу И.Ф.:

– Я больше не могу, второй раз в жизни меня подставляют под уголовно наказуемую статью.

– Успокойся, – сказал Игорь Фёдорович, – давай не будем поднимать этот шум, ну уволим, а суд заставит нас восстановить. У всех троих кроме поощрений в трудовой книжке ничего нет. Давай сделаем так: на строительстве дома №7 сейчас работает прораб Фурманюк, на полигон примем начальника, а тебя переведу начальником арматурного цеха, будем готовить новый цех к работе, проводя монтаж и наладку оборудования. Полигоном стал руководить Михеев Владимир Михайлович.

Итак, с апреля 1984 года я приступил к новой работе, давно мне знакомой ещё по старому заводу. Внутри корпуса ещё вовсю шли строительные работы. У меня появилось больше возможности выполнять те директивы, которые шли из горкома и горисполкома и назывались политико-воспитательной работой. К 40-летию Победы в Великой Отечественной войне

объявлен смотр хоровых коллективов городских предприятий, мы создаём хор и принимаем участие в смотре. Строим на полигоне красный уголок, где проводим все общественные мероприятия. На заводе, кроме главного корпуса, ничего нет, АБК ещё не начинали строить. Главсредуралстрой назначил строительную экспертизу на проект АБК. Кто-то из главка, рассматривая проект, заметил, что ни к чему на заводе в провинциальном городе иметь такой шикарный АБК, можно подобрать проект более дешёвого. Говорили, в результате сэкономили 700 тыс. рублей.

Для «Главтюменьнефтегаза» строительство завода в Качканаре удобнее было представить не как строительство нового объекта, а как расширение и реконструкция действующего предприятия. Для этого было очень важно чтобы маленький полигон, который был создан, как можно скорее, стал выпускать и отгружать в Тюмень продукцию. Для производства примитивных дорожных плит мы возили бетон с завода ЖБИ, как его уже окрестили «старый завод ЖБИ». Но это убыточно. Надо иметь хотя бы какой-нибудь, но свой бетонный, и Игорь Фёдорович решил так. Создал бригаду новой техники и поручил им без всякой на то документации как можно быстро соорудить примитивный бетонный узел, но так, чтобы и в зимних условиях он мог работать. Получилось. Все члены бригады получили денежное вознаграждение. Так был оценен их труд. Ну что ж, честь и хвала за хорошую работу. В дальнейшем бригада новой техники выполняла текущие работы по монтажу оборудования на полигоне и зарплату получала согласно тарифной сетки слесаря-повременщика. Это им не понравилось. Однажды я захожу в вагончик, вся бригада лежит на лавках, а один затащил в вагончик свой мотоцикл и разбирает. На мой вопрос:

– Почему не работаете?

Бригадир ответил:

– Мы за тариф на работе будем только лежать.

– За лежание вы и тарифа не получите, – сказал я и ушёл. После работы, когда все собрались в автобусе, пьяный бригадир, увидев меня, начал оскорблять матом. Такого я простить не мог. Написал заявление, дословно повторив все выражения, и пришёл к начальнику милиции Рудольфу Павлиновичу Лебедеву. Подал заявление и сказал, что о наказании не настаиваю, а вот прополоскать мозги изнутри желательно. Рудольф Павлинович сказал:

– Ты хотя бы в заявлении не перечислял все выражения, а написал, что выражался нецензурно в общественном месте, и достаточно.

– Нет, я на всю жизнь запомню, как он изощрялся в нецензурщине, стараясь меня оскорбить, унижить в присутствии полного автобуса народа.

На другой день бригадира не было на работе, он был в милиции. Через день появился, вид был пришибленный. Тихий, с опущенными глазами, и больше не зарывался. Вскоре эту бригаду перевели на строящийся дом №7 в 11-м микрорайоне на монтаж отопления. Днём они устанавливали в квартирах привезённые из Тюмени радиаторы, а ночью поочерёдно охраняли дом от разграбления, закрывая подъезды на замки. По утрам стали недосчитываться несколько украденных батарей. Игорь Фёдорович распорядился назначить на дом ответственных дежурных из числа ИТР. В этот список попал и я, с вечера выхожу на ночное дежурство. Из случайного разговора с человеком, который в нашем доме искал сантехников, обещавших увеличить радиаторную батарею в квартире, я сразу догадался, куда исчезают радиаторы. Утром пришел к Игорю Фёдоровичу и на стол положил написанное мною:

– О том, что глупости творим,

Я понял сразу

Как был поставлен часовым

На доме к унитаду.

И рассказал о своих догадках. Разбирался с этой бригадой Игорь Фёдорович сам и очень жёстко. В дальнейшем работа по монтажу всей сантехники была передана специалистам из «Уралсантехмонтажа».

Вернусь немного назад. Ещё главный корпус только наполовину возведён и что-то у строителей нет ажиотажа в скором выполнении работ. Захожу в кабинет к Вибергу И.Ф., уловил с ходу его поганое настроение. Он стоял спиной к раскрытому окну, уставив взгляд в одну точку противоположной стены. Обращаюсь к нему:

– Ну что, Игорь Фёдорович, опять загнали в угол?

– Хуже, Степаныч. Я пока не определился, за какой конец ухватиться, чтобы не произошло то, что может произойти. А случиться может так, что строительство завода законсервируют на неопределённое время. Ты наверное заметил, что строители треста «Качканаррудстрой» потихоньку начинают покидать наши объекты.

Да, это я заметил. После разговора неожиданно я предложил Игорю Фёдоровичу такой вариант помощи. Нужно, чтобы о проблемах строительства нашего завода появилась публикация в одной из центральных газет. Пусть узнает вся страна, что в Качканаре строится не просто ведомственный завод, а объект очень важный для дальнейшего развития нефтяного севера Тюменской области.

– Командируй меня в Москву. В пресс-центре газеты «Социалистическая индустрия» работает мой хороший друг Юра Уткин, он поможет мне.

Игорь Фёдорович, недолго разговаривая, дал добро. Собрав материалы, я уехал в Москву. И вот в редакции газеты «Социалистическая индустрия», разложив свои бумаги, рассказываю, какой мощный завод строится в Качканаре, как его пуска дожидаются нефтяники тюменского севера, какой необходимый железобетон будем выпускать, но сейчас вопрос

стоит чтобы завод законсервировать на неопределённое время. Редактор внимательно меня выслушал и говорит:

– А почему ты не обратился в «Строительную газету», это же их материал. У вас в Свердловске живёт собственный корреспондент «Строительной газеты» Панкратов, слышал о таком?

– Не только слышал, а даже знаком с ним.

– Вот и отлично, сейчас мы с ним поговорим.

Он набрал номер телефона, поздоровался и спрашивает:

– Вот сейчас у меня сидит Анатолий Иванов из Качканара, знаешь такого?

– Толю Иванова, да, конечно знаю. А что?

– Он приехал с материалом о строительстве завода. По моему, это ваш хлеб.

– Дай ему трубку.

Я беру трубку.

– Здравствуй, Толя. Забирай свои материалы, возвращайся в Свердловск, вот мой адрес, я тебя жду завтра дома.

Прибыл в Свердловск, захожу в квартиру по названному адресу. Корреспондентский пункт Панкратова расположен в одной из комнат трёхкомнатной квартиры, стоит стол, телетайп, телефон и ещё какое-то оборудование. Я считаю, что появившаяся

статья свою положительную роль сыграла. Разговоры о консервации строительства пошли на убыль и больше не возникали до самого пуска. В силу печатного слова я всегда верил, тем более, если это слово сказала центральная газета. Пусть маленький, но это был мой вклад в большое дело строи-

тельства завода. А нефтяники, видимо, «Строительную газету» не выписывали и не читали, поскольку Виктор Валерьевич Мокеров взял у меня экземпляр с этой статьёй и увёз в Тюмень, и у меня ничего не осталось. Жалко.

В Качканар собрался приехать первый секретарь обкома Ельцин Б.Н. В программе его визита записано посещение строящегося тюменского завода. Игорь Фёдорович даёт команду срочно изготовить первую дорожную плиту, чтобы показать Ельцину, что мы будем выпускать, построив завод. Плиту готовили на полигоне, привезли к строящемуся корпусу завода и выставили на опорах. Ждём. Приготовились встречать Ельцина Б.Н. Он появился во второй половине дня. В компании сопровождающих были первый секретарь Качканарского ГК КПСС Савлов Е.С. и председатель горисполкома Миронов В.Ф. Борис Николаевич поздоровался и сразу Игорю Фёдоровичу:

– А ну показывай, что ты тут построил.

Игорь Фёдорович, когда зашли в главный корпус, начал рассказывать как будет проходить технологический цикл производства дорожных плит. Ельцин Б.Н. слушал не прерывая, а потом спросил:

– Почему вы в новом современном заводе запроектировали технологию тридцатых годов?

Игорь Фёдорович возразил:

– У нас будет всё автоматизировано.

– Не будет у вас работать автоматика.

Вышли из цеха, подошли к дорожной плите, Ельцин остановил заинтересованный взгляд на изделии. Несколько секунд молчал, а в это время Игорь Фёдорович взял в руки пруток металла и ударил им по плите. Раздался чистый звук высокопрочного бетона. Борис Николаевич наконец сказал:

– Ну вы меня за сегодняшний день впервые порадовали.

Эти его слова я запомнил дословно. Возвращаясь к ожидавшим машинам, Ельцин ещё о чём-то вёл разговор, но я не

знаю, меня там не было.

Насколько я помню, дважды к нам на строительство прилетало на вертолёт заинтересованное руководство. Первый раз прилетел заместитель министра Дангарян («Миннефтепром»), и второй раз делегация из «Главтюменьнефтегаза». После их визита с трестом «Качканаррудстрой» был составлен протокол, где были указаны сроки окончания строительно-монтажных работ и пуск первой очереди завода. Так же в протоколе были отражены просьбы треста по оказанию помощи в выделении дополнительной техники со стороны заказчика.

1985 год в плане строительства завода – пусковой год первой очереди, идет под контролем ГК КПСС. В арматурном цехе строительные работы закончены, ведём монтаж и пусконаладку оборудования. Начинаем готовить арматуру для полигона и возим её на тракторной тележке.

В списках необходимого оборудования пусковой очереди завода числилось десять сварочных аппаратов, которые «Запсибнефтьстрой» никак не обещал выдать. Их в наличии просто не было и не ожидалось. Где их взять, с этим вопросом Игорь Фёдорович даже обращался в «Миннефтепром». Руководитель одного из отделов министерства сказал ему:

– Пусть кто-нибудь приедет к нам, и мы вместе сходим в Госснаб.

В Москву Игорь Фёдорович послал меня. И вот мы в Госнабе.

– А ну показывай, куда это вам понадобилось 10 сварочных аппаратов?

Я показал схему, где они будут установлены.

– А на формовке зачем аппараты?

– Для обрезки стержней.

– Сварочные аппараты для резки металла? Да вы что, с ума сошли?

-
- Другого пока не придумали, – сказал я.
 - Для резки стержней возьмите у нас лазерную машину, она как раз вам подойдёт.
 - Сколько она стоит?
 - Сто тысяч.
 - А кто нам даст эти сто тысяч?
 - Не знаю, не знаю, но дать вам сейчас сварочные аппараты не могу.

Вот такой отказ я получил, с чем и приехал обратно. Но всё-таки, как говорят, капля камень точит. Где-то всё равно остался след от моей поездки. Пусть не сразу, но постепенно мы по одному, по два аппарата получали и комплектовали ими всю технологическую цепочку.

Вот пишу и боюсь, как бы не подумали читатели, что я взялся за перо восхвалять себя. Ни в коем разе. Я только хочу показать, с какими трудностями приходилось работать всем, делая большое общее дело, становление такого прекрасного предприятия – завода ЖБИ объединения «Запсибнефестрой». А вот меня в паре с директором завода Виберг И.Ф. что-то не припомню, чтобы кто-нибудь похвалил когда-нибудь. А вот такие записи появлялись:

- Указать на слабое партийное руководство ходом реализации строительной программы, приведшее к срыву пусковых объектов.

Образовалась проблема размещения заказа на изготовление гидравлических подъёмников, без них ни о каком пуске завода не может быть речи. Гидравликой в стране занимался Авиапром и он наотрез отказался принимать наши заказы ввиду полной загруженности. Решено было перепроектировать на механические подъёмники и где-то разместить их изготовление. За эту работу взялся «Уралмаш», чертежи они выполнили, а вот запустить в производство не спешили. А нам эти подъёмники нужны были до крайности. Телефонные переговоры ни к чему

не приводили. Кто-то ездил, чтобы попасть на приём к генеральному директору, но толкачей на приём не записывают, и он приехал ни с чем. Тогда Игорь Фёдорович высказался:

– Ну что ж, не получается войти в дверь, лезь в форточку.

И обращаясь ко мне:

– Попробуй, Степаныч, как-то на эту проблему повлиять через партком «Уралмаша».

И вот я выехал. Сразу захожу в партком. Представился, познакомился с секретарём парткома, рассказал зачем приехал. Он выслушал и говорит:

– А я здесь причём. Есть отделы, которые занимаются чтобы размещать заказы, с ними и работай.

– Работали, но без команды директора ничего не получается, поэтому я прошу вас помочь мне попасть на приём к директору вместе с руководителями производства.

Раздался телефонный звонок и секретарь быстро куда-то вышел. Его не было минут 20, я сидел и ждал. Он вернулся.

– Ты ещё здесь?

– А что мне делать, остаётся только ждать.

Он снова собрался уходить, я пошёл за ним. Идём по коридору, он вдруг остановился, повернулся ко мне и говорит:

– Но ты мне в туалет дашь сходить?

Я, обескураженный, остановился.

А на приём к генеральному директору объединения «Уралмаш» я всё-таки попал вместе с заместителями директора по производству и сбыту, конечно не без помощи секретаря парткома. Коротко изложил нашу слёзную просьбу наш заказ по подъёмникам насколько можно ускорить, пообещав при этом, что как только завод начнёт работать, опоры ЛЭП, сваи и дорожные плиты для нужд «Уралмаша» всегда будут идти по зелёной улице. Генеральным директором тогда был Строганов, сказал, обращаясь к своим заместителям:

– Надо помочь ребятам.

После этого я ещё раз зашёл к производственникам, чтобы убедиться в том, что наш заказ будет в ближайшем плане производства. Сказали: «Да», и я уехал. Задание Игоря Фёдоровича выполнил, а насколько это повлияло на то, что мы стали получать подъёмники, не мне судить.

Командировки, командировки, в них побывали все руководители служб и отделов в разных городах Союза.

Виктор Валерьевич Мокеров – заместитель директора по капстроительству постоянно в командировках.

Владимир Николаевич Чукаев – главный энергетик завода, решая вопросы поставок энергетического оборудования в г. Братск, ездил и в другие города нашего огромного Союза. На заводе он появился в 1980 году, как говорят в таких случаях, в нужное время в нужном месте. В службе главного энергетика всё было на месте и помощники были грамотные, толковые и исполнители безотказные. Корюков Александр Владимирович, позднее он стал главным энергетиком завода, и энергетик высоковольтного участка Никешин Александр Николаевич. Под их непосредственным руководством совместно с подрядчиками была проведена огромная работа по реконструкции подстанции №2 на КЗРГО с заменой трансформаторов и всего оборудования. Такая работа в городе производилась впервые. Без реконструкции подстанции подключение такого энергоёмкого предприятия как наш завод была невозможна. И ещё, чтобы подключиться к городским очистным сооружениям, надо было от завода проложить два километра канализационных труб, и опять впервые в городе применена технология прокладки поли-

этиленовых труб вместо чугунных.

В начале, когда крановая служба была не очень велика, находилась в подчинении у главного энергетика, но когда была сдана первая очередь завода, её выделили в отдельное крановое хозяйство. 50 кранов в работе, и руководил этим хозяйством Серёжа Воронцов, помогал ему механик по кранам Воробьёв Александр Сергеевич.

А вот служба главного механика была менее стабильна. За десять лет сменилось семь главных механиков. Нужно отдать должное, все они были молодые, грамотные, опытные, но, на мой взгляд, не выдерживали того жёсткого прессинга по отношению к себе, и уходили. Ведь в те трудные времена пуско-наладки почти каждый рабочий день начинался со службы главного механика. Где-то что-то всегда ломалось и соответственно простои. Я всё-таки назову кто работал главными механиками с 1979 по 1989 годы:

Пенц Владимир Владимирович;

Брюхин Михаил Сафронович;

Москалёв Николай Андреевич;

Широков Виктор Иванович;

Зильберов Григорий Зиновьевич

Уланов Иван Фёдорович;

Наймушин Юрий Иванович.

Все они много сделали и это не нужно забывать.

Итак, в 1985 году постепенно линию за линией начали запускать производство дорожных плит. В пролётах второй очереди готовимся к выпуску опор ЛЭП и свай. Бетон возим машинами, так как бетонный второй очереди ещё не готов. В

конце года нам уже на 1986 год определили план по выпуску продукции. План по поставкам и графики, куда и сколько. Десять строительных организаций в разных городах тюменского севера, все они входят в объединение «Запсибнефтестрой». Чтобы плотно работать с потребителями, в характере Игоря Фёдоровича было налаживание приятельских отношений с руководителями, и ему это всегда удавалось. Нам для того, чтобы сводить концы с концами, а проще иметь на счёте деньги, надо круглосуточно отгружать 20 вагонов продукции. Мы первый год начали работать и неизбежно план января не выполнили. Горком КПСС немедленно среагировал: за невыполнение государственного плана в январе 1986 года директору завода Вибергу И.Ф. - указать; за неприятие должных мер по партийному обеспечению выполнения государственного плана в январе 1986 года секретарю партийной организации коммунисту Иванову А.С. - указать.

Это был тяжёлый год. Вытащить плиту с помощью выталкивателей не получается, всё идёт при помощи кувалды. В целевых камерах частые сходы форм. Какая тут автоматика. Поневоле вспоминается реплика Ельцина Б.Н., что в проекте заложена технология 30-х годов и никакая автоматика работать тут не будет. Поработали мы полгода и полугодовой план завалили. Горком не дремлет, на бюро нас опять заслушивают.

— За срыв государственного плана I полугодия директору завода ЖБИ «Запсибнефтестрой» Вибергу И.Ф. объявить выговор.

— За отсутствие организаторской массово-политической работы

по мобилизации коллектива на безусловное выполнение плановых заданий и социалистических обязательств объявить коммунисту Иванову А.С. выговор.

Мы вышли из горкома, я говорю:

– Всё, хватит, Игорь Фёдорович, я готовлю перевыборы.

– Подожди, я другое придумал.

Мы всегда с Игорем Фёдоровичем в разговорах были откровенны друг перед другом. Продолжая свою мысль, он спросил:

– Помнишь, я на старом заводе 20 лет назад одним махом сменил всех начальников цехов?

– Ими стали Иванов, Шашков, Вагайцев, Костоусов, Березин.

– Да, да. Так вот я сейчас хочу, чтобы начальниками работала молодёжь, причём образованная молодёжь, пусть закаляются, а тебе найду место в штатном расписании управления, но заниматься будешь только, как там записано, организаторской массово-политической работой по мобилизации коллектива на выполнение плана.

Игорь Фёдорович усмехнулся. Я тоже.

– Таких «освобождённых» секретарей в комсомоле «подснежниками» называли, вот и я стану подснежником в свои 50 лет.

– Надо, Степаныч, надо, это не надолго. Тебе придётся ещё в одну командировку съездить. Так с января 1987 года в трудовой книжке у меня появилась запись – старший инженер ОТиЗ. А начальником арматурного был назначен Женя Надеев, молодой специалист инженер, начальником формовочного цеха

молодой инженер Георгий Виберг.

А теперь немного истории. В выборе места, где «Миннефтепром» будет строить завод по производству дорожных плит, опор ЛЭП и свай предпочтение было отдано Качканару лишь только потому, что здесь имеются безмерные запасы шламового песка. Эти, как тогда думали, дешёвые отходы горнорудного производства дадут возможность заводу выпускать более дешёвую продукцию. Но никто не думал, что КГОК эти отходы так дорого оценит. Когда по себестоимости сформировали цену, наша дорожная плита стала такая же, как и привезённая из города Ташкента, к удивлению нефтяников. Игорь Фёдорович искал пути удешевления нашей продукции. Вот откуда у него появилась идея построить в Качканаре цементный завод. Он убедил руководство «Главтюменьнефтегаза» в том, что нужно заключить договор с НИИцементна на предмет исследования качканарских шламовых песков как исходного материала для производства цемента. Благо недалеко от Качканара находятся большие залежи известняка, как необходимого вяжущего элемента при производстве цемента. Договор был заключен, шламовые пески отправлены в Москву. Результат исследований ошеломил. В лабораториях НИИцементна из качканарских шламовых песков получен цемент марки 600. Вот тут загорелись глаза у Игоря Фёдоровича. Я был уверен, он найдёт возможность убедить нефтяников построить в Качканаре цементный завод. Меня всегда удивляла масштабность его мышления.

В 1986 году Игорю Фёдоровичу исполнилось 50 лет. Поздравить его на завод приехали руководители предприятий и организаций Качканара. Николай Яковлевич Ерёмин – директор КГОКа, в шуточной форме преподнёс на вид камень на подставке, лицевая

сторона которого отшлифована, и сказал:

– Игорь Фёдорович, мы с тобой делаем общее дело. Мы камень перетираем в песок, а вы всё это превращаете в камень.

На подставке был образец бетона, выполненного в НИИцементе из цемента М-600.

Над экономией цемента про производстве дорожных плит на мелкозернистом бетоне работала группа НИИЖБ, это нам было известно. Готовилось промышленное испытание машины. Игорь Фёдорович следил за этим. На эту мою командировку и намекал мне ранее.

Прошла техническая информация, что в г. Мозырь (Белоруссия) такого-то числа будут походить промышленные испытания машины по уплотнению бетонной смеси давлением. Разработана научно-исследовательским институтом железобетона. Целью: экономия цемента 100 кг на м³ бетона. Почему был выбран г. Мозырь, только потому, что по берегам реки Припять очень много песка, а дорожные плиты планировалось изготавливать на мелкозернистом бетоне. Традиционно уплотнение бетона делается за счёт вибрации, и удобоукладываемость достигается за счёт пластифицирующих добавок. На 1 м³ бетона расходуется 500 кг цемента. Новая технология уплотнения жёстких бетонных смесей, как я уже сказал, экономит 100 кг цемента на каждом м³ бетона.

Завод ЖБИ г. Мозырь заказал машину по чертежам НИИЖБа на заводе, и вот я приехал на эти испытания. Почему послали меня? Да так решил Игорь Фёдорович. Когда мы с ним работали на старом заводе ЖБИ, он часто посылал меня в подобные командировки и был уверен, что профессионально разберусь и доложу о результате. Ещё когда я ехал на автобусе из г. Гомель до Мозыря (это 180 км), в пути случайно познакомился с ребятами, которые разрабатывали эту технологию и ехали на испытание машины. Они с большим интересом отнеслись ко мне, удивились, что на Урале заинтере-

совались их детищем, и стали расспрашивать о нашем заводе. По прибытии в г. Мозырь предложили мне поселиться в гостинице вместе, так как у них оказалось лишнее место из забронированных. Интересный разговор мы продолжили, уже находясь в номере. Утром мы пошли на завод. Там уже было всё готово. Прокатали первую плиту. Всё получилось, машина работала безотказно и изделие соответствовало заданным параметрам. После испытаний все пошли в кабинет директора, чтобы на совещании обсудить, необходима эта машина или какие-то есть другие мнения. В высказываниях директора я уловил, что он не в восторге от этой машины. Да, машина в отличие от традиционных методов уплотнения бетонной смеси ведёт этот процесс более медленно. Роликовое уплотнение требует больше времени. Директор так прямо и сказал:

– Зачем мне эта машина, при существующих мощных пластификаторах и дешёвых песках я и так укладываюсь в себестоимость. Наши плиты несколько не дороже дорожных плит, выпускаемых по стране.

После совещания я подошёл к руководителю группы разработчиков этой машины и говорю:

– Давайте внедрять эту машину у нас на Урале на Качканарском заводе ЖБИ. У нас директор Виберг Игорь Фёдорович будет другого мнения, у него вы получите полную поддержку. Мы заинтересованы в экономии цемента с помощью вашей машины.

Он спросил:

– Это серьёзно?

– Да, конечно, – ответил я. – Только подскажите, где и как можно заказать такую машину и как быстро может быть она изготовлена.

– Если быстро, надо ехать в институт и договариваться с директором института, чтобы опытный образец продали вам.

При возвращении я рассказал Игорю Фёдоровичу подробно, о чём договорился с ребятами из НИИЖБа, и правиль-

но ли я проявил инициативу.

– Ну что ж, – сказал Игорь Фёдорович, – бери командировку и поезжай в Москву, будем работать с НИИЖБом, машина нам нужна.

Короче, я получил у директора НИИЖБ согласие на продажу машины. Они выставили счёт на 24 тысячи, которые с большим скрипом «Запсибнефтестрой» оплатил. В Москву послали людей, которые демонтировали и привезли на завод машину. На одной из линий формовочного цеха начался монтаж.

В 1983 году перед коллективом завода ставилась задача – освоить производство плит ПДК-14, и первые плиты были изготовлены в цехе на полигоне. В этом году была отмечена работа бригады электросварщиков, бригадир Татарченков Н.М., она была в числе лучших бригад в городе.

1984 год стал годом освоения и изготовления дорожной плиты серии ПАГД-14.

Почётной грамотой объединения «Запсибнефтестрой» награждаются:

Ермаков Владимир Николаевич – арматурщик;

Котельников Александр Степанович – формовщик.

В 1985 году в основном было закончено строительство промышленных объектов и сдана в эксплуатацию первая очередь завода общей мощностью 108 тысяч м³ по производству плит ПАГ-14.

Акт Государственной комиссией был подписан 30 апреля 1986 года, утверждён приказом Министерства нефтяной промышленности 13 мая 1986 года.

За высокие показатели в труде по решению Министерства нефтяной промышленности знаком «Ударник одиннадцатой пятилетки» награждены:

Бровикова Людмила Ивановна – машинист крана;

Ворсин Сергей Николаевич – водитель;

Душин Николай Яковлевич – электросварщик;

Иванов Пётр Фёдорович – формовщик;
Крепышев Николай Геннадьевич – формовщик;
Рычков Алексей Михайлович – электросварщик
Шарафеев Илтазар Гарафеевич – формовщик.;
Об этом оповестила заводчан газета «Молния».

Вторая очередь завода общей мощностью 108 тысяч м³ по производству плит ПАГ-14 сдана в эксплуатацию актом госкомиссии от 29 марта 1989 года, утверждённым приказом Миннефтепрома от 6 апреля 1989 года. Третья очередь завода общей мощностью 158 тысяч м³ по производству спецжелезобетона сдана в эксплуатацию актом госкомиссии 29 декабря 1992 года.

Все эти годы завод живёт полнокровной жизнью, участвуя во всех мероприятиях нашего города: общественно-политических, культурных, спортивных. Как не вспомнить нашего спортивного организатора Бартоломей Александра

Александровича, который зажигал нашу молодёжь на участие во всех городских соревнованиях. Или нашу культурно-массовую работу, возглавляемую Запиваловой Натальей Николаевной. Хоровой коллектив завода дважды принимал участие в городском смотре хоровых коллективов в 1985 и 1986 годах. Заняв второе место по городу в 1986 году, участники хора в виде поощрения по пятидневным туристическим путёвкам ездили в Латвию. Впечатление незабываемое. Во время поездки в туристическом автобусе всю дорогу горланили песни из своего репертуара, чем приятно удивляли водителя автобуса и экскурсовода.

В 1987 году решением Свердловского облисполкома №352

от 25.08.87 г. были награждены медалью «Ветеран труда» 47 человек трудящихся нашего завода, из них только 7 человек инженерно-технические работники, остальные рабочие. Основные необходимые данные для награды: возраст 50 лет, непрерывный стаж работы, добросовестный труд, правительственные награды и участие в общественной деятельности коллектива.

Побывал на нашем заводе и первый секретарь Свердловского обкома КПСС Юрий Владимирович Петров. Будучи в Качканаре, ему захотелось посмотреть, что за чудо-завод построил Виберг И.Ф. И вот в сопровождении первого секретаря ГК КПСС Савлова Е.С., управляющего треста «Качканар-рудстрой» Кусова В.И. и главного инженера треста Смоленского Е.А. прибыл на завод. Встречать их вместе с Игорем Фёдоровичем вышли Чуплыгин В.И. – председатель завкома и я. Поздоровавшись, Юрий Владимирович обращаясь к Игорю Фёдоровичу:

– Издали завод смотрится очень даже неплохо, давай показывай, что там у тебя внутри.

Побывав на заводе, Юрий Владимирович лестно отозвался о проделанной работе, пожелал успехов в дальнейшей работе и уехал.

Итак, а что же с машиной по уплотнению бетонной смеси давлением? Прошло не так много времени. Машину смонтировали. Из Москвы приехала вся группа разработчиков во главе с руководителем. Им необходимы были положительные отзывы о работе машины по уплотнению бетонной смеси давлением и заинтересованное отношение руководства этим новшеством. В этом я их уверял, находясь в г. Мозырь. Но когда закончили испытания и всё получилось, ко мне обратился руководитель группы с недоумением:

– Ты нам в Мозыре говорил, что у вас директор очень хорошо относится к новой технике и будет рад, если это делать

на вашем заводе. Почему же во время испытания директор ни разу не подошёл к нам, хотя бы из любопытства?

Мне ничего не оставалось, и я ответил:

– У нас другой директор.

А этот другой директор, Юринов, даже не захотел разговаривать на эту тему. Как только ребята из НИИЖБа уехали, он приказал срезать машину и перетащить на неработающие площади 2-й очереди корпуса. Я оказался в самом дурацком положении. Мне было стыдно смотреть ребятам в глаза. Главный инженер Пенц Владимир Владимирович пообещал, что машина будет установлена на новом месте, и он обязательно сообщит об этом в НИИЖБ. Но этого не случилось. Как мне известно, от этой машины в настоящее время и следа не осталось.

Итак, второй директор. А что же произошло с Игорем Фёдоровичем Виберг? Его сняли с работы. На заводе все были в недоумении. Обычно руководителя освобождают от работы за развал, за неумение организовать работу предприятия. Здесь же ничего подобного нет, завод введён в число действующих предприятий, укомплектован кадрами, притом не плохими. Директор с большим опытом работы по производству железобетона и вряд ли можно найти такому руководителю равноценную замену. Всё это я высказал, когда ко мне зашли приехавшие на завод начальник отдела руководящих кадров «Главтюменьнефтегаз» и заместитель начальника «Запсибнефтьстрой». Они захотели узнать, как секретарь парторганизации относится к тому, что готовится приказ об отстранении Виберга И.Ф. от руководства. Разговор был долгий. Я это называл глупостью. Они сказали, что моя позиция им ясна, и поехали в горком КПСС, даже не зашли к Игорю Фёдоровичу. Они отлично знали, если горком не даст согласие на увольнение, им придётся возвращаться ни с чем. Но, к их великому удивлению, горком согласие дал. Кое у кого в горкоме заблестели

глазки, когда замаячило пустое кресло директора. А ранее, как только вышли от меня эти представители Главка, я зашёл к Вибергу И.Ф.

– Игорь Фёдорович! Ты знаешь с каким огромным камнем за пазухой они приехали сюда?

– Знаю.

– Ну и что теперь?

– А ничего. Пока ещё не видел приказа о моём увольнении, надо кое-какие перестановки на заводе сделать. Да, кстати, подпишу приказ о твоём назначении начальником производственного отдела.

Это был 1987 год. А ещё неделю назад начальник «Запсибнефтестрой» Бурцев по телефону грубо «махровым» матом отчитал Игоря Фёдоровича. Тот даже не стал дослушивать «красноречие» своего начальника, сказав:

– Пошёл ты на ... дурак.

Я в это время был рядом.

– Игорь Фёдорович, он тебе этого не простит.

– Наверное, так и будет.

На завод приехал из Тюмени новый директор Юринов Валерий Михайлович, назначенный приказом по «Главтюменьнефтегазу». Первая оперативка. Мы все ждём, чего же нового скажет нам директор. Разочарованные, мы вышли после совещания, не услышав ничего кроме раздражающего слух шмыганья. Поневоле вспомнили, как по-деловому проводил оперативные совещания Виберг Игорь Фёдорович. Юринов на заводе пробыл не долго, правда успел за это время уволить Сергеева Олега Андреевича, грамотного, с высшим образованием специалиста, начальника ремонтно-механического цеха.

Сергеева Олега Андреевича принимал на работу в январе 1985 года Виберг И. Ф. Он был доволен, что будущим коллективом ремонтно-механического цеха будет руководить специалист высшей категории. Ещё не было РМЦ как цеха, а только опреде-

лено место в главном корпусе, и все внутренние работы предстояло выполнять Олегу Андреевичу с коллективом, который ему и придётся формировать. В беседах Игорь Фёдорович всегда заострял внимание на то, что РМЦ, как только начнет работать, будет завален заказами по самые уши. С такой оснасткой металлообрабатывающего оборудования можно готовить любое нестандартное оборудование. Игорь Фёдорович говорил, что получаемые сейчас металлоформы 81-й серии домов – это временный переходный период. 81-я серия – это прошлое из серии «хрущёвок». Мы будем готовиться выпускать самые новейшие серии домов, чтобы они украшали Качканар, да и не только. Мы будем поставлять новую серию домов всем, кто будет заинтересован иметь у себя такую красоту. Постепенно сами будем готовить металлоформы и лет через 8-10 перейдем на выпуск новой серии домов. «Так что, Олег Андреевич, готовься со своим цехом к большой и интересной работе» – закончил Игорь Фёдорович. Я был при этом разговоре в кабинете начальника РМЦ.

А год спустя, в 1988 году в июльском номере газеты «Качканарский рабочий» в материале «Месяц стрессов и страстей» читаем, как готовится расправа над начальником РМЦ Сергеевым О.А., и как коллектив цеха стеной встал на защиту своего руководителя. Секретарём партбюро в то время был Ольховик Николай Кузьмич, директор – Юринов Валерий Михайлович. Вот выдержка из газеты: «С собрания Николай Кузьмич вышел в подавленном состоянии и не сдержался, мрачно обронил: «Всё, подаю в отставку»». В это же время мы подготовили и отправили коллективное письмо начальнику «Главтюменьнефтегаза» с просьбой: «Верните нам Виберга И.Ф.» Но там посчитали унижительным для них исправлять таким образом свои ошибки. В Тюмени убедились, что Юринов – не специалист и сами его убрали.

Настал час и директором утвердили Савлова Евгения

Сергеевича. Главный инженер – Пенц Владимир Владимирович. Мне казалось, что этот тандем будет работать долго и надёжно. Именно Савлов Е.С. назначил меня главным технологом завода. Я с удовольствием это назначение принял. Совершенствование технологии изготовления и повышение качества ж/б изделий – вот чем придётся заниматься и это как раз то, чем я занимался, работая на старом заводе ЖБИ. Пенц В.В. велит мне съездить в г. Чебоксары посмотреть, что там придумали новое для обрезки стержней. Это была моя последняя деловая командировка. А придумано было вот что. На обыкновенной шлифовальной машинке убирается шлифовальный круг и вместо него закрепляется металлический диск толщиной 3 мм. К этому диску через щётку подводится напряжение от сварочного аппарата. Когда вращающийся диск машинки подводится к стержню, образуется дуга и диск мягко режет металл. Это они назвали плазменной резкой металла. Глядя на это, я вспомнил, что наши умельцы из РМЦ проводили подобные опыты, но почему-то не довели дело до конца и бросили. А в Чебоксарах это всё было оформлено и запатентовано. Я заключил с ними договор о том, что они десять таких переоборудованных машинок изготовят для нашего завода. Договор по приезду я положил на стол директору Савлову Е.С. Сумма в договоре, которую завод должен перечислить, значилась 24 тысячи рублей. Это был декабрь 1990 года. Не знаю, или таких денег не было, но договор с нашей стороны не был подписан.

Евгений Сергеевич много хотел сделать на заводе, но он пришёл к нам уже тяжело больным, и не успел. Когда его не стало, Бурцев лихорадочно стал искать кандидатуру. Приехал Ремблат – заместитель у Бурцева, в Тюмени никого подходящего не нашли.

По рекомендации Котикова Николая Александровича появляется Папава Мурман Григорьевич. Решил попробовать рулить на ЖБИ «Запсибнефтестрой». На вопрос Ремבלата, поче-

му он решил предложить свою кандидатуру на должность директора завода, он сказал:

– Человеком я себя сейчас не чувствую...

Это прозвучало для Ремблата, по-видимому, убедительно, и вскоре был подписан приказ о его назначении. Главный инженер Пенц Владимир Владимирович с десятилетним стажем работы в этой должности посчитал себя обиженным и уволился с завода. Владимир Владимирович был назначен главным инженером, имея за плечами квалификацию горного инженера-электромеханика. Он отлично понимал, что знаний как у главного инженера завода по производству сборного железобетона, у него нет. И правильно решил, что эти знания по технологии бетона и сборного железобетона получит в заводской лаборатории. Он внимательно слушал такие лекции своеобразные от опытного начальника лаборатории Пазухиной Людмилы Петровны. Он был прилежный ученик и через год мог свободно вести переговоры с ведущими специалистами из НИИЖБа на темы, касающиеся производства и повышения качества сборного железобетона.

После ухода главного инженера на завод потянулись бывшие специалисты из КГОКа, оказавшиеся не у дел и ни черта не понимавшие в строительстве и производстве сборного ж/бетона. Один даже уселся в кресло главного инженера, и неудивительно, что Папава М.Г. понял, что это не главный инженер, а пустышка, и вскоре избавился от него.

Бездарное руководство привело завод к банкротству. «Запсибнефтестрой» в этот трудный переходный период рыночных отношений никакой помощи не оказывал. И то, что «Запсибнефтестрой» стал ОАО, ровным счётом заводу ничего не дало. Логического конца избежать не пришлось.

В конечном итоге что же получил город Качканар с созданием завода ЖБИ «Запсибнефтестрой»? Первое – это рабочие места. Около тысячи работающих было на заводе к концу

80-х годов. Второе. На строительство жилья и объектов соцкультбыта «Главтюменьнефтегаз» выделял столько средств, сколько мы сами вместе с трестом «Качканаррудстрой» могли в течение года освоить. За 20 лет было построено и сдано восемь жилых домов общей площадью 29770 м², общежитие «Лена-40», детский сад на 140 мест, стоматологическая поликлиника. Самая хорошая очередь на предоставление жилья была на нашем заводе.

Третье. Впервые в нашем городе появились два новых автобуса «Икарус» – это на нашем заводе ЖБИ. Правда, один автобус вскоре по неосторожности водители умудрились спалить. Как говорится в народе в таких случаях, «надолго собаке блин». Спалили его так, что на другой день скелетные останки автобуса зацепили трактором и уволокли подальше от глаз в кусты. В адрес главного инженера Пенца В.В. из объединения неслись такие угрозы расправы, что он поневоле чувствовал себя как карась на раскалённой сковородке. Он, как мог, старался убедить, что пожар был незначителен и вскоре автобус будет в строю. По договорённости с автотранспортным предприятием г. Свердловска за поставленный им железобетон завод получил старенький «Икарус», который несколько лет исправно служил, заменяя сгоревший и защищая от расправы главного инженера.

Очень жаль, что я не сумел подробно рассказать о работе отдела капитального строительства, руководителем которого являлся заместитель директора Мокеров Виктор Валерьевич. Этот гигантский объём работ вели Воронина Тамара Фёдоровна, Левковская (Глушкова) Наталья Константиновна, Селиванова Ольга Александровна, Иванова Людмила Владимировна, Жукова Любовь Александровна – куратор, Жуков Виктор Иосифович – начальник отдела оборудования.

С большим уважением я относился к Маниной Надежде Ивановне, Тонконоговой Нине Васильевне, Корусь Ольге Викторовне, с которыми вместе работал в производственном отделе

завода.

С приходом Савлова Е.С. директором завода, я убедил его, что моё место в технологах, и с теплотой вспоминаю своих верных помощников Кузнецову Татьяну Олимпиевну, Садрееву Ольгу Николаевну, Жабинскую Валентину Александровну.

Ещё хотелось написать тёплые слова о таких замечательных людях, как невозмутимая всегда улыбающаяся Кузнецова Вера Викторовна, Крылов Николай Александрович – художник, Гужеля Татьяна Владимировна – комсорг, Серёжа Чунин – честнейшей души человек.

И пусть меня простят те, о ком я ничего не написал.

Из высказываний Игоря Фёдоровича:

1. Нам не надо заикливаться на той номенклатуре, которая определена проектом. Осваивать новые прогрессивные изделия, в которых будут заинтересованы ближайшие города и посёлки.
2. Добиваться того, чтобы 30 % нашей продукции вывозилось со складов автотранспортом.
3. Если мы не будем иметь своих ж/д вертушек, нас МПС не сможет обеспечивать порожняком стабильно и ежедневно в необходимом количестве.
4. Иметь свои вертушки, оборудованные инвентарными устройствами фиксации и закрепления груза – вот главная задача, которую надо решать.
5. Если останется эта дурацкая четырёхступенчатая система управления заводом, это будет большой тормоз в работе.

Игорь Фёдорович Виберг, талантливый руководитель, всегда находил правильный путь выхода из любых сложных ситуаций. Он никогда бы не довёл завод до банкротства, как это случилось с ЖБИ «Запсибнефтестрой» в 90-е годы. Это моё личное мнение.

ВЗЯТКА НАТУРОЙ

Есть такой старый анекдот. Останавливается в деревне машина. К ней подходит женщина и обращается к водителю с просьбой помочь вывезти ей из лесу дрова. Обычно водители никогда не отказываются от такого дополнительного приработка-халтурки. Когда дрова были вывезены, женщина игриво предложила:

- Может, я натурой расплачусь с тобой...

- Да нет, - сказал водитель, - под натуру я мешок не взял – давай деньгами.

По аналогии с этим анекдотом мне вспомнилась история, которая приключилась со мной в начале 80-х. Директор командировал меня в город Топки Кемеровской области на цементный завод. На руках у меня – обыкновенный наряд на поставку цемента. Надо сказать, что наряды на поставку фондрованных материалов были с красной или зеленой полосами – от цвета полосы зависела очередность поставки. Наряд же без полосы для поставщиков – ни к чему не обязывающая бумажка. Это я знал, но поехал. На автобусе из Кемерова я прибыл в Топки рано утром. Двери управления завода для удобства толкачей (так тогда называли таких посланцев, как я) были уже открыты. Я вошел. До начала работы управленцев – три часа. Я приготовился ждать. Прошло немного времени. Заходит еще один представитель, жаждущий отгрузить цемент как можно скорее. За три часа ожидания мы с ним не только познакомились, но и обменялись мнениями о перспективах получения столь нужного стройматериала. Он спросил меня:

- Почему с Урала так далеко за цементом приехал? Что у вас там цементных заводов нет?

- Есть, но наряд на получение цемента дали только в Топки. – Я показал наряд.

- А что еще к этому наряду привез?

Я недоуменно посмотрел на него:

- А что еще надо?

Удивляясь моей наивности, он сказал:

- У начальника отдела сбыта на столе лежат квоты нарядов с зеленой и красной полосой. К твоему наряду, как минимум, надо...

Он привычным движением щелкнул замками чемоданчика и открыл его. В чемоданчике палка к палке, как дрова, под самую крышку лежала копченая колбаса. Я уже знал из разговоров, что он из Новосибирска и спросил:

- И что вы каждый раз за цементом ездите с чемоданчиком?

- Да, а что делать: цемент нужен.

- А в Новосибирске цементный завод есть?

- Есть, но он не работает. Никто не идет на это пыльное производство.

Пока разговаривали, время подошло к началу работы управления. Первым пошел к начальнику отдела сбыта мой знакомый с чемоданчиком. Через несколько минут вернулся, с удовольствием потирая руки, и уже без чемоданчика.

- Ну, вот все, завтра будет отгрузка вне всякой очереди.

Зашел к начальнику отдела сбыта и я. Подал наряд. Мой «документ» без полосы нашел место на краю столы, недалеко от мусорной корзины. Сказано мне было очень коротко:

- Подойдет очередь – отгрузим. Все.

Я вышел. Мой знакомый сибиряк ожидал меня:

- Ну как?

- Сказал, отгрузят в порядке очереди.

- Не отгрузят – я тебе гарантирую. Ты видел на столе какие пачки полосатых нарядов? Послушай лучше моего совета, -- он показал на приоткрытую дверь отдела сбыта. – Вон за столом сидит блондинка – это зам. начальника отдела. Пригласи ее в ресторан, проводи до дома. А если еще и..., то цемент тебе будет отгружен этой же ночью. Но я не воспользовался этим советом.

Цемент из Топок мы так и не дождались.

ЗА ПТИЧЬИМ МОЛОКОМ

«Птичье молоко» -эта новинка Свердловского объединения кондитерских фабрик появилась в начале 80-х годов. Такую красочную коробку конфет свободно не купить – только по благу, из-под прилавка. И вот когда перед праздником 8 марта задумались, как будем поздравлять любимых женщин, я предложил подарить каждой женщине в нашем коллективе коробку этих экзотических конфет «Птичье молоко».

Для этого нужно меня послать в Свердловск. Генеральный директор объединения кондитерских фабрик – мой дальний родственник, и я без труда привезу эти 100 коробок этого «молока» - так мне казалось.

7 марта утром мы с водителем Володей Жаровым на трехтонном грузовике по мартовскому бездорожью – прямой дороги «Свердловск-Серов» еще не было – помчались в Свердловск. Прибыли в 2 часа дня, шесть часов в пути. Захожу в приемную генерального директора. Секретаря прошу сказать директору, что в приемной Иванов с Качканара, - и Виктор Алексеевич тут же принял меня. А когда узнал, зачем я пожаловал, удивление его было беспредельным:

- Ну, ты даешь! Ты знаешь, что на этом «Птичьим молоке» помешались все организации Свердловска и его окрестностей! Заявки были сделаны еще месяц назад, и сегодня 7 марта заказчики все здесь, в фирменном магазине, будут отовариваться, согласно списку, который у заведующей магазином. Как же ты додумался в последний день перед праздником приехать с такой идеей?

- Так что же мне на трехтонной машине ехать обратно ни с чем?

- Да нет, что-нибудь придумаем.

И он попросил секретаря позвать начальника отдела сбыта. Когда та зашла, Виктор Алексеевич сказал:

- Сделайте так, чтобы он получил 60 коробок «Птичьего молока».

На лице начальницы появилось выражение недовольства.

Но приказ руководителя надо выполнять, и мы пошли. В фирменном магазине действительно - толпа. Ждут. В 3 часа начнут отовариваться.

Мы подошли к заведующей магазином, и начальница отдела сбыта, показав на меня, сказала:

- Вот этому человеку выдать 60 коробок.

Как та раскудахталась!

- У меня нет лишних ни одной коробки!

- Найдешь! Вот он сейчас встанет в очередь, и тебе придется выдать. Не спорь!

И она ушла.

Я, отстояв очередь, вместо ожидаемого «Птичьего молока» получил в лицо:

- Тебя в списках нет, и получить ты ничего не можешь. Следующий!

Я быстро захожу в отдел сбыта к начальнице, и сразу:

- Вы что издеваться надо мной решили! Мне что, снова начинать с кабинета генерального?

И начальница ринулась в магазин. После недолгой перепалки заведующая швырнула мне картонную коробку, в которой были упакованы 60 коробок «Птичьего молока».

Я расплатился и пошел к машине с чувством выполненного долга. Коробку поставил на сиденье в кабине, рядом с собой, как драгоценный груз, с таким трудом добытый.

В БАНЕ С ПУГОВКИНЫМ

1982 год запомнился тем, что мы с Валерой отправились путешествовать на машине в Крым. С разрешения таких же путешественников из города Сургут мы присоединились к ним. Всего нас было четыре машины. Ехали дикарями, где остановимся, пока не знали. Старшим группы, негласно, конечно, был Геннадий Медведев, наш родственник, с семьёй. Шура – жена Геннадия, она же и моя двоюродная сестра и двое их сыновей, Олег и Стас. Во второй машине ехали молодая пара с шестилетней дочерью. В третьей машине двое молодые муж с женой, которые как только мы прибыли в Крым, от нас отпочковались, уехали в Одессу, взяли путёвки на теплоход и отправились в круиз по Чёрному морю.

Итак, мы с Валерой собрались путешествовать. С собой мы взяли: два спальных мешка, два поролоновых матрасика, две подушки, два одеяла. В багажник уложил мешок картошки, лук, эмалированное ведро, паяльную лампу и таганок, на который ставилось ведро. Роль очага выполняла паяльная лампа.

1982 год был знаменателен ещё тем, что время нашего путешествия совпало с чемпионатом мира по футболу. Ребята из Сургута по такому случаю прихватили с собой переносный телевизор, работающий от аккумулятора автомобиля.

Режим путешествия, если можно так назвать, был выбран такой. Спали в машинах, недалеко от городов или крупных посёлков, главное чтобы наш походный телевизор устойчиво работал, показывая, как проходит чемпионат мира по футболу. В день мы проезжали примерно 800 км. После выбирали место для ночлега, готовили ужин, смотрели футбол и укладывались спать. Часов в шесть утра Геннадий нас будил и мы двигались дальше до первой столовой. Завтракали, продолжали путешествие - и так каждый день.

Через пять суток мы прибыли в Крым. Заехали в Евпаторию, походили, посмотрели, что-то нам не понравилось и мы поехали в Ялту. Из Ялты отправились в сторону Севастополя.

Заезжаем в посёлок Парковое. Остановились. У Геннадия в этом посёлке проживает друг и у подошедшего к нам милиционера он стал о нём расспрашивать, поскольку точного адреса не знал. Милиционер рассказал о том, что друг Геннадия вместе с женой работают на базе отдыха в Понизовке. И мы отправились туда. Это обратно в сторону Ялты. В Понизовке мы нашли кого искали и, к

удивлению, нас приютили на двое суток на базе отдыха.

Обеды возили в термосах из Ялты. В пятницу приезжают отдыхающие и мы обязаны освободить места, что и было сделано. Друг Геннадия

вместе с женой нам предложили на выбор поселиться в их трёхкомнатной квартире

которую они сдают или в садовом домике, который называли дачей. Мы выбрали второе. От дачи до пляжа минут 15 ходьбы. Там на площадке у пляжа стояли машины отдыхающих базы отдыха «Криворожский горняк».

Мы предварительно договорились со сторожем пляжа и поставили свои машины. За это он взял по 10 рублей с машины. Договор со сторожем чисто символический, случись что с машиной - сторож пляжа ни какой ответственности не несёт.

Итак, мы живём на так называемой даче. Две кровати в домике, одна кровать у домика, но над ней есть навес от дождя. В нашей машине ещё была небольшая палатка, мы

её тоже установили. Прошла неделя и нам захотелось помыться. Решили съездить в баню. Куда? В Севастополь. Попутно на исторические места сходим, фотографии сделаем. Сказано – сделано. Всё прошло как было задумано.

Через неделю снова поехали в баню, на этот раз в Ялту. Заходим в баню, ребята берут билеты в сауну. Я спрашиваю Валеру: «Может мы не пойдём в сауну, а просто в баню сходим?». Валера согласился. Мы с Валерой вышли из бани первыми и через несколько минут вышли остальные.

Геннадий подходит к нам и говорит: «Ты угадай, с кем сейчас мы были в сауне? С Михаилом Пуговкиным!» Вот сейчас смотри он выйдет из бани. Через несколько минут, вышедший из бани Михаил Пуговкин, огляделся, увидев недалеко стоявших знакомых по сауне, поднял руку прощаясь, одел тёмные очки и тихо, не привлекая к себе внимание, удалился.

Сейчас настала очередь рассказу Геннадия, о чём вели разговор в сауне. «Первым делом, как только мы увидели, что с нами в сауне находится знаменитый артист, любимец всего народа, стали лихорадочно вспоминать как у него отчество и не могли вспомнить. Стали обращаться просто: Михаил. Тем более обстановка располагала, все голые и народный артист ни чем не отличался от остальных. Михаил Иванович рассказал, что они сейчас снимают очень весёлую комедию «Спортлото 82». Советовал посмотреть. Присутствующие сауне задавали много вопросов. Михаил Иванович охотно отвечал на все, в том числе и пикантные. Вот такая получилась неожиданная встреча.

ДЕТСКИЕ СТРАНИЧКИ

К юбилею школы № 2

Прозвенел звонок веселый
В нашей школе первой,
Разместились новоселы,
Качканарские резервы.

Быстро люди прибывают,
Не прошло и года,
Одной школы не хватает
Для школьного народа.

Посмотрели дяди, тети –
Подрастает детвора,

Нужно срочно на работе
Строить школу номер два.

Чтобы быстро все построить,
В Качканаре мало силы.
Из соседних новостроек
Помощь разом попросили.

Быстро кладку стен вели
Многие бригады,
Штукатуры, маляры,
Их просить не надо.
Чтоб закончить все работы
К сентябрю, не более,
Штукатуры, маляры
Так и спали в школе.

Вот и выстроили школу,
И опять едва – едва
Разместились в этой школе,
В новой школе номер два.

СТИХИ ДЛЯ ДЕТЕЙ

Мы пришли в гости. Я прошел в комнату и увидел на подоконнике стоящую у раскрытой форточки трехлетнюю внучку Ирину. В окно светило яркое апрельское солнце, а из набежавшей тучки вдруг повалил крупными хлопьями снег. Ирина, вытянув руку в форточку, пыталась поймать падающие снежинки. Мне стало интересно наблюдать, а в голове рифмовались нехитрые строчки на увиденную тему. Вот что из этого получилось.

Скоро будет весна

Тёплый солнышка луч
Заглянул к нам в окошко.
"Скоро будет весна", -
Прошептал мне на ушко

Я в открытую форточку
Помахала рукой:
"Здравствуй, милое солнышко,
Зиму ты успокой"

И ко мне на ладошку
Прилетели снежинки.
Я смахнуть не успела -
Превратились в слезинки.

Собрала я все капли
У себя на ладошке
И мне солнышко радостно
Улыбнулось в окошке.

"Потерпи, подожди,
Зиму я разогрею,
Побегут ручейки,
Зажурчат веселее!"

Второй случай был замечен мною в саду № 6. Я подхожу к автобусной остановке, там сидят молодые родители, а девочка лет двух или трех стоит и наблюдает, как резвятся, летая у остановки, две бабочки. Эта кроха с таким восторгом смотрела на бабочек, что мне захотелось понаблюдать. Бабочки полетали и покинули остановку. Девочка проводила их недоумённым взглядом, немного постояла и вдруг, как крыльями, замахала руками. Я вмиг представил, что же творилось в детской головке, и, уже находясь в автобусе, начал сочинять. Чуть позже зашел в редакцию газеты "Руда" и предложил эти два детских стишка. Они были напечатаны.

Бабочка

Мне сказала бабочка:

"Не сиди без дела!"

И я вслед за нею

В поле полетела.

От цветка к цветочку

Летала без забот,

Выбирала разные,

Удивить народ.

Мы устали и с цветами

Сели на поляне,

Были мне подарены

Цветы на сарафане

Я домой вернулась,

Красивая как бабочка,

И мама улыбнулась мне,

И радовалась бабушка.

Про кота Гошу

Гоша летом в саду жил,
Кашу ел, мышей ловил.
Мышей не было пока,
Он поймал бурундука
Как он прыгал и носился
Так и думали, взбесился.
Ночью в лес ходил за птичкой
Дрыхнул днем, лежал у печки
Иногда в саду гулял,
Двери лапой открывал.
Так привык он к жизни этой -
Не заметил, прошло лето
Мы приехали за Гошей,
Стало холодно в саду.
«Гоша, Гоша, где ты бродишь?
Скоро уши отморозишь!»
Мы с трудом поймали Гошу -
Одичал за лето плут.

Мышка-торопыжка

Жила на свете мышка.
Пришла ее пора
Купили мышке книжки
И в первый класс пошла.

Как все она училась,
Но вот одна беда была:
Уж слишком торопилась
Решая то, что задано.

Не успеет мама мышка
Переделать все дела -
В сумку сложены все книжки
И давно гулять ушла.

Задачи плохо решены,
Получит завтра двойку.
Кривые прописи видны,
Ошибки в каждом слове.

Схватила за голову мама:
Мышка плохо учится!
Кто виноват? – спросила прямо
Что из нее получится?

Вот задумались
серьезно
Мама мышка, папа мышь:
Делать что? Пока не поздно,
Чтоб отличник был малыш

Папа-мышь нахмутив брови
Бросил сад и огород,
И серьезно слово молвил:
«Я берусь исправить род!
Посажу тебя я в клетку!
Ну, мышонок, ты шалишь!
Будешь в ней сидеть все лето,
Ни куда не убежишь!»

Лесные фантазии

Мне приснился ночью сон:
Дед Мороз спешит в наш дом,
Но прошел большой он путь
Сел в лесочке отдохнуть.

Тут сбежались к нему звери
С новым годом поздравлять,
Дед Мороз на пень присел,
Стал подарки раздавать.

Зайке выдал он морковку,
Белочке - орехов горсть.
Не забыл и про лосенка -
Дал ему он сена воз.

Прилетевшим снегирям
Дал немного зернышек:
«Клюйте, птички, зернышко
Пока нету солнышка»

Птицы стаями летали,
Звери встали в хоровод,
Были сыты и здоровы
От подарков в новый год.

Безучастным и холодным,
Ни на что не тратя сил,

Снеговик стоял в сторонке -
Нечего он не просил

Новый год

Новый год! Новый год!
Мне прибавилось забот:
Прокатиться надо с горки,
В школе приз забрать у ёлки,
Всех поздравить и обнять
И подарочки принять.
Не проспала утром я -
Разбудил будильник звонкий.
Надо срочно съездить в ЗАГС
И поздравить там сестренку.
Дед Мороз велит нам всем
Быть счастливым и нарядным,
И от встречи в новый год

Чтобы всем было приятно.
Да поздравить, не забыть
Дедушку и бабушку.
Встретят радостно меня
С новым годом ладушка!

Поиграем в магазин

Внучка к нам пришла сегодня!
Словно солнышко взошло!
Будто праздник новогодний
К нам досрочно в дом пришел!

Бабушке лечила зубы:
Нам не надо докторов.
Справку выписала деду,
Написала, что здоров.

На большом в столе в квартире
Нам открыла магазин,
Все что надо там купили,
Даже деду «лимузин»
Поиграла с нами в прятки,
Дед искал - и не нашел.
Почесал затылок, пятки -
И стихи писать пошел

Веселые частушки

Ты играй, играй гармошка -
Золотые голоса,
Подрасту еще немножко
Буду петь я и плясать.

На работу едем к маме:
Поработать я хочу.

Посмотрела на чумазах -
Лучше в школе поучусь.

Летом в баню приглашала
Всех соседей по садам,
Только веник приносите -
Своего я вам не дам

Посмотрела я на деда
У него живот висит.
«Ты так много пообедал?
Иль ребеночек сидит?»

На кровати я скакала -
И сломалась кровать.
Ночью деда спать ложился -
Провалился, не видать.

В мотоблоке едем к саду,
Иль пешочком налегке,
А теперь у нас машина -
Будем ездить на «ОКЕ»

Вот опять пришла весна,
Все кругом поплыло.
Надо много каши есть
Чтоб меня не смыло.

Сапоги на каблуках
Подарили дружно.
Как же буду (вот так раз)
Бегать я по лужам?

Мы с моей подружкой Юлькой
Целый день на качелях.
Замерзли как сосульки
Еле в ванной отогрелись.

Нам телефон поставили,
Настоящий, я не вру!
Утром я сама звонила
Телепузикам в Москву.

У соседа крышу сняли
Дом стоит как обормот.
Крышу жулики продали
Матерится садовод.

Мне купила куртку мама,
Есть замок и два кармана,
Есть башлык, и даже бирка.
Поношу, и будут дырки

Хорошо кататься с горки
С ветерком, вниз головой,
Только бабушка замерзла,
Тащит за башлык домой.
Я в дубленке прямо с горки
Прокатилась без саней.
Поднялась и удивилась
Сколько дырочек на ней

В нашем доме был пожар -
Все туда бежали.
Я увидела огонь -
Коленки задрожали

Дед Мороз и модница

Закончив праздник новогодний,
Решил проверить Дед Мороз.
А в чем же дети в школу ходят?
Куда в мороз свой прячут нос?
Идет по улице и смотрит:

Девчонка в летних сапогах
Как козочка шагает бодро
И Дед Мороз воскликнул: «Ах!
Ах! непослушная девчонка!
Ты что не знаешь зимних правил?»
- Сказал сердито Дед Мороз,
Пошёл и холода добавил.

Снежинки

Тучка белая, тучка белая,
Для снежинок хороший дом.
Покидаем дом, опускаемся
До весны на земле отдохнём.
Усталые и холодные,
Лежим на полях пока.
Пригреет весеннее солнце
И мы улетим в облака.

Весна в лесу

После долгой зимней спячки
Просыпаются зверята.
И не надо им раскачки
Поскорей бежать хотят.
Будят маму медвежата,
Лежебока хватит спать
Звери вышли на лужайку
И нам хочется гулять.
Пока мама медвежат
Не проверит что и как
Ты хоть Миша, царь зверей,
Но будь подальше от людей
Попадёшь когда им в руки
Не придётся долго спать

И от скуки буги-вуги,
Будешь в цирке танцевать
Хитрые лисята,
Вышли из норы
Ушки наострили:
«Мама, посмотри:
Что-то там шевелится!
Нам бежать в нору?»
Всё лиса проверила
Боясь за детвору.

Белка смотрит в небо ясное
Не парит над нею ястреб?
Но, услышав лайки писк,
Шишку бросила ей в низ.
«Уходи из леса вон,
Стереги хозяйский дом.
Не мешай смотреть нам в дали

Мы долго солнца не видали.
Чтоб нашу Родину Россию
Не потревожил супостат,
Он любит спорт, он копит силы,
Кирюшка – будущий солдат.

ПЕТУХ

Кто-то сказал про куриные мозги, что у них одна извилина и та прямая. Если это так, то у нашего петуха таких извилин было две и не меньше.

Он был очень красивый голосистый петух. Важно вышагивал по ограде среди кур с высоко поднятой головой, как бы показывая, смотрите, каков я. Вытягивал шею, хлопал крыльями, выдавал свою петушину песню и слушал ответные крики соседских петухов.

Однажды моему младшему брату Николаю пришла в голову озорная мысль повторить то, что пропел петух. Надел ватную куртку и шапку, лег в кормушку пригона, чтобы его не было видно, и как только петух пропел, он в точности его передразнил.

Петух встрепнулся, вытянул шею, повертел головой. Что такое? Кто посмел петь петушине песни на его территории, кроме него. Надо нахала проучить. Приняв боевой вид, петух направился в пригон. Там никого нет. Николай тихо лежал в кормушке. Петух решил проверить, один ли он здесь. Громко пропел. Николай повторил.

Когда петух понял, где находится его соперник, быстро взлетел в кормушку, вцепился когтями в куртку Николая, стал его долбить клювом и ударять крыльями так, что Николаю пришлось бегом удирать домой от разъяренного петуха. Петух преследовал его до самого крыльца.

Первая победа – враг бежал, - так, видимо, думал петух, возвращаясь к своим курам. Николай решил продолжить свою забаву. Но теперь петух находил его сразу и набрасывался еще ожесточеннее.

Петух заважничал, он хозяином ходил по всей ограде и набрасывался на всех, кто к нам заходил. Даже наш старый пес Ункас чувствовал себя неуютно, когда петух был дома. Он просто не вылезал из конуры. Однажды даже набросился на мать, вышедшую из дома.

- Но, но, - крикнула она ему. – Я ведь сейчас возьму топор и быстро тебе башку отрублю.

Петух остановился, прислушался к угрозе и, по-видимому, понял – не стал больше на хозяйку кидаться.

Но все, кто к нам заходил, испытали на себе железную хватку петуха и в дальнейшем побаивались его. Прежде, чем открыть калитку, громко кричали:

- Тетя Тоня, петух дома?

БЕЛКА

Ее поймали отец с матерью, когда по глубокому рыхлому снегу в лесу пробирались, чтобы найти и спилить сухое дерево на дрова. Увидели между деревьями в снегу неуклюже барахтающуюся белку.

Белка, видимо, перепрыгивая на другое дерево, не долетела и плюхнулась в снег. Отец без всякого труда накрыл ее шапкой и так в шапке принес домой. Естественно, голову отцу мать замотала шарфом.

Как только белку отпустили в комнате, она оказалась на ветвях огромного фикуса, который стоял в деревянной кадучке и вырос почти до потолка. И тут мы обратили внимание на нашего кота Ваську. Он сидел на печи с прижатыми ушами, готовый к прыжку. У него сработал охотничий инстинкт.

Погрозили ему пальцем:

-Васька, не смей!

Дальше решили накормить белку. Напомню, год был 1953-й, очень урожайный на кедровые орехи. В деревне в том году почти в каждом доме были запасы орехов. Было несколько мешков и у нас в чулане. Принесли горсть орехов, высыпали на

стол и стали наблюдать.

Белку приглашать не надо. Она тут же уселась рядом с орехами и с такой быстротой стала расправляться, что, хочешь не хочешь, вспомнишь Пушкина:

Белка песенки поет
И орешки все грызет,
А орешки не простые,
Все скорлупки золотые,
Ядра – чистый изумруд.

Закончив трапезу, белка покинула стол, на котором осталось несколько нетронутых орехов. На наше удивление, все нетронутые орехи оказались пустыми. Как она это определила, осталось загадкой. Белка к нам быстро привыкла: никого не боялась и свободно брала еду из рук. А ела она все, что давали: и хлеб, и овощи. Мы не стали ей делать клетку, когда увидели, что она за портретной рамкой, наклонно висящей на стене, соорудила себе убежище, натаскав туда бумаги каких-то тряпок. Единственно, кого мы опасались, так кота Ваську. Постоянно напоминали ему:

- Васька, не смей!

Да и белка, наевшись, всегда скрывалась, не мозолила коту глаза. Воду для белки мы оставляли в чашке на столе, а отходы мы не видели, видимо, она их зарывала в землю у фикуса.

К нам в дом приходили ребяташки со всей деревни, посмотреть на такую ручную белку. Такая идиллия продолжалась недели три. Зря мы думали, что кот Васька тоже полюбил нашу белку.

Однажды, когда дома никого не было, произошла схватка. Силы были неравные. Белка была помята и с оторванным хвостом. А Васька, как только открыли дверь, с виноватым видом выскочил на улицу. Инстинкт охотника у Васьки оказался выше наших «Не смей!»

МЕСТЬ КОЗЛА

Мой младший брат Коля в детстве научил петуха кидаться на людей, да так, что его боялись сильнее собаки. Но прошли годы, и Коля, закончив службу на Черноморском флоте, вернулся домой. Морская служба приучила его крепко стоять на ногах.

С утра он тщательно утюжил стрелки на клешах. Готовился сходить на свидание. Девушка жила на татарском поселке, туда и держал путь Коля. Аккуратно обходил многочисленные уличные лужи и не торопясь двигался к заветному дому. И вдруг услышал громкий тревожный детский крик. Впереди увидел, что к воротам одного из домов огромный козел рогами прижал мальчишку. Коля подбежал, схватил козла за рога и, чтобы впредь неповадно было, стал пинать козла, держа его крепко за рога.

Закончив процедуру наказания, Коля решил, что козел теперь уйдет домой и долго будет помнить, что можно, а что нельзя делать. Отряхнув руки и брюки, Коля твердой походкой продолжил путь. Но козел думал о другом.

Как только Колины руки отпустили его рога, он не бросился стремглав по улице, а постоял немного, подумал, тряхнул головой, разбежался и так ударил Колю в зад, что тот не устоял и плюхнулся на четвереньки у грязной дорожной лужи. Не помогла и морская привычка крепко стоять на ногах.

Поднимаясь, он оглянулся на этого козла, а тот, гордый, с высоко поднятой головой, с чувством исполненного долга медленно вышагивал вдоль улицы.

Коле вместо свидания пришлось возвращаться домой. «Ну, козел, -сокрушался Коля, испортил мне весь вечер».

Это был май 1969 года.

ПРЕМУДРЫЙ КОТ

О, это был особый кот по кличке Лёва. Его привезли из Качканара в деревню взамен неизвестно куда исчезнувшего кота Васьки. Не знаю, кто его этому учил, но молодой кот Лёва имел свои привычки и правила.

Ему очень понравилось в деревне, особенно то, что два раза в сутки он получал полную черепушку парного молока. Услыхав звук пустого подойника, который брала в руки бабушка, отправляясь доить корову, Лева всегда сопровождал ее до пригона и терпеливо дожидался окончания дойки.

Вслед за бабушкой возвращался на кухню к своей черепушке. Как только наливалось молоко, Лева усаживался возле нее поудобнее, опускал лапу в молоко и начинал ее облизывать. Так раз за разом, повторяя эту процедуру, он вычерпывал все молоко.

Однажды Анюта, внучка бабушки, увидев такую картинку, с изумлением в восторге закричала:

— Смотрите! Смотрите! Лёва молоко лапой хлебает!

Кто кота этому научил, или он сам додумался, неизвестно. Обычно маленьких котят, чтобы научить лакать молоко, тычут мордочкой в блюдце — и этого бывает достаточно, чтобы котенок понял, чего от него хотят.

Мышей в деревне было много, и Лёва свою обязанность по их отлову исполнял добросовестно. Он не только их уничтожал, но и как бы отчитывался за проделанную работу. Каждое утро в ограде, на самом видном месте, находили лежащих рядком мышей — результат Левиной охоты. Их убирали, а на следующее утро опять находили Левин отчет за проделанную работу. Много разных котов в деревне было, но такой грамотей попался впервые.

ОГЛАВЛЕНИЕ

О книге Иванова	2
-----------------	---

МАЛАЯ РОДИНА

Корни	4
Бандиты	21
Приметы времени	28
Мои университеты	43
Пилигримовы	60
Я помню	68
Антон и Катерина	75
Все на покос	80
Елизавета	88
Всё о друге	93
Новая родня	98
Тёмные силы	102
Танцы под гармошку	107
Пароль	110
Как я остановил драгу	113
Послесловие	115
Мобилизованный на работу	117
Молодость	134
Исповедь курильщика	138
Три года армейских будней	141
На Качканар	163
Медведи	167
Рабочие будни	169
Витька	174
Будни арматурного	177
Земляки	187
Школьные годы	236
Старая Ляля	260

ЛЮДИ – ЛЕГЕНДЫ КАЧКАНАРА

Наш Карлюк	273
Легендарный Кандель	276
Клавдия Павловна	279
Раствор – хлеб стройки	282
На растворе	283
Несостоявшаяся встреча	284
Директор необыкновенный	286
Жизнь, прожитая не по лжи	288
Виктор Михайлович	291
Человек влюблённый в Качканар	293
Эмилия	295
Лидия Павловна	298
Старые фотографии	306

КАЧКАНАРСКАЯ МОЗАИКА

С любовью к самодеятельности	309
Памятные места Качканара	310
Качканарская ШРМ	312
Улица Качканарская	314
Качканар и экология	316
Лотерейные легенды Качканара	320
Память о качканарской Мальвине	322
С лёгким паром по качканарски	324
Военные игрушки для мальчишек	326
Банкомат 60-х	328
Девками только до Свердловска	330
Незабываемое	332
Няньки и другие мелочи жизни	336
Там, на шахте угольной	344
В Гари	346
Черная «Волга»	352

Размышления	354
Артемовские были	359
ЖБИ ЗСНС	377
Взятка натурой	415
За птичьим молоком	417
В бане с Пуговкиным	419
К юбилею школы № 2	422
Стихи для детей	423
Скоро будет весна	423
Бабочка	424
Про кота Гошу	425
Мышка торопыжка	425
Лесные фантазии	426
Новый год	427
Поиграем в магазин	428
Веселые частушки	428
Дед Мороз и модница	430
Снежинки	431
Весна в лесу	431

ЗВЕРЬЁ НАШЕ

Петух	433
Белка	434
Мечь козла	436
Премудрый кот	437

ИЗГОТОВЛЕНО:

г. Качканар ООО «Скиф», 2014 г.

